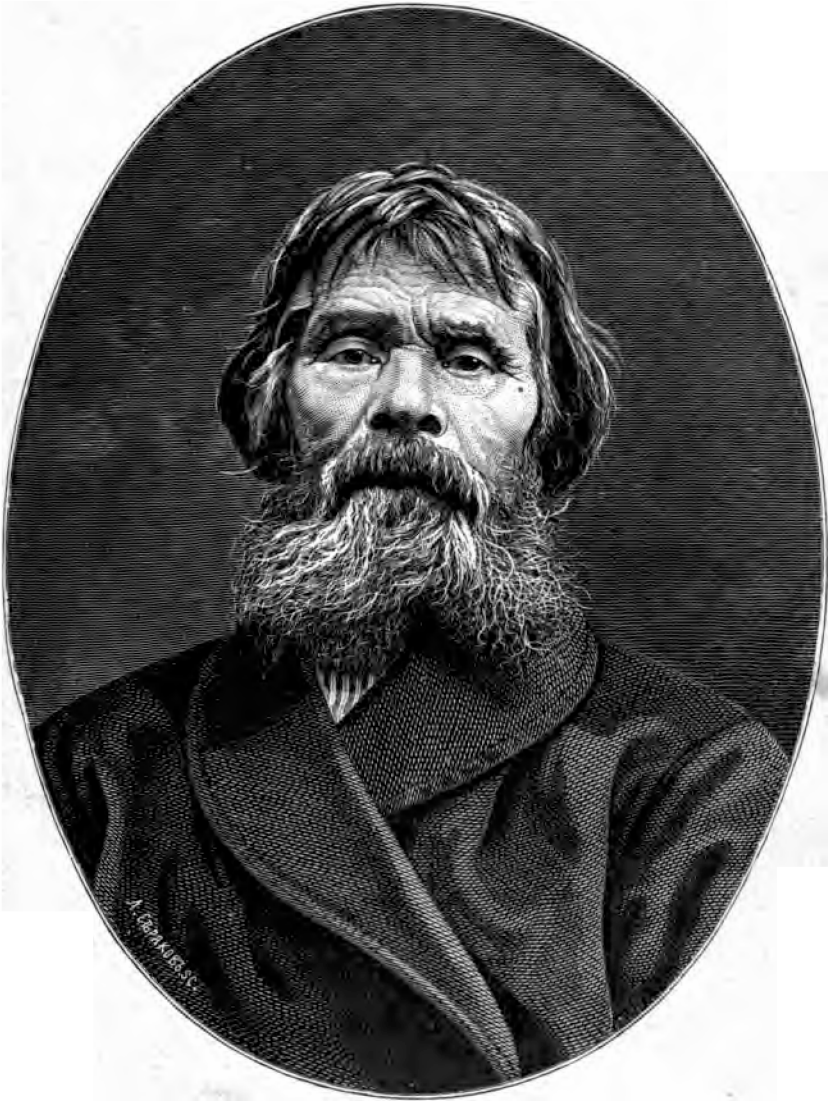

КНИГА БЫЛИНЪ.

Трофимъ Григорьевичъ
РЯБИНИНЪ.

КНИГА БЫЛИНЪ.

СВОДЪ ИЗБРАННЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ

РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

Составилъ В. П. Авенариусъ.

Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы Л. А. Сѣрякова и рисунками
А. В. Прохорова, Н. Н. Каразина и В. В. Спасскаго.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

ПЕЧАТАННОЕ СО ВТОРОГО БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

ОДОБРЕНО Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для наградъ учащимся.

ВНЕСЕНО въ каталогъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

РЕКОМЕНДОВАНО Учебнымъ Комитетомъ Собств. Е. И. В. Канцелярiи по учрежденiямъ Императрицы Марiи учебнымъ и воспитательнымъ заведенiямъ, какъ классное пособiе, и для подарковъ.

Дозволено цензурою. Москва, 10 ноября 1901 г.

МОСКВА.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская улица, соб. домъ.
1902.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введеніе къ былинамъ	vii

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ.

I. Вольга Всеславьевичъ (съ картинкой)	3
II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра	13
III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична	25
IV. Алеша Поповичъ (съ карт.)	30
V. Первый бой Добрыни Никитича съ змѣемъ Горынчищемъ	40
VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ (съ карт.)	46
VII. Ставѣръ Годиновичъ и Василиса Микулична	54
VIII. Соловей Будиміровичъ (съ карт.)	67
IX. Исцѣленіе Ильи Муромца	78
X. Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ (съ карт.)	85
XI. Микюла Селяниновичъ (съ карт.)	102
XII. Святогоръ	112
XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична	116
XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ (съ карт.)	121
XV. Илья Муромецъ и Идолище	127
XVI. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ	135
XVII. Илья Муромецъ и Калинь царь (съ карт.)	145
XVIII. Чурила Плѣнковичъ (съ карт.)	164
XIX. Дюкъ Степановичъ	173
XX. Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ (съ карт.)	196
XXI. Михайло Потыкъ	209
XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ (съ карт.)	218
XXIII. Три поѣздочки Ильи Муромца (съ карт.)	230
XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руси	239

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

I. Молодость Василя Буслаева (съ карт.)	245
II. Смерть Василя Буслаева	259
III. Садко дѣлается богатымъ гостемъ	267
IV. Садко въ Поддонномъ царствѣ (съ карт.)	274

БЫЛИНЫ МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ и ПЕТРОВСКІЯ.

	<i>Стр.</i>
I. Взятіе Казани Грознымъ царемъ	285
II. Оговоръ царевича передъ Грознымъ (съ карт.)	287
III. Ермакъ, покоритель Сибири	293
IV. Царевичъ Димитрій и Борисъ Годуновъ	298
V. Гряшка Отрепьевъ и Марина Мнишекъ	299
VI. Смерть Стеньки Разина	303
VII. Азовъ	305
VIII. Плачь войска по Петръ	307

БЫЛИНЫ БЕЗЫМЕННЫЯ.

I. О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ	311
II. Татарскій полонъ	315
III. О Горюшкѣ (съ карт.)	317
IV. „Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ море...“	319
Примѣчаніе къ былинамъ	III
Алфавитный указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и не- обычныхъ словъ, встречающихся въ былинахъ	XXXI
Отзывъ печати о „Книгѣ былинъ“	XLII

ВВЕДЕНИЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенецъ, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ нянюшкиныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенокъ, начинаетъ безъ-умолку лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связной рѣчи и музыкальныхъ звуковъ. Точно такъ же и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь къ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность—все свое фантастическое міросозерцаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественныхъ дѣятелей облечь въ замысловатый рассказъ, который, за отсутствіемъ или малою распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной поэзіи — безъ *рапсода* (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсень, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безыскусственнаго струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіе столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлкѣ: умѣлый рапсодъ твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ

довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно поглядывать по сторонамъ, — смѣтливый рассказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ сократить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣвающее скуку, при чемъ съ художническимъ чутьемъ наложитъ на всю картину, смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать то же впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неуклюжій стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняются другимъ выраженіемъ и стихомъ; если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благопріятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворятъ, наконецъ, и самого повѣствователя и его слушателей. Тѣмъ не менѣе *ядро* народнаго сказанія, т.-е. его основное содержаніе и наиболѣе удачные обороты, сохраняется вѣками: въ вариантахъ эпическихъ пѣсенъ, записанныхъ, напр., въ наше время въ Нижегородской губерніи, дословно повторяются цѣлыя фразы вариантовъ тѣхъ же пѣсенъ, записанныхъ 100 лѣтъ назадъ въ Сибири и 200 лѣтъ назадъ въ Москвѣ. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общою идеей, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало-по-малу, какъ бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной рассказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ народная эпопея есть опозитивированная *исторія* народа, рассказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—отдѣльныхъ рпсодій, носящихъ у насъ названіе *былинъ* (рассказъ о *быломъ*), а также *старинъ* (рассказъ о *старинѣ*) или просто «пѣсень» *). Но по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей былины могутъ быть раздѣлены на нѣсколько главныхъ группъ, или

---

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былевого творчества стоитъ народное произведеніе XII вѣка—„Слово о Полку Игоревѣ“, которое, рассказанное устами современника, хотя и отличается задушевною непосредственностью, образностью и нѣкоторымъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основнаго условія пѣсни—болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго размѣра.

«цикловъ»: 1) древнѣйшій циклъ—о полумифическихъ герояхъ до - владимірской эпохи, такъ называемыхъ *старшихъ* богатыряхъ, 2) *киевскій*, или *владиміровъ*, циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *мошквовско-петровскій* и 5) *казацкій*.

Былины о «старшихъ» богатыряхъ, относительно происхожденія которыхъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей еще расходятся (см. прим. 3 въ концѣ книги), стоятъ по содержанию своему близко къ слѣдующему затѣмъ былевому кругу—о «младшихъ», владиміровыхъ богатыряхъ: одинъ изъ «старшихъ» богатырей, *Сухманъ*, даже прямо находится при князѣ Владимірѣ; двое, *Святоторъ* и *Самсонъ*, попадаютъ (въ двухъ разныхъ былинахъ) киевскому богатырю Ильѣ Муромцу, который оказывается притомъ крестникомъ Самсона; двѣ дѣвочки четвертаго старшаго богатыря, *Микулы Селяниновича* (Василиса и Настасья Микуличны), состоятъ въ замужествѣ за двумя киевскими богатырями (Ставромъ Годиновичемъ и Добрынею Никитичемъ). Такимъ образомъ былины о «старшихъ» богатыряхъ если нѣсколько и предшествуютъ «владимірову» циклу, то находятся съ нимъ въ непосредственной связи какъ лицами, такъ и мѣстомъ дѣйствія (въ древней киевской Руси); поэтому онѣ могутъ быть рассматриваемы и какъ часть киевскаго эпоса.

Кругъ былинъ, относящихся собственно къ *киевскому* эпосу, изъ всѣхъ былевыхъ цикловъ наиболѣе обширенъ и замѣчательнъ. Всѣ былины этого круга имѣютъ своимъ предметомъ «князя-солнышка», «ласковаго Владиміра стольно-киевского», т.-е. *Владиміра Святого* (980—1014 гг.), съ его богатырскою дружиной. Князь-солнышко—центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система—богатыри и богатырицы, сверкающіе однако не только заимствуемымъ отъ центральнаго солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху мірозданія и небесные спутники нашего дневного свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская «гридня», подобно римскому форуму,—свѣтовой фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи ея: подъ звонъ «полуторапудовыхъ» чашъ, подъ звуки «яровчатыхъ» гуслей здѣсь сливки древне-киевского общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздъ, сватаются, интригуютъ, ссорятся, мирятся, замышляютъ богатырскіе вы-

ѣады противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой «заставѣ».

Что Владиміръ Святой съ его богатырскою дружиной сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса, объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя «краснымъ солнышкомъ» разсѣявшаго лежавшій дотолѣ надъ Русью мракъ язычества и кочевой неурядицы, было дѣйствительно самою свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долголѣтняго гнета азіатскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ «князя-солнышка» долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ—Дмитрія Донскаго, Ермака—безсознательно приурочивались новѣйшими рапсодами все къ тому же «солнечному» вѣку.

Былины *новгородскаго* круга воспѣваютъ героевъ Новгорода начала XII вѣка, т.-е. того именно цвѣтушаго періода его, когда онъ служилъ центромъ торговаго движенія сѣверной Руси. Герои эти уже не богатыри въ полномъ смыслѣ слова, ратоборствующие за отчизну, за вѣру, «за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей»; это, вѣрнѣе, *удальцы*, совершающіе подвиги не для блага другихъ, а просто ради удалства или для личной своей пользы. Но удалство ихъ все же развертывается такъ широко, описывается такъ своеобразно и ярко, что возсоздаетъ передъ нами живую картину древнаго Новгорода и возбуждаетъ въ насъ невольное сочувствіе къ самимъ удалцамъ. Удальцы эти двоякаго рода: вольница и купцы. Въ «славномъ Великомъ Новѣ-городѣ», кромѣ русскаго и иноземнаго купечества, совершенно естественно стекался также массаи всякій безпріютный людъ. Людъ этотъ, не имѣвшій иного достоянія, какъ развѣ свою кипучую молодость и беззавѣтную отвагу, помышлялъ лишь объ одномъ: гдѣ бы выказать свою удаль и гдѣ бы пожить на чужой счетъ. Нуженъ былъ только ловкій человекъ, чтобы сплотить эту вольницу около себя въ непреоборимо-сильную дружину. И вотъ является такой ловкій человекъ—*Василій Буслаевъ*, который, кромѣ удали и тѣлесной силы, обладаетъ еще и другими цѣнными качествами: денежными средствами, именитымъ родствомъ и недожиннымъ для того времени образованіемъ (умѣеть читать, писать, пѣть по-церковному). Неудивительно, что ему съ его молодецкой дружиной удастся сдѣлаться грозой цѣлаго Новгорода, а затѣмъ попасть и въ

народную пѣсню. Рядомъ съ героемъ вольницы однако выдвигается своего рода богатырь и изъ совершенно противоположнаго лагеря — изъ богатаго, степеннаго купечества. И Василій Буслаевъ воюеть уже не мечомъ или копьемъ, какъ доблестные богатыри кievскіе, а простонапросто дубиною (червлѣнымъ вязомъ) или осью телѣжною; *Садко* же, богатырь купеческій, борется хоть и не дубьёмъ, да рублемъ, выкупая весь Новгородъ. И у него, какъ у тѣхъ, своя богатырская дружина, но дружина эта—община торговая, необходимая ему, какъ охранная стража при его кочевомъ, небезопасномъ и полномъ приключеній образѣ жизни *торговаго юстя*. Былинъ о Васи́лїи Буслаевѣ и Садкѣ-купцѣ записано нѣсколько десятковъ; но всѣ онѣ могутъ быть сведены къ 4 - мь отдѣльнымъ пѣснямъ: по двѣ на каждаго удальца. Кромѣ Васи́лїя Буслаева и Садки-купца, въ новгородскихъ былинахъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ еще только *юсть Терентьище*; но былина о послѣднемъ—шуточная и описываетъ случай изъ будничной жизни новгородскихъ купцовъ.

Въ числѣ былинъ изъ до-татарскаго періода, стоящихъ внѣ кievскаго и новгородскаго круговъ, можно упомянуть здѣсь развѣ только про былинѣ о *Суровцѣ-Суздальцѣ* (родомъ изъ *Суздаля*, торгуетъ же по *Сурожскому*, или Азовскому, морю); но былина эта, описывающая борьбу Суровца-Суздальца съ татарскимъ царемъ Кумбаломъ или Курбаномъ Курбановичемъ, въ литературномъ отношеніи не имѣетъ интереса.

Татарщина, обрушившаяся на Русь въ началѣ XIII вѣка, такимъ тяжелымъ гнетомъ легла на грудь русскаго народа, что надолго, на цѣлые вѣка, заглушила въ ней вольную пѣсню. Только изъ удѣльнаго періода дошло до насъ нѣсколько слабыхъ попытокъ въ эпическомъ родѣ. Но эти такъ называемыя *княжескія* пѣсни, по своей малочисленности и разрозненности, едва ли могутъ почитаться даже особымъ цикломъ, а по содержанию и складу своему настолько безцвѣтны, что не останавливаютъ вниманія.

Только съ середины XVI вѣка народное творчество нашло себѣ опять въ лицѣ *Ивана Васильевича Грознаго* (1533—1584 гг.) героя, стоящаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по уму и силѣ характера головою выше всѣхъ окружающихъ. Здѣсь описываемыя событія по большей части идутъ уже рядомъ съ историческими фактами, и потому былины этого круга, *московско-*

петровскія, какъ и примыкающія къ нимъ *казацкія*, могутъ быть названы также *историческими* пѣснями. Но пѣсни эти и по духу и по формѣ своей уже значительно разнятся отъ пѣсенъ древней Руси—кіевскихъ и новгородскихъ. Тамъ, при могучихъ фантастическихъ образахъ, разсказъ течетъ величаво-спокойно, разливаясь нерѣдко весьма широко и какъ бы даже щеголяя частыми повтореніями. Въ московскихъ былинахъ эта основная черта эпической поэзіи почти отсутствуетъ; здѣсь общій характеръ—краткость изложенія, быстрота и драматизмъ дѣйствія, а затѣмъ и задушевная, элегическая нота, которая чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ звучитъ громче. Въ то же время все чаще попадаются *книжныя* выраженія, повторяющія языкъ московскихъ лѣтописей.

Послѣ Грознаго сила былевой пѣсни опять ослабѣваетъ. Наиболѣе выдающіяся личности, наиболѣе памятные моменты допетровской Руси, правда, находятъ еще отголосокъ въ пѣснѣ: помнятъся въ ней царевичъ *Димитрій Угличскій* и *Борисъ Годуновъ*, *Гришка Отрепѣвъ* и *Тушинскій воръ*, *Гришка Скопинъ*, *Василій Шуйскій* и *Прокопъ Ляпуновъ*, *Козьма Мининъ* и *князь Пожарскій*. Но истинно поэтической элементъ проявляется уже только урывками.

Съ воцареніемъ *Петра I* народное вдохновеніе какъ бы на время окрыляется. Энергическій, строгій образъ великаго преобразователя, какъ и нѣкоторыя частности изъ его государственной и семейной жизни, живо воскрешаетъ въ памяти народной незабытаго еще вполне въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ Грознаго. Для прославленія взятія Азова оказывается уже готовый матеріалъ въ былинѣ о взятіи Казани; расправа со стрѣльцами напоминаетъ знакомую старую пѣсню о томъ, какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ «выводилъ измѣну изъ Москвы»; заключенная въ монастырь царица повторяетъ жалобу другой царственной схимницы; преданное войско плачетъ по умершемъ царѣ и тамъ, и здѣсь. Кромѣ указанныхъ темъ, «петровскія» пѣсни слагались и по поводу шведскихъ походовъ и волненія донцовъ, при чемъ дѣйствующими лицами являются *Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ*, князя *Долморуки*, *Семенъ Палій* и *Иванъ Краснощеконъ*, донцы *Флоръ Миняевичъ*, *Сенька Маноцкій* и *Некрасонъ*, *шведскій король*, *Мазена*, *Шлиппенбахъ* и *Лёвенаунтъ*. Не говоря однако-жъ уже и о томъ, что о наиболѣе прославившихъ царствованіе Петра внутреннихъ ре-

формах народное творчество вполне умалчиваетъ (единственный намекъ на государственныя мѣропріятія Петра встрѣчается въ пѣснѣ о *Ладожскомъ каналѣ*), и въ излюбленныхъ этимъ творчествомъ темахъ полетъ его еще ниже, чѣмъ въ пѣсняхъ о Грозномъ. Тѣ изъ «петровскихъ» былинь, гдѣ преобладаетъ элементъ элегическій и лирическій, придающій имъ извѣстную образность и звучность, составляютъ уже переходъ къ народнымъ пѣснямъ семейнымъ и разгульнымъ; другія же, передающія въ болѣе или менѣе сухихъ, отрывочныхъ чертахъ голые факты, отзываются простыми реляціями.

Со смертью Петра умолкаетъ навсегда и настоящая былевая пѣсня. Солдатскія пѣсни, слагавшіяся еще послѣ того и въ царствованіе Екатерины II, и въ 1812 году, и въ наше время, имѣютъ съ былевою поэзіей одно только общее: что приурочиваются къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ; но лишены уже всякаго литературнаго значенія.

Параллельно съ былинами *московско-петровскаго* цикла возникали былины *казацкія*, воспѣвающія героевъ *казачества*: *Ермака*, *Стеньку Разина* и другихъ. Судьба этихъ героев и въ самыхъ былинахъ находится въ такой тѣсной зависимости отъ царей московскихъ, что былины о нихъ составляютъ только необходимое дополненіе къ общей картинѣ былевой Москвы. И здѣсь чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе плавно и спокойно течетъ стихотворный рассказъ, прерываемый личными изліяніями пѣвца. Богатыри-казаки, покорившіе царство Сибирское, мельчаютъ и обращаются въ разгульныхъ бродягъ, въ разбойничковъ-«затюремщикковъ»; стройная былина переходитъ въ простую удалую пѣсню.

Кромѣ перечисленныхъ разрядовъ былинь, можно различить еще одинъ: разрядъ былинь *безыменныхъ*, или *молодецкихъ*. Сложенныя въ свое время объ опредѣленномъ лицѣ, былины эти, благодаря своему преимущественно пѣвучему складу и лирическому характеру, не успѣли еще разложиться въ побывальщину или прозаическую сказку, но съ теченіемъ времени утратили уже имя воспѣваемаго лица, и потому не могутъ быть прямо отнесены къ тому или другому былевому кругу. Онѣ служатъ какъ бы послѣднею ступеню отъ настоящихъ былинь къ обыкновеннымъ народнымъ пѣснямъ.

Первымъ собирателемъ нашихъ народныхъ былинь былъ англичанинъ *Ричардъ Джемсъ*, въ рукопись котораго, начинаю-

щуюся съ 1619 года со «ста двадцать седьмаго года осмой тысячи», вошли однѣ былины московскія. Только въ началѣ слѣдующаго XVII вѣка *Кириешю Даниловымъ* (вѣроятно, казакъ сибирскій) были записаны и наиболѣе извѣстныя былины кievскія и новгородскія, которыя такимъ образомъ по *рукописному* своему возрасту на сто лѣтъ моложе московскихъ. Въ печати же рукопись Кириши, подъ названіемъ «Древнія Россійскія Стихотворенія», появилась впервые всего въ 1804 году. Кромѣ этого изданія, до второй четверти настоящаго столѣтія, былины, именно московскія, печатались, также съ рукописей, только въ пѣсенникахъ Чулкова, Трутовскаго, Новикова, Сопикова и др.; съ этого времени начинается прилежное записываніе былинь *съ устъ народа* нѣсколькими ревностными собирателями народной старины, преимущественно тремя: *П. В. Кирпьевскимъ* (10 томовъ «Пѣсень», изд. съ 1860—1874 г.), *П. Н. Рыбниковымъ* (4 тома «Пѣсень», изд. съ 1861—1867 г.) и *А. Θ. Гильфердингомъ* (1 томъ «Онежскихъ былинь» въ 1336 стран. мелкой печати, изд. въ 1873 г.).

Однако и до послѣдняго времени для большинства нашего читающаго общества эти чисто-народныя произведенія оставались недоступными какъ потому, что они разсѣяны по множеству дорого-стоящихъ книгъ въ нѣсколькихъ десяткахъ вариантовъ, такъ и потому, что едва ли хоть одинъ изъ записанныхъ вариантовъ, сколько бы онъ ни превосходилъ другіе варианты той же былины интересными подробностями или поэтическими красотоми, можетъ произвести вполнѣ цѣльное впечатлѣніе, имѣя всегда нѣсколько испорченныхъ стиховъ, явныя недомолвки или несогласныя съ требованіями современнаго изящнаго вкуса и нравственности выраженія и частности.

Первыя «попытки соединенія разныхъ вариантовъ былинь въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ» принадлежатъ графу Л. Н. Толстому, составившему сводъ 4-хъ былинь о «старшихъ» богатыряхъ (Вольгѣ, Микулѣ, Сухманѣ и Святогорѣ). Опытъ въ томъ же родѣ сдѣланъ былъ В. П. Острогорскимъ въ его былевомъ разказѣ «Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ».

Наша задача была—дать русскимъ читателямъ, и въ особенности русскому юношеству, возможность въ одной, не слишкомъ объемистой книгѣ, близко ознакомиться съ лучшими перлами русской народной эпической поэзіи. Съ этою цѣлью сли-

чивъ, по стихамъ, всѣ извѣстные варианты избранныхъ былинь, выбравъ лучшіе, по нашему мнѣнію, стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, затруднявшія плавное теченіе стиховъ, мы составили возможно полный сводъ каждой былины, при чемъ не пренебрегли, конечно, ни былинами съ полуразрушеннымъ стихомъ или такъ называемыми *побывальщинами*, ни прозаическими *богатырскими сказками*, представляющими только послѣднюю стадію разложенія былинь. Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, мы въ отношеніи кievскихъ былинь, представляющихъ какъ бы разрозненныя части цѣлой народной эпопеи, позволили себѣ, для большей занимательности разсказа, послѣдовать примѣру нѣмца Зимрока и финляндца Ленрота, которые, въ новѣйшее время, разрозненные отрывки древне-германской «Пѣсни объ Амелунгахъ» и финской «Калевалы» сгруппировали въ связныя поэмы: не касаясь существа былинь, мы связали ихъ въ возможно-послѣдовательную хронику, стоявшія же отдѣльно отъ владимірова круга былины о «старшихъ» богатыряхъ вложили въ уста славнаго «загусельщика» — Добрыни Никитича, какъ то часто встрѣчается и въ другихъ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ.

Имѣвшійся у насъ въ распоряженіи матеріалъ для свода избранныхъ былинь прочихъ былевыхъ цикловъ по *количеству* хотя еще богаче матеріала, послужившаго намъ для возстановленія древне-кievской эпопеи, но по *качеству* своему онъ значительно уступаетъ послѣднему, почему, при строгомъ выборѣ, всѣ остальные разряды былинь дали въ общей сложности едва третью часть того, что далъ одинъ древне-кievской эпосъ. Сводъ былинь о новгородскихъ удалцахъ приведенъ нами вполне *). Зато изъ слѣдующихъ разрядовъ: московскаго, петровскаго и казацкаго, а также изъ былинь безыменныхъ, мы выбрали только такіе образцы, которые имѣютъ дѣйствительное литературное достоинство и притомъ, разумѣется, по содержанію своему вообще соотвѣтствуютъ настоящему изданію, предназначенному для большинства читающаго общества, въ томъ числѣ и для юношества. Въ виду той связи, которая существуетъ

---

*) Шуточная новгородская былина о *гостѣ Терентьицѣ*, удобная только для спеціальнаго изданія, помѣщена нами въ „Исторической Библіотекѣ“ 1878 года, № 3.

между героями казачества съ царями московскими, мы сочли нужнымъ былины казацкія помѣстить хронологически среди былинъ московскихъ, вслѣдъ за которыми расположили былины петровскія, какъ составляющія прямое ихъ продолженіе.

Что касается былевыхъ анахронизмовъ, то мелкіе позднѣйшіе наросты (какъ - то: огнестрѣльное оружіе въ древнемъ Кіевѣ, подзорныя трубки, постоянный эпитетъ Ильи Муромца «казакъ» и т. п.) нами, по возможности, устранены; крупныхъ, органически сросшихся со всѣмъ былевымъ эпосомъ (какъ, напр., валовое наименованіе всѣхъ внѣшнихъ враговъ кіевлянъ «татаровьями») мы не считали себя въ правѣ тронуть, чтобы ненарокомъ не посягнуть на самобытное ядро разсказа. Значеніе важнѣйшихъ изъ такихъ анахронизмовъ, какъ и вообще всѣхъ встрѣчающихся въ былинахъ фактовъ, личностей и предметовъ, требующихъ поясненія, указано въ приложенныхъ въ концѣ книги *Примѣчаніяхъ*, гдѣ помѣщены нами и нѣкоторыя, заслуживающіе вниманія, варианты былевыхъ стиховъ. Для сохраненія самобытнаго характера былинъ мы равнымъ образомъ удержали значительное число вышедшихъ уже изъ употребленія или малоизвѣстныхъ народныхъ словъ, *Алфавитный указатель* которымъ также приложенъ.

Относительно стихосложенія былинъ находимъ неизлишнимъ объяснить слѣдующее:

Первоначальный размѣръ большей части былинъ—правильный хорейскій: 4, 5 или 6 хореевъ, изъ которыхъ послѣдній, чрезъ прибавленіе короткаго слога, обращенъ въ дактиль; напр.:

„Въ сто́льномъ | бы́ло | го́ро | дѣ во | Кіевѣ“.

Этотъ размѣръ, соблюдаемый лучшими рапсодами довольно строго, принятъ нами въ большей части былинъ. Рѣдкія отступленія допущены нами только въ тѣхъ случаяхъ, когда и у рапсодовъ, для большей выразительности, послѣдняя стопа растянута еще на одинъ лишній слогъ, на которомъ слышится полуудареніе, какъ въ слѣдующемъ ироническомъ возгласѣ богатыри Настасьи Микуличны:

„Я-то думала, комарики покусываютъ,
Анъ то русскіе богатыри пощелкиваютъ.“

Изъ сколькихъ бы стопъ ни состоялъ хорейскій стихъ, привычный слухъ различаетъ всегда ни болѣе, ни менѣе какъ

три ударенія, изъ которыхъ послѣднее упадаетъ на длинный слогъ послѣдней стопы:

„Въ стóльномъ было гóродъ во Кíевн
Да у ласковаго князя у Владíмира
Было пированíице почéстенъ пиръ
На́ многихъ князей, на бóяровъ“.

(Или:

„На́ многихъ князей, на бóяровъ“.)

Особенно важно имѣть въ виду это правило при чтеніи такихъ стиховъ, гдѣ конецъ послѣдней стопы составляетъ отдѣльное слово, имѣющее въ прозаической рѣчи свое особое удареніе, противоположное стихотворному; напр., должно читать «во чистóмъ полѣ», «ни однóй птíчки», а не «во чíстомъ полѣ», «ни однóй птíчки». Чтобы при выговариваніи словъ, требующихъ необычнаго ударенія, не встрѣчалось недоразумѣнія, нами надъ подлежащими слогами поставленъ знакъ ударенія.

У большей части народныхъ пѣвцовъ, впрочемъ, правильный хорейскій размѣръ утратился: неизмѣннымъ остается только условіе, чтобы въ стихѣ были *три* ударенія; изъ слоговъ же, неизмѣющихся ударенія, можетъ быть выпущено, по надобности, сколько угодно, лишь бы между двумя слогами съ удареніемъ оставался одинъ *безъ* ударенія. Такъ образовался особый размѣръ, полухорейскій, полудактилическій *) (хорошо извѣстный всякому читателю по знаменитой лермонтовской «Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», очевидно, навѣянной на чуткаго поэта «Древними Стихотвореніями» Кирши Данилова):

„Закатилось красное солнышко,
Закатилось за гóрушки высокія,
За моря глубокія, широкія,
Разсаждались часты звѣзды по свѣтлѣ небу“.

Нерѣдко первое удареніе въ стихѣ бываетъ и не на третьемъ слогѣ, а на второмъ или первомъ:

„Дружина моя добрая, хоробрая,
Тридцать молодцевъ безъ единого!“

*) Подъ *дактилемъ* (— — —) мы разумѣемъ здѣсь вообще стопу изъ одного длиннаго и двухъ короткихъ слоговъ, такъ какъ и *амфибрагій* (— — —), и *анapestъ* (— — —) обращаются въ дактиль, если въ началѣ стиха выпустить одинъ или два слога.

Точно такъ же къ концу стиха нерѣдко прибавляются лишніе слоги, изъ которыхъ въ такомъ случаѣ послѣдній получаетъ нѣкоторое удареніе, сообщающее стиху особенную размашистую упругость:

„Я какъ ржи нашу да въ скірды слоужу,
 Въ скірды слоужу, съ поля вѣволочѹ,
 Съ поля вѣволочѹ, дома вѣмолочѹ,
 Драни надерѹ да пива накурю,
 Пива накурю да гостѣй наберѹ.—
 Стануть гости пѣть, стануть кѹшати,
 Стануть здравствовать меня да похвалявати:
 — Ай ты здравствуешь, Микѹла Селяниновичъ?“

Только въ 6-мъ и въ 8-мъ стихахъ сохранено здѣсь обыкновенное дактилическое окончаніе (— — —). Такимъ полухореическимъ, полудактилическимъ размѣромъ изложены у насъ всего пять былинъ кievскихъ, а именно: три о «старшихъ» богатыряхъ (№№ 1, 11 и 12) и первая и послѣдняя объ Ильѣ Муромцѣ (№№ 9 и 23). Не говоря уже о томъ, что возстановить въ этихъ былинахъ, безъ ущерба для ихъ содержанія, правильный хореическій стихъ, которымъ онѣ вѣроятно также были нѣкогда сложены, представлялось бы очень затруднительнымъ, такъ какъ не имѣется налицо ни одного варианта ихъ такого стихосложенія,—по нашему мнѣнію, неровный, своевольный хореически-дактилическій размѣръ даже соотвѣтствуетъ какъ стихійному характеру старшихъ богатырей и появляющихся въ первой былинѣ объ Ильѣ каликъ переходящихъ, такъ и нетвердымъ шагамъ муромскаго героя, сейчасъ послѣ испѣленія его отъ тридцатилѣтняго паралича и при закатѣ его дней, когда онъ по-старчески при всякомъ случаѣ сѣдой головой покачивается.

Третій размѣръ, весьма схожій съ предыдущимъ, отличается отъ него только обиліемъ во многихъ стихахъ дактилическихъ стопъ:

„Высота ли—высота поднебесная!
 Глубота—глубота океанъ-море!“

Или:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь
 Дай, государь, намъ праведный судъ.
 Дай на Чурилу сына Пленковича“.

Благодаря дактилямъ, стихъ дѣлается игривымъ, какъ бы рѣзво скачущимъ. Этимъ размѣромъ поются всѣми рапсодами и

изложены и у насъ двѣ веселыя былины объ удалыхъ молодцахъ кievскихъ: Соловьѣ Будиміровичѣ (№ 8) и Чурилѣ Плѣнковичѣ (№ 18). Къ этому же размѣру приближается и былина московская о Гришкѣ Отрепьевѣ (№ 5).

Былины лирическаго характера принимаютъ любимый размѣръ обыкновенныхъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ вслѣдствіе двойного соединенія дактиля съ анапестомъ въ стихѣ остается всего два ударенія (— — — | — — —), и стихъ приобретаетъ особенную пѣвучесть:

„Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ море“.

Этимъ складомъ (съ неизбѣжными въ народной пѣснѣ отступленіями) поются четыре изъ приведенныхъ въ настоящемъ сборникѣ былинъ: былина о «царевичѣ Димитріѣ и Борисѣ Годуновѣ», послѣдняя петровская («Плачь войска») и двѣ безыменныя: «Татарскій полонъ» и «Ужъ какъ палъ туманъ».

Съ замѣною второй половины двойного стиха дактилемъ стихъ укорачивается еще на два слога (— — — | — —) и даетъ столь же звучный, довольно рѣдкій размѣръ, которымъ изложена у насъ одна былина («О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ»):

„Отломилася вѣточка
Отъ кудряваго дѣревца“.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ стихосложеніи, рѣзко отличающемся отъ обыкновеннаго былеваго стиха амфибрахическимъ окончаніемъ (— —), вмѣсто дактилическаго (— — —):

„Подымалась полтавская баталья“.

Образцы этого размѣра, свойственнаго главнѣйше «солдатскимъ» пѣснямъ, можно видѣть въ прим. 132.

Что касается прибаутокъ къ былинамъ, этихъ вызывающихъ ригурнелей въ началѣ или концѣ ихъ, то, не стѣсняясь размѣромъ самой былины, онѣ или принимаютъ лихой дактилическій складъ:

„Нашему хозяйну честь бы была!“

или раскидываются широкимъ хореическимъ стихомъ, съ хореическимъ же окончаніемъ:

„Охъ, вы, роци, роци зеленія! липушки цвѣтныя!“

или коротко обрываются:

„Здуинай-най-най?
Болѣ пѣть впередъ не знай“.

Гомеровскія пѣсни въ древней Греціи пѣлись, какъ извѣстно, речитативомъ. Напѣвы нашихъ народныхъ рапсодовъ также очень просты и не ушли далеко отъ речитатива. У каждаго пѣвца для десятковъ былинъ одинъ, два, много три разныхъ напѣва; но ускореніемъ или замедленіемъ пѣнія, возвышеніемъ или пониженіемъ голоса чрезвычайно разнообразится напѣвъ, такъ что тотъ же немногосложный мотивъ на нѣсколькихъ нотахъ въ одной былинѣ звучитъ грозно-торжественно, въ другой—протяжно-уныло, въ третьей—весело-игриво. «Въ Ставрѣ», какъ выразился пѣвецъ Рябининъ, «надо пѣть толще, а въ Потыкѣ—тоньше».

Какое впечатлѣніе производитъ это пѣніе въ безыскусственной сельской обстановкѣ на всякаго свѣжаго человѣка, лучше всего можно видѣть изъ описанія г. Рыбникова предпринятой имъ въ маѣ 1860 года поѣздки въ Заонежьѣ, гдѣ ему въ первый разъ удалось услышать настоящаго *сказителя*, какъ называютъ себя тамошніе рапсоды. Приводимъ здѣсь описаніе это собственными словами собирателя:

«Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, переменные вѣтры совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсыяно множество мелей и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы (лодки) понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорскій приходъ. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ «баженнымъ» (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся «стрѣтный» вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй - Навлоку—пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска. На островѣ стоитъ закопченная «фатера»—домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и «фатера» народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была че-

резчурь смрадна и грязна, и хоть было очень холодно. но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ. Меня разбудили странные звуки: до того мно- го я слыхивалъ и пѣсенъ, и стиховъ духовныхъ, а такого на- пѣва не слыхалъ. Живою, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоми- налъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣс- ни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно но- ваго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидятъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣда- тый старикъ съ окладистою, бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иног- да усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ-купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ разспрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Серѣдки, Киж- ской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла По- тыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буслаевича, про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Свя- тогора богатыря, да зналъ-то онъ варианты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Впрочемъ, на первый разъ и записыва- лось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впослед- ствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варианты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтія на Шуй-Наво- локѣ».

Хотя былины поются въ настоящее время и «каликами», пѣвцами по ремеслу, специальность которыхъ—«духовные» сти- хи, но настоящими носителями и рачителями народнаго эпоса являются «сказители», не промышляющіе своимъ пѣніемъ, а за-

нимающіеся имъ, какъ истинные художники, изъ любви къ искусству. Они обыкновенно—зажиточные крестьяне: по мѣткому замѣчанію другого собирателя былинъ, Гильфердинга, «былины, повидимому, укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяють природный умъ и память съ порядчностію, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни». Лучшимъ изъ живущихъ сказителей почитается вышеупомянутый старикъ-крестьянинъ деревни Середки, Кижской волости, Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Трофимъ Григорьевичъ *Рябининъ* (портретъ котораго прилагается къ нашей книгѣ) — ученикъ двухъ извѣстнѣйшихъ олонецкихъ пѣвцовъ начала нынѣшняго столѣтія: Ильи Елустафьева и дяди Рябинина—Игнатія Андреевыхъ. Кромѣ крестьянъ, хорошіе рапсоды встрѣчаются и между нѣкоторыми переходными и ремесленниками, именно между занимающимися портнымъ и сапожнымъ мастерствами. Замѣчательно однако, что самая незначительная часть пѣвцовъ грамотна: какъ слѣпой, прозрѣвъ, теряетъ прежнюю тонкость осязанія, такъ и человекъ грамотный не въ состояніи уже удержать въ памяти пространныхъ стихотворныхъ рапсодій въ нѣсколько сотъ стиховъ.

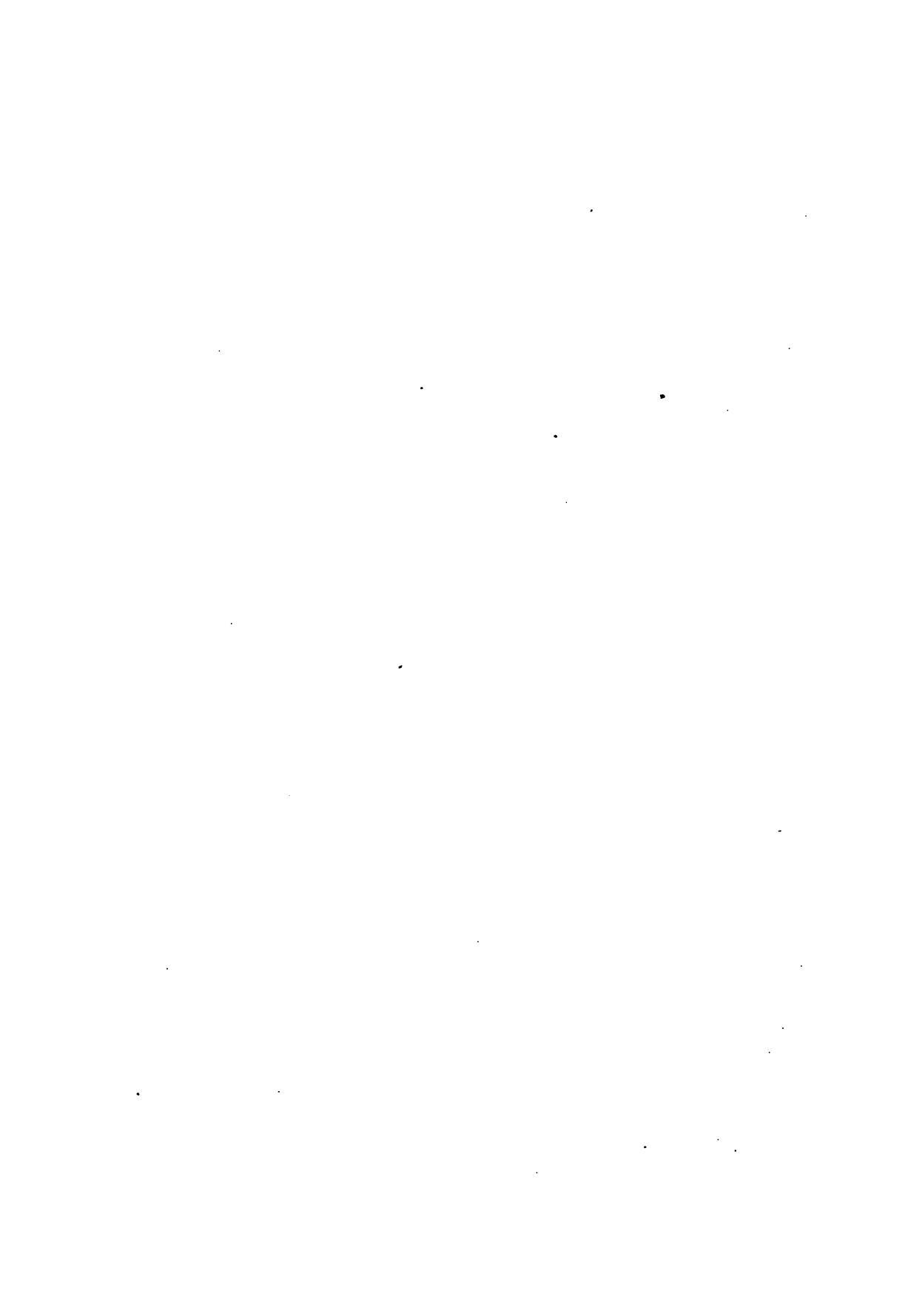
Первымъ гонителемъ свободнаго народнаго творчества было варварство, вторымъ—цивилизация. Былевая пѣсня наша, пѣвшаяся когда-то «загусельщиками» и «каликами переходными», вездѣ, гдѣ она слушалась охотно: и на княжескихъ пирахъ, и на семейныхъ торжествахъ горожанъ и крестьянъ, и всенародно—на рынкахъ и базарахъ, съ татарскимъ погромомъ по неволѣ смолкла на мѣстѣ своего зарожденія и искала спасенія въ дали, на сѣверѣ и на востокѣ, гдѣ ей можно было еще вольно раздаваться. Но на смѣну татарамъ явились тутъ просвѣщеніе и грамотность и, съ каждымъ шагомъ впередъ, отгѣсняли стародавнюю пѣсню все далѣе. Лучшіе образцы историческихъ былевыхъ пѣсенъ сохранились до насъ благодаря лишь тому счастливому обстоятельству, что были записаны благовременно, за сотни лѣтъ назадъ. Былины же древне-кѣвскія и древне-новгородскія должны были быть отыскиваемы новѣйшими собирателями на отдаленнѣйшихъ окраинахъ, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской и сибирскихъ, въ селеніяхъ, лежащихъ среди лѣсовъ и болотъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, отъ торговой и заводской дѣятельности, преимущественно между раскольниками, крѣпко держащимися старины. Но и тамъ на-

чинаетъ понемногу вымирать поколѣніе истыхъ пѣвцовъ. Какъ слышалъ г. Рыбниковъ въ Пудожѣ отъ старожилловъ, еще не такъ давно, въ началѣ настоящаго столѣтія, у мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій собирались вечеринки «съ сказителями»; но теперь сказители «вышли изъ моды» и находятъ себѣ внимательныхъ слушателей только въ деревняхъ. Даже на сельской Шунгской ярмаркѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, калики, распѣвавшіе на погостѣ, кромѣ духовныхъ стиховъ, и былевья пѣсни, исчезли съ 50-хъ годовъ, но не столько вслѣдствіе равнодушія слушателей, сколько «ради порядка», по настоянію земской полиціи. Этотъ простонародный «продуктъ» постигла общая участь всякаго мало требуемаго товара: съ уменьшеніемъ спроса, уменьшилось и его производство: лучшіе пѣвцы—старики съ семью-восемью десятками за плечами; молодое поколѣніе, зараженное промышленнымъ духомъ новаго времени, слушаетъ ихъ пѣсню однимъ ухомъ и перенимаетъ ее туго. Недалеко то время, когда передъ пронзительнымъ свистомъ локомотива и фабрикъ окончательно замолкнетъ задушевная пѣсня о сѣдой старинѣ.

Тѣмъ болѣе значеніе поэтому пріобрѣтаютъ записанные нашими почтенными собирателями еще «съ голоса» послѣднихъ пѣвцовъ обрывки русскаго народнаго эпоса. Поэтому же, надѣмся, будетъ не излишенъ и настоящій, возможно-полный, систематическій сводъ лучшихъ изъ этихъ обрывковъ, своего рода антологія нашей народной эпической поэзіи.

10

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ.

Добрыня Никитичъ.

Илья Муромецъ.

Алеша Поповичъ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Вольга Всеславьевичъ.

Нашему хозяину честь бы была,
 Намъ бы, ребятамъ, ведро пѣва было:
 Самъ бы испиль да и намъ бы поднёсь.
 Станемъ мы, ребята, сказывати,
 А вы, люди добрые, послушайте,
 Что про старое время, про доселѣшнее.
 Изъ-за лѣсу было изъ-за темнаго,
 Изъ-подъ чуднаго креста съ-подъ Леванидова, ⁽¹⁾
 Изъ-подъ бѣлаго горяча камня Латыря—⁽²⁾
 Тутъ повышла, повышла, повѣбѣжала,
 Выбѣгала-вылегала матка Волга-рѣка,
 Мѣстомъ шла она ровно три тысячи версть,
 А и много же въ себя она рѣкъ побрала,
 Да побольше того вѣдь ручьевъ пожрала,
 Широко-далеко подъ Казань прошла,
 Шире, далѣй того да подъ Астрахань;
 Здѣсь пускала устьё ровно семьдесятъ версть,
 Выпадала во морюшко Хвалынское.
 Да все это, братцы, не старинушка,
 Все-то это, братцы, прибауточка,
 А теперъ старинамъ у насъ зачѣнь поидеть.

* *
*

Какъ не красно солнце въ небѣ разгоралось—
 Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ
 У Владиміра у князя солнышка

Заводилось пированьице—почёстенъ пиръ,
 Собирались всѣ князья да бояре,
 Русскіе могучіе богатыри, (3)
 Да и поленйцы ли удалыя. (4)
 А живеть во городѣ во Кіевѣ
 У своей любезной рѣдной матушки,
 У честной вдовы Афимьи Александровны,
 Добрый мѣлодецъ, боярскій сынъ,
 Что по имени Добрынюшка Никитичъ младъ. (5)
 Какъ садила его матушка за грамоту,
 Какъ учила уму-разуму да вѣжеству,
 Какъ возрѣстила до полнаго до возраста,—
 Сталъ Добрынюшка въ чистѣ поле поѣзживатьъ,
 На почёстенъ пиръ къ Владиміру похаживать,
 На пиру да во гусѣлышки поигрывать.

А и будетъ день во половинѣ дня,
 Княженецкій столъ да во полѹ-столъ,
 За столомъ всѣ пьяны-веселы,
 Самъ Владиміръ свѣтель-радошень,—
 Во столовую во гридню княженецкую
 Входитъ тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Крестъ кладеть да по писаному,
 И поклонъ ведеть да по учёному,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Солнышку Владиміру въ особину.
 Проводили мѣлодца тутъ во большѣй уголь,
 Во большѣй уголь, во мѣсто бѣльшее,
 За столы садили за дубовые,
 За тѣ явства за сахарныя,
 За тѣ питья за медвяныя.

Не золатая трубочка вострѣбила,
 Не серебряна сапѣвочка возыграла—
 Воспрогѣворилъ самъ батюшка Владиміръ князь,
 Воскричалъ да громкимъ голосомъ:

„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрныя!
 Наливайте-ка вы чару зеленѣ вина,
 Наливайте чару пива пьянаго,
 Наливайте чару меду сладкаго,
 Слейте всѣ три чары во едѣную,
 Подносите чару добру мѣлодцу,

Молоду Добрынюшкѣ Никитичу“.

Слушались князя слуги вѣрные,
 Наливали чару зеленѣ вина,
 Наливали чару пива пьянаго,
 Наливали чару меду сладкаго,
 Слили всѣ три чары во единую:
 Стала мѣрой чара въ полтора ведра,
 Стала вѣсомъ чара въ полтора пуда;
 Подносили молоду Добрынюшкѣ.
 Принималъ ее Добрыня единойъ рукой,
 Выпивалъ ее Никитичъ единымъ духомъ,
 Самъ Владиміра на томъ поздравствовалъ.

И спрѣговорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 А бери-ка ты гусѣлышки ярѣвчаты,
 Поподѣрни-ка во струнки золочѣныя
 По уныльному сыграй намъ, по умильному,
 Во другой сыграй да по веселому“.

Какъ беретъ Добрыня во бѣлыя руки
 Тѣ звончатыя гусѣлышки ярѣвчаты,
 Поподѣрнетъ да во струнки золочѣныя,
 Заиграетъ стихъ Еврейскій по уныльному,
 По уныльному да по умильному,—
 Во пиру всѣ призадумались,
 Призадумались да позаслушались.
 Заигралъ Добрыня по веселому,
 Игрище завель отъ Ерусѣлима,
 Игрище другое отъ Царя-града,
 Третіе отъ стольна града Кіева—
 Во пиру привель всѣхъ на весельице.
 Какъ Владиміру игра та показалася,
 Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай же ты, лихой игрокъ Добрынюшка!
 Распотѣшь-ка мнѣ еще князей да бояровъ,
 Звесели могучіихъ богатырей:
 Заведи старинку стародавнюю
 Про того про старшаго богатыря,
 Про удалаго Вольгу Всеславьича“.

Какъ повель опять Добрыня по гусѣлышкамъ,
 Заигралъ напѣвки святорусскія,

Заводилъ старінку стародавнюю
Про удáлаго Вольгѹ Всеславѣича:

* *
*

„Закатилосѹ красное солнышко,
Закатилосѹ за горушки высокія,
За моря глубокія, широкія,
Разсаждалисѹ часты звѣзды по свѣтлѹ небу—
Нарождалсѹ на матушкѣ святой Руси
Молодой богатырь Вольгѹ Всеславѣевичъ.
Только будетъ Вольгѣ полтора часа,
Говоритъ Вольгѹ, будто громъ гремитъ:
„—А и гоѣ еси, сударня матушка,
Молодая Марѣа Всеславѣевна!
Ты не пеленѹи во пелену червчатую,
Не поясаѣи въ поясы шелковѣные—
Пеленѹи меня, сударня матушка,
Въ крѣпкія латы булатныя,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
Въ праву руку—пѣлицу свинцовую,
Чтобы вѣсомъ была пѣлица въ триста пудъ.—
„Росѣ-подросѣ Вольгѹ до пяти годковъ,
Какъ пошѣлъ Вольгѹ по сырѹи землѣ—
Мать-сырѹа земля всколыбаласѹ,
По темнѣмъ лѣсамъ звѣри разбѣжались,
По подоблачѹ птицы разлетались,
По синѹ морю рыбы разметались.
И пошѣлъ Вольгѹ Всеславѣевичъ
Обучатьсѹ всякимъ хитростямъ-мудростямъ:
Обучалсѹ первой хитрости-мудрости—
Обертыватсѹ яснымъ соколомъ;
Обучалсѹ другой хитрости-мудрости—
Обертыватсѹ сѣрымъ волкомъ;
Обучалсѹ третьей хитрости-мудрости—
Обертыватсѹ туромъ—золотые рога.
Да задѣлсѹ отъ семи годовъ,
Обучалсѹ до двѣнадцати.
Сталъ дружину себѣ набирать Вольгѹ,
Дружинушку добрую, хорѹбрую,

Набираль дружину три года:
Самому Вольгѣ пятнадцать лѣтъ,
И всей его дружинѣ по пятнадцати.
Тридцать мѡлодцевъ набраль безъ единаго,
Становился самъ тридцатымъ.

„И возгѡворить Вольгѡ таковѣ слова:

„—Дружина моя добрая, хорѡбрая.
Тридцать мѡлодцевъ безъ единаго!
Слушайте-ка братца бѡльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Отъ моей отъ славы богатырскія
Звѣри ушли во темны лѣса,
Птицы ушли подѣ облака,
Рыбы ушли во синѣ море,
Во синѣ море, въ глубоки станы:
Вейте-ка тенѣта шелковья,
Становите-ка ихъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, по сырой землѣ,
И ловите въ нихъ и кунницъ и лисицъ,
Всякихъ дикихъ звѣрей и черныхъ сѡболей.—

„Они слушали братца бѡльшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вили тенета шелковья,
Становили ихъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, по сырой землѣ,
Ловили три дня и три ночи—
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Обернулся Вольгѡ лютѣмъ звѣремъ,
Поскачилъ въ темный лѣсъ, по сырой землѣ,
Загонялъ въ тенета кунницъ и лисицъ,
Всякихъ дикихъ звѣрей и черныхъ сѡболей;
Ни медвѣдю, ни волку спуску нѣтъ;
Да и мелкимъ звѣрюшкомъ не брѣзгиваль:
Забираль поскакучиыхъ заюшекъ,
Браль и малыхъ горностаюшекъ.
И поиль-кормиль онъ дружинушку,
Обуваль-одѣваль добрыхъ мѡлодцевъ,
И носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то—барсовыя.

„И возгѡворить Вольгѡ таковѣ слова:

„—Дружинушка моя добрая, хоробрая!
 Слушайте-ка братца бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Звѣри въ лѣсахъ всѣ повыловлены;
 Вейте-ка сѣти шелковья,
 Становите-ка ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, на самый верхъ,
 И ловите въ нихъ гусей-лебедей,
 Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.—

„Они слушали братца бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Вили сѣточки шелковья,
 Становили ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, на самый верхъ,
 Ловили три дня и три ночи—
 Не могли добыть ни одной птички.
 Обернулся Вольга яснымъ соколомъ,
 Полетѣлъ Вольга по подоблачю,
 Заворачивалъ въ сѣти гусей-лебедей,
 Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.
 И поилъ-кормил онъ дружинушку,
 Всѣ-то явства у него отборныя,
 Переменныя явства—сахарныя.

„И возговоритъ Вольга таковыя слова:

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
 Слушайте-ка братца бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Звѣри-птицы въ лѣсахъ всѣ повыловлены;
 Вы берегите-ка топоры дроворубныя,
 Стройте-ка суденышко дубовое,
 Ладьте-ка тоневя шелковыя,
 Поплавочки кладите чиста золота,
 Выѣзжайте на синѣ море,
 И ловите рыбу-сѣмжинку, бѣлужинку,
 Дорогую рыбу осѣтринку,
 Да и щученьку, малую плотиченьку.—

„Они слушали братца бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Брали топоры дроворубныя,
 Строили суденышко дубовое,

Обернулся Волга яснымъ соколомъ,
Подлетѣть Волга по подобачю,

Заворачивать въ сѣти гусей-лебедей,
Сърыхъ утокъ и малыхъ иташечекъ.

Ладили тоневья шелковы,
 Выѣзжали на синё море,
 Ловили три дня и три ночи—
 Не могли добыть ни одной рыбки.
 Обернулся Вольга рыбой-щучиной,
 Опустился Вольга во синё море,
 Изъ глубокихъ станѡвъ рыбъ повыпугаль,
 Заворачиваль рыбу-сѣмжинку, бѣлужинку,
 Дорогую рыбку осётринку,
 Бралъ и щученьку, малую плотиченьку...

„Какъ прошла тутъ слава великая
 Ко стольному граду Кіеву,
 Что индейскій царь (?) снаряжается,
 Стольный Кіевъ градъ взять похваляется,
 Божьи церкви разорить, на дымъ пустить.

„И возгворить Вольга таковы слова:

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
 А и есть ли удалый добрый молодецъ,
 Что сходилъ бы во царство индейское,
 Про царя Салтыка Ставрुльевича
 Да про думу его тайную провѣдати,
 Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
 Таго молодца я буду жаловать
 За его за услугу великую.—

„Тутъ всѣ молодцы добрые, хоробрые—
 Большой туляется за средняго,
 Средній туляется за меньшаго,
 А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
 Какъ бы листъ со травой пристилается,
 Вся дружина его приклоняется:

„—Ужъ какого ли удала добра молодца
 Нѣтъ oprичъ тебя, Вольги Всеславьича!—

„—Такъ ужъ видно жъ Вольгѣ самому пойти!—

„Обернулся туромъ—золотые рога,
 Первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
 А другой-то скокъ не могли найти.
 Добѣжалъ до царства индейскаго,
 Обернулся малой птицей-пташицей,
 Садился на царское окошечко,
 И слушалъ рѣчи тайныя.

„Говорить царь Салтыкъ Ставрुльевичъ
Со своею царицей Азвяковной:

„—Ай же ты, жена возлюбленная,
Молодая царица Азвяковна!

Знаешь ли мою царскую выдумку?—

„Говорить царица Азвяковна:

„—Ай же царь Салтыкъ Ставрुльевичъ:
Какъ мнѣ знать твою царскую выдумку?—

„Говорить царь Салтыкъ Ставрुльевичъ:

„—Я задумалъ ѣхать на святую Русь,
Завоюю девять городовъ на Руси,
Подарю города девяти сынамъ,
Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ,
А тебѣ, царица Азвяковна,
Подарю дорогую шубоньку.—

„Говорить царица Азвяковна:

„—Ночью спалось—во снѣ мнѣ видѣлось:

Съ-подъ восточной съ-подъ сторонушки
Налетѣла мала птица-пташица,
А съ-подъ западной съ-подъ сторонушки
Налетѣла птица черной воронъ;
Во чистомъ полѣ онѣ слетались,
Межъ собою бились подиралися;
Малая-то птица-пташица
Черна ворона повѣклевала,
По перышку его повѣщипала,
На вѣтеръ всего повѣпустила.
Малая птица-пташица—

Молодой богатырь Вольга Всеславьевичъ,
Черный воронъ царь—Салтыкъ Ставрुльевичъ.—

„Какъ тѣ рѣчи царю не слюбилися:

Какъ ударить онъ царицу по бѣлѣ лицу,
Повернется—и въ другой-то разъ,
Кинетъ царицу о кирпичать полъ,
Кинетъ ее и въ другой-то разъ:

„—А поѣду же я на святую Русь,

Завоюю девять городовъ на Руси,
Подарю города девяти сынамъ,
Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ!—

„Воспрѣговорить Вольга Всеславьевичъ:

„—Ай ты, царь Салтыкъ Ставрुльевичъ!
Не бывать тебѣ на святой Руси,
Не владѣть тебѣ градомъ Кіевомъ!—

„Обернулся Вольга сѣрымъ волкомъ,
Поскочилъ Вольга на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней всѣхъ поперебралъ
Глотки у всѣхъ поперебралъ;
Обернулся малымъ горностающкой,
Побѣжалъ по подваламъ, по погребамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У калѣныхъ стрѣлъ желѣзца повѣнималъ,
Сабли острыя повищербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Обернулся тогда яснымъ соколомъ,
Высоко взвился по подоблачью,
Полегалъ далече во чисто поле,
Ко дружинишкѣ доброй, хороброей,
Разбудилъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ:

„—Гой, дружина моя добрая, хоробрая!
Не время теперъ спать, порâ вставать!
Мы пойдемте-ка къ царству индейскому!—

„И пошли они къ царству индейскому,
Подошли къ стѣнѣ бѣлокаменной;
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Вороты въ стѣнѣ желѣзныя,
Крюкѣ-засовы всѣ мѣдныя,
Стоять караулы денны-нощны,
Стоить подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мудреные вырѣзы вырѣзаны,
А и только въ вырѣзъ мурашу пройти.
Закручинились молодцы, запечалились:

„—Потерять, знать, даромъ буйны голôвы!
А и какъ намъ будетъ стѣну пройти?—

„Молодой Вольга догадливъ былъ:
Самъ себя обернулъ мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцевъ мурашками—
Прошли они стѣну бѣлокаменну,
На ту сторону, въ царство индейское,
Обернулъ опять добрыми молодцами
Со всею со сбруею ратною,

Говорить имъ самъ, приказъ даетъ:

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
Вы ходите-ка по царству индейскому,
Вы рубите-ка и стараго и малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
Оставьте только женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного-немало—семь тысячей.—

„А и ходятъ они по царству индейскому,
А и рубятъ и стараго и малаго,
А и только оставляютъ женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного-немало—семь тысячей.

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
А станемъ-ка теперь полонѹ дѣлить.—

„Что было на дѣлежѣ дорого,
Что было на дѣлежѣ дешево?
Добры кѡни были по семи рублей,
Сабли острыя по пяти рублей,
Тяжки палицы булатныя по трѣ рубля.
А то было дешево—женскій полъ:
Старушечки были по полушечкѣ,
Молодѹшечки по двѣ полушечки,
Красны дѣвушки-душечки по денежкѣ.

„То старина, то и дѣянье!
Синему морю на утѣшенье,
Старымъ людѣмъ на послушанье,
Молодымъ молодцѣмъ на перенѣманье,
А веселымъ молодцѣмъ на потѣшенье,
Сидячи во бесѣдушкѣ смиренной,
Испиваючи медь, зеленѡ вино;
А и гдѣ мы пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Государю-свѣту, красну солнышку,
Нашему хозяину ласковому!“

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра.

Хорошо Добрынюшка Никитичъ младъ
Во гусѣлышки играетъ во ярѣвчаты,
Хорошо поетъ старѣнку стародавнюю
Про удалаго Вольгу Всеславьича
Со его дружиной доброю, хорѣброю.
На пиру всѣ пріутихли, пріумолкнули,
Пріумолкнули да призаслушались.
Какъ встаетъ изъ-за стола съ-за задняго
Старый тутъ Бермята (*) сынъ Васильевичъ,
Говоритъ самъ таковы слова:

„А слыхалъ еще я отъ старѣхъ людей,
Что того Салтыка-то Ставрुльича,
Ухвата, Вольга ударилъ о кирпичать полъ,
Во крохи расшибъ да самъ царемъ насѣлъ,
Взялъ себѣ царицею Азвяковну,
А его дружина добрая, хорѣбрая
На тѣхъ красныхъ дѣвушкахъ переженилася“.

Какъ тутъ солнышко Владиміръ распотѣшился,
Повскочилъ со мѣста княженецкаго,
По столовой гриднѣ запохаживалъ,
Частую бородку запоглаживалъ,
Бѣлыми руками заразвѣживалъ,
Желтыми кудрями запотрѣживалъ,
Пословечно сударь выговаривалъ:

„Гой же вы, мои князья да бѣяре,
Сильные, могучіе богатыри!

Всѣ-то вы во Кіевѣ поженены,
 Всѣ-то дѣвушки-бойрушки повяданы,
 Только я, Владиміръ, не женатъ живу,
 Не женатъ живу да холостымъ слыву.
 Вы не знаете ли, братцы, красной дѣвицы,
 Красной дѣвицы—мнѣ, князю, супротивницы:
 Чтобы станикомъ была ровнѣшенька,
 Ростомъ, какъ и самъ я, высокѣшенька,
 Очи были бѣ ясна сѣкола,
 Брови были бѣ чѣрна соболя,
 Тѣло было бѣ снѣгу бѣлаго,
 Красотой красна и мнѣ умѣмъ сверстна;
 Было бѣ съ кѣмъ мнѣ думушку подумати,
 Было бѣ съ кѣмъ словечко перемолвити,
 Во пиру-бесѣдушкѣ кѣмъ похвалитися,
 А и было бы кому вамъ поклонитися,
 Было бы кому вамъ честь воздать“.

Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 Бласлови-ка, государь, мнѣ слово вымолвить.
 Знаю я тебѣ княгиню—красну дѣвицу,
 Красну дѣвицу да супротивницу:
 Какъ во той землѣ во хоробрѣй Литвѣ,
 У того у короля литовскаго (°)
 Есть двѣ дочери любимыя на выданѣхъ;
 Бѣольшая-то дочь Настасья королевична
 Не пойдетъ къ тебѣ княгинею-царицею:
 Ѣздитъ въ полѣ сильной поленицею;
 Меньшая же дочь Апраксья королевична ( )
 Въ теремѣ сидитъ все, во золотѣ верху,
 Что за тридевятью ли замочками
 Да за тридевятью сторожѣчками:
 Красно солнышко ее не запечеть,
 Буйны вѣтрушки ее не обвѣютъ,
 Многи люди не увидятъ, не обзѣрятся.
 А и ростомъ-то она высокая,
 А и станомъ становитая,
 Красотою красовитая:
 Черны брови—соболя заморскаго,
 Ясны очи—сѣкола пролѣтнаго,

Личушкомъ бѣла какъ зимній снѣгъ,
 Да и въ грамотѣ-то поучёная:
 Будеть съ кѣмъ тебѣ свой вѣкъ корѣтати,
 Будеть намъ кому и честь воздаты“.

Какъ то слово князю по душѣ пришло,
 Больно солнышку словечко полюбилось,
 И возгворить онъ таковыя слова:

„Ай же вы, мои князья да бояре,
 Ай же вы, могучіе богатыри!
 А кого же мнѣ послать посвататься
 За меня, за князя за Владиміра,
 У того у короля литовскаго
 На прекрасной на Апраксѣ королевичнѣ?“

Всѣ за столикомъ сидятъ, умолкнули,
 Приумолкнули да приутихнули,
 Приутихнули да затулялися:
 Большіе туляются за среднихъ,
 Средніе туляются за меньшихъ,
 А отъ меньшей тулицы-то и отвѣту нѣтъ.

Возстаетъ опять Бермята сынъ Васильевичъ:

„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
 Бласлови еще мнѣ слово молвити.
 Ты пошли-ка сватомъ добра мѣлодца,
 Тихаго Дунаюшку Иванова: (11)
 Тихій-то Дунай вѣдь во послахъ бывалъ,
 Много множество чужихъ земель видалъ,
 Тихій-то Дунай и говоритъ гораздъ—
 Ужъ кому, какъ не ему бы, и посвататься“.

Не изъ большаго тутъ мѣста, не изъ меньшаго,
 Изъ того ли мѣста да изъ средняго,
 Изъ-за стѣлы изъ-за бѣлодубова
 Возстаетъ удалый добрый мѣлодецъ,
 Тихій тотъ Дунай Ивановичъ,
 Понизѣнько князю поклоняется:

„Гой еси ты, государь нашъ батюшка,
 Ласковый Владиміръ стольно-кѣвскій!
 Бласлови и мнѣ словечко молвити,
 Безъ казнѣнія, безъ дальней высылки!“

Говоритъ Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!

Хочешь говорить, такъ говори теперь“.

„Жиль я, государь, во хоробрѣй Литвѣ
Девять лѣтъ у короля литовскаго:
Трѣ года у короля я кѣнохаль,
Трѣ года у короля я стольничаль,
Трѣ года у короля я клюшничаль,
А и вѣрно слово говорилъ тебѣ
Старый человекъ Бермята сынъ Васильевичъ.
Есть двѣ дочери у короля литовскаго,
Обѣ дочери—пригожія, хорошія.
Много ѣживаль я по инымъ землямъ,
Много видываль я королевипень,
Много видываль и изъ ума пыталъ:
Та красна лицомъ—да не сверстна умомъ,
Та сверстна умомъ—да не красна лицомъ.
Не нахаживаль я эдакой красавицы,
И не видываль я эдакой пригожицы.
Какъ та младша дочка королевская,
Молода Апраксыя королевична:
Ходить—словно бѣлая лебѣдушка,
Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день;
А и въ грамотѣ-то больно гѣразда.
Было бы тебѣ съ кѣмъ жить да быть,
Было бы кого назвать намъ матушкой,
Величать намъ государыней!“

„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
Ты умѣлъ ее теперичко повѣхвастать,
Такъ умѣй-ка ты ее оттоль и вывести.
Ты возьми съ тобою силы сорокъ тысячей,
Ты возьми казны да десять тысячей,
Поѣзжай во ту во хоробрѣ Литву,
О томъ добромъ дѣлѣ да о свѣтовствѣ
На прекрасной на Апраксѣ королевичнѣ“.

Скоро бралъ Владиміръ чарочку хрустальную,
Дорогого хрустала восточнаго,
Со краями позлаченными,
Наливаль во чару зеленѣ вина,
Да не малую стопу, а полтора ведра,
Разводилъ медами да стоялыми,
И подносить тихому Дунаюшкѣ;

Скоро бралъ Дунаюшка Ивановичъ
 Чарочку отъ князя во бѣлы ручки,
 Принималъ одною ручкою,
 Выпивалъ однимъ душкомъ,
 Подавалъ назадъ Владиміру,
 Понизѣнько князю поклоняется:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 А не надобно мнѣ силы княженецкія,
 И не надобно мнѣ золотой казны:
 Да не биться же мнѣ тамъ, не ратиться;
 Дай-ка только мнѣ товарища любимаго,
 Молода Добрынюшку Никитича:
 Роду онъ, Добрынюшка, хорошаго,
 Да умѣеть онъ съ людьми и рѣчь вести;
 Соизволь еще сходить намъ на конюшенъ дворъ,
 Выбрать двухъ жеребчиковъ неѣзжанныхъ,
 Выбрать два сѣдлышка недѣржанныхъ,
 Да еще двѣ плѣточки нехлыстанныхъ,
 Самъ пиши-ка ярлыки да скорописчаты
 О томъ добромъ дѣлѣ да о сватовствѣ“.

Бралъ омятъ Владиміръ чару во бѣлы ручки,
 Наливалъ во чару зеленà вина,
 Разводилъ медами да стоялыми,
 И подносить молоду Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 А пожалуй-ка къ Дунаю во товарищи;
 Да идите съ пимъ вы на конюшенъ дворъ,
 Да берите тамъ всего, что надобно“.

Скоро всталъ Добрыня на рѣзвы ножки,
 Скоро бралъ отъ князя чару во бѣлы ручки,
 Принималъ одною ручкою,
 Выпивалъ однимъ душкомъ,
 Понизѣнько князю кланялся;
 Скоро шли они съ палаты бѣлокаменной,
 Выходили на конюшенъ дворъ,
 Брали двухъ жеребчиковъ неѣзжанныхъ,
 Брали два сѣдлышка недѣржанныхъ,
 Да еще двѣ плѣточки нехлыстанныхъ,
 Сами обкольчужились, облатились,
 Приняли еще отъ князя солнышка

Ярлыки тѣ скорописчаты,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали;
 А и видѣли ихъ на коней-то сядючи,
 Да не видѣли ихъ на коняхъ поѣдучи:
 Будто ясны соколы воспорхнули,
 По пути-дорожкѣ только пыль пошла.

Какъ поѣхали они тутъ изъ землй въ землю,
 Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
 Приѣзжали скоро въ хоробрѹ Литву,
 Ко тому ли королю литовскому,
 Заѣзжали на широкой королевской дворъ,
 Становились противъ самыхъ окошечекъ,
 Соскочили со добрыхъ коней.

Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты побудь-ка тутъ, покарауль коней,
 Подъ окошечкомъ косящатымъ похаживай,
 За собой добрыхъ коней поваживай,
 Во палаты королевскія поглядывай,
 Поспѣвай на выруку, какъ позову тебя“.

Самъ проходитъ во палаты королевскіе;
 Знаетъ онъ порядки королевскіе:

Что не надо ни креститься, ни молитвиться,—
 Бьетъ челомъ лишь королю онъ, поклоняется:

„Здравствуй, батюшка, король ты хоробрѹ Литвы!“

На Дуная тутъ король оглянется:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
 А и жилъ ты у меня вѣдь цѣлыхъ девять лѣтъ:

Трѣ года ли жилъ во конюхахъ,
 Трѣ года ли жилъ во столъникахъ,
 Трѣ года ли жилъ во клюшникахъ,
 Жилъ-служилъ мнѣ вѣрой-правдою.

За твои услуги молодецкія
 Посажу тебя теперь за бѣльшій столъ,
 Посажу за бѣльшій столъ, во мѣсто бѣльшее,
 Вѣшь-ка дѣ-сыта да пей-ка дѣ-люби“.

Посадилъ за бѣльшій столъ, во мѣсто бѣльшее
 Тихаго Дунаюшку Иванова,

Самъ Дуная сталъ выпрашивать, вывѣдывать:

„А скажи, Дунай, скажи-ка, не утай себя

За кѣимъ ты дѣломъ къ намъ пожаловаль?
 Насъ ли повидать, себя казать,
 Аль по старому пожить да мнѣ служить?“
 „Гой ты, батюшка, король ты хоробрѣй Литвы!
 Я не васъ прѣхалъ повидать, себя казать,
 Не по старому пожить, тебѣ служить,
 Я прибѣлъ о добромъ дѣлѣ къ вамъ—о свѣтовствѣ
 На твоей на дочери Апраксіи
 За Владимира за князя солнышка“.

Положилъ онъ ярлыки тутъ на дубовый столъ;
 А король въ сердцахъ ихъ мѣчетъ о кирпичать полъ,
 Чѣрны кудри рветъ себѣ на головѣ,
 Говоритъ самъ таковы слова:

„Глупый князь Владиміръ стольно-кѣвскій!
 Меньшую-то дочку сватаетъ,
 Бѣольшую во дѣвкахъ засадила!
 Коль Апраксю за кого просватаю,
 Такъ просватаю во Золоту Орду,
 За того собаку царя Кѣлина.
 Самого тебѣ, Дунаюшка Ивановичъ,
 Кабы прежде не служилъ мнѣ вѣрой-правдою,
 За твои за рѣчи неумильныя
 Посадила бы въ погребѣ глубокіе,
 Позадвинулъ бы дощечками желѣзными,
 Позасыпалъ бы песками рудожѣлтыми,
 Пропитомствовалъ бы хлѣбушкомъ-водицею;
 Погостилъ бы у меня ты въ хоробрѣй Литвѣ,
 Ума-разума въ головку понабрался бы“.

Какъ тутъ тихому Дунаю за бѣду пало,
 Повскочилъ Дунаюшка да на рѣзвы ножки,
 Поднялъ ручку выше головы,
 Кулакомъ ударилъ по столу—
 Столъ дубовый порастрѣскался,
 Питья на столѣ порасплескалися,
 Вся посуда на столѣ разсѣпалась.
 Какъ забѣгалъ тутъ король по застолью,
 Куньей шубкой укрывается:

„Ахти, братцы! вотъ такъ на бѣду попалъ,
 Ахти, братцы! на великую.
 Какъ съ бѣдой, не знаю, развязатися?“

Со двора ли тутъ бѣгцы бѣгутъ, гонцы гонятъ:
 „Ай ты батюшка, король нашъ хоробрѣй Литвы!
 Ъшь ты, пьешь да утѣшаешься,
 А невзгоды надъ собой не вѣдаешь:
 На твоємъ дворѣ на королевскомъ
 Добрый мѣлодецъ невѣдомый уродствуетъ:
 Во лѣвой рукѣ два повода шелкѣвыхихъ—
 Держить двухъ коней да богатырскіихъ,
 Во правой рукѣ дубинка сорочинская,
 Чебурацкаго свинцу налита въ сорокъ пудъ.
 Яснымъ соколомъ онъ по двору полѣтываетъ,
 Чернымъ ворономъ онъ по двору попархиваетъ,
 Изъ конца въ конецъ онъ по двору поскакиваетъ,
 На всѣ стороны дубинкою помакиваетъ,
 Крупной силы побилъ сорокъ тысячей,
 Мелкой силушки—и смѣты нѣтъ.
 Неужто намъ изъ-за дѣвки всѣмъ погнунти?“

А король-то бѣгаетъ по застолію,
 Куней шубкой укрывается:
 „Ай же, тихій ты Дунаюшка Ивановичъ!
 Ужъ попомни-ка ты стару хлѣбъ да соль,
 Поуйми-ка своего товарища,
 Видно, дочушка Самѣмъ вамъ Богомъ сужена.
 Ужъ вы, служки, пняюшки да мамушки!
 Вы бѣгите-ка во теремъ ко златымъ верхамъ,
 Отомкните тридевятъ замочиковъ,
 Тридевятъ да сторождчиковъ,
 Къ молодой Апраксѣ королевичнѣ,
 Поумойте дѣвицу бѣлѣхонько,
 Сокрутите хорошоохонько,
 Проводите на широкій дворъ,
 Посадите на добра коня,
 Отпустите на святую Русь,
 Во замужество за князя за Владиміра“.

Выходилъ Дунай тутъ на крутой крылець,
 Унималъ любимаго товарища:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Полно же тебѣ теперъ уродствовать,
 А и есть намъ, видно, помочъ Божія“.

Проходилъ самъ ко златымъ верхамъ,

Тридевятъ замочиковъ отщёлкивалъ,
 Дверцы со крюковъ выставливалъ—
 Королевскія палаты зашаталися.
 А сидитъ во теремѣ, въ златомъ верху
 Молода Апраксья королевична.
 Во однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
 Русая коса-то пораспущена.
 Какъ увидѣла Дунаюшку Иванова,
 Испужалась бѣлая лебѣдушка,
 Бросилась какъ угорѣлая.
 Воспроговоришь Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Апраксья королевична!

- А идешь ли ты за князя за Владиміра?“

Говоритъ Апраксья королевична:

„Ай ты, славный богатырь Дунай Ивановичъ!

Три года я Богу вѣдь молилася,
 Чтобъ попасть замужъ за князя за Владиміра“.

Какъ пришли тутъ нянюшки да мамушки,
 Поумыли-убѣлили красну дѣвицу,
 Напушили личико ей бѣлое,
 Сокрутили хорошоохонько,
 Проводили на широкій дворъ.
 Бралъ ее Дунай за бѣлы ручки,
 На добра коня садилъ да къ головѣ хребтомъ,
 Самъ Дунаюшка садился къ головѣ лицомъ.
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 Да по славному раздолю по чисту полю.

Какъ настигла во раздолѣ во чистомъ полѣ,
 Во пути-дороженькѣ ихъ ночка темная,
 Пораздѣрнули палатку полотняную,
 Заходили во палатку опочивъ держать;
 Въ ноженки поставили добрыхъ коней,
 Въ головы ли копыя долгомѣрныя,
 По правдой рукѣ ли сабли острыя,
 По лѣвой рукѣ ли палицы тяжелой.
 А и спать они да высыпаются,
 Темну ночку сномъ коротають.
 Темной ночью ничего не видѣли,
 Ничего не видѣли, да много слышали,
 Слышали погоню богатырскую,

Услыхали по́свистъ по-змѣиному,
 Услыхали по́крикъ по-звѣриному.
 Говорить Дунаюшка Ивановичъ:
 „Гой же ты, Добрынюшка Никитичъ млады!
 Вѣдь за нами есть погоня богатырская.
 Поѣзжай-ка со Апраксѣй королевичной
 На святую Русь, во стальной Кіевъ градъ,
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Отвези ему поклоны, челомъ-бѣтьице,
 Да подай ему невѣсту во бѣлы ручки.
 Самъ я здѣсь останусь, во чистомъ полѣ,
 Со богатыремъ побиться да поратиться“.

И садили красну дѣвицу да на добра коня,
 На добра коня да къ головѣ хребтомъ,
 Самъ Добрынюшка садился къ головѣ лицомъ,
 Распростился и поѣхалъ съ красной дѣвицей
 На святую Русь, на стальной Кіевъ градъ.
 Тихій же Дунаюшка Ивановичъ
 Не съ упадкою, а со прихваткою,
 Со прихваткою богатырскою
 Ёдетъ ко богатырю на стрѣтушку.

Какъ не двѣ тутъ горушки скатилися —
 Съѣхалися два могучихъ богатыря,
 Попытать ли богатырскихъ плечъ,
 Поиспробовать отваги молодецкія;
 Сдѣлали разъѣздъ въ чистомъ полѣ,
 Съѣхалися въ одно мѣсто,
 Приударили во палицы булатныя,
 Словно громъ грянулъ въ поднебесьи—
 Палицы въ рукахъ ихъ приломилися.
 Какъ разъѣхалися опять въ чистомъ полѣ,
 Съѣхалися во одно мѣсто,
 Приударили во сабли остры—
 Остры сабли притупилися.
 Въ третій разъ разъѣхалися въ чистомъ полѣ,
 Съѣхалися во одно мѣсто,
 Приударили во копыа долгомѣрныя—
 Вышибъ тихій тутъ Дунай Ивановичъ
 Изъ сѣдла лихого супротивничка,
 Со добра коня сронилъ да на сырѣ землю.

Самъ едва лишь усидѣлъ въ сѣдлѣ,
 Не казнилъ удала супротивника,
 Только ко сырой землѣ копьемъ прижалъ,
 Въ бѣлу грудь тупымъ концомъ уперъ:
 „Ты скажись-ка мнѣ, удалый добрый молодецъ,
 Ты коей земли, коей орды,
 Коего отца да коей матери?“

Добрый молодецъ ему отвѣтъ держить:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
 Что же ты меня не опозналъ?“

Во одной дороженькѣ со мною ѣзживалъ,
 Во одной бесѣдушкѣ со мною сиживалъ,
 Со одной и чарочки со мною кушивалъ.
 Жилъ у насъ вѣдь ровно девять лѣтъ:

Три года ли жилъ во конюхахъ,
 Три года ли жилъ во стольникахъ,
 Три года ли жилъ во ключникахъ“.

„Ай же ты, Настасья королевична!
 А почтò ты ѣздишь по чисту полю,
 Поленицею удаюю полякуешь?“

„А почтò вы, святорусскіе богатыри,
 Увели сестрицу мнѣ любимую?
 А поляковать я ѣзжу во чистò поле—
 Поискать себѣ да супротивника:
 А и кто меня побьетъ въ чистомъ полѣ,
 За того мнѣ и замужъ идти!“

Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:

„Во семи земляхъ служилъ я, во семи ордахъ,
 Не сумѣлъ себѣ я выжить красной дѣвицы,
 А теперъ я во чистомъ полѣ
 Супротивницу нашель себѣ, обручницу.
 Ай ты, молода Настасья королевична!
 Собирайся-ка со мною въ путь-дороженьку,
 Скидывай-ка златъ шеломъ со буйной головы,
 Скидывай-ка латы со кольчугою.
 Обряжайся по-дѣвичьему
 Во простую епанечку бѣлую,
 Да поѣдемъ-ка со мной во стольный Кіевъ градъ,
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Сходимъ вмѣстѣ въ церковь Божию,

Примемъ вмѣстѣ по злату вѣнцу.

Обряжалася Настасья по-дѣвичьему,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
 Прибыли во стольный Кіевъ градъ,
 Подѣвзжали къ матушкѣ ко церкви Божіей;
 А Владиміръ князь съ Апраксѣй королевичной
 Въ церковь Божію ужъ ко вѣнцу идетъ.
 На церковномъ на крыльцѣ сестрицы встрѣтились,
 Встрѣтились сестрицы, поздоровкались,
 Вмѣстѣ ли крестились и молились,
 Вмѣстѣ ли пошли теперь и въ церковь Божію,
 Вмѣстѣ приняли и по злату вѣнцу,
 Положили заповѣдь великую:
 Съ мужевьями жить да быть, да вѣкъ корѣтати.
 Завели тутъ свадебку, почѣстенъ пиръ,
 Пированьице на весь крещёный людъ,
 Не на мало, не на много—на двѣнадцатъ дѣнь.

И. С. Савицкий

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Дунай Ивановичъ и Настасья коро-
левична (12).

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ
Ласковый Владиміръ князь вѣнчается
Со прекрасной со Апраксѣей королевичной,
Тихій ли Дунаюшка Ивановичъ
Съ бѣльшею сестрицею вѣнчается,
Съ молодой Настасѣей королевичной.
Какъ пошли со церкви Божіей,
Приходили во палаты бѣлокаменны, —
Заводили тутъ почѣстенъ пирь,
Пированьице на весь крещѣнный людъ,
Не на мало, не на много — на двѣнадцать дѣнь.
Всѣ-то за столы посажены,
Всѣмъ-то яства, питьица налажены;
Всхоже солнышко идетъ ко западу,
Бѣлый дѣнь идетъ ко вечеру,
А почѣстенъ пирь идетъ ко вѣселу:
Въ пѣль-сыта всѣ наѣдаются,
Въ пѣль-пьяна всѣ напиваются,
Всѣ промежь собою порасхвастались:
Сильный хвастаетъ великой силушкой,
Голый щапъ — одѣжой цвѣтною,
А богатый — золотою казною:
Кто гораздъ бороться рукопашкою,

Кто гораздъ стрѣляти изъ туга лука,
 Кто гораздъ поѣздить на добромъ конѣ;
 Умный хвалится отцомъ да матерью,
 А безумный—молодой женой.

Какъ выходить тутъ Дунаюшка Ивановичъ
 Изъ-за тѣхъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
 Изъ-за тѣхъ скамеечекъ окольныхъ,
 Отъ своей семеюшки любимыя,
 Молодой Настасьи королевичны;
 Сталь Дунай по горенкѣ похаживать,
 Пословечно выговаривать:

„А и нѣту мѡлодца во Кіевѣ
 Противъ тихаго Дунаюшки Иванова:
 Отъ того отъ короля Литовскаго
 Вытащилъ двѣ бѣлыхъ лебеди,
 Самъ себя женилъ и друга подарилъ“.

Говорить ему Насталь: королевична:

„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
 Не пустымъ ли ты, Дунай, расхвастался?
 Хоть не долго здѣсь, во Кіевѣ, я побыла.
 Много я во Кіевѣ повѣзнала:
 Нѣту силою мѡлодцевъ, ухваткою
 Супротивъ Самсона да Самоилова,
 Нѣтъ поѣздкой мѡлодцевъ, посадкою
 Супротивъ Михайла Пѡтыка Иванова,
 Уговоромъ мѡлодцевъ, смиренъицемъ
 Противъ молода Добрынюшки Никитича,
 Красотою мѡлодцевъ, угожествомъ
 Противъ князя солнышка Владиміра,—
 А на выстрѣль нѣту изъ туга лука
 Супротивъ Настасьи королевичны:
 На твою головку молодецкую
 Покладу своѣ колечико серебряно,
 Понаставлю свой булатный ножъ,
 Отойду сама да на пятьсотъ шаговъ,
 Три раза калѣну стрѣлочку повѣстрѣлю,
 Пропущу сквозь то колечико серебряно,
 По тому по острію ножѣвому,
 Чтѡбъ разсѣклась стрѣлочка калѣная
 На двѣ равныхъ половиночки,

Объ вѣсомъ и на взглядъ равны,
Покатилися бы на двѣ стороны,
Не сронили бы колечика съ головушки“.

Какъ тутъ тихому Дунаю ко стыду пришло,
Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Настасья королевична!
А мы выйдемъ-ка съ тобою во чисто поле,
Востроты другъ у друга отвѣдаемъ,
Кто стрѣлять гораздѣи изъ туга лука“.

Выходилъ Дунай съ ней во чисто поле,
Полагалъ колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую,
Понаставилъ свой булатный ножъ;
Отошла Настасья королевична
Отъ Дуная на пятьсотъ шаговъ.
Брала въ ручки тугой лукъ разрывчатый,
Налагала стрѣлочку калѣную:
Натянула за ухо тетивочку,
И спущала стрѣлочку калѣную:
Пропустила сквозь колечико серебряно,
По тому по острію ножѣвому;
Расколосась стрѣлочка колѣная
На двѣ равныхъ половиночки,
Объ вѣсомъ и на взглядъ равны,
Покатились на двѣ стороны,
Не сронили съ головы колечика.
Три раза Настасья королевична
Пропустила стрѣлочку калѣную
Во колечико серебряно,
По тому по острію ножѣвому,
Да не сшибла съ головы колечика.

Говорить Дунай ей таковы слова:

„Ай же ты, Настасья королевична!
Становись-ка супротивъ меня“.

Полагалъ колечико серебряно
Ей на буйную головушку,
Понаставилъ свой булатный ножъ,
Отошелъ самъ на пятьсотъ шаговъ.
Первый разъ стрѣлилъ—перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ—не дострѣлилъ.

Третій разъ стрѣлилъ—попасть не могъ.
 Какъ у тихаго Дунаюшки Иванова
 Разгорѣлося тутъ ретивѣ сердце,
 Ретивѣ сердце да молодецкое;
 Сталъ онъ стрѣлочкой помахивать,
 Самъ ли стрѣлочкѣ да выговаривать:

„Ай же ты, стрѣла любимая!

Ужъ пади-ка ты не на воду, не на землю,
 Попади-ка ты Настасьѣ да во бѣлу грудь“.

Восполѣшилась княгинюшка Апраксія,
 Стала тихаго Дуная уговаривать:

„А и гой еси ты, мой любимый зятюшка,
 Молодой Дунай да сынъ Ивановичъ!
 То была лишь шуточка пошучена“.

Возмолилася ему и молодѣ жена,
 Кланялася въ землю, убивалася,
 Горючьми слезами уливалася:

„Гой еси ты, мой любезный ладушка,
 Молодой Дунаюшка Ивановичъ!
 Ты прости, прости меня во женской глупости!
 Ты оставь-ка шутку до другого дня;
 Ты теперь, Дунаюшка, хмельнѣшенекъ,
 Ты теперь, Дунаюшка, пьянѣшенекъ,
 Угодишь и въ-правду въ молодѣ жену,
 Сдѣлаешь головку безповинную“.

Стали всѣ князья да бѣяре,
 Сильные могучіе богатыри
 Тихаго Дуная уговаривать.
 Озадѣрился Дунай, не слушаетъ,
 Налагаетъ стрѣлочку калѣную;
 Спѣла у тугѣ лука тетивочка,
 Угодила стрѣлочка калѣная
 Молодой Настасьѣ да во бѣлу грудь,
 Пала молодѣ Настасья на сырѣ землю,
 Облилася кровію горючею;
 Тутъ Настасьѣ и славу поють.

Подошелъ Дунаюшка Ивановичъ,
 Запечалился Дунаюшка, раслакался,
 Говорить самъ таковы слова:

„Гдѣ головкой пала лебедьбѣлая,

Тамъ пади головкой и ясѣнь соколъ!“

Вынималъ изъ ноженъ саблю острую,
Становилъ въ сырѹ землю тупымъ концомъ,
Падаль самъ на саблю ретивымъ сердцомъ;
Тутъ и тихому. Дунаюшкѣ славу поють.

Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,
Тамъ отъ крови отъ ея напрасныя
Протекала быстрая Настасья-рѣченька;
А гдѣ палъ головкою ясѣнь соколъ,
Тамъ отъ крови отъ Дунаевой
Протекла славная Дунай-рѣчка;
На двѣ струйки рѣчки расходилися,
Во одно мѣсто опять сходилися,
Выросло тутъ два деревца кипарисныхъ
Во одно мѣсто верхушки совивалися,
Вѣточки со вѣточками соплеталися:
Малы дѣти идутъ—набалуются,
Молодые идутъ—надивуются,
Стары люди идутъ—понаплачутся.

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Алеша Поповичъ (13).

Какъ изъ славнаго Ростова, красна города,
Не ясень соколъ съ соколикомъ вылётываль—
Выѣзжали два могучихъ богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ, (14)
Съ нимъ молоденькій Екимъ Ивановичъ.
Видили богатыри плечо въ плечо,
Стремя въ стремя богатырское;
Вздили гуляли по чисту полю,
Не наѣзживали ничего въ чистомъ полѣ,
Не видали птицы перелётныя,
Не видали звѣря порыскучаго;
Только и наѣхали въ чистомъ полѣ
Три дороженьки широкія,
Промеждѹ дороженекъ горючь камень лежитъ,
А на камнѣ подписи подписаны.
Говорить Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, братецъ мой, Екимъ Ивановичъ!
Человѣкъ ты поучённый въ грамотѣ:
Посмотри на камнѣ подписи.
Что на камнѣ-то подписано?“
Соскочилъ Екимъ съ добра коня,

Посмотрѣлъ на камнѣ подписи,
А на камнѣ три дороженьки расписаны:
„Первая дороженька на Муромѣ градѣ,
Третья ли ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру“.

Говорить Екимъ Ивановичъ:

„Ай ты, братецъ мой, Алешенька Поповичъ младъ!
Ты какой дорожкой изволишь путь держать?“

Говорить ему Алешенька Поповичъ младъ:

„Лучше ѣхать намъ ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру“.

Повернули добры молодцы добрыхъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву.

Не доѣхавши до славной до Сафать-рѣки, ⁽¹⁵⁾

Становились на лугахъ зеленыхъ,

Покормить своихъ добрыхъ коней,

Разставляли два бѣлыхъ шатра.

И Алеша поизволилъ опочивъ держать

Мало время позамѣшкавши,

Молодой Екимъ добрыхъ коней

Въ зеленъ лугъ пустилъ стреноживши,

Самъ въ шатерь ложился опочивъ держать.

Какъ прошла та ночь осенняя,

Ото сна Алеша пробуждается,

Возстаетъ рано ранѣшенько,

Утренней зарею умывается,

Бѣлою ширинкой утирается,

Ко востоку Богу молится.

Молодой Екимъ Ивановичъ

По добрыхъ коней сходилъ скорѣшенько,

Попойть сводилъ ихъ на Сафать-рѣку,

Приказалъ Алеша тутъ сѣдлать добрыхъ коней.

Осѣдлавши онъ, Екимъ, добрыхъ коней,

Снаряжались ко городу ко Кіеву.

Приходилъ къ нимъ тутъ калика переходящая: ⁽¹⁶⁾

Лапотки на немъ семи шелковъ,

Подковыренные чистымъ сѣребромъ,

Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,

Шуба соболѣнная да долгополая,

Шляца сорочинская да земли греческой,

Шелепуга подорожная
Чебурацкаго свинцу наліта въ тридцать пудъ.
Говорить калика перехожая:
„Ой вы гой еси, удалы добры мѳлодцы!
Видѣль я за славной за Сафать-рѣкой
Молода Тугарина Змѣевича: (17)
Въ вышину-то онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
Промежь плечъ-то у него коса сажень,
Промежь глазъ-то катеня стрѣла,
Конь крылатый подъ Тугариномъ какъ лютый звѣрь,
Изъ хайлища-то огѳнь пышетъ,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ валить“.

Привязался тутъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, братецъ мой, калика перехожая!
Дай свое мнѣ платьице каличье,
Самъ возьми мое да богатырское,
Дай мнѣ лапотки семи шелковъ,
Подковыренныя чистымъ сѣребромъ,
Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,
Шубку соболиную да долгополую,
Шляпу сорочинскую да земли греческой,
Шелепугу подорожную
Чебурацкаго свинцу наліту въ тридцать пудъ“.

Не отказывалъ калика перехожая,
Далъ ему свое онъ платьице каличье,
Надѣвалъ самъ платье богатырское.
Наряжается Алешенька каликою,
Взялъ съ собою шелепугу подорожную
Чебурацкаго свинцу наліту въ тридцать пудъ,
Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,
И пошелъ за славную Сафать-рѣку.

Какъ завидѣль тутъ Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ
Отъ далі Алешеньку Поповича,
Заревѣль, собака, зычнымъ голосомъ,
Инъ продрогнула дубравушка зелѣная,
Младъ Алеша еле живъ идетъ.
Говорить ему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:

„Ай ты гой еси, калика перехожая!
Не слыхалъ ли ты да не видалъ ли гдѣ
Про младя Алешу про Поповича?“

«Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчичу!»

Не слыхать мнѣ отъ далі-то, что ты говориши.
Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ.

И-бъ Алешу закололъ копьемъ,
Закололъ копьемъ, спалилъ огнемъ“.

Говоритъ Алешенька каликою:

„Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчичу:
Не слыхать мнѣ отъ далѣ-то что ты говоришь“.

Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ.
Какъ сверстался младъ Алеша со Тугариномъ,
Шелепугою его по головѣ хлестнулъ,
Буйну голову Тугарину разбилъ-распибъ,
Повалилъ собаку на сырѣ землю,
Самъ вскочилъ ему на черну грудь...

А и взмолился Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ:

„Гой еси, калика переходящая!

Ты не самъ ли еси Алешенька Поповичъ младъ?
Если ты Алеша—побратаемся“.

Втѣпоры Алешенька врагу не вѣривалъ,
Отрубилъ ему онъ буйну голову,
Поснималъ съ него онъ платье цвѣтное,
Платье цвѣтное да на сто тысячей,
Самого въ торокѣ вязалъ,
Одѣвался въ платье цвѣтное,
На коня его садился, на люта звѣря,
И поѣхалъ ко своимъ бѣлымъ шатрамъ.

Какъ увидѣли его Екимъ съ каликою,
Испужались, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко Ростову городу.
Настигаетъ ихъ Алешенька Поповичъ младъ.
Какъ обернется Екимъ Ивановичъ,
Показался онъ ему Тугариномъ,
И выдѣргивалъ онъ боевую палицу,
Палицу булатную во тридцать пудъ,
И бросалъ ее назадъ себя—
Угодилъ Алешѣ въ груди бѣлыя,
Сшибъ Алешу изъ черкаскаго сѣдлышка,
И упалъ онъ на сырѣ землю.
Соскочилъ Екимъ тутъ со добра коня,
Сѣлъ ему на груди бѣлыя,
Ладить ихъ пороть ему чингалищемъ—
И увидѣлъ золотъ чуденъ крестъ на немъ,

Самъ заплакаль, говорить каличищу:

„По грѣхамъ мнѣ, видно, учинилося,
Что убилъ я братца своего родимаго!“

Стали оба тутъ его трясти, качать,
Подали ему питья заморскаго,
И пришелъ онъ отъ того ко живности.
Помѣнялися они съ каликой платъицею:
Надѣвалъ калика платъице каличее,
Надѣвалъ Алеша богатырское,
А Тугарина-то платъе цвѣтное
Положили въ торокѣ къ себѣ.
Сами сѣли на добрыхъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,
Соскочили со добрыхъ коней,
Привязали ко столбамъ дубовымъ
И пошли во гридни свѣтлыя.
А у ласковаго князя у Владиміра
Со его княгиней со Апраксіей
Поразставлены столы дубовые,
И идетъ хорошъ почѣстенъ пиръ.
Какъ вошли во гридни свѣтлыя,
Молятся святому Спасу образу,
Бьютъ челомъ на всѣ четыре стороны,
Князю со княгиней въ особину.
Говорить имъ ласковый Владиміръ князь:

„Гой еси вы, добры мѣлодцы!
А и какъ же васъ зовутъ по имени,
Величаютъ по изотчеству?
Вамъ по имени бы можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловать“.

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:
„Я изъ славнаго Ростова, красна города,
Сынъ Леонтья, стараго попа соборнаго,
А зовутъ Алешю Поповичемъ.
Повстрѣчалъ путемъ Тугарина Змѣевича,
Голову срубилъ чудовищу,
Въ торокахъ его привезъ къ тебѣ“.

Какъ возрадуется тутъ Владиміръ князь,
Говоритъ Алешѣ таковыя слова:

„Гой еси Алешенька Поповичъ младъ!

А садись-ка ты да по отечеству
Во большое мѣсто, во большій уголь,
Во другое мѣсто богатырское—
Во скамью дубову супротивъ меня,
Въ третье мѣсто—куда самъ захошь“.

Не садился младъ Алеша во большій уголь,
Не садился во скамью дубовую,
Сѣлъ онъ со товарищами на палатный брусъ.
Воскричалъ Владиміръ князь тутъ громкимъ голосомъ:

„Гой еси вы, слуги вѣрные!

Вы идите-ка да на широкій дворъ
За чудовищемъ Тугариномъ Змѣвичемъ,
Вы берите-ка со торокѡвъ его,
Принесите предъ лицо мое“.

И идутъ двѣнадцать добрыхъ молодцевъ,
Принесли Тугарина Змѣвича
На доскѣ изъ красна золота,
Посадили во большій уголь,
Рядомъ со княгиней со Апраксіей. (18)

Были же тутъ повара догадливы:
Приносили яствушекъ сахарныхъ,
Приносили бѣлую лебедушку.

Стали ѣсть всѣ, прохлажатися
А Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ нечестно ѣсть:

По ковригѣ цѣлой за щеку мечѣтъ,
Проглотилъ за разъ всю лебедь бѣлую,
Закусилъ еще ковригой монастырскою.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Какъ у моего у государя батюшки,
У Леонтя у попа Ростовскаго,
Было псище старое, сѣдатое,
Еле по подстолю таскалося;
Какъ хватило псище кость великую,
Гдѣ хватило, тамъ и подавилоса;
Подавиться и Тугарину Змѣвичу
Отъ меня Алеши отъ Поповича“.
Почернѣлъ Тугаринъ, какъ осенняя ночь,

Просясьль Алеша, какъ свѣтъль мѣсяць.
 Были повара опять догадливы:
 Приносили зелена вина,
 Приносили питьецовъ медвяныхъ,
 Питьцевъ медвяныхъ, заморскихъ.
 Стали пить всѣ, прохладжати;
 А Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ нечестно петь:
 Въ разъ охлѣстываетъ чары цѣля,
 Каждая-то чара въ полтара ведра.
 Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
 „Какъ у моего родителя у батюшки,
 У Леонтыя у попа Ростовскаго,
 Было старое коровище,
 Еле по двору таскалося,
 На поварню къ поварамъ заблюся,
 Браги прѣсной цѣлый чанъ охлестнуло,
 Гдѣ охлестнуло—и треснуло;
 Треснуть и Тугарину Змѣвичу
 Отъ меня Алеши отъ Поповича“.

Потемнѣлъ Тугаринъ, какъ осеня ночь,
 Выдернулъ чингалище булатное,
 Бросилъ во Алешу во Поповича;
 Да Алешенька на то повѣртокъ былъ,
 И не могъ Тугаринъ угодить въ него.
 А стоялъ у печки у муравленой
 Молодой Екимъ Ивановичъ,
 На лету чингалище подхватывалъ,
 Самъ Алешѣ приговаривалъ:

„Ай ты, братецъ мой Алешенька Поповичъ младъ!
 Самъ изволишь ли бросать въ него, аль мнѣ велишь?“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Самъ не брошу и тебѣ бросать не дамъ.
 Зѣутро ужѣ съ нимъ перевѣдаюсь:
 Бьюся съ нимъ я о великѣ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ—
 Бьюся о своей о буйной головѣ“.

Втѣпоры князя и бѣяре
 Повскочили на рѣзвы ноги,
 Всѣ поруки держать за Тугарина:
 Какъ по сту рублей князя кладутъ,

По пятидесяти бѡяре,
А крестьяне по пяти рублей.
Гости ли торговые случилися:
Подъ Тугарина Змѣевича
Подписали корабли свои,
Что стояли на быстромъ Днѣпрѣ
Со товарами заморскими.
За Алешу за Поповича подписывалъ
Изо всѣхъ владыка лишь черниговскій.
Взвился тутъ Тугаринъ и съ палатъ ушелъ,
На добра коня садился, на люта звѣря;
Поднялся на крыльяхъ его добрый конь,
Полетѣлъ высоко, близъ подъ облакомъ.
Со товарищами и Алеша вонъ пошелъ;
На добрыхъ коней садился,
И поѣхали ко славной ко Сафатъ-рѣкѣ;
Поразставили бѣлы шатры,
Отпустили коней въ зеленъ луга,
Сами стали опочивъ держать.

Тутъ Алеша цѣлу ночь не спалъ—
Цѣлу ночь стоитъ на востокъ лицомъ,
Со слезами Богу молится:
„Дай-ка, Господи, мнѣ тучу грозную,
Тучу грозную со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило бы коня крылатаго
У Тугарина Змѣевича,
Опустился бы Тугаринъ на сырѹ землю,
Было бы мнѣ съ нимъ посѣхаться“.

По тому ли по Алешину моленію,
Но Господнему да по велѣнію
Наставала туча грозная,
Туча грозная со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило крылья у коня крылатаго,
Палъ Тугаринъ на сырѹ землю.
Прибѣгаетъ тутъ Екимъ Ивановичъ
Ко Алешѣ съ радостною вѣсточкой,
Что Тугаринъ ѣдетъ по сырѡй землѣ.
Скоро младъ Алеша снаряжается,
Взялъ съ собою палицу тяжелую,
Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,

И сядилъ на добра коня,
 Ёдетъ ко Тугарину на стрѣтушку.
 А Тугаринъ ёдетъ на добромъ конѣ,
 На добромъ конѣ да по сырой землѣ,
 Увидать Алешеньку Поповича,
 Заревѣлъ, собака, зычнымъ голосомъ:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
 Хошь ли, я тебя огнемъ спалю?
 Хошь ли, я тебя конемъ стопчу?
 Хошь ли, я тебя копьемъ убью?“

Замахнулся онъ чингалищемъ булатнымъ,
 Чтобы сваять съ Алеши буйну голову;
 А Алеша былъ востѣръ собой:
 Завернулся за ту гриву лошадиную;
 Промახнулося чингалище булатное
 И ушло въ сырѹ землю до чѣрна.
 Говорить Алешенька Тугарину
 Изъ-за гривы лошадиныя:

„Гой же ты, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
 Бился ты со мною о великъ закладъ:
 Биться-драться одинъ-на-одинъ,
 А вѣдь за тобою силы смѣты нѣтъ
 На меня на Алешу на Поповича“.

Какъ оглянется Тугаринъ тутъ назадъ себя,
 Младъ Алеша былъ востѣръ собой:
 Вывернулся изъ-за гривы лошадиныя,
 Да ударить палицею тяжелою
 Въ буйну голову Тугарина Змѣевича—
 Своротилося главѣще на правѹ страну,
 Туловѣще да на лѣвую.

Соскочилъ Алеша со добра коня,
 Бралъ чингалище булатное,
 Прокололъ собакѣ уши въ гдоловѣ,
 Да главѣща-то не можетъ на плечо поднять,
 Жалкимъ голосомъ кричить товарищамъ:

„Гой еси, мои вы вѣрные товарищи!
 Подсобите-ка главѣще на плечо поднять“.

Подъѣзжали вѣрные товарищи
 Помогли главѣще на плечо поднять.
 И несетъ его Алеша ко добрѹ коню,

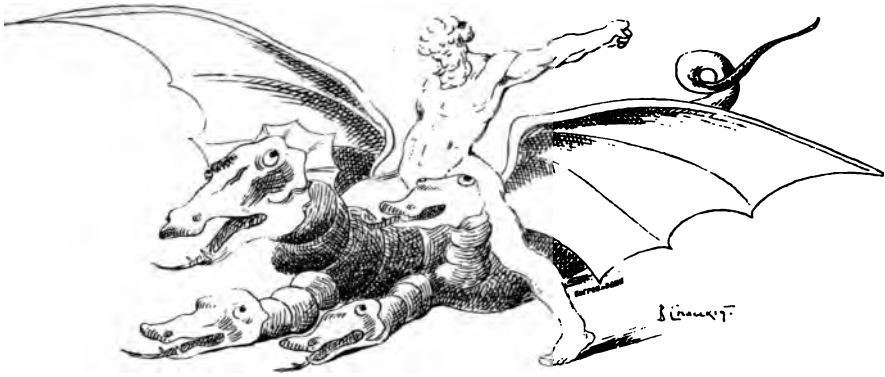
Привязалъ кудёрушками желтыми
 Какъ стременамъ ко лошадинымъ
 И повезъ ко городу ко Кіеву.

Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
 Какъ заѣхали на княженецкій дворъ
 Бросилъ онъ середь двора чудовище.
 Увидаль ихъ ласковый Владиміръ князь,
 Выходилъ къ нимъ на краснѣ крыльцо,
 Проводилъ ихъ въ грядни свѣтлыя,
 За убраные столы сажалъ,
 Самъ Алешѣ приговариваль:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
 Ужъ живи-ка ты теперь у насъ во Кіевѣ,
 Послужи-ка мнѣ, князю Владиміру;
 До-люби тебя пожалую“.

Такъ про молода Алешу старину поють,
 Морю синему на тишину,
 Добрымъ людямъ на послушанье.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

Первый бой Добрыни Никитича со Змѣемъ Горынчищемъ.

Среди ли было лѣта краснаго
Во жары ли непомѣрные Петровскіе,
Захотѣлося Добрынюшкѣ Никитичу
Во студѣной быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.
Приходилъ Добрыня къ рѣдной матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ,
Говорилъ ей таковыя слова:

„Ай же ты, моя родитель-матушка!
Ужь ты дай-ка мнѣ прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Съѣздить ко той славной ко Пучай-рѣкѣ: (19)
Мнѣ охота во студѣной, быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское“.

Говорить Добрынѣ рѣдна матушка,
Та честна вдова многоразумная:

Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты не ѣди-ка купаться во Пучай-рѣкѣ;
Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая:
Изъ-за первой струйки какъ огонь съчѣтъ,
Изъ-за средней струйки искры сыплются,

Изъ-за третей струйки дымъ столбомъ валить,
Дымъ столбомъ валить да съ жаромъ-пламенемъ“.

Не послушался Добрыня рѣдной матушки,
Выходилъ онъ изъ столовой горенки
Да во славныя палаты бѣлокаменны,
Одѣваль одѣжицу дорожную,
Накрывался шляпой земли греческой,
Заходилъ въ широкъ конюшенъ дворъ
И уздалъ, сѣдлалъ добра коня;
Бралъ копье съ собою долгомѣрное,
Тугой лукъ да каленыя стрѣлы,
Саблю острую да палицу тяжелую—
Не для драки бралъ, для кроволитьица,
Для потѣхи бралъ для молодецкія.
Какъ садился тутъ Добрыня на добра коня,
Какъ сѣвжалъ да съ широка двора
Съ молодымъ слугою, съ малымъ паробкомъ—
Плеткою добра коня понуживалъ,
Палицей булатною поигрывалъ,
Долгомѣрнымъ копьемъ да поворачивалъ.
Какъ поѣхалъ по чисту полю да ко Пучай-рѣкѣ,
Какъ проѣхалъ часъ-другой по красну солнышку—
Богатырское-то тѣло разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося,
Приправлялъ коня онъ къ быстрой рѣченькѣ,
Соскочилъ скорѣнько со добра коня,
Бросилъ поводъ малу паробку:
„Ай же ты, дѣтинка, малый паробокъ!
Подержи-ка мнѣ, покарауль коня“.

Снялъ съ головки шляпу земли греческой,
Разболакивалъ одѣжицу дорожную,
Штаники со спусками да чѣрны чѣботы,
Скидывалъ рубашку миткальную,
Да спустился во студѣну, быстру рѣченьку.
Заходилъ за стрѣчку за первую,
Заходилъ за стрѣчку за среднюю,
Говорить самъ таковыя слова:
„Мнѣ, Добрынѣ, говорила матушка,
Мнѣ, Никитичу, наказывала рѣдная:
— Не купатся ты, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ;

Та Пучай-рѣка свирѣная, сердитая.—
 Анъ Пучай-то рѣченька кротка, смирна,
 Будто лужица дождѣвая“.

Не успѣлъ Добрыня слово смолвити
 Вѣтра нѣтъ, а тучи нанесло,
 Тучи нѣтъ, а будто дождь дождить,
 И дождя-то нѣтъ, а громъ гремитъ,
 Громъ гремитъ, да свищеть молнія.
 Ни отколь на молода Добрынюшку
 Налетѣло змѣище Горынчище
 Лютая змѣя о трехъ о головахъ,
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ,
 Говорить ему змѣя проклятая:

„А вѣдь стары люди-то пророчили,
 Что убиту быть мнѣ, змѣищу Горынчищу,
 Молодымъ Добрынею Никитичемъ,
 А теперь Добрыня самъ въ моихъ рукахъ,
 Захочу теперь—Добрыню я огнемъ сожгу,
 Захочу теперь—Добрыню съѣмъ-сожру,
 Захочу теперь—Добрыню въ хоботà возьму,
 Въ хоботà возьму, да во полонъ снесу“.

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же ты, змѣя проклятая!
 Ты поспѣй-ка захватить Добрынюшку,
 Въ тѹ пору Добрынюшкой и хвастайся,
 А теперь Добрыня не въ твоихъ рукахъ“.

Плавать онъ, Добрыня-то, гораздъ вѣдь былъ:
 Какъ у тамошняго бережка ныркомъ нырнулъ,
 Такъ у здѣшняго повынырнулъ;
 Вышелъ по желтѹ песку да на крутой берѣгъ.
 Въ тѹ пору-то паробокъ былъ тѹропокъ:
 Вонъ угналъ коня Добрынина,
 Взялъ съ собой копье Добрынино,
 Тѹгой лукъ и каленѣ стрѣлы,
 Саблю острую и палицу тяжелую—
 Нечѣмъ-то ему съ змѣею попротивиться.
 А она опять летитъ проклятая,
 Сыплеть искрами горячими,
 Жжетъ ему да тѣло бѣлое.
 Приужахнулося сердце богатырское!

Поглядѣлъ Добрынюшка по бѣрежку—
 Не случилось ничему лежать на бѣрежкѣ,
 Нечего-то взять ему въ бѣлыя ручки.
 Вспомнилась Добрынѣ рѣдна матушка:

„Не велѣла мнѣ, Добрынѣ, рѣдная
 Во Пучай-рѣкѣ купатися;
 А теперъ приходитъ мнѣ кончинушка!“

Поглядѣлъ въ послѣдній разъ по бѣрежку—
 Увидаль тутъ шляпоньку на бѣрежкѣ,
 Шляпоньку свою да земли греческой.
 Скоро браль онъ шляпоньку въ бѣлыя ручки,
 Насыпаль въ нее песочку желтаго,
 Желтаго песочку цѣлыхъ три пуда,
 Да со всей досадушкой великою
 Какъ ударить шляпонькой поганую—
 Изъ двѣнадцати ей поотшибъ три хобота,
 Повалилъ змѣю съ размаху на сырѣ землю,
 На сырѣ землю да во ковыль-траву,
 Повскочилъ на груди ей колѣнками,
 Отшибить ей хочеть остальные хоботы.
 Какъ возмолится змѣя Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, молоденькїи Добрынюшка!
 Не убей меня ты за напраслину,
 А спусти летать да по бѣлѣ свѣту:
 Буду я тебѣ сестрою меньшею,
 Будешь ты мнѣ братцемъ бѣльшимъ. (20)
 И положимъ мы съ тобою заповѣдь,
 Заповѣдь велику, нерушимую:
 Не ѣзжать тебѣ, Добрынюшкѣ, въ чисто поле,
 Не топтать моихъ дѣтенышей-змѣенышей;
 Не летать и мнѣ, змѣѣ, къ вамъ на святую Русь,
 Не носить въ полонъ народу христіанскаго“.

Поддался Добрынюшка на рѣчь лукавую,
 Положилъ съ змѣею заповѣдь великую
 И спустилъ изъ-подъ колѣнъ проклятую.
 Поднялася вверхъ змѣя подъ облака,
 Полетѣла прямо да на Кіевъ градъ;
 Пролетая черезъ Кіевъ градъ,
 Увидала князеву племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну, (21)

Чтò повышла съ мамками да съ няньками
 Погулять во зеленомъ саду,—
 Припадала лютая къ сырой землѣ
 Ухватила князеву племянницу
 Въ хобота свои змѣиные,
 Унесла съ собой на гору Сорочинскую, (22)
 Въ пещерушки свои змѣиныя.

Въ тѹ пору Добрынинъ малый паробокъ
 Подбѣгалъ опять къ нему, ко добру молодцу,
 Подавалъ одежицу дорожную,
 Подводилъ коня да богатырскаго.
 Только сѣлъ Добрыня на добра коня—
 Какъ не тѣни темныя затѣмнили,
 Какъ не тучи черныя попадали—
 Какъ летить по воздуху змѣя проклятая,
 Въ хоботахъ несетъ да князеву племянницу.
 Тутъ молоденькій Добрыня закручинился,
 Закручинился Добрыня, запечалился.
 Въ Кіевъ градъ Добрыня поворотъ держалъ,
 Приѣзжалъ на свой широкій дворъ,
 Проходилъ въ палату бѣлокаменну,
 Во столову горенку ко рѣдной матушкѣ,
 Да садился на брусѣву лавочку,
 До самой земли повѣсилъ буйну голову,
 Ни словечкомъ не промолвился.

Подходила ко Добрынѣ рѣдна матушка,
 Стала старая его выпрашивать,
 Стала старая вывѣдывать:

„Ты объ чемъ, Добрынюшка, кручинишься?
 Ты объ чемъ, мой свѣтъ, печалишься?“

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:

„Не объ чемъ я не кручнюся,
 Не объ чемъ я не печалюся:
 Только дай-ка, матушка, прощеньице,
 Дай прощеньице-благословеньице
 Мнѣ сходить ко князю ко Владиміру:
 У него, у князя у Владиміра,
 Зачался почестень пиръ да на двѣнадцать дѣнь
 На многіхъ князей его, на бояровъ,
 Да на всѣхъ могучіхъ богатырей.“

Говорить Добрынѣ рѣдна матушка:
 „Ай ты, свѣтъ мой, душенька! Добрынюшка
 Не ходи-ка ты ко князю на почестень пирь,
 А живи-ка во своемъ дому, у матушки,
 Хлѣба-соли ѣшь-ка до-сыта,
 Зелена вина пей до-пьяна,
 Золотой казны держи по надобью“.

Не послушался Добрыня матушки,
 Снаряжался, отправлялся на почестень пирь
 Къ ласковому князю ко Владиміру.

Какъ на этомъ старина кончается,
 А другая начинается.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

Второй бой Добрыни со змѣемъ.

Какъ идетъ Добрынюшка Никитичъ младъ
На почѣстенъ пиръ ко князю ко Владиміру,
Какъ проходить въ гридню княженецкую,
Гдѣ стоятъ столы дубовые,
Стланы скатерти шелковья,
Понакладаны уѣдушки сахарныя,
Поразставлены напитки медвяныя,—
Крестъ кладетъ онъ по-писаному,
И поклонъ ведетъ да по-учѣному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Проводили гостя во большой уголь,
Во большой уголь, во мѣсто бѣльшее.
Какъ тутъ ласковый Владиміръ князь
По столовой гриднѣ запохаживаль,
На своихъ богатырей посматриваль,
Пословечно, сударь, выговариваль:
„Ай вы, сильные, могучіе богатыри!
Хоть идетъ у насъ почѣстенъ пиръ на-вѣселѣ,
Самому-то мнѣ, Владиміру, не весело:
Унесла змѣя проклятая Горынчище
У меня любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Вы подумайте-ка, братцы, посоветуйтесь:
На кого бы мнѣ накинуть служебку,
Служебку не малую, великую,
Съѣздить на ту гору Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ

Отыскать, добыть любимую племянницу?“

То услышавши, могучіе богатыри
Большіе туляются за средніхъ,
Средніе хоронятся за меньшихъ,
А отъ меньшихъ по чину и отвѣту нѣтъ.
Какъ выходитъ тутъ изъ-за стола съ-за средняго
Молодой Алешенька Леонтьевичъ:

„Гой ты, батюшка Владиміръ стольно-кїевскїй!
Былъ вчерась я во чистомъ полѣ,
Видѣлъ у Пучай-рѣки Добрынюшку:
Съ змѣищемъ Горынчищемъ онъ дрался-ратился,
Покорилася змѣя ему, винулася,
Называла братцемъ бѣльшимъ,
Нарекалася сама сестрою меньшею.
Ты пошли-ка на ту служебку Добрынюшку:
Онъ тебѣ любимую племянницу
Безъ бою, безъ драки-кроволитьица
У названой у сестры своей повѣпросить“.

И возгворилъ Владиміръ стольно-кїевскїй:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты садись-ка на добра коня,
Поѣзжай-ка на ту гѣру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
Добывай-ка мнѣ любимую племянницу,
Молоду Забавушку Путятичну.
Не добудешь мнѣ племянницы—
Прикажу тебѣ, Добрынѣ, голову рубить“.

Опустилъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ во столъ дубовый очи ясныя,
Ни словечка на тѣ рѣчи не отвѣтствовалъ.
Онъ вставалъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныхъ,
Отдавалъ великое почтеніе
Князю за весѣло пированьице,
И пошелъ къ своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Какъ пришелъ въ столовую во горенку
Ко своей ко рѣдной матушкѣ,
Говорить ему тутъ рѣдна матушка,
Та честна вдова Афимья Александровна:
„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,

Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты объ чемъ, про что такъ пригорюнился,
 Пригорюнился да закручинился?
 Мѣсто ли въ пиру было не по чину,
 Чарой ли въ пиру тебя подбнесли,
 Али пьяница-дуракъ поосмѣялъ въ глаза?“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ.

„Мѣсто-то въ пиру мнѣ было по чину,
 Чарою въ пиру меня не обнесли,
 Пьяница-дуракъ не осмѣялъ въ глаза;
 А накинულъ на меня Владиміръ князь
 Служебку не малую, великую—
 Съѣздить на ту гору Сорочинскую,
 Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
 Отыскать ему, добыть племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну“.

Говоритъ Добрынѣ рѣдна матушка:

„Ты ложись-ка спать поранѣй съ вечера,
 Мудренѣе утро будетъ вечера:
 Встанешь утрушкомъ отъ молодецка сна,
 Заходи въ конюшеньку стоялую,
 Выводи бурка съ конюшеньки,
 Дѣдова коня матѣраго,
 А стоитъ бурка пятнадцать лѣтъ,
 По колѣна ноженки въ назѣмъ зарощены,
 Дверь по поясу въ назѣмъ ушла“.

И ложился спать Добрыня съ вечера,
 Утрушкомъ вставалъ ранѣшенько,
 Умывался водушкой бѣлѣшенько,
 Утирался полотѣннышкомъ сушохонокъ,
 Подкрутился хорошохонокъ,
 Выходилъ къ конюшенькѣ стоялоей,
 Изъ назема дверь повытащилъ,
 Дѣдову коню матѣрому
 Изъ назема ноженки повыдернулъ.
 Выводилъ за уздицу тесьмяную
 На широкой дворъ добра коня,
 Сталъ добра коня засѣдывать, улаживати
 Полагалъ сперва подпотничекъ,
 На подпотничекъ клать потничекъ,

Сверху потничка еще да войлочекъ,
 А на войлочекъ черкасское сѣдлышко—
 Что сѣдлышко-то изукрашено:
 Цѣнными шелками пообшивано,
 Да червоннымъ золотомъ обвѣвано.
 Сталь подтягивать тутъ подпруги шелковоньки,
 Втягиваетъ въ нихъ шпеньки булатные,
 Полагаетъ пряжки красна золота:
 Шелкъ не порвется, булатъ не потрется,
 Красно золото не ржавѣеть,
 Добрый молодецъ въ сѣдлѣ не старѣеть.
 Всѣхъ подтягиваль двѣнадцать подпруговъ,
 Клатъ еще тринадцатый для крѣпости,
 Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ.
 Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ.

Какъ садился тутъ Добрыня на добра коня,
 Какъ сѣзжалъ да съ широка двора,
 Провожала его рѣдна матушка,
 Подавала на поѣздѣ плѣточку,
 Плѣточку семи шелковъ да разныхъ,
 Говорила, слезы утираючи:

„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
 Ты возьми-ка плѣточку семи шелковъ:
 Какъ приѣдешь на ту гору Сорочинскую,
 Какъ начнешь змѣенышей поталтывать,
 Да не станеть бурушко поскакивать,—
 Ты хлыщи бурка промежь ушей,
 Промежь ногъ хлыщи да промежь заднихъ:
 Станеть у тебя бурка поскакивать,
 Прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивать,
 Всѣхъ притопчетъ до единого“.

Отломилась вѣточка съ садовой яблоньки,
 Откатилось яблочко отъ яблоньки,
 Отѣзжаетъ сынъ отъ рѣдной матушки
 Въ чужедальнюю сторонушку.
 День уходитъ за день будто дождь дождить,
 А недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжить.
 Ѣдетъ днемъ Добрынюшка по красну солнышку,
 Ѣдетъ ночью онъ по свѣтлу мѣсяцу;
 Въѣхаль на ту гору Сорочинскую,

Сталь топтать поганыхъ змѣнышей.
 Подточили тутъ змѣныши
 У добра коня копытушки,
 И не можетъ добрый конь поскакивать,
 Сталь онъ подъ Добрынюшкой припадывать.
 Вспомнилъ тутъ Добрынюшка наказъ родительскій,
 Выдернулъ онъ плетку изъ-за пояса,
 Плеточку семи шелковъ да разныхъ,
 Сталь хлыстать бурка промѣжь ушей,
 Промежь ногъ хлыстать да промѣжь задніхъ:
 Сталь бурку да приговаривать:

„Ай ты, бурушко, скачи-поскакивай,
 Прочь отъ ногъ змѣнышей отряхивай“.

Сталь тутъ бурушко скакать-поскакивать,
 По верстѣ да по другой помахивать,
 По колѣнушки въ сырѹ землю погрязывать,
 Изъ сырой земли копытушки выхватывать,
 По сѣнной копнѣ земелюшки вывертывать,
 За три выстрѣла да камешки откидывать;
 Сталь онъ прочь отъ ногъ змѣнышей отряхивать,
 Притопталь всѣхъ до одинаго.

И сходилъ Добрыня со добра коня,
 Облачался во dospѣхи крѣпкіе,
 Бралъ во праву руку саблю острую,
 Полагалъ подъ лѣвую подъ пазушку
 Палицу тяжелую булатную,
 На бѣлы груди копье да долгомѣрное,
 Кладъ подъ поясъ шелепугу подорожную,
 Съ ней и плеточку семи шелковъ—
 И пошелъ къ пещерушкамъ змѣинымъ.

Какъ не тѣни темныя затѣмнѣли,
 Какъ не тучи черныя попадали—
 Какъ летитъ сама змѣя Горынчище,
 Во когтяхъ несетъ да тѣло мертвое.
 Увидала молода Добрынюшку—
 Опустила тѣло мертвое
 На сырѹ землю, на муравѹ траву,
 Подлетѣла къ молодѹ Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, молоденькія Добрынюшка,
 Ты зачѣмъ нарушилъ нашу заповѣдь!

Притопталъ моихъ дѣтенышей-змѣенышей?“

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:

„Ай же ты, змѣя проклятая!

Я-ль нарушилъ нашу заповѣдь,

Али ты, змѣя, ее нарушила?

Ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,

Унесла у насъ Забаву дочь Путятичну?

Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Путятичну

Безъ бою, безъ драки-кроволитьица“.

Не хотѣла отдавать змѣя

Безъ бою, безъ драки-кроволитьица,

Заводила съ нимъ великій, кроволитный бой.

Бились-рѣтились они тутъ двое сутокъ,

А не можетъ одолѣть змѣю Добрынюшка,

Начала змѣя его покидывать,

Начала его побрасывать.

Вспомнилъ онъ опять про плеточку,

Плеточку семи шелковъ да различныхъ,

Бралъ во праву руку плеточку,

Лѣвою поймалъ змѣю поганую,

Преклонилъ ее къ сырѣй землѣ,

Билъ той плеточкой шелковою,

Укротилъ акъ скотинушку.

Отрубилъ тогда змѣѣ всѣ хоботы,

Распиналъ ее да по чисту полю,

Разрубилъ на мелки частички.

И пошла съ востока внизъ до запада

Вкругъ Добрыни кровь змѣиная;

Простоялъ въ крови Добрыня трое сутокъ—

Не пожрала крови той сырѣ земля.

Бралъ опять Добрыня плеточку шелковую,

Билъ той плеточкой сырѣ землю,

Самъ землѣ да приговаривалъ:

„Разступись-ка, мать сырѣ земля

На четыре разступись на четверти,

Всю пожри-ка кровь змѣиную“.

Разступилась мать сырѣ земля

На четыре да на четверти,

Всю пожрала кровь змѣиную.

И сошелъ Добрынюшка Никитичъ младъ

Ко пещерушкамъ змѣиннымъ.
 Какъ затворено тамъ мѣдными затворами,
 Подперто желѣзными подпорами—
 Не пройти въ пещерушки змѣинныя.
 Онъ желѣзныя подпоры прочь откидываль,
 Мѣдные затворы вонъ отдвигиваль,
 Проходилъ въ пещерушки змѣинныя.
 А сидитъ тамъ половѣвъ-то много множество:
 Съ сорока земель царей, царевичей,
 Съ сорока ли королей да королевичей,
 А простой-то силушки и смѣты нѣтъ.
 И спротоворилъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же вы, цари, царевичи,
 Короли да королевичи,
 Ты, простая силушка несмѣтная!
 Выходите-ка на Божью волюшку,
 Расходитесь по своимъ мѣстамъ,
 По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ“ .

Стали выходить они на Божью волюшку,
 И пошелъ у нихъ великій шумъ.
 Не видать одной Забавушки Путятичны.
 Проходилъ Добрыня всѣ пещерушки,
 Приходилъ къ послѣдней ко двѣнадцатой—
 Только тутъ нашель Забавушку Путятичну,
 Ко стѣнѣ руками врозь приковану.
 Со стѣны снималь онъ красну дѣвушку,
 Браль ее за бѣлы ручушки,
 Выводилъ съ пещерушекъ змѣинныхъ,
 Говорилъ ей таковы слова:

„Ай же ты, Забава дочь Путятична!
 Для тебя я ѣздилъ-странствовалъ,
 Для тебя съ змѣю бился-ратился.
 Мы поѣдемъ-ка теперь во Кіевъ градъ,
 Къ твоему ко дядюшкѣ любимому,
 Къ ласковому князю ко Владиміру“ .

И садился тутъ Добрыня на добра коня,
 И садилъ съ собою красну дѣвушку,
 И повезъ съ собою по чисту полю.
 Говоритъ Добрынѣ красна дѣвушка,
 Молода Забава дочь Путятична:

„Ай же ты, Забава дочь Путягина!
Для тебя я бздиль-странствовал,

Для тебя съ змѣю бздиль-рагнися.
Мы побдемъ-ка теперь во Киевъ градъ...“

„За твою за выслугу великую
 Назвала бы я тебя, Добрыню, батюшкой—
 Называть мнѣ такъ Добрыню не можно;
 За твою за выслугу великую
 Назвала бы братцемъ да родимымъ—
 Называть тебя и братцемъ не можно;
 За твою за выслугу великую
 Назвала бы другомъ да любимымъ—
 Самъ Добрыня не возьметъ замужъ меня!“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ахъ ты, молода Забавушка Путятична!
 Ты изъ роду княжецакаго,
 Я изъ роду изъ боярскаго—
 Не чета тебѣ, княжнѣ, боярскій сынъ“.

И повезъ ее во стольный Кіевъ градъ;
 А Владиміръ князь ужъ на крыльцѣ стоитъ,
 Съ почестью его встрѣчаетъ, съ благодарностью.
 Какъ сошелъ Добрыня тутъ съ добра коня,
 Опущалъ онъ наземь красну дѣвушку,
 Подводилъ племянницу къ Владиміру,
 Подавалъ ему во бѣлы ручушки.
 И дарилъ его Владиміръ золотой казной,
 И дарилъ его онъ платьемъ цвѣтнымъ,
 Поклонялся до самой земли:

„А спасибо же тебѣ, Добрынюшкѣ!
 Сослужилъ ты службу мнѣ великую,
 Отыскалъ ты мнѣ любимую племянницу.
 Никого не могъ найти я въ цѣломъ Кіевѣ,
 Изъ всѣхъ могучихъ изъ богатырей
 Одного тебя нашель, Добрынюшку!“

Прибѣгала тутъ и матушка Добрынина;
 Во слезахъ брала его въ бѣлы ручки,
 Цѣловала во уста сахарныя,
 И пошелъ тутъ пиръ у нихъ да пированьице,
 Что для молодца Добрынюшки Никитича,
 Для другой—Забавушки Путятичны.

Такъ про молодца Добрынюшку Никитича
 Славу славятъ, старину поютъ,
 Морю синему ли на утѣшенье,
 А вамъ, добрымъ лѣдямъ, на послушанье.

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

Ставеръ Годиновичъ и Василиса Микулична. ⁽²³⁾

Въ стольномъ было городъ во Кіевѣ
Да у ласковаго князя у Владиміра
Было пированьице, почестень пиръ
На многѣхъ князей, на бояровъ,
На всѣхъ гостюшекъ столовыхъ,
На всѣхъ людюшекъ торговыхъ,
На всѣхъ званныхъ-браныхъ, приходящихъ.
На пиру всѣ наѣдалися,
На честномъ всѣ напивалися,
Чѣмъ-нибудь всѣ похвалялися:
Кто хвалился славнымъ отечествомъ,
Кто удалымъ молодечествомъ,
Иной хвастался добрымъ конемъ,
А другой ли шелковымъ портомъ,
Изо всѣхъ гостей Ставеръ Годиновичъ, ⁽²⁴⁾
Молодой торговый гость черниговскій, ⁽²⁵⁾
Лишь одинъ сидитъ, не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Да ничѣмъ-то молодець не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ князь по горенкѣ,
Самъ Ставрѣ да вопроговоритъ:
„Ахъ ты, молодой Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
Что же ты сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
Бѣлой лебеди моей не рушаешь,
Да ничѣмъ-то, молодець, не хвастаешь?
Али нечѣмъ вамъ, черниговцамъ, похвастати?“

Отвѣчаетъ молодой Ставерь Годиновичъ:

„Нечѣмъ мнѣ, Ставрѹ, предъ вами здѣсь похвастати!

Мнѣ похвастать—не похвастать отцомъ-матушкой:

Отца-матушки моихъ въ живыхъ ужь нѣтъ.

Мнѣ похвастать—не похвастать золотой казной:

Золота казна торговая не тѣщится,

Малы денежки торговыя не держатся.

Мнѣ похвастать—не похвастать цвѣтнымъ платицею:

Цвѣтны платица мои не носятся:

У меня есть тридцать мѡлодцевъ,

Тридцать мѡлодцевъ—портныхъ все мастеровъ,

Шьютъ кафтанцы мнѣ все снова-на-ново;

День держу кафтанчикъ, поддержку другой,

Да снесу кафтанчикъ въ лавоньку на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-бѡярамъ, повѣйпродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

Мнѣ похвастать—не похвастать крѣпкимъ чѡботомъ:

Чѡботы мои не держатся:

У меня есть тридцать мѡлодцевъ,

Тридцать мѡлодцевъ—сапожныхъ мастеровъ,

Шьютъ мнѣ чѡботы все снова-на-ново;

День держу ихъ, проношу другой,

Въ лавоньку снесу опять на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-бѡярамъ, повѣйпродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

Мнѣ похвастать—не похвастать и добрымъ конемъ:

Добры кони у меня не ѣзятся:

У меня кобылочки всѣ златошерстныя,

Все даютъ жеребчиковъ хорошенькихъ;

Чтѡ лучше-то жеребчики—тѡ ѣзю самъ,

Чтѡ похуже—тѡ сгоню на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-бѡярамъ, повѣйпродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

А и нечѣмъ мнѣ предъ вами хвастати.

Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,

Василисой дочерью Микуличной? (26)

Какъ во лбу-то у нея свѣтѣль мѣсяць,

По косицамъ—звѣзды частыя,

Брѡвушки чернѣе черна соболя,

Очушки яснѣе ясна сокола;

Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продасть да выкупить:

А тебя, Владиміра, съ ума сведеть“.

На то слово на пиру всѣ призамолкнули,

А Владиміру то слово не слюбилося,

И спроговорить Владиміръ таковы слова:

„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрныя!

Вы берите-ка Ставра Годинова

За его за ручушки за бѣлыя,

За его за перстни за злачёные,

Отведите-ка во погреба холодныя

За его хвастки да за великія,

За его рѣчи за неучливныя,

Посадите на овесъ да на воду (27)

Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.

Пусть-ка тамъ Ставеръ да обдумѣется,

Пусть-ка тамъ да образумится.

Поглядимъ-ка, какъ Ставрѣва молодѣ жена

Муженькѣ изъ погребовъ повѣручить,

Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продасть да выкупить,

А меня, Владиміра, съ ума сведеть“.

Взяли слуги вѣрныя Ставра Годинова

За его за ручушки за бѣлыя,

За его за перстни за злачёные,

Отвели во погреба глубокія,

Позадвинули дощечками желѣзными,

Позащѣлкули замѣчками булатными,

Пропитомство клали овсецѣ съ водою.

Посылалъ Владиміръ князь грознѣ посла (28)

Ко Ставрѣ Годиновичу во Черниговъ градъ,

Чтобы дворъ его тамъ запечатати,

Молоду жену его во Кіевъ взять.

Въ тѣ пору Ставрѣвой молодой женѣ,

Василисѣ дочери Микуличнѣ,

Черепала вѣсточка нерадостна,

Что ея любимый мужъ Ставеръ Годиновичъ

Солнышкомъ Владиміромъ во Кіевъ

Посажѣнъ въ полонъ во погреба холодныя

Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„Деньгами мнѣ выкупать Ставра—не выкупить,

Силою мнѣ выручать Ставра—не выручить.
Я могу ли, нѣтъ, Ставра повыручить
Да своей догадочкою женскою“.

Шла тутъ Василиса дочь Микулична
По своей палатѣ бѣлокаменной,
Воскричала Василиса во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:
„Ай же вы, мои служанки вѣрныя!
Вы бѣгите-ка ко мнѣ скорѣшенько,
Вы рубите-ка мнѣ косы русыя,
Вы несите-ка мнѣ платица посыльныя
Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго!“
Подбѣгали вѣрныя служаночки,
Подрубили по-мужскій ей русы косыньки,
Приносили ей одежицы посыльныя,
Засѣдлали ей коня да богатырскаго.
Накрутилась Василиса въ платя цвѣтныя,
Назвалась посломъ со Золотой Орды,
Что грознымъ посломъ Василиемъ Микуличемъ,
Набрала дружинишки хоробрыя,
Сорокъ мѣлодцевъ—все молодыхъ борцовъ,
Сорокъ мѣлодцевъ—все молодыхъ стрѣльцовъ,
И поѣхала посломъ ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Половину ли дороженьки проѣхали,
А навстрѣчу имъ изъ Кіева грозѣнь посолъ:
Сѣхались послы тутъ, поздоровались;
Какъ великіе послы послуется,
Ручка объ ручку они цѣлуются.

Сталь изъ Кіева посолъ выпрашивать:

„Ай и гоѣ же вы, удалы добры мѣлодцы!
Вы куда поѣхали, куда васъ Богъ несѣтъ?“

Говорятъ ему, послу, да таковы слова:

„Мы изъ дальней де земли, изъ Золотой Орды,
Отъ грозна царя собаки Калина,
А поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Взять всѣ дани-выходы-невѣплаты
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи“.

Какъ изъ Кіева посоль-то позадумался,
Позадумался, въ отвѣтъ прогòвориль:

„Самъ я де изъ Кіева грозѣнь посоль,
Ѣду ко Ставрѹ Годїнову въ Черниговъ градъ,
Дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять“.

Говорять ему удалы добры молодцы:

„Прежде былъ у насъ тамъ постояннй дворъ;
Нынѣ заѣзжали—никого въ дому:
Молода жена Ставрòва убиралася
Въ дальнюю землѹ, во Золотѹ Орду“.

Скоро кїевскій посоль тутъ поворотъ держаль,
Прїѣзжалъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку,
Разказалъ ему, Владиміру, тихохонько,
Что изъ дальней де земли, изъ Золотой Орды,
Ѣдетъ къ Кіеву немилостивъ посланничекъ
Отъ грозна царя собаки Калина.
А и больно тутъ Владиміръ запечалился;
Покидалися всѣ, пометалися;
Улицы метуть, да ставятъ ельничекъ; (29)
Передъ воротами ждуть посланничка
Отъ грозна царя собаки Калина.

А грозѣнь посоль Васильюшка Микуличъ сынъ,
Не доѣдучи до города до Кіева,
Пораздѣрнулъ во чистомъ полѣ бѣлой шатеръ,
Оставляяль дружину у бѣла шатра,
Ѣдетъ самъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку.
Прїѣзжалъ посоль во княженецкїй дворъ,
Поскакаль посоль да со добра коня,
Во сырѹ землю копье тупымъ концомъ,
А шелковый поводъ на злачѣный гвоздь,
У дверей не спрашиваль придверниковъ,
Прямо шель во палаты бѣлокаменны,
По ступенцамъ ставится тихошенько,
По сѣнямъ идетъ да полегошенько,
Входитъ въ гридню княженецкую,
Крестить очи по-писаному,
И ведеть поклоны по-учѣному,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Князю солнышку съ княгиней въ особину,

Наипаче же той князевой племянницѣ,
Молодой Забавушкѣ Путятичнѣ.

Говорить грознѣ послу Владиміръ князь:
„Здравствуешь, посоль ты съ Золотой Орды!
Ты садись-ка съ нами за дубовый столъ,
Отдохни съ широкой со дороженьки“.

Говорить въ отвѣтъ ему грозѣнь посоль:
„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кѣвскій!
Недосугъ сидѣть послу, разсиживать,
Нась, пословъ, за то не жалуютъ.
Какъ послалъ меня собака Кѣлинъ царь
Взять съ тебя всѣ дани-выходы-невыплаты
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи;
Какъ я самъ, посоль Василиій да Микуличъ сынъ,
Взять себѣ хочу въ супружество
Молоду твою любимую племянницу,
Что по имени Забаву дочь Путятичну“.

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:
„Ай ты, молодой Васильюшка Микуличъ сынъ!
Я пойду съ племянницей подумаю“.

Выводилъ племянницу изъ горенки,
Спрашивалъ племянницу, вывѣдывалъ:
„Ай же ты, моя любезная племянница!
Ты пойдешь ли за того грозна посла,
За млада Василия Микулича?“

Говорить ему племянница тихохонько:
„Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный!
Что-то у тебя теперь затѣяно,
Что-то у тебя задумано?
Не отдай ты дѣвицы за женщину,
Не надѣлай смѣху по святой Руси“.

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:
„Ай же ты, любезная племянница!
Какъ же не отдать мнѣ за грозна посла,
За грозна посла собаки царя Кѣлина?“
„А не быть же то грознѣ послу—быть женщинѣ.
Знаю я примѣты всѣ по-женскому:
Какъ по ѳлочкѣ идетъ—что уточка плыветъ,
А по горенкѣ ступаетъ по частенечко;

Какъ на лавочкѣ сидитъ—колѣнца вмѣстѣ жметъ,
 Съ поволѣкою глаза поваживаетъ.
 Рѣчь со прѣвизгомъ у ней по-женскому,
 Бѣдра крутеньки у ней по-женскому,
 Ручки бѣленьки у ней по-женскому,
 А и пальчики-то тоненьки по-женскому,
 Даже дужки отъ колець не вышли всѣ.
 Двое-надвое намъ будетъ хоть съ тоски пропасть!“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Я пойду, посла да попровѣдую:
 Буде онъ не мѣлодецъ, а женщина,
 Не пойдетъ онъ по-мужскі боротися“.

Взялъ-повыбралъ князь семь молодцовъ-борцовъ,
 Пять братѣвъ Причтѣнковъ, двухъ Хапиловыхъ, ⁽⁸⁰⁾
 Выводилъ ихъ на широкій дворъ,
 Приходилъ къ Василию Микуличу,
 Говорилъ самъ таковы слова:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
 Не угодно ль со борцами да потѣшиться,
 На широкомъ на дворѣ да поборотися!“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„А и некому же у меня боротися:
 Во чистѣмъ полѣ борцы мои оставлены;
 Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
 Я вѣдь сызмала по улочкѣ побѣгивалъ,
 Шуточки съ ребятками пошучивалъ“.

И выходитъ ко борцамъ онъ на широкій дворъ;
 Среди двора они становятся,
 На борьбу на рукопашку сходятся.
 Молодой Васильюшка Микуличъ сынъ
 Какъ возьметъ во лѣву руку трехъ борцовъ,
 Какъ возьметъ во праву руку трехъ другихъ борцовъ,
 Столкнетъ ихъ вмѣстѣ да раскинетъ врозь,
 А седьмого-то смахнетъ въ серѣдочку—
 На землѣ лежатъ всѣ семь борцовъ, не могутъ встать.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ.

„Глупая забава, неразумная!
 Дологъ волосъ у тебя, умъ коротокъ:
 Женщиною назвала богатыря:
 Экаго посла здѣсь и не видано!—

Позаспорилась Забава съ княземъ-дядюшкой:

„Ай же ты, мой государь-свѣтъ дядюшка!

А не быть же то грознѣ послу—быть женщинѣ:
Всѣ примѣты у него по-женскому“.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Я пойду, еще посла провѣдую:

Буде онъ не молодецъ, а женщина,
Не пойдетъ стрѣлять онъ изъ туга лука.“

Выводилъ онъ тутъ двѣнадцать молодцовъ-стрѣльцовъ,
Славныхъ все, могучіихъ богатырей,
Приходилъ къ Василию Микуличу:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!

Не угодно ль со стрѣльцами да потѣшиться,
Изъ туга лука стрѣлять да за цѣлѣ версту!“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Во чистомъ полѣ стрѣльцы мои оставлены;

Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
Я вѣдь сызмала по улочкѣ побѣгиваль,
Изъ туга лука съ ребятами пострѣливалъ“.

Выходили тутъ двѣнадцать молодцовъ-стрѣльцовъ,
Изъ туга лука стрѣляютъ по сырѣ дубу,
Попадаютъ за цѣлѣ версту во сырѣ дубъ:
Отъ ихъ стрѣлочекъ калѣнныхъ,
Отъ стрѣльбы ихъ богатырскія
Только сырѣ дубъ шатается,
Будто отъ погоды сильныя.

Говорить посоль Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!

Богатырскихъ вашихъ мнѣ луковъ не надобно.
Прикажи-ка мнѣ мой малый лукъ подать,
Волокитное лучёнышко, завозное“.

Какъ тутъ кинулись удалы добры молодцы:

Подъ одинъ ли рогъ несутъ пять мѣлодцевъ,
Подъ другой другіе пять несутъ,
Тридцать мѣлодцевъ колчанъ калѣныхъ стрѣль тащатъ.

Говорить посоль Васильюшка Владиміру:

„Ужъ потѣшу-ка тебя я, князя солнышка!“

Какъ беретъ во рученьку во лѣвую
Стрѣлочку калѣную булатную,
Вытягаетъ тугой лукъ да за ухо:

Спѣла шёлкова тетівка у туга лука,
 Взвыла да пошла стрѣла калёная—
 Всѣ тутъ сильныя, могучіе богатыри
 Бросилися будто угорѣлыя,
 Князь Владиміръ окарачь напѣлазлся;
 Хлѣстнегъ стрѣлка по сыру дубу,
 Изломала дубъ во черенья ножёвыя.

Говорить посоль Василій таковы слова:

„Какъ ни жаль сыра дуба мнѣ, кряковѣстаго,
 Болѣ жаль мнѣ стрѣлочки калёныя:
 Не найти мнѣ стрѣлки во чистомъ полѣ“.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошель,
 Говорить себѣ да таковы слово:

„Развѣ самъ посла я попровѣдую“.

Приказалъ принести дощечку шахматну,
 Понаставить золоты тавлѣички,
 Говорилъ послу да таковы слова:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!

Не угодно ли со мной самимъ потѣшиться,
 Поиграть во шахматы заморскіе?

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ!

„Игроки мои въ чистомъ полѣ оставлены;
 Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
 Я вѣдь сызмала тавлейками постѣпывалъ,
 Всѣхъ ребятокъ въ шашки-шахматы обыгрывалъ“.

„Ай же ты, лихой игрокъ Васильюшка!

Ты поставь-ка на дощечку дани-выходы,
 Самъ я, князь, поставлю стольный Кіевъ градъ“.

Стали тутъ тавлейками застѣпывать,
 Стали по доскѣ ходить-гулять.
 Въ первый разъ посоль ступѣнь ступилъ—
 Ко Владиміру не дѣступилъ;
 Во другой ступилъ—призѣступилъ,
 Въ третій разъ ступилъ—игру повѣигралъ,
 Шахъ и матъ, да и тавлейки подѣ доску:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Проигралъ ты мнѣ твой стольный Кіевъ градъ“.
 Говорить ему Владиміръ князь:

„Ты изволь меня, посоль, взять головой съ женой!“

И проговорить посоль да таковы слова:

„А не надобно же мнѣ тебя съ княгинею,
Да не надобно и вашего мнѣ Кіева:
Ты отдай-ка за меня замужъ племянницу
Молоду Забавушку Путятичну“.

На великихъ радостяхъ Владиміръ князь
Не пошелъ Забаву больше спрашивать,
Сталъ любимую племянницу просватывать
За грозна посла Василия Микулича:

„А и гой же ты, Васильюшка Микуличъ сынъ!
Хоть сейчасъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку“.

Зачали они справляти свадебку,
Заводили столованьице—почестень пиръ.
Пиръ идетъ у нихъ уже по третій день,
А сегодня имъ идти ко церкви Божіей.
Закручинился посолъ тутъ, запечалился.

Говорить ему Владиміръ стольно-кіевскій:

„Что же, молодой Васильюшка, не вѣсель ты?
Что же буйную головушку повѣсилъ ты?“

Отвѣчаетъ молодой Васильюшка:

Что-то мнѣ на разумѣ не весело;
Либо померъ дома рѣднѣй батюшка,
Либо матушка велѣла долго жить.
Нѣтъ ли у тебя веселыхъ загусельщиковъ,
Поиграть въ гусельшки ярѣвчаты,
Спѣтъ про новы времена, про нынѣшни,
Да про стары времена, доселѣшни?“

Доставалъ Владиміръ загусельщиковъ—
Все играютъ да не весело,
Не могли развеселить посла.

Говорить посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Нѣтъ ли у тебя здѣсь затюремщиковъ,
Что умѣли бы играть въ гусельшки?“

Выпускалъ Владиміръ затюремщиковъ,
Стали тѣ играть въ гусельшки—
Всѣ играютъ да не весело.

Говорить опять посолъ Васильюшка:

„А и гдѣ же здѣсь живетъ, во Кіевѣ,
Молодой торговый гость черниговскій,
Что по имени Ставеръ да сынъ Годиновицъ?“

Про него идетъ молва великая,
 Что куда гораздъ играть въ гусѣлышки,
 Пѣть про новья времена, про нынѣшни,
 Да про стары времена, доселѣшни“.

Говоритъ себѣ Владиміръ князь:

„Мнѣ какъ выпустить Ставра, такъ не видать Ставра,
 А не выпустить Ставра, такъ разгнѣвить посла“,

Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,
 Посылаетъ за Ставромъ Годиновымъ.

Выводили съ погребовъ Ставра Годинова,

Приводили на почестень пиръ.

Повскочилъ посоль тутъ на рѣзвѣ ноги,

Посадилъ Ставра да супротивъ себя,

Супротивъ себя въ скамью дубовую.

Сталь Ставѣрь гусѣлышки налаживать,

Сталь ко стрункѣ струночку натягивать:

Первую наладилъ съ града Кіева,

А другу наладилъ изъ Чернигова,

Третію наладилъ изъ Царя-града;

Сыгрыши повель великіе,

Величаетъ князя со княгинею,

А пригѣвки пригѣваетъ съ-за синя моря.

Всѣ князья да бѣяре сидятъ, дивуются,

Всѣ богатыри молчатъ, заслушались,

А послу вздремнулось, захотѣлось спать.

Говоритъ посоль Ставрѣ да таковы слова:

„Здравствуешь ты, развесѣлый мѡлодецъ,

Молодой Ставѣрь да сыпъ Годиновичъ!

Ты меня никакъ ни опозналъ?“

Говоритъ въ отвѣтъ Ставѣрь Годиновичъ:

„Не откуда жъ мнѣ и знать тебя“.

Говоритъ посоль да таковы слова:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Мнѣ твоихъ не падо даней-выходовъ,

Ты пожалуй-ка меня веселымъ мѡлодцемъ,

Молодымъ Ставромъ Годиновымъ“.

Говоритъ себѣ Владиміръ князь:

„Какъ отдать Ставра, такъ не видать Ставра,

Не отдать Ставра, такъ разгнѣвить посла“.

Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,

Отдавалъ Ставрѣ послу съ рукъ на руки.

Говоритъ посоль да таковы слова:

„Ай ты, молодой Ставеръ Годиновицъ!
Мы поѣдемъ-ка съ тобою во чисто поле,
Посмотрѣть дружинишку хоробрую“.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Пріѣзжали ко дружинишкѣ хороброей.
Шель посоль Василій во бѣлой шатеръ,
Сокрутился Василисой въ платья женскія:

„Здравствуешь, Ставеръ Годиновицъ:

А теперь-то ты меня не знаешь ли?“

Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ Годиновицъ;

„Здравствуешь, моя любимая семеюшка,
Молодая Василиса дочь Микулична!“

„А за что же ты, Ставеръ Годиновицъ,
Засажёнъ былъ княземъ въ погреба холодные?“

„Я тобой похвасталъ, молодой женой,

Что всѣхъ князей-бояровъ продашь да выкупишь,
Самого Владиміра съ ума сведешь.

А теперь скорѣй посядемъ на добрыхъ коней,
Въ свою сторону уѣдемъ, во Черниговъ градъ“.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„А не честь же, не хвала намъ молодецкая
Воровски уѣхати изъ Кіева;

Мы поѣдемъ свадебку доигрывать.

Князья-бояре-то проданы, выкуплены,

Солнышко Владиміръ князь съ ума сведёнъ“.

Воротилися во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!

Я, грозёнъ посоль, Ставрѣва молодѣ жена,
Василиса дочь Микулична,

Воротилась свадебку доигрывать.

Да отдашь ли за меня еще племянницу?“

Говоритъ Забава дочь Путятична:

„Ай же ты, мой дядюшка Владиміръ князь!

Чуть вѣдь смѣху не надѣлалъ ты по всей Руси,

Чуть не отдалъ дѣвицы за женщину!“

Солнышко Владиміръ стольно-кіевскіи

Со стыда повѣсилъ буйну голову;
 Ясны очи утопилъ въ кирпичать полъ,
 Самъ прогдворилъ да таковы слова:
 „Благодарствуешь, Ставѣръ да сынъ Годиновичъ,
 Зналъ похвастать молодой женой!
 Всѣхъ сумѣла здѣсь она продать да выкупить,
 А меня, Владимира, съ ума свести.
 За твою за похвальбу великую
 Ты торгуй-ка вѣкъ во Кіевѣ,
 Вѣкъ торгуй и по вѣку безошлинно“.
 Какъ тутъ стали отъѣзжать изъ Кіева
 Въ свою сторону да во Черниговъ градъ
 Молодой Ставѣръ Годиновичъ
 Съ молодою Василисою Микуличной,
 Выходили провожать ихъ князь съ княгинею.
 Тутъ ли про Ставра и старину поють,
 Морю синему на тѣшину,
 Всѣмъ вамъ, добрымъ людемъ, на послушанье.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

Соловей Будиміровичъ.

Высота-ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океанъ-море!
Широкѣ раздолье—по всей землѣ!
Глубокѣ—темны омуты Днѣпровскіе!

* *
*

Изъ-подъ дуба было, дуба съраго,
Изъ-подъ вяза, вяза съ-подъ червлѣнаго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова,
Съ-подъ березыньки да съ-подъ кудрявья,
Изъ-подъ камешка да изъ-подъ бѣлаго
Выходила, выбѣгала мать Днѣпра-рѣка,
Пала устьемъ въ море, море Черное.
Изъ-за моря, моря Чернаго
Съ-за того лукоморья зелѣнаго,
Ото славна города отъ Вѣденца,
По той матушкѣ да по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Какъ не чѣрны тученьки затучили,
Какъ ни сѣни облачки задѣргали—
Выбѣгали-выгрѣбали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей да все червлѣнныхъ:
А одинъ корабликъ наперѣдъ бѣжить,
Наперѣдъ бѣжить да какъ соколъ летить.
Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изнаряжены,

А соколъ-корабликъ лучше всѣхъ:
 Высокшенько головушка приподнята,
 Носъ-орма сведены по-туриному,
 Широкой бока по-звѣриному—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Въмѣсто очей было вставлено
 По драгому камню по яхонту,
 Въмѣсто бровей было вращено
 По заморскому черному соболю,
 Въмѣсто усовъ было воткнуто
 Два булатные острые ножичка,
 Въмѣсто ушей было вдѣргано
 Два горностаюшка зимніе—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Въмѣсто гривы было прибавано
 Двѣ лисицы бурнастыя заморскія,
 Въмѣсто хвоста повѣшано
 Два медвѣдя бѣлые заморскіе—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Тонки парусы были дорогой камки,
 Дорогой камочки хрущатя,
 Толсты снасти-канаты семи шелковъ,
 Остры якори были булатные,
 А колечки у якорей серебряныя,
 Еще лапочки были золоченыя—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Среди того сокола-кораблика
 Чердачекъ стоитъ зеленъ муравленный
 Потолокъ подѣрнуть рытымъ бархатомъ,
 Стѣны крыты-обиты чернымъ соболемъ,
 Изнавѣшаны лисицами-куницами,
 Дорогими соболями заморскими.
 Въ чердакъ—бесѣдочки сидѣльныя,
 На бесѣдочкахъ сидитъ купавъ молодець
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ, ⁽³¹⁾
 Со своей государыней со матушкой,
 Съ молодой Ульяной Васильевной,
 А вокругъ сидитъ его дружинишка,
 До трехъ сотъ молодцовъ переборныхъ;
 У всѣхъ платье одѣто скурлатъ—сукна,

Кушаками подпоясаны шёлковыми,
На головкахъ шляпочки пуховыя,
— А ножкахъ сапожки зелёнъ сафьянъ,
На сапожкахъ пряжечки серебряныя,
А подбиты гвоздочками золочеными.
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
Во гусёлышки играетъ во яровчатя,
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
Наигрышь по голосу налаживаетъ,
По звончатымъ струночкамъ похаживаетъ,
Игры-сыгрыши ведеть отъ Царя-града,
А другіе ведеть отъ Ерусалима,
И всѣ малые припѣвки съ-за синя моря,
Съ-за синя моря Веденецкаго,
Съ-за того лукоморья зелѣнаго;
Звеселяеть родитель-матушку,
Молодую Ульяну Васильевну,
Спотѣшаетъ дружину хоробрюю.

Какъ встаеть тутъ Соловей со бесѣдушки,
По кораблику по соколу похаживаетъ,
Желтыми кудѣрками потряхиваетъ,
Говорить самъ таковы слова:

„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы послушайте-ка братца бѣльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повѣленное:
Подымайте всѣ парусы хрущатые,
Побѣгайте ко славному ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру“.

Они слушали братца бѣльшаго,
Дѣлали дѣло повелѣнное:
Подымали всѣ парусы хрущатые,
Побѣгали ко славному ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говорить Соловей сынъ Будиміровичъ;

„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы берите-ка щупалы желѣзныя,
Щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
Щупайте-ка во славномъ во синѣмъ морѣ,

Мѣрятьте лудья подводныя,
Чтобы намъ, молодцамъ, проѣхати“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:
Брали щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
Щупали во славномъ во синѣмъ морѣ,
Лудья подводныя проѣхали.

Говорить молодой Соловеюшко:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ цѣловальники любимые!
Возставайте-ка на реи на верхнія,
Поглядите-ка на славный на Кіевъ градъ?
Далекò ли стоитъ славный Кіевъ градъ?
Поглядите пристань корабельную,
Чтобы намъ, молодцамъ, попасть туда“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:
Возставали на реи на верхнія,
Говорятъ саміи таковыи слова:
„Ай ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
Не далёко стоитъ славный Кіевъ градъ,
И видать ужъ пристань корабельную“.

Скоро ѣхали-проѣхали подъ Кіевъ градъ,
Забѣгали во пристань корабельную,
Остры якори метали во Днѣпру-рѣку.

Говорить опять Соловеюшко:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы мечите-ка три сходеньки на круть бережокъ:
Перву сходеньку мечите золоченую,
Другу сходеньку мечите серебряную,
Третью сходеньку мечите поволжаную:
Да берите-ка подарочковъ умильныхъ;
Дорогихъ соболей, куницъ да лисицъ,
А и матушки камѣчки заморскія:
Что заморскія камѣчки узорчатыя“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:
Пометали три сходеньки на круть бережокъ,
Брали тѣ подарочки умильные,
Самъ беретъ онъ гусѣлышки яровчаты
Да идетъ по сходеньки золоченой,
Его матушка идетъ по серебряной,

СОЛОВЕЙ ВУДИМІРОВИЧЪ.

Пометали три сходеньки на круть бережокъ,
Брали тѣ подарочки умильные,

Самъ беретъ онъ гусельшкн яровчатъ...
И пошелъ на славный княженецкій дворъ.

А хоробрая дружина по повѣлжаной,
 И пошелъ онъ на славный княженецкій дворъ;
 Входитъ прямо въ гридню свѣтлую,
 Крестъ кладетъ да по-писаному,
 И поклоны ведетъ по-учёному,
 На всѣ три на четыре стороны,
 Князю солнышку Владиміру въ особину,
 Подаетъ ему подарочки умильные:
 Дорогихъ соболей, куницъ да лисицъ,
 А ту матушку камочку узорчатую
 Молодой княгинюшкѣ Апраксіи,
 Говоритъ самъ таковы слова:

„Принимайте худые подарочки,
 А на златѣ-серебрѣ не погнѣваться“. (22)

Князю солнышку дары полюбилися,
 А княгинюшкѣ наипаче того,
 Развернула камочку—дивуется,
 На плечахъ головушка качается:
 Что камочка-то двуличнева,
 Въ красномъ золотѣ не согнется,
 Въ чистомъ сѣребрѣ не сломится,
 Жемчугомъ кругомъ изнасажена;
 Да не дорого столько злато-сѣребро,
 Сколько дороги узоры заморскіе:
 Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
 Всѣ-то мудрости Ерусалима,
 А все замыслы Соловья Будимірова. (23)

Воспроговоритъ княгиня Апраксія:

„Ай ты, солнышко князь стольно-кѣвскій!
 Ты умѣй-ка честить добра молодца,
 Ты умѣй-ка его и пожаловати“.

Воспроговоритъ князь стольно-кѣвскій:

„Гой ты, душечка, удалый добрый молодець!
 Ты не царь ли какой, не царевичъ ли,
 Не король ли какой, королевичъ ли?
 За твои за подарочки умильные
 Какъ тебя честить, чѣмъ жаловати?
 Города ль тебѣ надо съ пригородками,
 Али сѣла тебѣ надо со присѣлками,
 Али надо безсчетной золотой казны?“

Отвѣчаетъ Соловей Будиміровичъ:

„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій!
 Какъ не царь я, не царевичъ я,
 Не король, не королевичъ я,
 Какъ торговый я гость съ-за синя моря,
 Ото славнаго города отъ Вѣденца,
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ.
 И не надо городовъ мнѣ съ пригородками,
 И не надо мнѣ сѣлъ со присѣлками,
 И не надо безсчетной золотой казны—
 У меня и своей ести дѣ-любѣ“.

„Гой еси ты, Соловей сынъ Будиміровичъ!
 Такъ зачѣмъ же ты побывалъ сюда?
 Не торгѣмъ ли торговать на съѣздъ ко мнѣ,
 Аль пріѣхалъ такъ, на житьѣ пожить?“

Отвѣтъ держитъ младъ Соловеюшко:

„Не торгѣмъ торговать на съѣздъ къ тебѣ,
 Я пріѣхалъ такъ, на житьѣ пожить
 За твоей за лаской княженецкою.
 Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить:
 Ты позволь мнѣ мѣстечка малѣшечко,
 Гдѣ построить, поставить бы три тѣрема“.

Говоритъ ему князь стольно-кіевскій:

„А ты стройся-ка на горкѣ конной,
 Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
 Гдѣ малые ребятки калачи продають,
 Калачи продають, барышничаютъ“. (34)

„Какъ ужъ горька-то конная мнѣ нѣ любя,
 Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
 Гдѣ малые ребятки калачи продають,
 Калачи продають, барышничаютъ.
 Ужъ ты дай-ка мѣстечко мнѣ подлѣ себя,
 У своей, государь, племянницы,
 Молодой Забавы Путятичны,
 Во ея, государь, зеленѣмъ саду,
 Въ вишеньѣ да въ орѣшеньѣ“.

И возгворитъ Владиміръ таковѣ слово:

„За твои за подарки великіе,
 За твои за рѣчи учливыя,
 Ты бери себѣ мѣсто, гдѣ прилюбится,

Въ зеленѣхъ хотъ саду во Забавинѣхъ,
Въ вишенѣхъ да въ орѣшенѣхъ“.

„Благодарствуешь, князь стольно-кїевскїй,
На твоей почесткѣ княженецкою“.

Скоро тутъ Соловей поворотъ держаль,
Приходилъ ко дружинущкѣ хороброей,
Воспрогѣворилъ да таковы слова:

„Гой вы, братцы, дружинущка хоробрая!
Вы послушайте-ка братца большаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Скидывайте кафтаны скурлатъ-сукна,
Надѣвайте кожѣнцы рабочіе,
Разувайте сапожки зеленѣхъ-сафьянѣхъ,
Обувайте лапотцы липовые,
Берите топорики булатные,
Подите во Забавинѣхъ во зеленѣный садъ,
Поставьте мнѣ въ вишенѣхъ, въ орѣшенѣхъ
Къ утра-свѣту три терема златоверхнихъ,
Что верхї бы со верхами совивѣлися,
Совивѣлися да соплетѣлися,
Молодая Забава Путятична
На верхи бы на тѣ оглядѣлася,
Намъ самимъ бы съ утра туда жить пойти“.

Они слушали братца большаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Скидывѣли кафтанцы скурлатъ-сукна,
Надѣвали кожѣнцы рабочіе,
Разували сапожки зеленѣхъ-сафьянѣхъ,
Обували лапотцы липовые,
Брали топорики булатные,
Скоро шли во Забавинѣхъ зеленѣный садъ;
Со поздня вечера до полѣночи
Будто дятлы въ дерево пощелкивали,
А къ полѣночи поспѣли три терема,
Что верхи-то со верхами совивѣются,
Совивѣются да соплетѣются,
Въ теремахъ трое сѣничекъ снарядныхъ:
Первы сѣнички—рѣшѣтчатыя,
Други сѣнички—стекольчатыя,
Третьи сѣнички—красна золота;

А вокругъ поставленъ булатный тынь,
По серёдочкѣ—гостинный дворъ;
Къ утру-свѣту туда и жить пошли.

Зазвонили рано къ заутренѣ,
Ото сна Забава пробуждалася,
Поглядѣла во окошечко косящатое,
Во хорошій свой, во зелёный садъ,
Въ вишенье да въ орѣшенье—
Счудовалася Забава, сдивовалася:
Во хорошемъ ея, во зелёномъ саду
Что стоять три терема златоверхіе,
Во-четвёртыхъ стоитъ гостинный дворъ.
Говорила Забава дочь Путятична:

„Что за чудо теперь мнѣ счудилося?
За ночь пиво-вино воспрокурѣлося?
Ай вы, нянюшки мои да мамушки,
Ай вы, красныя сѣнныя дѣвушки!
Вы подите-ка, поглядите-ка:
Какъ вечеръ-то стоялъ мой зелёный садъ,
Какъ стоялъ онъ вечеръ пустымъ-пусто,
А теперечко стоитъ густымъ-густо:
Три построено въ немъ терема златоверхіихъ,
Во-четвёртыхъ построень гостинный дворъ“.

Отвѣчаютъ ей нянюшки, мамушки,
Ея красныя сѣнныя дѣвушки:

„Ай ты, матушка Забавушка Путятична!
Ты изволь-ка сама сходить, посмотришь:
Твое счастье къ тебѣ вѣдь на дворъ пришло“.

Скоро тутъ Забава наряжается:
Обувала башмачкѣ на босую ногу,
Надѣвала накидничекъ на одно плечо,
Подвязалася платочкомъ шёлковымъ,
Брала за руку любезную подручницу,
По крылечкику спущалась полегѣшенько,
По дорожкѣ бѣжала поскорѣшенько,
Во хорошій свой, во зелёный садъ,
Въ вишенье да въ орѣшенье.
Какъ у перваго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у рѣшѣтчатыхъ—
Въ тоемъ теремѣ ли стучить-бренчить,

Стучить-бренчить, щелчить-молчить: (35)

Туть лежитъ Соловьѣва золотà казна,
Золотà казна безсчетная.

У другого терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у стекольчатыхъ—
Въ этомъ теремѣ шопоткомъ говорятъ:
Туть старушечка Богу молится,
За любимое чадо умаливаетъ,
За младаго Соловья Будимірова.
Какъ у третьяго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у золоченыхъ—
Въ этомъ теремѣ во гудкѣ гудятъ,
Во гусѣлки играютъ-наигрываютъ,
Пляшутъ, скачутъ, поютъ, прикокуиваютъ:
Соловьѣва туть дружинушка хоробрая,
А и самъ Соловей сынъ Будиміровицъ.
Говоритъ Забава дочь Путятична:

„Ай же ты, любезная подручница!

А зайдёмъ-ка мы во терёмъ съ тобой“.

Заходили они въ сѣни золоченныя,
Отворяли во терёмъ двери на-пять—
А и больно туть Забава испужалася,
Чудо въ теремѣ ей показалося:
Солнце на небѣ—солнце и въ теремѣ,
Мѣсяцъ на небѣ—мѣсяцъ и въ теремѣ,
Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремѣ,
Зѣри на небѣ—зѣри и въ теремѣ,
А и вся красота поднебесная.

Въ одномъ ли углу говорятъ-гуторятъ,
Во другомъ ли поютъ, во гудки гудятъ,
Во гусѣлки играютъ во звончатя,
На серѣдкѣ идутъ смѣхи, скокъ да плясъ,
А и всякія утѣхи несказанныя.
Испужалася Забава, перепалася,
Подломились ея ноженъки рѣзвыя.
Молодой Соловейко догадливъ былъ,
Побросалъ гусѣлки звончатя,
Подхватилъ красну дѣвицу за бѣлыя ручки,
Становилъ ее на рѣзвыя ножки,
Поклонился, дѣвицу поздравствовалъ:

„А и здравствуешь, Забавушка Путятична,
Молодая княженецкая племянница!“

Поклонилася Забава понизёшенько,
Говорила сама да поскорёшенько:

„Ай ты, душечка, заѣзжій добрый мѡлодець!
Ты ли, мѡлодець, холость, нежѣненъ есть,
Да и я, красна дѣвица, на вѣданъѣ“. (36)

Говорить Соловей сынъ Будиміровичъ:

„Всѣмъ ты, дѣвица, мнѣ въ любовь пришла,
Тѣмъ лишь, дѣвица, мнѣ не прелюбилася,
Что сама себя, дѣвица, просватала.“

Какъ тутъ дѣвица прослезилася,
Со дѣвичьяго стыда со великаго,
Поскорёшенько поворѡтъ держить,
Поворотъ держить, домой бѣжить.

А самъ душечка Соловей сынъ Будиміровичъ
Во сердцахъ-то на то не осѣрдился,
Какъ идетъ онъ поскорёшенько,
Поскорёшенько идетъ, скорѣмъ-скоро
Къ князю солнышку большіймъ сватомъ,
Князю солнышку низко кланяется,
Говорить самъ таковы слова:

„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій,
Какъ зашелъ я къ тебѣ докладъ держать;
Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить“.

Говорить ему князь стольно-кіевскій:

„Гой еси ты, младъ Соловеюшко!
А какой ты зашелъ мнѣ докладъ держать?“

„Я такой-то зашелъ докладъ держать—
Что о добромъ дѣлѣ, о свѣтовствѣ.
Есть любимая у тебя племянница,
А нельзя ль за меня ее замужъ отдать?“

Какъ тутъ правили они рукобѣтыце,
Какъ просваталъ князь стольно-кіевскій
Ту любимую свою племянницу
За младѣ Соловья да Будимірова,
Какъ пошелъ у нихъ почѣстенъ пиръ,
А честнѣмъ пиркомъ и за свадебку.
Приходилъ тутъ душечка добрый мѡлодець,
Соловеюшко сынъ Будиміровичъ,

Брать ея, красну дѣвицу, за бѣлы ручки,
И пошли они съ дѣвицей въ церковь Божию,
Золотыми перстнями обручались,
Золотыми вѣнцами повѣнчались.

Какъ завѣяла-пошла тутъ повѣтеръ
По той славной по Днѣпрѣ-рѣкѣ,
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
Скоро съ княземъ солнышкомъ прощается,
На соколѣ-корабликѣ свой собирается
Съ молодой Забавушкой Путятичной,
Со своей со рѣдной матушкой,
Со своей дружинишкой хорѣброей,
Самъ по сѣколу-кораблику похаживаетъ,
Желтыми кудѣрками потряхиваетъ,
Говоритъ да таковы слова:

„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы всѣ цѣловальники любимые!
Вы послушайте-ка брата бѣльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Вы снимайте сходеньки со бережка,
Подымайте якори булатные,
Распускайте парусы хрущатые,
Поѣзжайте за славно синѣ море
Ко тому лукоморью зелѣному,
Да во славную землю Веденецкую“.

Они сдѣлали дѣло повелѣное:
Брали сходеньки со бережка,
Поднимали якори булатные,
Распускали парусы хрущатые;
Выбѣгають-выгребають тридцать кораблей,
Впереди всѣхъ бѣжить соколѣ-корабль
По той матушкѣ по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Да ко славному ко синю морю.

* *
*

Глубокі—темны омуты Днѣпровскіе!
Широко раздолье—по всей землѣ!
Глубота—глубота океанъ-море!
Высота—высота поднебесная!..

БЫЛИНА ДЕВЯТАЯ.

Исцѣленіе Ильи Муромца.

Ой вы, люди мои, люди добрые,
Люди добрые, сосѣди ближніе!
Вы прійдите-ка посидѣть ко мнѣ,
Вы скажите-ка мнѣ про старое,
Про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца.

* *
*

Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держаль,
Во томъ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во большомъ селѣ Карачаровѣ, ^(*)
Жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ;
У того крестьянина изо всѣхъ дѣтей
Было дѣтище одно любимое,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Какъ сидѣлъ онъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ,
На печи ли яму подъ собой протѣръ.
День и ночь онъ Богу молится,
Восполѣшится только, опомнится,
Какъ слышитъ вѣсти отъ странниковъ
Про того Соловья разбойника,

Что дорѡгу залегъ на Кіевъ градъ;
Станетъ спрашивать о немъ, вывѣдывать.

„Что тебѣ до разбойника, дитятко?“

Говорить государь его батюшка.

Ничего онъ на то не отвѣтствуетъ,

Самому же все и во снѣ и въявь

Соловей разбойникъ представляется—

И молиться окаянный не даетъ ему!

Приходило время лѣтнее,

Время страдное, дни сѣнокосные,

Уходилъ государь его батюшка

Со родителемъ его со матушкой, ⁽⁸⁸⁾

Да со всѣмъ семействомъ любимымъ

На работушку на ту крестьянскую,

Очищать отъ дубья-колодыя пожню,—

Оставался дома одинъ Илья.

Идутъ мимо тутъ старцы незнакомые,

Нища братія, калики перехожіе, ⁽⁸⁹⁾

Становились подъ окошечко косящато,

Говорили Ильѣ таковы слова:

„Ай же ты, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!

Возставай-ка на рѣзвыя ноги,

Отворяй-ка ворота широкія,

Впускай-ка каликъ во храмину;

Подавай-ка каликамъ напиться“.

Отвѣтъ держитъ каликамъ Илья Муромецъ:

„Ай же вы, калики перехожіе!

Радъ бы васъ впустить во храмину,

Радъ бы вамъ подать напиться,

Да вотъ сиднемъ сижу ужъ тридцать лѣтъ,

Тридцать лѣтъ не имѣю ни рукъ, ни ногъ“.

Говорятъ калики перехожіе:

„Ай же ты, Илья, возставай-ка самъ!

Илья Муромецъ сидитъ, силу пробуетъ:

Тронетъ правую ногу—поднимается,

Тронетъ лѣвую—и та поднимается.

Возставалъ Илья на рѣзвыя ноги,

Отворялъ ворота широкія,

Впускалъ каликъ во храмину;

Взялъ тогда братію въ полтора ведра,

Опускался въ подвалы глубокіе,
 Наливалъ братѣну пивомъ крѣпкимъ.
 Подносилъ каликамъ переходжимъ.
 Отпивали калики переходжіе,
 Подавалу назадъ Ильѣ Муромцу:

„А испей-ка, Илья, ты послѣ насъ“.

Принималъ отъ каликъ Илья Муромецъ,
 Испивалъ братѣну за единый духъ—
 Только пиво то и видѣли.

У Плюши сердце разгорѣлося,
 Тѣло бѣлое да распотѣлося.

И возговорятъ калики переходжіе:

„Что теперь ты чувствуешь въ себѣ, Илья?“

Бьетъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:

„Чую здравіе въ себѣ великое“.

Говорятъ калики переходжіе:

„А подай-ка ты намъ еще испить“.

Взялъ Илья братѣну больше прежняго,
 Опускался въ подвалы ниже прежняго,
 Наливалъ братѣну пивомъ крѣпче прежняго,
 Подносилъ каликамъ переходжимъ.

Отпивали калики переходжіе,

Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:

„А испей-ка еще ты послѣ насъ“.

Испивалъ онъ братѣну за единый духъ—
 Только пиво то и видѣли.

И возговорятъ калики переходжіе:

„Что теперь ты чувствуешь въ себѣ, Илья?“

„Слышу силушку въ себѣ великую:

Кабы столбъ былъ отъ земли до небушка,
 Во столбу утверждено золотѣ кольцо—
 За кольцо бы взялъ, перевернулъ землю“.

Говорятъ калики промежь себя:

„Много силушки дано Ильѣ!

Не снесетъ его мать сыра земля.

Надо будетъ поубавить ему силушки“.

Говорятъ калики Ильѣ Муромцу:

„А подай-ка ты намъ еще испить“.

Взялъ Илья братѣну больше прежняго,
 Опускался въ подвалы ниже прежняго,

Наливалъ братѣну пивомъ крѣпче прежняго,
Подносилъ каликамъ переходжимъ.
Отпивали калики переходжіе,
подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
„А испей-ка еще ты послѣ насъ“.
Испивалъ онъ братѣну за единый духъ—
Только пиво то и видѣли.
И воздворятъ калики переходжіе:
„Много-ль чуешь еще въ себѣ силушки?“
„Да убавилось будто на половинушку“.
„А и будетъ съ тебя этой силушки.
Будешь ты, Илья, великъ богатырь,
На бою тебѣ смерть не написана;
Ты постой-ка за вѣру христіанскую,
Бейся-рѣтися съ силой невѣрною,
Со богатырями сильными, могучими
Да со всею поленицею удалою;
Не ходи только драться-рѣтиться
Со могучимъ Святогоромъ-богатыремъ:
Черезъ силу носить его земля;
Не бейся и съ родомъ Микулинымъ:
Его любить матушка сыра земля;
Не ходи еще на Вольгѹ Всеславѣича:
Онъ не силой возьметъ, такъ хитростью-мудростью.
А теперь доставай-ка себѣ коня,
Коня добраго, коня богатырскаго,
Выходи во раздолье чисто поле:
Какъ услышишь заржучисъ жеребчика,—
Что запроситъ крестьянинъ за жеребчика,
Хоть запроситъ цѣлыхъ пятьсотъ рублей,—
Ты давай за него пятьсотъ рублей,
Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
Бѣлоярой пшеной его откармливай,
Ключевой водой его отпаивай,
А пройдетъ тому времени три мѣсяца—
Ты по трѣ noci въ саду его поваживай,
Въ трехъ росахъ его во утреннихъ выкатывай, (40)
Подводи ко тыну ко высокому:
Станетъ конь тутъ поигрывать, поплясывать,
Головою повертывать, потряхивать,

Въ лошадиныя ноздри пофыркивать,
 Черезъ тынь взадъ-впередъ перескакивать —
 Ты сѣдлай тогда добра коня,
 Полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
 Поѣзжай на немъ во чисто поле,
 Повезетъ онъ тебя по святой Руси,
 И богатыремъ сильнымъ, сваторусскимъ
 Ты по всей святой Руси прославишься“.

Тутъ калики ушли, потерялися.

И пошелъ Илья ко родителямъ,
 За три поприща отъ дому на займище,
 На работушку на ту крестьянскую,
 Отъ дубья-колодыя очистить палъ.
 Отъ работы отъ той поумаявшись,
 Его рѣдныя отдыхаютъ—спять.
 Взялъ Илья топоръ во бѣлыя ручки,
 Началъ чистить пожнию-займище:
 Все добье-колодые повырубилъ,
 Во глубокую рѣку повыгрузилъ,
 Развалилъ все займище великое
 И топоръ по корень въ пень воткнулъ —
 Не начистили семействомъ все въ три дня,
 Сколько онъ начистилъ въ три часа,
 Какъ возстали со сна родители,
 Удивлялися они, испужалися:

„Что за чудо такое подѣялось?

Кто сработалъ за насъ работушку?“

Подходилъ къ нимъ Илья Муромецъ,
 Разсказалъ про каликъ переходжихъ,
 Какъ поилъ онъ ихъ пивомъ крѣпкимъ,
 Какъ давали и они ему испить,
 Какъ почуялъ онъ здравіе великое,
 Получилъ великую силушку.

И пошелъ Илья во чисто поле,
 Услыхалъ заржучисъ жеребчика.
 Какъ ведетъ мужикъ жеребчика,
 Жеребчика косматаго, шелудиваго. (41)
 Не рядился Илья, купилъ жеребчика,
 Становилъ его въ срубъ на три мѣсяца,
 Бѣлояровой пшеной его откармливалъ,

Ключевой водой его отпаивалъ;
 А прошло времени тому три мѣсяца—
 Сталъ по трѣ ночи въ саду его поваживать,
 Въ трехъ росахъ его во утреннихъ выкатывать,
 Подводить ко тыну ко высокому;
 Сталъ жеребчикъ поигрывать, поплясывать,
 Головою повертывать, потряхивать,
 Въ лошадинныя ноздри пофыркивать,
 Черезъ тынъ взадъ-впередъ перескакивать.
 Осѣдлалъ, зауздаль его Илья,
 Полагалъ на него доспѣхи крѣпкіе,
 Говорилъ самъ таковыя слова:

„Ай ты, славный мой, богатырскій конь!
 Послужи-ка мнѣ вѣрою-правдою!“

Обкольчужился Илья, облатился,
 Сталъ пытатъ мечи булатныя;
 Какъ сожметъ въ кулакъ рукоятъ меча—
 Сокрушится рукоятъ, разсыплется;
 Кинулъ бабамъ мечи онъ лучину драть,
 Самъ беретъ три пѣлосы булатныя,
 Въ каждой пѣлосѣ-то по трѣ пуда,
 Три стрѣлы изъ пѣлосѣ себѣ выковалъ,
 Закалилъ во утробѣ мать-сырой земли,
 Положилъ ихъ во глубокъ колчанъ,
 Положилъ во налучникъ свой тугой лукъ,
 Бралъ съ собой копье долгомѣрное,
 Бралъ еще и палицу булатную.

Какъ не сырой дубъ къ землѣ клонится,
 Не листочки по землѣ разстилаются—
 Разстиляется сынъ передъ батюшкой,
 Себѣ просить благословеньица
 Да на вѣки нерушимое:

„Гой еси ты, родимый, милый батюшка!
 Ужь ты дай-ка мнѣ благословеньице:
 Я поѣду во славный стольный Кіевъ градъ,
 Заложиться за князя за Владиміра,
 Послужить ему вѣрою-правдою,
 Постоять за вѣру христіанскую“.

Говоритъ старый Иванъ Тимоѣевичъ:
 „Гой ты, свѣтъ мой, чадо порождѣное!

Я на добрыя дѣла благословлю тебя,
 На худыя дѣла благословенья нѣтъ.
 Какъ поѣдешь ты путемъ-дорогою,
 Не помысли зломъ на татарина,
 Не убей въ чистомъ полѣ христiяннина*.

Поклонился Илья отцу до земли,
 Заходилъ еще за Оку-рѣку
 Ко тому Миколѣ Заручѣвскому,
 Отслужилъ обѣдню запрестольную,
 Становилъ свѣчу въ двадцать-пять рублей,
 Посулилъ впередъ въ пятьдесятъ рублей,
 Самъ давалъ завѣты великіе:

„Въ Кіевѣ грядь проѣхать въ полтора часа,
 Межъ обѣдней ранней и утреней,
 Поспѣвать ко столу княженецкому,
 Ко обѣду тому воскресенскому,
 Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
 Не натягивать туга лука,
 Не накладывать каленой стрѣлы,
 Не кровавить копья долгомѣрнаго,
 Не кровавить и палицы булатныя,
 На прощанье еще въ ладонку
 Взялъ земельки родной малу горсточку,
 На прощанье пустилъ по Окѣ-рѣкѣ
 Оржаного хлѣбушка корочку,
 Самъ Окѣ-рѣкѣ приговаривалъ:

„А спасибо-жѣ тебѣ, матушка Ока-рѣка,
 Что поила, кормила Илью Муромца“.

Еще видѣли—сѣлъ на коня Илья,
 А не видѣли—куда повѣзку далъ.

БЫЛИНА ДЕСЯТАЯ.

Илья Муромецъ, Черниговцы и Соловей разбойникъ.

О хъ вы, рощи, рощи зеленія! липушки цвѣтнѣя!
Вы, кусточки молодые! вы, орѣшники густые!
Разрослись вы, расплодились по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, все по быстрымъ рѣкамъ,
Коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона рѣки!
Обтекають эти рѣки славны русски города,
Протекаетъ рѣка Волга 'коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывутъ то, всплываютъ красны лодочки на ней:
Красны лодочки краснѣютъ, чѣрны шляпоньки чернѣютъ,
Чѣрны шляпоньки чернѣютъ на гребцахъ-молодцахъ,
На самѣмъ-то на старшѣмъ-то чѣрна сѣболя колпакъ.
Они ѣдутъ-воспѣваютъ все про Муромски лѣса,
Они хвалятъ-величаютъ все удала молодца!
Все удала молодца Илью Муромца!

* *
*

Какъ изъ славна города изъ Мурома,
Изъ того села изъ Карачарова
Начиналася поѣздка богатырская:
Выѣзжалъ удалый добрый молодецъ
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Онъ стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты крѣпкіе:
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдней раннею и утреней,

Поспѣвать къ обѣду княженецкому,
Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
Рукъ дорожкой не кровавити.

Какъ первѡй ускокъ свой богатырскій конь
Даль во полпути отъ Мурома—
Съ-подъ копыть его ударилъ ключъ живой;
У ключа Ильюша сѣрой дубъ срубилъ,
Надъ ключомъ часовню устанавливалъ,
На часовнѣ имечко свое подписывалъ:

„Ѣхалъ святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ“.

О сю пору льется родничокъ живой,
О сю пору же стоять надъ нимъ часовенька; (49)
А въ ночь къ ключу студѣному
Ходить звѣрь-медвѣдь воды испить,
Понабраться силы богатырскія.

Какъ другимъ ускокомъ богатырскій конь
Перенесъ Ильюшу черезъ Муромъ градъ;
А за третимъ ускокомъ Илья Муромецъ
Подѣѣзжалъ ко городу Чернигову. (50)
У того ли города Чернигова
Силы ратища стойтъ чернымъ черно,
Нагнано что чѣрна вѡрона.

Подступили подъ Черниговъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце неуѣмчиво, разгѡрчиво:
Что веселый огонѣчекъ разыграется,
Что морозъ палящій разгорается.
Говоритъ себѣ Ильюша таковѡ слово:

„Не хотѣлось бы отцу быть супротивникомъ,
Не хотѣлось бы и заповѣдь переступить;
Да хоть всякій заповѣди кладывалъ,
А не всякій заповѣди сдерживалъ“.

Подѣѣзжаетъ онъ къ силушкѣ великоей
Да не хочетъ натянуть свой тѣгой лукъ,
Палицу, копье свое кровавити—
Сѣрой дубъ беретъ онъ въ три обѡймени,
Изъ земли повѣвернулъ, повѣдернулъ
Со камѣнями да со кореньями,
Сталъ сырѣмъ дубомъ по силушкѣ погуливать,

Силушку добрымъ конемъ потаптывать;
Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
Отмахнется—части площади;
Добивается до трехъ царевичей,
Говорить имъ таковы слова:

„Охъ, вы гой еси, мои царевичи!
Во полонъ ли мнѣ васъ, братцы, взять,
Али буйны головы съ васъ снять?
Какъ въ полонъ васъ взять—дѣвать васъ некуда:
У меня дороженьки заѣзжія,
У меня хлѣба завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмена сгубить.
Разѣзжайтесь-ка вы по своимъ ордамъ,
По своимъ ордамъ да по своимъ мѣстамъ;
Да чините, разносите такову славу,
Что святая Русь да не пуста стоять,
Есть еще на матушкѣ святой Руси
Сильные, могучіе богатыри“.

Заѣзжалъ онъ тутъ во славный во Черниговъ градъ,
Подѣзжалъ ко церкви Божіей,
Ко тому Ивану ко Великому:
А во церкви Божьей люди Богу молятся,
Каются да приобщаются,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаются.
Заходилъ Илья во славный Божій храмъ,
Крестъ кладетъ да по-писаному,
И поклонъ ведетъ да по-учѣному:
Поклоняется святому Спасу образу,
Во-другихъ святыхъ Божьей матери,
Во-третьихъ всему міру христіанскому:

„Ужъ вы здравствуйте-ка, мужичкѣ черниговцы!
Вы объ чемъ тутъ каетесь да приобщаетесь,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаетесь?“

Отвѣчаютъ мужичкѣ черниговцы:

„Мы объ томъ тутъ каемся да приобщаемся,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаемся,—
Обступили нашъ Черниговъ три царевича,
Наступаютъ силой трижды сорокъ тысячей“.

Говорить имъ Илья Муромецъ:

„Вы идите-ка на стѣну городѣвую,

Посмотрите во чисто поле
На ту силу трижды сорокъ тысячей“.

Шли черниговцы на стѣну городовую,
Со стѣны смотрѣли во чисто поле
На ту силу трижды сорокъ тысячей:
Гдѣ стояла сила во чистомъ полѣ,
Тамъ стоятъ одни знамѣна, да не русскія,
Много множество знамѣнь, какъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу сухого дерева;
А народу тамъ прибито да привалено,
Будто градомъ нива выбита, присѣчена.
Вьютъ челомъ Ильѣ черниговцы низкомъ-низко:
„Гой же ты, удалый добрый молодець!
Ты коѣи земли, коѣи орды,
Коего отца да коѣи матушки,
Какъ тебя, удалый, именѣмъ зовутъ?
Ты иди-ка къ намъ въ Черниговъ воеводую,
Ты суди суды надъ нами правильно,
Будемъ всѣ тебя мы слушати“.

Говоритъ въ отвѣтъ имъ Илья Муромецъ:
„Не дай Господи съ холопа дѣлать барина,
Съ барина холопа, съ палача попа,
Воеводу дѣлати съ богатыря!
Я изъ той земли, изъ той орды,
Изъ того изъ города изъ Мурома,
Изъ того села изъ Карачарова,
Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
Не хочу идти къ вамъ воеводую!
Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
Прямоѣзжую во стольный Кіевъ градъ“.

Не хотять пускать его черниговцы,
Насыпаютъ чашу красна золота,
Насыпаютъ чашу чиста сѣребра,
Насыпаютъ третью скатна жемчугу,
Всѣ ему подносятъ во подарочекъ.
Не беретъ Илья ихъ злата-сѣребра,
Не беретъ ихъ скатна жемчугу,
Просятъ указать дорожку прямоѣзжую.
Говорятъ ему черниговцы:

„Ай же ты, удалый добрый молодець:
 Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
 Заколодѣла дорожка, замуравѣла;
 Какъ по той пути-дороженькѣ
 Тридцать лѣтъ никто пѣхотою не хаживаль,
 На добромъ конѣ никто не ѣзживаль.
 А стоять тамъ три заставушки великія:
 Первая застава ⁽⁴⁴⁾—во лѣсахъ во Брынскіихъ
 Грязь топучая, корба зыбучая;
 А другая—у березы у поклапыя,
 У той славной рѣчки у Смородиной, ⁽⁴⁵⁾
 У того креста у Леванидова,
 Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семѣ сукахъ,
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ; ⁽⁴⁶⁾
 Какъ засвищеть онъ по-соловьиному,
 Зашипитъ, разбойникъ, по-змѣйному,
 Закричитъ, собака, по-звѣриному—
 Отъ того отъ пѣсвисту солѡвьѣго,
 Отъ того отъ пѣшипу змѣйнаго,
 Отъ того отъ пѣкрику звѣринаго
 Всѣ-то травушки-муравы уплетаются,
 Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
 Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
 А что есть людей—то всѣ мертвы лежать.
 Третья ли заставушка великая—
 Домъ стоитъ у Соловьѣя разбойника
 На семи дубахъ да на семи верстахъ;
 Какъ живетъ тамъ молода жена Солѡвьѣва
 Со тремя со дочерьми родимыми—
 Мимо не пройти ни конному, ни пѣшему.
 Прямоѣзжей-то дорожкой будетъ триста верстъ,
 А окольную дорожкой цѣла тысяча“.

Пораздумался удалый Илья Муромецъ;
 „А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
 Ъхати дорожкойю окольную;
 Ужъ поѣду-ка дорогой прямоѣзжею“.

Какъ не буйны вѣтрушки завѣяли—
 Какъ поѣхаль тутъ удалый добрый молодець
 Не окольную дорожкойю, прямоѣзжею;—
 Бралъ во ручку плѣточку шелковеньку,

Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Вынуждалъ скакать всей сплущкой великою;
 Осержался добрый богатырскій конь,
 Со горы на гору перескакивать,
 Со холма да на холмъ перемакивать,
 Мелки рѣченьки, озѣрки промежь ногъ спускалъ.
 И привезъ его онъ во лѣса во Брынскіе,
 Ко той первой ко заставушкѣ—
 Ко грязи топучеей, корбѣ зыбучеей;
 Развалились мостики калиновы,
 А и ѣхати имъ больше нѣкуда.
 Соскочилъ удалый со добра коня,
 Лѣвою рукой ведетъ коня на поводѣ,
 Правую рукой дубѣ-колѣдѣ рветъ,
 Про себя моститъ мосточки дубовые.
 Сѣлъ опять удалый на добра коня,
 Проѣзжаетъ ровно тридцать верстъ,
 Подѣзжаетъ ко другой заставушкѣ—
 Ко березѣ ко покляпоей,
 Ко той славной рѣчкѣ ко Смородиной,
 Ко тому кресту ко Леванидову,—
 Услыхалъ тутъ Соловьино гнѣздышко.
 Скоро онъ срываетъ маковъ листь,
 Затякаетъ уши въ головѣ,
 Ъдетъ прямо къ Соловьиному гнѣздышку.
 Не доѣхалъ до гнѣзда онъ за три поприща,
 Отъ далѣ слышалъ добра молодца
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:
 „А какой невѣжа проѣзжаетъ тутъ
 Мимо моего гнѣзда да Соловьиного?“
 Какъ засвищеть онъ по-соловьиному,
 Зашипить да по-змѣиному,
 Закричитъ да по-звѣриному—
 Мать сыра земля продрогнула:—
 Всѣ-то травушки-муравы уплетались,
 Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпалися,
 Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклонилися,
 Добрый конь Ильюшинъ на колѣна палъ;
 На конѣ сидитъ Ильюша не сворѣхнется,
 На головушкѣ кудѣрышки не страхнутся.

Бралъ опять онъ плёточку шелковеньку,
 Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Говорить самъ таковы слова:

„Ахъ ты, волчья сыть, медвѣжья выть!
 Не ходилъ ты развѣ, конь мой, по лѣсу,
 Не слыхалъ ты посвисту соловьяго,
 Не слыхалъ ты пошипу змѣинаго,
 Не слыхалъ ты покрику звѣринаго
 Не видалъ ударовъ богатырскихъ?
 Ты вставай-ка на рѣзвыя ноги,
 Подвози-ка подъ гнѣздо подъ Соловьиное,
 Подъ того подъ Соловья разбойника!“

Пуще прежняго пустился добрый конь
 Подъ гнѣздо подъ Соловьиное.
 Удивляется разбойникъ, буйну голову
 Изъ гнѣзда изъ своего повѣсунуль.
 Какъ нарушилъ тутъ Илья завѣты крѣпкіе:
 Вынулъ изъ налучника свой тугой лукъ,
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,
 Наложилъ стрѣлу калѣную,
 Самъ стрѣлѣ да приговариваль:

„Ты лети-ка, стрѣлка, да не въ темный лѣсъ,
 Ты лети-ка, стрѣлка, не въ чисто поле,
 Ты пади-ка Соловью во правый глазъ,
 Вылетай-ка во лѣво ухо!“

Полетѣла стрѣлочка калѣная,
 Пала Соловью разбойнику во правый глазъ,
 Вылетала во лѣво ухо;
 Не убила до смерти разбойника,
 Поразила только, повалила съ ногъ,
 Покатился со гнѣзда онъ, что овсяный снопъ;
 Подхватилъ его Ильюша на бѣлыя руки,
 Налагалъ съ тетивочки шелковенькой
 Петельку ему на буйну голову,
 Пристягнулъ той петелькой ко стремени,
 И повезъ съ собою по чисту полю.
 Сталъ тутъ добрый конь его поскакивать,
 Соловеюшко у стремени поплясывать.

И подѣхалъ онъ ко третьей ко заставушкѣ—
 Ко тому ко дому Соловьиному;

А стоить онъ на семи дубахъ,
 На семи дубахъ да на семи верстахъ.
 Около двора идетъ желѣзный тынь,
 А на всякой тѣчинкѣ по маковкѣ,
 По головушкѣ по богатырскойей.
 Какъ живетъ тамъ молода жена Соловьева
 Акулина дочь Дудентьевна,
 Какъ живутъ съ ней дѣтушки родимыя:
 Старшая—Невѣя Соловьевична,
 Средняя—Ненила Соловьевична
 И меньшая—Пелька Соловьевична.
 Какъ глядятъ тѣ дѣтушки Соловьевы
 Во окошечко косяцато,
 Сами говорятъ да таковы слова:

„Ай ты, наша матушка-родителекъ,
 Акулина дочь Дудентьевна!
 Ёдетъ государь нашъ батюшка
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ,
 На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскомъ,
 А везетъ онъ мужичицу-деревенщину
 У булатнаго у стремени прикована,
 Кверху ноженки, а внизъ головушка“.

Прибѣгала Акулина дочь Дудентьевна,
 По поясъ въ окошечко бросалася,
 Закричала жалкимъ голосомъ:
 „Ай же, глупыя вы дѣтушки,
 Неразумныя вы дѣтушки!
 Ёдетъ мужичище-деревенщина,
 На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскомъ,
 А везетъ-то государя-батюшку
 У булатнаго у стремени прикована,
 Кверху ноженки, а внизъ головушка.
 Вы бѣгите-ка скорѣе на широкій дворъ,
 Поднимите подворотеньку чугунную,
 Да убейте на проѣздѣ въ воротахъ его,
 Выручите батюшку желаннаго!“

Побѣжали эти дочушки Соловьевы,
 Впереди всѣхъ Пелька Соловьевична:
 Поднимала Пелька подворотеньку,
 Подворотеньку во девяносто пудъ,

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!

Ѣдетъ мужичище-деревенщина,
А везетъ-то государя-батюшку...“

Ладила ударить Илью въ буйну голову.
 Да была его ухватка богатырская,
 Осадилъ Илья назадъ добра коня,
 Пролетѣла мимо подворотенька.
 Пнулъ еще ногою дѣвку подъ спину—
 Улетѣла дѣвка за широкій дворъ,
 Нажилâ себѣ увѣчье вѣковѣчное. (17)

Закричалъ тутъ дѣткамъ во всю голову
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:

„Ай же глупыя вы дѣтушки,
 Неразумныя вы дѣтушки!
 Подворотней ли убить вамъ мѡлодца,
 Коли самъ я свистомъ не сразилъ его?
 Вы зовите мѡлодца въ гостѣбище,
 Вы дарите мѡлодца подарками,
 Выкупайте батюшку желаннаго“.

Стали звать онѣ Илью въ гостѣбище,
 Выносили цѣнныя подарочки,
 Золотой казны даютъ ему три тысячи—
 Не беретъ Илюшенька трехъ тысячей;
 Обѣщаютъ тридцать тысячей—
 Не беретъ и тридцати онѣ тысячей:

„Мнѣ подарочковъ неправедныхъ не надобно,
 И не выдамъ вамъ я батюшки-разбойника;
 Я свезу его во Кіевъ градъ,
 На вино пропью да на калачъ проѣмъ“.

„Ай же ты, удалый добрый мѡлодецъ!
 Ты бери съ насъ злата-сѣребра,
 Ты бери съ насъ скатна жемчугу,
 Сколько сможетъ увезти твой добрый конь,
 Сколько самъ снесешь на плечахъ богатырскіихъ;
 Только намъ оставь кормильца-батюшку,
 Хоть не ради прокормленьица,
 Хоть бы ради поглядѣньица“.

Говоритъ Илья имъ таковы слова:

„Ай вы, малы дѣтушки Соловьевы!
 Не оставлю и на поглядѣньице.
 Поѣзжайте-ка за мною на прощеньице:
 Покладите все имѣніе-богачество,
 Всю несчетну золоту казну

На телѣги на ордѣнскія,
 Да катите къ славну стольну Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру:
 Можегъ, тамъ вамъ и отдамъ кормильца-батюшку“.

Самъ поѣхалъ къ славну стольну Кіеву,
 Поспѣвалъ къ обѣденькѣ ко позднеей.

Входитъ онъ во славный Божій храмъ,
 Крестъ кладѣтъ да по-писаному,
 И поклонъ ведеть да по-учѣному,
 Всѣмъ святымъ иконамъ поклоняется:

„Не исполнилъ я завѣта Божьяго,
 Окровавилъ руки въ человѣчью кровь:
 Надо бы служить во храмъ Богу мѡлебень“.

Отстоявши позднюю обѣденьку,
 Ъдетъ ко палатамъ княженецкіимъ,
 Приѣзжалъ на княженецкій дворъ,
 Привязалъ коня ко столбику точѣному,
 Ко тому колечку золочѣному,
 Дверь въ палаты на-пята размахивалъ,
 Заходилъ во гридню княженецкую,
 Кладъ тутъ крестъ да по-писаному,
 Вель поклоны по-учѣному,
 На четыре на сторонки низко кланялся,
 Князю солнышку съ княгиною въ особину,
 Всѣмъ еще князьямъ его да подколѣнныимъ.
 Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:

„Здравствуешь, удалый добрый мѡлодецъ!
 Ты коѣй земли, коѣй орды?
 Какъ тебя, скажись, зовуть по имени,
 Нарекають по отечеству?“

Отвѣчаетъ добрый мѡлодецъ:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 Я изъ славна города изъ Мурома,
 Изъ того села изъ Карачарова,
 Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты Илья Муромецъ Ивановичъ!
 А давно ль ты выѣхалъ изъ Мурома,
 А какой дорожкой ѣхалъ ты во Кіевъ градъ?“

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

„Я стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты крѣпкіе:
Въ Кіевѣ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдной ранней и заутреней,
Поспѣвать къ обѣду княженецкому.
Да дорожкой дѣло призамѣшкалось:
Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
Мимо славна города Чернигова,
Ѣхалъ ли еще лѣсами Брынскими,
Мимо той березыньки покляпяня,
Мимо славной рѣченьки Смородиной,
Мимо славнаго креста да Леванидова;
Лишь поспѣлъ къ обѣденькѣ ко поздней“.

Какъ сидѣлъ Алеша тутъ Поповскій сынъ,
Говорить Алешенька Владиміру:

„Гой ты, ласковое солнышко Владиміръ князь!
Во глазахъ дѣтина завирается,
Во глазахъ надъ нами насмѣхается!
Ужъ ему ли, деревенщинѣ, проѣхать
Прямохожею дорожкой, прямоѣзжею?
У того у города Чернигова
Силы нагнано чернымъ-черно:
Сѣру заюшкѣ въ три года вокругъ не обскакать,
Ясну соколу въ три года да не облетѣть.
Во лѣсахъ во Брынскихъ грязь топучая,
Грязь топучая, корба зыбучая;
А у той березы у покляпяня,
У той славной рѣчки у Смородиной,
У того креста у Леванидова
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семѣ сукахъ,
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ;
Какъ засвищеть оцъ по-соловьиному,
Зашипить, разбойникъ, по-змѣиному,
Закричитъ, собака, по-звѣриному—
Всѣ-то травушки-муравы уплетаются,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
А что есть людей, то всѣ мертвы лежать“.

Говорить удалый Илья Муромецъ:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Соловей разбойникъ на твоємъ дворѣ:
Выбилъ я ему, злодѣю, правый глазъ,
Приковаль его ко стремячку булатному“.

Какъ тутъ солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Возставаль скорѣнько на рѣзвѣ ножки,
Кунью шубоньку накинულъ на одно плечко,
Соболину шапочку да на одно ушко,
Выходилъ съ княгиней на широкой дворъ
Посмотрѣть на Соловья разбойника;
Какъ тутъ пометались всѣ князья да бѣяре,
Покидались всѣ могучіе богатыри:
Богатырь Самсонъ Самойловичъ,
Богатырь Суханъ Домантьевичъ,
Богатырь Добрынюшка Никитичъ младъ,
Богатырь Алешенька Поповскій сынъ,
Съ ними семь братѣвъ Сбродовичей,
Два еще братѣ Хапилова,
Да еще ли мужики Залѣшане—
Выбѣгали всѣ за княземъ на широкой дворъ,
Подбѣгали къ Соловью разбойнику.
А разбойничекъ висить у стремени,
Травянымъ мѣшкомъ висить, согнутъ корчагою,
Лѣвымъ глазомъ-то глядитъ на Кіевъ градъ,
Правымъ глазомъ, что подстрѣленъ, на Черниговъ градъ.

Говорить ему Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Засвищи-ка ты по-соловьиному,
Зашипи-ка по-змѣиному,
Закричи-ка по-звѣриному.“

Пусть потѣшатся мои князья да бѣяре,
Пусть услышатъ всѣ могучіе богатыри“.
Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:

„Не у васъ сегодня хлѣба кушаю,
Такъ не васъ сегодня и послушаю!
Я сегодня кушалъ у Ильи у Муромца,
Одного Илюшу и послушаю“.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
Прикажи-ка ты разбойнику

Засвистать по-соловьиному,
 Зашипѣть да по-змѣиному,
 Закричать да по-звѣриному“.

Говорить удалый Илья Муромецъ:

„Ужь ты гой еси, нашъ батюшка Владиміръ князь!
 Не во гнѣвъ бы вамъ съ княгиней показалось:
 Я тебя ли, батюшку, возьму подъ пазушку,
 Подъ другой прикрою матушку княгинюшку.
 Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
 Ужь потѣшь-ка князя батюшку,
 Засвищи-ка да полѹ-свистомъ,
 Зашипи-ка да полѹ-шипомъ,
 Закричи-ка да полѹ-крикомъ“.

Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:

„Ай ты, славный Илья Муромецъ!
 Какъ не ходять у меня уста сахарныя,
 Запеклись горячей кровью, запечатаны:
 Ты стрѣлилъ меня во правый глазъ,
 Выходила стрѣлка во лѣвѹ ухо.
 Прикажи-ка князю солнышку
 Чару мнѣ налить да зеленѹ вина,
 Какъ повыпью зеленѹ вина,
 Тутъ мои кровавы раны пораздѣдутся,
 Тутъ мои уста сахарны порасходятся,
 Засвищу я вамъ тогда по-соловьиному,
 Зашиплю вамъ по-змѣиному,
 Закричу вамъ по-звѣриному“.

Говорить Илья князю Владиміру:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кѣвскій!
 Ты поди-ка въ горенку столовую,
 Наливай-ка чару зеленѹ вина,
 Да не малую стопу—во полтора ведра,
 Разводи ее медами да стоялыми,
 Подноси да Соловью разбойнику“.

Скоро князь Владиміръ стольно-кѣвскій
 Шель во горенку столовую,
 Налилъ чару зеленѹ вина,
 Да не малую стопу—во полтора ведра,
 Разводилъ ее медами да стоялыми,
 Подносилъ собакѣ Соловью разбойнику.

Принялъ чару Соловей одной рукой,
 Выпилъ чару за единый вздохъ,
 Да отъ той отъ чары ли собаку хмель зашибъ,—
 Не послушался наказа онъ Пльюшина:
 Засвисталъ во весь во соловьиный свистъ,
 Зашипѣлъ во весь змѣиный шипъ,
 Закричалъ во весь звѣриный крикъ.
 Отъ того отъ по́свиста солóвьяго,
 Отъ того отъ по́шипу змѣинаго,
 Отъ того отъ по́крику звѣринаго
 Ма́ковки на теремахъ покрѣвились,
 Стеклышки въ оконницахъ полóпались,
 Со двора всѣ кóни разбѣжался,
 Всѣ князья со бóярами пали зáмертво,
 Всѣ могучіе богатыри припадали,
 Окара́кой по́ двору распóлзались,
 Самъ Владиміръ князь съ княгинею
 Еле живъ стоитъ, шатается,
 У Ильи подъ пазушкою укрывается:

„Гой еси ты, Плья Муромецъ Ивановичъ!
 Ты уйми-ка Соловья разбойника,
 Чтобы не свисталъ по-соловьиному,
 Князей-бóяровъ оставилъ мнѣ на сѣмена!“

Какъ катятъ тутъ дѣтушки Солóвьевы
 На широкій княжевецкій дворъ
 Много-множество телѣгъ ордынскіихъ.
 На имѣніе-богачество Солóвьево
 Солнышко Владиміръ князь обзѣрился.
 Говоритъ удалый Плья Муромецъ:

„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!
 Не тобой они приказаны,
 Не тобой же и назадъ отпустятся!—
 Гой вы, малы дѣтушки Солóвьевы!
 Вы катите-ка опять назадъ къ себѣ
 Все свое имѣніе-богачество,
 Всю несчѣтну золоту́ казну:
 Не видать ужъ вамъ кормильца-батюшки;
 Вамъ не надо по́ міру скитатися,
 Будеть чѣмъ до смерти пропитатися,
 Обойдетесь и безъ кормильца-батюшки“ .

Покатили дѣтушки Соловьевы
Все имѣніе-богачество—заплакали.

Говорить Илья разбойнику:

„Ай ты Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Я велѣлъ тебѣ свистать полѹ-свистомъ:
Ты почто свисталь во весь во соловьиный свистъ?“

Какъ отдернеть онъ разбойника отъ стремени,
Выводилъ за ручки во чисто поле,
Ко сырѹ дубу привязываль,
Тѹгоѹ лукъ разрывчатый натягиваль,
Стрѣлочку калѣную накладываль
И стрѣлилъ ему во бѣлу грудь,
Раздробилъ злодѣю бѣлу грудь,
Говорилъ самъ таковы слова:

„Полно же тебѣ свистать по-соловьиному,
Полно же тебѣ шипѣть да по-змѣиному,
Полно же тебѣ кричать да по-звѣриному,
Полно же тебѣ слезить отцовъ и матерей,
Полно же тебѣ вдовить молѹдушекъ,
Полно же тебѣ сирѹтатъ малыхъ дѣтушекъ!“

И спрогѹворилъ Владиміръ стольно-кїевскїй:

„Благодарствуешь, удалый Илья Муромецъ,
Что избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
Нареку тебѣ я имечко по-новому:
Будь ты первый богатырь во Кїевѣ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Да живи у насъ во стольномъ Кїевѣ,
Вѣкъ живи отнынѣ до вѣку!“

И пошли они къ обѣду княженецкому.

Говорить Владиміръ стольно-кїевскїй:

„Гой еси ты, первый богатырь нашъ кїевскїй,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Жалую тебя тремя мѣстами я:
Первое мѣсто—въ рядъ со мной садись,
Друго мѣсто—въ рядъ съ княгинею,
Третье мѣсто—куда самъ захошь“.

Заходилъ Илья съ оконничка,
Пожальъ всѣхъ князей да бояровъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей:
Очутился противъ самага Владиміра.

Смѣлому Алешѣ за бѣду пало,
 Взялъ Алеша со стола булатный ножъ,
 Кинулъ во Илью во Муромца;
 На лету поймалъ Илья булатный ножъ,
 Да воткнулъ его въ дубовый столъ.

Говоритъ Ильѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Гой ты, первый богатырь нашъ кіевскій,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
 Держимъ всѣ мы на тебя надѣжу крѣпкую:
 Ужъ прими-ка ты меня, Добрынюшку,
 А со мной и моего ли братца мѣньшаго,
 Смѣлаго Алешеньку Поповича,
 Во свои во братья во крестовые;
 Будешь ты, Илья, намъ братцемъ большіимъ,
 Я, Добрыня, буду братцемъ средніимъ,
 А Алеша—братцемъ мѣньшіимъ“.

Говоритъ ему Алешенька Поповичъ младъ:

„Во своемъ ли ты умѣ, Добрынюшка,
 Во своемъ ли, братецъ мой, во разумѣ?
 Самъ изъ роду ты, Добрыня, изъ боярскаго,
 Я, Алешенька, изъ стараго поповскаго,
 А ему никто не знаетъ роду-племени,
 Принесло его ни вѣсть откудава,
 Назвалсѣ крестьянскимъ сыномъ изъ-подъ Мурома,
 Да чудить у насъ во Кіевѣ, уродствуетъ“.

Былъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ,
 Говоритъ Ильѣ Самсонъ Самойловичъ:

„Гой ты, мой возлюбленный племянничекъ,
 Первый богатырь нашъ Илья Муромецъ!
 На Алешку больно ты не гнѣвайся:
 Роду онъ поповскаго, захлыщева,
 И каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянъ,
 Лучше всѣхъ бранится, лучше ссорится!

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты дядюшка Самсонъ Самойловичъ!
 Не во гнѣвъ же и тебѣ будь сказано:
 Самъ доселѣ слылъ ты старшіимъ богатыремъ,
 А теперъ кого въ племянники пожаловалъ,
 Надъ собою наибольшимъ кого призналъ?
 Деревеньщину, засельщину!

Говорить Самсонъ Самойловичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты гораздъ играть во гусельцы звончатя,
Пѣть про времена про стародавнiя.
Вынимай-ка гусельцы звончатя,
Поналадь-ка струнки золочѣныя,
Выбирай-ка сыгрыши хорошеньки,
Спой Алешѣ на послушанье старинушку
Про того про деревенскаго богатыря,
Про Микулу Селянинова“. (48)

Вынималъ Добрыня гусельцы звончатя,
Сталъ шелковья тетивочи потягивать,
Золочѣны струночки подлаживать,
Учалъ по тѣмъ струночкамъ похаживать,
Учалъ-почалъ голосомъ поваживать;
Выигрышъ беретъ со матушки святой Руси—
Про того Микулу Селянинова,
А напѣвки все свои, Добрынины.

БЫЛИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Микула Селяниновичъ.

„Ой вы, люди мои, люди добрые!
Я скажу вамъ старину стародавнюю:
„Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Народился младъ Вольга Всеславьевичъ.
Сталь Вольга ростѣть-матерѣть,
Обучался Вольга многимъ мудростямъ:
Щукой-рыбою ходить во синіихъ моряхъ,
Птицей-сѣколомъ летать подѣ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ.
Уходили всѣ рыбушки въ глубокія страны,
Улетали всѣ птичушки за оболока
Убѣгали всѣ звѣрюшки во тѣмные лѣса.
Сталь онъ, Вольга, ростѣть-матерѣть,
Подбиралъ себѣ дружинишку хоробрую,
Свѣрстныхъ себѣ волосомъ да голосомъ,
Рѣчью, пословицей, походкою,
Всею поступочкою молодецкою,
Тридцать мѣлодцевъ безъ одинаго,
Самъ-то Вольга былъ во тридцатыхъ.
„Какъ не стали мужики тутъ со двухъ городовъ:
Съ славна Гурчевца да со Орѣховца,
Деней-пошлинѣ платить во Кіевъ градъ,—

Молодой Вольга Всеславьевичъ
Со дружинишкой хоробрю справляется;
За получкой къ городамъ тѣмъ снаряжается!
Все берутъ они жеребчиковъ молоденькихъ,
Все молоденькихъ берутъ да темнокарихъ.
„Вотъ посѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Выѣзжали во раздольице чисто поле,
Услыхали во чистомъ полѣ оратая:
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшки по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣдутъ мѡлодцы впередъ до оратая,
Ѣдутъ день они съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшки по камешкамъ почиркиваютъ.
Другой день они ѣдутъ до оратая,
Другой день съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшки по камешкамъ почиркиваютъ.
Третій день они ѣдутъ до оратая,
Третій день идетъ ко полудню—
Только тутъ оратая наѣхали.
Ореть въ полѣ оратай, понукиваетъ,
На кобылушку свою погукиваетъ,
Съ края въ край бороздки помѣтываетъ,
Въ край уѣдетъ—и другого не видать,
Изъ земли дубья-колодыя вывѣртываетъ,
А великіе каменья всѣ въ борозду валить;
Только кудри у оратая качаются,
Скатнымъ жемчугомъ по плѣчамъ разсыпаются.
У оратая кобылка-то солдовая,
На кобылкѣ гужики шелковые,
Хвостъ-отъ до земли растилается,
Грива колесомъ завивается.
Сошка у оратая дубовая,
А омѣшки на сошкѣ чиста сѣребра,

На омѣщикахъ присошекъ красна золота,

„Говорить Вольгà таковѣ слова:

„—Богъ тебѣ помочь, оратаюшко?

Что орать ли, пахать да крестьянствовать,

Съ края въ край бороздки помѣтывати!—

„Говорить оратай таковѣ слова:

„—Да поди-ка ты, Вольгà Всеславьевичъ!

Надо Божью помочь намъ крестьянствовать,

Съ края въ край бороздки помѣтывати.

Самъ далече-ль ѣдешь, куда путь держишь

Со своею со дружинишкою хоробрюю?—

„Говорить Вольгà таковѣ слова:

„—Бду съ града Кіева ко двумъ городамъ:

Къ славному Гурчевцу да ко Орѣховцу:

Не хотятъ мужики даней-пошлинъ платить.—

„—Ай ты, младъ Вольгà Всеславьевичъ!

Въ томъ Гурчевцѣ да во Орѣховцѣ

Мужики-то живутъ все разбойники:

Я недавно былъ тамъ—третьёго дни,

Закупилъ себѣ соли цѣлыхъ трѣ мѣха,

А и въ каждомъ мѣху было по сту пудъ,

Положилъ на кобылку на соловую,

На кобылку на солову *Обнеси-Голова*,

Самъ я, молодець, сядился—ровно сорокъ пудъ,

И поѣхалъ по Гурчевцу-Орѣховцу.

Какъ тутъ стали мужики меня захватывать,

Тѣ разбойники гурчевцы-орѣховцы,

Стали грѣшей подорожныхъ съ меня просить.

Сталъ я грѣшей подорожныхъ мужикамъ дѣлать;

Да чѣмъ меньше грошей стало ставиться,

Тѣмъ просителей все больше стало ставиться.

А я былъ съ шалыгой подорожною,

Сталъ дѣлать имъ грѣшей подорожныхъ:

Да кой стоя стоялъ, тотъ и сидя сидитъ,

А кой сидя сидѣлъ, тотъ и лёжа лежитъ—

Положилъ ихъ, разбойниковъ, до тысячи.—

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!

Поѣзжай-ка ты со мною во товарищахъ.—

„Собрался съ нимъ оратай во товарищахъ,

Съ сошки мужики шелковеньки повѣстегнулъ,

Сошку съ земельки повьдёрнуть,
Изъ омьшиковъ земельку повьтряхнуть,

Подхватить да махнуть въ ракиновъ кустъ —
Улетѣла сошка подь оболока...

Да кобылку солóвеньку повѣвернулъ,
Самъ садился на кобылку солóвеньку;
Всѣ посѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

„Говорить оратай таковы слова:

„—Ай же ты, Вольга Всеславьевичъ!

А оставилъ я вѣдь сошку въ борóзdochкѣ;
Да не для-рати прохожаго-проѣзжаго:
Маломожный наѣдетъ—не управится;
А богатый наѣдетъ—не позарится,
Не наѣхалъ бы на сошку свой братъ мужикъ:
Онъ какъ сошку съ земельки то повѣдернетъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнеть,
Да изъ сошки омѣшики повѣколнетъ—
Нечѣмъ будетъ самому мнѣ крестьянствовати.

Ужь пошли-ка ты дружинушку хорóбрую,
Чтобы сошку съ земельки повѣдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.—

Посылаетъ Вольга Всеславьевичъ

Со своей со дружинушки хорóбрыя
Трехъ самолучшихъ добрыхъ мóлодцевъ,
Чтобы сошку съ земельки повѣдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.

Ѣдутъ къ сошкѣ три могучихъ мóлодца,
За рогачъ они сошку вокругъ вертѣтъ,
А не могутъ сошки съ земли поднять.

Посылаетъ Вольга десять мóлодцевъ—
Ѣдутъ къ сошкѣ цѣлымъ десяточкомъ,
За рогачъ они сошку вокругъ вертѣтъ,
Сошки отъ земли поднять нельзя.

Посылаетъ всю дружинушку хорóбрую,
Тридцать мóлодцевъ безъ одинаго—
Ѣдутъ къ сошкѣ всѣ тридцать безъ одинаго,
За рогачъ берутъ сошку, вокругъ вертѣтъ,
Отъ земельки сошки все поднять нельзя.

Говорить оратай таковы слова:

„—Ай ты, младъ Вольга, княженецкiй сынъ!

Не дружинушка у тебя хорóбрая,
А немудрая у тебя одна хлѣбоясть.—

„Самъ подѣхалъ къ сошкѣ оратаюшко,
 За рогачь бралъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повѣдёрнулъ,
 Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнулъ,
 Подхватилъ да махнулъ въ ракитовъ кустъ—
 Улетѣла сошка подъ оболока,
 Пала сошка на земь за ракитовъ кустъ,
 Во сырѣ землю до рогаща ушла. (49)
 Съѣли на коней опять, поѣхали.

„Говорить Вольгѣ Всеславьевичъ:

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Мы поѣдемъ-ка съ тобой въ запуски.—

„У оратая кобылка ступкомъ идетъ,
 У Вольги-то конь побѣгиваетъ;
 У оратая кобылка рысью идетъ,
 У Вольгѣ-то поскакиваетъ;
 У оратая кобылка грудью пошла,
 А Вольгѣ-то конь и гнаться не могъ.
 Сталъ Вольгѣ оратаю покрикивати,
 Сталъ Вольгѣ колпакомъ помахивати:

„—Стой-ка ты, постой, оратаюшко!
 Кабы эта кобылка конемъ была,
 За коня бы я далъ пятьсотъ рублей.—

„Говорить въ отвѣтъ оратаюшко:

„Глупый ты, Вольгѣ, неразумный Вольгѣ!—
 Я кобылку взялъ жеребѣночкомъ,
 Однолѣткомъ-жеребѣночкомъ съ-подъ-матушки,
 Далъ за жеребѣночка пятьсотъ рублей,
 А теперь цѣна кобылкѣ цѣла тысяча.
 Кабы эта кобылка да конемъ была,
 Экому коню бы смѣты не было.—

„Говорить Вольгѣ Всеславьевичъ:

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Какъ тебя, скажись-ка, именемъ зовутъ,
 Какъ величаютъ по отечеству?—

„Ай, ты, младъ Вольгѣ Всеславьевичъ!
 Я какъ ржи напашу да въ скірды сложу,
 Въ скірды сложу, съ поля вѣволочу,
 Съ поля вѣволочу, дома вѣмолочу,
 Драни надеру да пива пакурю,

Пива накурю да гостей заберу,—
 Станутъ гости пить, станутъ кушати,
 Станутъ здравствовать меня да похваливати:
 „Ай ты здравствуешь, Микула Селянинъвичъ!“ —
 „Бѣхали впередъ добры мѣлодцы,
 Подѣзжали подѣ Гурчевецъ-Орѣховецъ,
 Да наѣхали на драку, на великій бой. (50)
 Мужики-то эти гурчевцы-орѣховцы
 Отъ далѣ узнали добрыхъ мѣлодцевъ,
 А и были же злодѣи тутъ догадливы:
 На той рѣченькѣ ли да на быстрой
 Понадѣлали мосточиковъ поддѣльныхъ.
 Молодой Вольга самъ догадливъ былъ:
 Посылалъ на мосточки впередъ себя
 Эту силушку—дружинушку хоробрую.
 Какъ зашла эта силушка великая
 Да на тѣ на мосточки поддѣльные,
 Подломилися мосточки поддѣльные,
 Стала сила въ рѣченькѣ тонуть да гинуть.
 Какъ тутъ младъ Вольга со Микулушкой
 Поразсѣрдилися да поразгнѣвалися,
 Приправляли за рѣченьку добрыхъ коней,
 Однимъ скокомъ скочили на тотъ бережокъ,
 Стали-почали злодѣевъ чествовати,
 Чествовати да жаловати,
 Оплетями ихъ дѣлюби нахлыстывати:
 „—А и вотъ же вамъ, ребята, за дурачество!—
 „Какъ клянутся тугъ ребята, заклинаются:
 „—Трое проклять будетъ на вѣку изъ насъ,
 Кто еще съ такими мѣлодцами свяжется,
 Заведетъ съ вами драку, великій бой!—
 „Стали вокругъ ихъ ходить, оглядывати,
 Промеждѣ собой да приговаривати:
 „—А вѣдъ этотъ-то ребята, и третьѣго дни былъ,
 И третьѣго дни былъ, насъ, мужиковъ, побилъ!
 „Собиралися ребята, извинилися,
 Понизѣнько мѣлодцамъ поклонялися:
 „—Ужъ вы гой еси, удалы мѣлодцы;
 Получайте-ка всѣ дани съ насъ, невыплаты.—
 „Бралъ Вольга съ нихъ дани-невыплаты,

Со Микулой скоро поворотъ держалъ,
 Поворотъ держалъ во стольный Кіевъ градъ.
 Тѣмъ поѣздка эта и рѣшилася.

„А и то старина, то и дѣянье!“

* *
 * *

Какъ замолкнулъ молодой Добрынюшка,
 Положилъ на лавку гусельцы звончатыя,
 Воспрогдворилъ Владиміръ стольно кіевскій:
 „Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
 Пилъ допрѣжь ты чарочку заздравную,
 А теперь повыпей-ка забавную,
 Во-первѣхъ за то, что распотѣшилъ насъ,
 Во-другихъ за то, что ко стыду привелъ
 Смѣлаго Алешеньку Поповича:
 Во скамбѣ сидитъ Алешка, не сворѣхнется,
 Утопилъ глаза завидливы въ дубовый столъ.“
 Наливалъ Добрыня чару зеленѣ вина,
 Да не малую стопу—во полтора ведра,
 Разводилъ ее медкомъ стоялымъ,
 Возымаетъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ чару за единый вздохъ.
 Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
 „Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ
 А не тѣмъ лишь та поѣздка кончилася:
 Какъ Вольгѣ во Кіевъ градъ ворѣчался,
 Тутъ Микула, слышно, зазывалъ Вольгу
 Въ домъ свой во гостѣбище почестное.
 Какъ пріѣхали къ посельицу Микулину,
 Выводили въ стрѣту имъ три дѣвицы,
 Славныя три дочери Микулины,
 Поленицы молодыя все, удаляя,
 Всѣ въ родителя и силою, и мудростью:
 Старша—Василиса дочь Микулична,
 Средня—Марія дочь Микулична
 И меньша—Настасья дочь Микулична,
 Принимали гостя съ честию-почестию...“
 Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
 „Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!

Полениць удалыхъ и забыль какъ разъ!
Ты поди-ка, сослужи-ка Богу мѡлебень,
Что Микула твой уже представился:
За твою за патять молодецкую
Наградилъ бы онъ тебя изъ рукъ своихъ
Тѣми же грошѣми подорожными—
Шелепугой подорожною.
Хоть и живы дочери Микулины,
Да вотъ та, чтѡ поузнѣе, старшая,
Василиса дочь Микулична,
За Ставра Годинова замуужъ пошла,
Во Черниговѣ за муженькомъ живеть,
На печи лежитъ да калачи жуеть;
Всѣхъ сумѣла здѣсь продать да выкупить,
А Владимира-то князя и съ ума свела;
И тебя не обошла бы благодарностью.
Но вотъ сѣстры у нея еще на вѣданьѣ,
Обѣ поленицы же удалыя,
Во раздольицѣ чистѡмъ полѣ полякують;
Вы сѣдлайте-ка скорѣй добрыхъ коней,
Ты, Добрыня, со своимъ со братцемъ бѡльшимъ,
Съ первымъ ли богатыремъ Ильею Муромцемъ,
Выѣзжайте во раздольице чистѡ поле,
Во чистѡмъ полѣ порыскайте, поклѣйкайте—
Можеть, выкличите полениць удалыхъ;
Тутъ побить ихъ во бою вамъ, добрымъ мѡлодцамъ,
Уже дѣло не великое—последнее;
А кто поленицу во бою побьеть,
За того вѣдь и замуужъ идетъ.
Прямо въ церковь Божью ко злату вѣнцу,
Отъ вѣнца честнымъ пиркомъ ли и за свадебку!
Только бѡде, какъ Ставра Годинова,
Приберуть васъ ко бѣлымъ рукамъ—
Не взыщите, братцы, не прогнѣвайтесь!“
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
„Старому жениться—не ко младости,
Вѣкъ съ бабой бабиться—не къ радости.
Да не биться мнѣ и съ родомъ со Микулинымъ:
Любить мать сыра земля его.
А случить нелегкая посѣхаться .

Съ поленицею удалой во чистомъ полѣ—
 Изъ сѣдла собью дѣвчину на сыру землю,
 Коли взмолится—спущу во живности,
 Заупрамятся—предамъ и смерти скороей.
 Да не дай мнѣ, Боже, биться съ бабою,
 Дай мнѣ поединниковъ-богатырей,
 Супротивъ меня могучихъ супротивниковъ!
 Тутъ какъ самъ Господь положить на душу:
 Либо силушки другъ у друга отвѣдаемъ,
 Либо же крестами побратаемся“.

А Алеша все не унимается,
 Говоритъ Ильѣ, самъ усмѣхается:
 „Коль наѣдетъ мужика Микулупка,
 Своего же брата гурчевца-орѣховца—
 Силушку надъ мужикомъ извѣдаетъ,
 Нахлыстаетъ шелепугой дѣ-люби;
 А наѣдетъ сильнаго богатыря,
 Такъ вѣрнѣе побрататься съ нимъ“.

Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
 „Ай же, смѣлый ты Алешенька Поповичъ младъ!
 Любо всякому могучему богатырю
 По чисту полю порыскать, пополяковать,
 Силой съ супротивникомъ помѣряться,
 А съ невѣрнымъ за святую Русь
 Прозакладывать и буйну голову,
 Простоять хоть вѣкъ свой на заставушкѣ,
 За спроть, за вдовъ да за бѣдныхъ людей.
 Да не честь же, не хвала богатырю,
 Для радѣ утѣхи молодецкія,
 Пролить безвинну челоувѣчью кровь,
 Обездоливать семейку богатырскую,
 Молоду жену да малыхъ дѣтушекъ.
 А мужикъ Микула Селяниновичъ
 И не тянется за славой за богатырскоюй:
 Онъ проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошкою,
 Съ края въ край распахиваетъ землю-матушку,
 Напасаеъ хлѣбушка на всю святую Русь—
 И на насъ съ тобой, могучихъ богатырей;
 Всю земную тягу, во поту лицу,
 Носитъ онъ, кормилецъ, на плечахъ мужицкіихъ,

А земную тягу на плечахъ носить
 Не подь силу и сильнѣйшему богатырю.
 Ты чего, насмѣшникъ, усмѣхаешься?
 Знать, забылъ про сумочку Микулину?
 Не длинна старинка, да тяжка, вѣска,
 Какъ та мала сумочка Микулипа.
 Ужъ сыграю-ка еще старинку чудную
 Всѣмъ вамъ, добрымъ людямъ, на потѣшенье,
 А тебѣ, Алешѣ, на утѣшенье“.

Бралъ опять онъ гусельцы звоичатя,
 Заводилъ старинку чудную
 Про ту малу сумочку Микулину.

БЫЛИНА
ДВѢНАДЦАТАЯ.

Святогоръ.

„На крутыхъ горахъ, на Святыхъ Горахъ,
Великанъ-богатырь Святогоръ ⁽⁵¹⁾ сидѣлъ,
Да не ѣздилъ онъ на святую Русь:
Не носила его мать сыра земля.
Захотѣлося разъ богатырю
Погулять во раздольицѣ чистомъ полѣ—
Засѣдмалъ онъ коня богатырскаго,
Выѣзжаетъ въ путь-дороженьку.
Встрепенулося сердце молодецкое,
Заиграла силушка по жилочкамъ,
Такъ вотъ живчикомъ и переливается;
А и грузно ему отъ этой силушки,
Грузно, будто отъ тяжкаго бремени:
Не съ кѣмъ силой-то богатырю помѣряться.
И выкидываетъ онъ палицу булатную
Выше облака ходячаго изъ виду вонъ,
На бѣлыя руки опять подхватываетъ:
„—Кабы мнѣ да земную тягу найти,
Утвердилъ бы въ небесей кольцо,
Привязалъ бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
Притянулъ бы небо къ землѣ-матушкѣ,
Повернулъ бы землю краемъ вверхъ,
И смѣшалъ бы земныхъ со небесными!—
„Усмотрѣлъ онъ тутъ во чистомъ полѣ
Добра молодца пѣхотою идучи;
За плечами у добра молодца

Была малая сумочка перемётная.
 Какъ припустить скакать онъ добра коня
 Во всю силу во лошадиную—
 Добрый молодецъ идетъ пѣхотою,
 Не нагнать его коню богатырскому.
 Какъ поѣдетъ тихую вольготою—
 Добрый молодецъ впередъ не наступиваетъ.

„И окликнулъ Святогоръ добра молодца:

„—Гой еси ты, прохожій добрый молодецъ!
 Ты постой-ка, постой немножечко.
 Какъ скакать припущу добра коня
 Во всю силу во лошадиную—
 Ты идешь впередъ пѣхотою,
 Не нагнать тебя коню богатырскому;
 Какъ поѣду тихую вольготою—
 Ты идешь, впередъ не наступиваешь.—

„Обождалъ его прохожій добрый молодецъ,
 Полагалъ со плечъ съ могучихъ
 Наземь малую сумочку переметную.
 Говорить Святогоръ добру молодцу:

— А скажи-ка мнѣ, добрый молодецъ,
 У тебя что за ноша въ этой сумочкѣ?

„Отвѣчаетъ ему добрый молодецъ:

„— Ай же, славный ты великанъ-богатырь!
 Попытайся-ка взять мою ношицу
 На свои на плечи на могучія,
 Побѣждать съ ней по раздольицу чисту полю.—

„Опускался славный великанъ-богатырь
 Со добра коня къ малой сумочкѣ,
 Принимался за малую сумочку;
 Принимался сперва однимъ перстомъ—
 Эта малая сумочка переметная
 На сырѣй землѣ не сворѣхнется.
 Принимался тогда одной рукой—
 Эта сумочка все не сворѣхнется.
 Ухватилъ обѣими ручками—
 Все-то съ мѣста она не сворѣхнется.
 Принимался всею силою великою,
 Припадалъ бѣлой грудью богатырскою
 Къ этой малой сумочкѣ переметной,

Захватилъ всею силой великою—
 Во сырѹ землю угрызнулъ по колѣночки,
 По бѣлу лицу не слѣзы—кровь течеть.
 Уходило сердце молодецкое,
 Только малый духъ подпустить успѣлъ
 Подъ ту малую сумочку переметную,
 Говорить самъ таковы слова:
 „—Не вздымалъ такой ноши я отъ роду!
 Много силы во мнѣ, а не подъ силу.
 Что во сумочкѣ твоей понакладано?
 Кто ты самъ есть, удалый добрый молодець,
 Какъ зовутъ тебя именемъ, отечествомъ?—
 „Отвѣчаетъ удалый добрый молодець:
 „—Въ моей малой сумочкѣ переметной
 Вся земная тяга понагружена,
 А я самъ—Микула Селяниновичъ“.

* *
 *

На скамью кладеть Добрынюшка гусѣлышки,
 Говорить самъ таковы слова:
 „Гдѣ угрызнулъ Святогоръ въ сырѹ землю,
 Тутъ, какъ баютъ, онъ и встать не могъ,
 Тутъ было ему и представленіе:
 Наказалъ Господь за похвальбу великую!“
 Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:
 „А неправильно же баютъ такъ.
 Ко Святымъ Горамъ онъ поворотъ держалъ,
 И понынь на Святыхъ Горахъ живетъ,
 Да не смѣетъ долу опущатися,
 Разъѣзжаетъ лишь по щелейкамъ по каменнымъ“.
 Говорить Алешенька Поповичъ младъ:
 „Гой ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Кто же правъ изъ нихъ, кто облыгаетъ насъ:
 Старый ли Бермята сынъ Васильевичъ
 Или молодой Добрынюшка?
 Не пошлешь ли ты кого къ Святымъ Горамъ
 Правду-истину извѣдати,
 Святогора попровѣдати?
 Ужъ пошли-ка перваго богатыря,

Стараго уда́ла Илью Муромца:
Тутъ они, какъ Богъ положить на душу,
Либо силушки другъ у друга отвѣдаютъ,
Либо же крестами побратаются“.

Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвѣ ноги,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныхъ,
Воспрогѣворилъ да таковы слова:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Вѣрно слово молвилъ младъ Алешенька:
Соизволь мнѣ съѣздить ко Святымъ Горамъ;
Не довлѣетъ сильному богатырю
На покоѣ дома жить, животь кормить“.

Отвѣчаетъ батюшка Владиміръ князь:

„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
Поѣзжай же ко Святымъ Горамъ,
Да бери себѣ въ товарищи любимые
Изо всѣхъ богатырей здѣсь самолучшаго“.

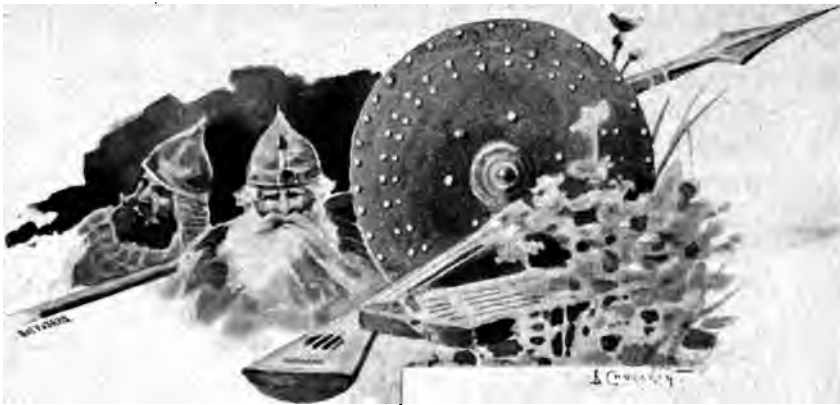
Говорить тутъ старый Илья Муромецъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Возставай-ка на рѣзвѣ ноги,
Снаряжайся-ка во путь-дороженьку,
Поѣзжай со мною во товарищахъ:
На лугахъ на тѣхъ на Леванидовыхъ,
У креста того у Леванидова,
Мы съ тобою побратаемся,
Золочеными крестами помѣняемся,
Да отъ рѣзтани, два братица названыхъ,
Учинимъ поѣздку богатырскую“.

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„По пути-то только, братцы, не забыть бы вамъ
Понавѣдаться къ попамъ соборнымъ,
Заказать впередъ двѣ службы свадебны,
Чтобы послѣ дѣло не замѣшчалось,
Какъ съ чиста поля вернетесь съ поленицами,
Со Микуличнами ко злату вѣнцу“.

Ничего на рѣчь ту старый не отвѣтствовалъ,
Выходилъ съ Добрынею изъ гридни вонъ.
Съ пиру всѣ домой тутъ убираются.
Тѣмъ и пиръ, и старина кончаются.

БЫЛИНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична.

Какъ не солнышко надъ градомъ Кіевомъ
Восходило выше облака ходячаго,
Не Двѣпра-рѣвка изъ береговъ крутыхъ
Выступала, разливалася—
Выходили-выступали старъ и младъ
Посмотрѣть на ту поѣздку богатырскую:
Снаряжались въ поле, собиралися
Два моугчихъ русскихъ богатыря:
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ
Да матѣрый, старый Илья Муромецъ.
Что ясенъ соколъ удалъ Добрынюшка:
Погубиль-побиль онъ змѣище Горынчище;
Илья Муромецъ того удалѣе:
Погубиль-побиль онъ Соловья разбойника;
А и нѣтъ обоемъ равныхъ на сушѣ,
Нѣтъ обоемъ супротивниковъ и на морѣ.
Какъ подѣхали къ лугамъ ко Леванидовымъ,
Ко тому кресту ко Леванидову,
На коняхъ тутъ три раза обнялися,
Три раза поцѣловалися,
Золочеными крестами побраталися,

Стали звать другъ дружку братьями крестовыми.

И поѣхали могучіе богатыри,
 Два крестовыхъ братца да названыхъ,
 По чисту полю дорожкой пробойною;
 Ъздыть вмѣстѣ по чисту полю,
 Ъздыть черезъ горушки высокія,
 Ъздыть черезъ рѣчущки глубокія,
 Ъздыть по лѣсамъ непроходимымъ;
 День проѣздили, другой и третій день,
 А и нѣтъ имъ супротивника въ чистомъ полѣ,
 Нѣтъ поборника по берегамъ крутымъ,
 Нѣтъ повольника да во темныхъ лѣсахъ.

Наѣзжаютъ тутъ они бродучій слѣдъ,
 Ископыть да лошадиную:
 Възя земля изрыта, проворочена,
 Полны рытвины-колодцы ключевой воды.

Говоритъ Добрынѣ старій Илья Муромецъ:
 „Молодой ты братецъ мой Добрынюшка!
 Видно, ископыть-то богатырская.
 Да охота хоть съ богатыремъ посѣѣхаться,
 Не охота въ сторону сворачивать:
 Путь мой все впередъ лежитъ, къ Святымъ Горамъ.
 Поѣзжай-ка ты одинъ вослѣдъ богатыря,
 А во Кіевѣ ужѣ со тобою свидимся“.

Распростилися богатыри, разъѣхались:
 Старій ѣдетъ далѣ ко Святымъ Горамъ,
 Младъ Добрыня—ископытью лошадиною.
 Ъдетъ день Добрынюшка, другой и третій день,
 Нагоняетъ во чистомъ полѣ богатыря.
 А сидитъ богатырь на добромъ конѣ,
 А сидитъ еще да въ платьяхъ женскихъ.
 Говоритъ себѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„То вѣдь не богатырь на конѣ сидитъ,
 А сидитъ дѣвица, либо женщина,—
 Поленица, знать, удалая!“

Разъѣзжается Добрыня на богатыря;
 Какъ ударилъ палицей булатною
 Поленицу въ буйну голову—
 Усидѣла поленица, не сворохнется,
 И назадъ-то на Добрыню не оглянется.

На конѣ своемъ Добрыня приужахнется,
 Отъѣзжаетъ прочь Добрыня отъ богатыря.
 А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сѣрой дубъ,
 Сѣрой дубъ въ объемъ во человѣческой.
 Наѣзжалъ Добрынюшка на сѣрой дубъ,
 Испытати силу богатырскую;
 Какъ ударилъ палицей во сѣрой дубъ—
 Расщепилъ весь сѣрой дубъ по ластиньямъ,
 Самъ проговорилъ да таковы слова:

„Видно, сила у Добрынюшки попрежнему,
 Видно, смѣлость у Добрыни не попрежнему“.

Возвращается Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Нагоняетъ поленицу онъ удалую;
 Какъ ударилъ поленицу въ буйну голову—
 Усидѣла поленица, не сворохнется,
 И назадъ-то на Добрыню не оглянется.
 На конѣ своемъ Добрыня приужахнется,
 Отъѣзжаетъ прочь отъ поленицы отъ удалыя:

„Смѣлость у Добрынюшки попрежнему!
 Видно, сила у Добрыни не попрежнему!“

А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сѣрой дубъ,
 Сѣрой дубъ да въ два объема человѣческихъ.
 Наѣзжалъ опять Добрынюшка на сѣрой дубъ,
 Какъ ударилъ палицей во сѣрой дубъ—
 Расщепилъ весь сѣрой дубъ по ластиньямъ:

„Видно, сила у Добрынюшки попрежнему,
 Видно, смѣлость у Добрыни не попрежнему“.

Разгонялъ Добрынюшка добра коня,
 Наѣзжалъ на поленицу въ третій разъ,
 Да ударилъ поленицу въ буйну голову.
 На конѣ тутъ поленица сворохнулася,
 На Добрыню поленица оглянулася,
 Говоритъ сама да таковы слова:

„Я-то думала, комарики покусывають,
 Анъ то русскіе богатыри пощѣлкивають!“

Ихватила за желты кудри Добрынюшку,
 Сдѣрнула Добрынюшку съ коня долой,
 И спустила во глубокъ мѣшокъ во кожаный.
 Какъ повезъ ихъ было ея добрый конь
 По раздольицу да по чисту полю,

Говорить ей добрый конь, провѣщился:

„Ай же ты, хозяйшка любимая,
Молода Настасья дочь Микулична!
Не могу везти я двухъ богатырей:
Силой-то богатырь супротивъ тебя,
Смѣлостью богатырь да вдвоёмъ тебя“.

Вынимала тутъ Настасья дочь Микулична
Изъ мѣшка изъ кожанца богатыря,
Говорить сама да таковы слова:

„Если старъ богатырь—голову срублю,
Если младъ богатырь—во полонъ возьму,
Если мнѣ въ любовь придетъ—замужъ пойду,
Не прилюбится—въ ладонъ складу, другой прижму,
Сдѣлаю богатыря въ овсяный блинъ“.

Какъ взглянула на младà Добрынюшку,
Прилюбился ей Добрынюшка, понравился:

„Здравствуй, душенька, молоденькій Добрынюшка!“

Говорилъ на то Добрыня, спрашивалъ:

„Ай же, поленица ты удалая!
Ты почему узнала молода Добрынюшку?
Самъ тебя не знаю, не видалъ досель“.

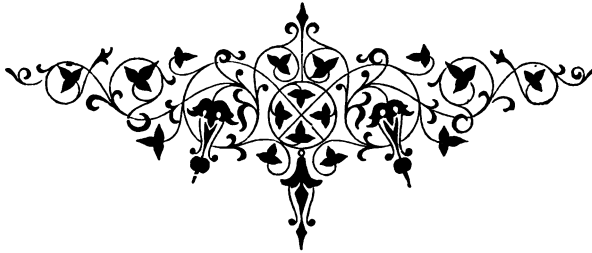
„А бывала я во стольномъ Кіевѣ,
Тамъ видала молода Добрынюшку,
А Добрынь нѣгдѣ увидать меня.
Дочка я Микулы Селянинова,
Молода Настасья дочь Микулична,
А поѣхала во чисто поле поляковать,
Поискать себѣ да супротивничка.
Какъ возьмешь меня, Добрыня, во замужество,
Сдѣлаешь со мною заповѣдь великую—
Отпущу тебя, Добрыня, я во живности;
Не возьмешь меня—въ ладонъ складу, другой прижму,
Сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ!“

„Ахъ ты, молода Настасья дочь Микулична!
Ты спусти меня, Добрыню, да во живности,
Сдѣлаю съ тобой я заповѣдь великую
И приму съ тобой да по злату вѣнцу“.

Сдѣлали тутъ заповѣдь великую,
И поѣхали ко стольну граду Кіеву.
Какъ пріѣхали во стольный Кіевъ градъ,

Биль челомъ Добрыня рѣдной матушкѣ,
Той честной вдовѣ Афимѣ Александровѣ.
Выпросилъ прощеньце-благословеньце,
Заводилъ почестень пиръ на всѣхъ богатырей,
На своихъ на братьицевъ названыхъ,
Не позвалъ на пиръ лишь брата мѣньшаго,
Пересмѣшника Алешеньку Поповича,
Принималъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ съ Настасьей вѣкъ коротати.

Туть ли имъ и счастье и вѣнецъ,
И старинушкѣ моей конецъ.

БЫЛИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Святогоръ. (52)

Ой ты гой еси, лихой охотничекъ,
Старый богатырь Ильюша Муромецъ!
Полевалъ онъ, старый, во чистомъ полѣ,
Люта звѣря на копье ловилъ,
Соболѣй-куницъ да на низокъ пизалъ.

Подъѣзжаетъ старый ко Святымъ Горамъ,
Въѣхалъ старый на Святѣ Горы,
Услыхалъ тутъ превеликїи шумъ:
Всколыбалась мать сырѣ земля,
Зашатались темны лѣсушки,
Замутились быстры рѣченьки,
Выливались изъ береговъ крутыхъ.
Видитъ старый: на добромъ конѣ
Ѣдетъ шагомъ богатырь-гора,
Ростомъ выше дерева стоячаго,
Головою въ небо упирается,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ сидючи.

„Что за чудо?—говоритъ Илья:—
Богатырь да на конѣ заснулъ?
Могъ бы выпасться и во бѣлѣмъ шатрѣ.
Знать, не русскїи богатырь-то, а невѣрный есть“.

Разгорѣлось у Ильюши ретивѣ сердце,
И наганивалъ коня онъ со чистѣ поля,
Со чистѣ поля да во первой наконѣ,
Палицей ударилъ крѣпко-накрѣпко
По плечамъ могучимъ богатыря,

Думалъ, что богатыря съ конемъ убилъ.
 Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
 Ёдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Что за чудо?—говоритъ Илья:—
 Какъ доселѣ отъ руки Ильюшиной
 На конѣ никто да усидѣть не могъ.
 Дай-ка, поразѣдусь во второй наконь“.

И наганивалъ коня онъ со чиста поля,
 Со чиста поля, да во второй наконь,
 Палицей ударилъ крѣпко-накрѣпко
 По плечамъ могучимъ богатыря,
 Думалъ, что богатыря съ конемъ убилъ.
 Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
 Ёдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Видно, худо все еще его ударилъ я!
 Дай-ка, поразѣдусь во третій наконь“.
 И наганивалъ коня онъ во третій наконь.
 Палицей ударилъ крѣпко-накрѣпко,
 Крѣпко-накрѣпко да плотно-наплотно
 По плечамъ могучимъ богатыря.
 Пробудился тутъ богатырь ото крѣпка сна,
 Самъ прогворилъ да таковы слова:

„До-больна кусаютъ мухи русскія“.

Взялъ, расправилъ руку богатырскую,
 Захватилъ удала русскаго богатыря,
 Положилъ съ конемъ въ глубокъ карманъ,
 И поѣхалъ самъ путемъ-дороженькой.
 Двое суточекъ ихъ возитъ добрый конь,
 А на третью у коня у богатырскаго
 Стали рѣзвы ножки подгибаться,
 Сталъ могучій конь да спотыкаться,
 По колѣна во сырѹ землю угрязывать.
 Бралъ богатырь плеточку шелковую,
 Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Самъ коню да приговаривалъ:

„Ай ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
 Ты чего идешь да спотыкаешься?
 Аль невзгоду надо мною вѣдаешь?“

Отвѣчаетъ добрый, богатырскій конь,
 Человѣчьимъ голосомъ провѣщилъся:

„Какъ же мнѣ не спотыкаться?
 Все возилъ я одного богатыря,
 А теперь вожу ужъ трети суточки
 Двухъ могучихъ сильныхъ богатырей,
 Третьяго—коня да богатырскаго“.

Вынималъ Илью богатырь изъ кармана вонъ
 Со конемъ со богатырскимъ,
 Сталъ Илью выпрашивать, вывѣдывать:

„Кто ты есть такой, удалый добрый молодецъ?“

Говоритъ ему удалый добрый молодецъ:

„Я—богатырь святорусскій съ стольна Кіева,
 Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 А поѣхалъ посмотрѣть, узнать
 Святогора славнаго богатыря.“

Не съѣзжаетъ онъ на матушку сырѹ землю,
 Не является къ намъ русскимъ богатырямъ“.

„Ай же ты, удалый, старый Илья Муромецъ!
 Самъ вѣдь Святогоръ-богатырь предъ тобою есть.
 Я съѣзжалъ бы къ вамъ на матушку сырѹ землю,
 Да не носитъ мать сырѹ земля меня,
 Не дано мнѣ ѣздить на святую Русь,
 Ёздить можно мнѣ лишь по горамъ высокимъ
 Да по щелейкамъ по толстымъ.“

Мы съ тобой поѣздимъ-ка по щелейкамъ,
 Мы поѣздимъ-ка да по Святымъ Горамъ.
 По крестовому по брѣтовству я большій братъ,
 Будешь ты, Илья, мнѣ меньшій братъ“.

Тутъ они крестами помѣнялися,
 Братьями крестовыми назвалися,
 Стали вмѣстѣ разъѣзжать по щелейкамъ,
 Разъѣзжать-гулять да по Святымъ Горамъ.
 И наѣхали они на чудо-чудное,
 Чудо-чудное, да диво-дивное:
 Осередь пути великій гробъ стоитъ,
 Краснымъ золотомъ обложенъ весь, повѣложенъ,
 А на крышкѣ подпись да подписана:
 „На кого состроенъ сей великій гробъ,
 На того онъ и поладится“.

Говоритъ богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Ты ложись-ка первый во великій гробъ:

Не поладится ли на тебя, Илью?“

Опускался старый со добра коня

И ложился во великій гробъ:

Не по немъ—широкъ и дологъ былъ великій гробъ.

Говорить богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Не твое тутъ мѣсто, не тебѣ и спать.

Дай-ка я прилягу: не по мнѣ ли онъ?“

Опускался самъ богатырь со добра коня

И ложился во великій гробъ:

Какъ по немъ состроенъ былъ великій гробъ.

Говорить богатырь таковы слова:

„На меня состроенъ сей великій гробъ;

Хорошо здѣсь во гробу-то жить!

Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Ты возьми-ка да закрой меня

Тою крышкою дубовою, гробовою“.

Отвѣчаетъ братцу Ильѣ Муромецъ:

„Не закрою я тебя, мой большій братъ,

Тою крышкою дубовою гробовою.

Шутку шутишь ты не малую:

Во живыхъ собрался хоронить себя“.

Какъ беретъ тутъ самъ богатырь, накрывается

Тою крышкою дубовою, гробовою—

А та крышечка изволомъ Божиимъ

Сораслась со гробомъ во одно мѣсто.

И воззвалъ изъ гроба Святогоръ къ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Какъ ни бьюся, какъ ни силюся,

Не могу я крышки надъ собой поднять!

Ты берись-ка за тѣ доски за дубовыя,

Открывай-ка по одной доскѣ“.

Брался старый за тѣ доски за дубовыя,

Оторвать не можетъ никакой доски:

„Ты послушай-ка, мой большій братъ,

Не могу открыть я никакой доски“.

„Такъ бери-ка ты мой славный, богатырскій мечъ,

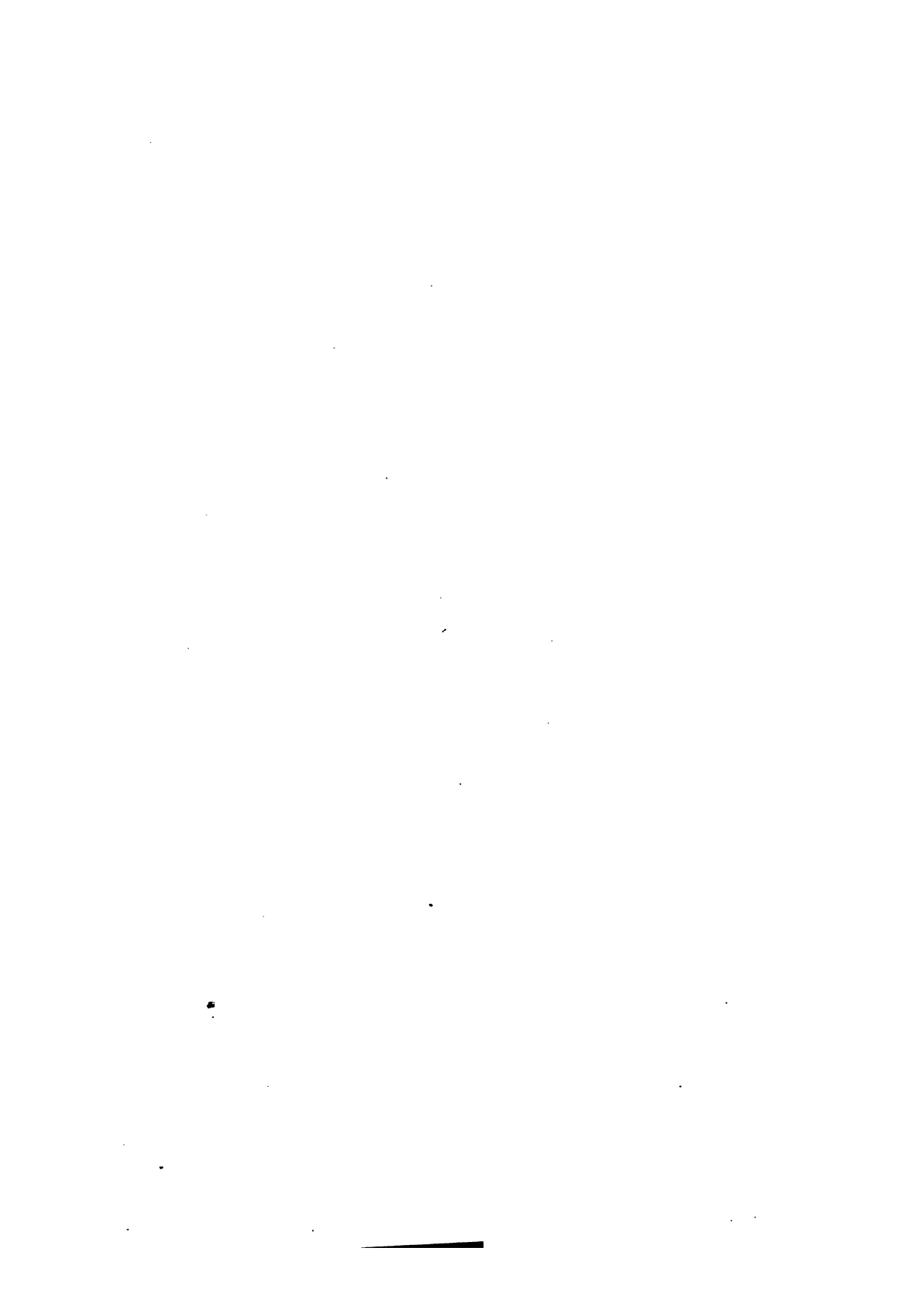
Разруби-ка крышку острымъ мечомъ“.

Брался старый за тотъ славный Святогоровъ мечъ,

Ставь рубить по крышкѣ по гробовой,   А куда ударить богатырскій мечъ—
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплюся,   Тамъ желѣзный обручъ ставится.

Со сырѣи земли не могъ меча поднять.

„Ты послушай-ка, мой большій братъ,
Не могу меча я и съ земли поднять“.

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Наклонись ко крышкѣ ко гробѣвоей,
Припади ко малой щѣлочкѣ:
Дуну на тебя я духомъ богатырскимъ“.

Наклонился онъ ко крышкѣ ко гробѣвоей,
Припадалъ ко малой щѣлочкѣ:

Дунуль Святогоръ на стараго
Тѣмъ могучимъ духомъ богатырскимъ,
И почувялъ старый, какъ въ немъ силушки
Втрое противъ прежняго прибавилось;
Приподнялъ съ земли онъ богатырскій мечъ,
Сталъ рубить по крышкѣ по гробѣвоей,
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются,
А куда ударить богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

Воззывалъ богатырь Святогоръ опять:

„Душно, душно мнѣ, мой меньшій братъ!
Ты руби-ка вдоль по крышкѣ по гробѣвоей“.

Рубить старый вдоль по крышкѣ по гробѣвоей,
Отъ ударовъ искры сыплются,
А куда ударить богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

„Задыхаюсь я, мой меньшій братъ!
Наклонись ко крышкѣ ко гробѣвоей,
Припади ко малой щѣлочкѣ:

Дуну на тебя всѣмъ духомъ богатырскимъ,
Передамъ тебѣ всю силу богатырскую“.

Отвѣчаетъ братцу Ильѣ Муромецъ:

„Будеть силушки съ меня, мой большій братъ.
Передашь ты мнѣ всю силу богатырскую—
И меня носить не станетъ мать сырѣя земля“.

Говорить богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,
Что послѣдняго наказа не послушался:
Мертвымъ духомъ бы я на тебя дохнулъ,
Мертвымъ самъ бы ты у гроба легъ.
А теперь прощай, мой меньшій братъ!“

Видно, тутъ мнѣ Богъ и смерть судиль.
 Богатырскій мечъ возьми себѣ,
 А добра коня оставь хозяину,
 Привяжи ко гробу богатырскому:
 Никому не сладить съ нимъ, опричь меня“.

И прошли изъ ясныхъ очушекъ
 Слёзы у него горячія,
 И сложилъ онъ руки богатырскія
 На бѣлыя груди на богатырскія,
 И принялъ себѣ онъ смерть великую,
 И пошелъ изъ гроба мертвый духъ.
 Тутъ простился старый со богатыремъ,
 Святогорова добра коня
 Привязалъ ко гробу богатырскому,
 Опясалъ славный Святогоровъ мечъ (53)
 И поѣхалъ во раздольице чисто поле.
 Тутъ ли Святогору и славу поють.

БЫЛИНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Идолище.

Не тычинушка въ чистомъ полѣ шатается—
На добромъ конѣ несется-подвигается
Матерой, удалый добрый молодецъ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ищеть—не отыщеть супротивничка;
А идетъ навстрѣчу добру молодцу
Старая калика перехожая;
Не идетъ каличище—шатается,
Костылемъ-клюкою подпирается,
Подъ каликой мать-земля да подгибается.
Волосомъ бѣла калика, бородой сѣда,
Гуля на каличищѣ во тридцать пудъ,
Шляпа на каличищѣ во девять пудъ,
А клюка горбатая въ косу сажень,
Вѣсомъ-то сама во сорокъ пудъ.
Увидалъ Илья великое каличище,
Разгорѣлось сердце богатырское,
Напущался на калику онъ съ чиста поля
Поотвѣдать силы богатырскія.

Говорить ему калика перехожая:

„А не честь же, не хвала богатырю
Напущаться на калику перехожую.
Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Не узналъ ты, видно, старое каличище?
Я вѣдь сильное, могучее Иванниче:
Въ Муромѣ учились вмѣстѣ грамотѣ“.

Говорить каликъ Илья Муромецъ:

„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
Ты отколь идешь, куда бредешь,
Свой каличій путь куда держишь?“

„Я иду отъ стольнаго отъ Кіева,
А бреду на Ерусѡлимъ градъ,
Господу ли Богу помолитися,
Во Ердани ли во рѣченькѣ купатися,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушитися,
Ко Господнему ко гробу приложитися.

„Ты скажи-ка мнѣ, могучее Иванище,
Все ль у насъ во Кіевѣ по-старому,
Все ль у насъ во стольномъ попрежнему?“

„Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Какъ во Кіевѣ-то не по-старому,
Какъ во стольномъ-то не попрежнему:
Какъ наѣхало Идѡлице великое
Со своею силушкой поганою, (54)
Кіевъ градъ на много версть обставило,
А у князя солнышка Владиміра
Не случилось дома сильныхъ богатырей:
Во чисто поле разѣхались поляковать;
Были двое лишь: Алеша сынъ Леонтьевичъ
Да еще молоденькій Добрынюшка—
Хоть и смѣлъ Алешка, не удалъ вѣдь онъ:
Не посмѣлъ Алешка ѣхать во чисто поле
Супротивъ той силушки поганья,
Супротивъ Идѡлица великаго; (55)
А Добрыня—какъ вернулся со чисто поля
Съ поленицею Настасьею Микуличной,
Да какъ принялъ съ нею по злату вѣнцу—
Ничего онъ на бѣломъ свѣтѣ не вѣдаетъ,
Съ молодой женою вѣкъ корѣтаетъ.
Какъ же тутъ не убоиться князю солнышку?
Выходилъ онъ ко Идѡлицу великому,
Выходилъ со низкими поклонами,
Со подарочками драгоцѣнными,
Звалъ къ себѣ въ палаты бѣлокаменны,
Хлѣбца-соли у себя покушати
Да калачиковъ крупитчатыхъ порушати.

И зашло Идѣлице великое
 Въ княженецкія палаты бѣлокаменны
 И садилось за столы дубовые,
 Ко княгинѣ ко Апраксіи лицомъ сидитъ,
 Къ самому ко князю солнышку хребтомъ сидитъ,
 По быку по цѣлому да выти ѣсть,
 По котлу по цѣлому да пива пьетъ.
 Самъ сидитъ, надъ княземъ похваляется:
 — Какъ святые образа-то всѣ покѣлоты,
 Во черной грязи да всѣ потоптаны,
 Во церквахъ во Божьихъ кони кормятся...—“

„Что же ты, могучее Иванище,
 Не очистилъ града Кіева,
 Не убилъ поганого Идѣлица?“

„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
 Вѣкъ такого вора я не видываль,
 Слыхомъ про такого вора да не слыхиваль:
 Въ долину двѣ сажени печатныхъ,
 Въ ширину сажень печатная;
 Межь глазами пядя мѣрная,
 Межь ноздрями каленà стрѣла,
 Головище что лоханище,
 А глазища что пивныя чашища.
 Устрашился я Идѣлица великаго,
 Не посмѣлъ идти я на поганое“.

„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
 Силы у тебя есть въ два меня,
 Смѣлости-удачи нѣтъ и въ полъ-меня.
 Разболакивай-ка гуню стариковскую,
 Разувай-ка лапотки-обтѣпточки,
 Подавай-ка шляпоньку пуховую,
 Ключку-вѣлжанку горбатую во сорокъ пудъ;
 Сокручусь каликой перехожею:
 Не узнало бы Идѣлице поганое
 Добра мѣлодца да Илью Муромца“.

Пораздумалось могучее Иванище,
 Пораздумалось да порасплакалось:

„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
 Какъ не ты просилъ бы платицевъ каличѣихъ,
 Да не отдалъ бы я платицевъ каличѣихъ:

Вплетенò въ мои во лапотки-обтопточки
 По драгòму камню самоцвѣтному,
 Да не для-радї красы-басы угожества,
 Ради темныхъ ноченекъ осеннихъ;
 Съ чести не отдать тебѣ — ты нѣ съ чести возьмешь,
 Нѣ съ чести возьмешь, еще и бокъ набьешь“.

Разболакивалъ онъ гуню стариковскую,
 Разувалъ онъ лапотки-обтопточки,
 Скидывалъ онъ шляпоньку пуховую,
 Ключку-волжанку горбатую въ землѣ воткнулъ—
 И ушла клюка до самой до коковочки.
 Сокрутился Илья Муромецъ каликою,
 Говорить самъ таковы слова:

„Надѣвай-ка на себя, Иванище,
 Платице мое ты богатырское,
 Обувай-ка башмачки мои сафьянные,
 Да садись-ка на коня на богатырскаго.
 На улòвномъ на мѣстечкѣ обождешь меня.
 Какъ раздѣлаюсь съ поганымъ—отыщу тебя“.
 И сажалъ его онъ на добра коня,
 Во двѣнадцать во сѣдлышекъ засѣдывалъ,
 Во двѣнадцать во подпужковъ да подтягивалъ.
 Какъ поѣхалъ по чисту полю Иванище,
 Безъ ума несется на конѣ, безъ памяти,
 Радъ бы выпасть изъ сѣдла—да нѣ можно.
 А Илья со матушки сырòй земли
 Ключку-волжанку горбатую повѣдёрнулъ,
 Сталъ съ горы да на гору поскакивать,
 Сталъ съ холма да на холмъ перепрядывать.
 Скоро скажется, да тихо сдѣтается..
 Приходилъ Илья во стольный Кіевъ градъ,
 Подходилъ къ палатамъ княженецкимъ,
 Становился подъ окошечко косящато,
 Закричалъ да зычнымъ голосомъ:

„Ужъ ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Сотвори-ка ты каликѣ переходеей
 Милостыню золоту гривну
 Для-радї Христа Царя небеснаго,
 Ради пресвятыя Богородицы!“

Отъ того ли да отъ крику богатырскаго

Бѣлокаменны палаты запаталися,
 Изъ оконницъ стеклышки посыпались,
 На столахъ напитки расплескалися,
 За столомъ князья да бояре припадали,
 У Идѣлица сердечко приужахнулось;
 Бросилось поганое по плѣчь въ окно,
 Говорить само князю Владиміру:

„Голосастые калики на Руси у васъ!
 Позови-ка ты калику во высѣкъ терѣмъ“.

Выходилъ Владиміръ на крыльцо переднее,
 Говорилъ каликѣ перехожеей:

„Ай же ты, калика перехожая,
 Перехожая сума ты перемѣтная!
 Ты поди-ка во высѣкъ терѣмъ“.

Проходилъ калика во высѣкъ терѣмъ,
 На крыльцо зашелъ—крыльцо заскрипнуло,
 По мостамъ идетъ—мосты погнулися,
 Заходилъ во гридню во столовую,
 Кладъ тутъ крестъ да по-писаному,
 Велъ поклоны по-учѣному,
 Князя со княгинеею поздравствовалъ,
 Одному Идѣлицу челомъ не билъ.
 Говорить Идѣлице поганое:

„Ай же ты, калика перехожая,
 Перехожая сума ты перемѣтная!
 Ты по платьицамъ идешь хотъ старчищемъ,
 По походочкѣ ты добрый мѣлодецъ:
 По шагамъ твоимъ весь теремъ ходунѣмъ ходить.
 Ты коей земли, старикъ, коей орды?“

„Я, старикъ, изъ славнаго изъ Мурома,
 А хожу каликой по святой Руси“.

„Если ты изъ славнаго изъ Мурома,
 Если ходишь по святой Руси,
 То видалъ и Илью Муромца богатыря.
 Ну, каковъ собой, великъ ли ростомъ онъ?“
 Говорить калика перехожая:

„Не огромный богатырь нашъ Илья Муромецъ;
 Хоть узнать его, такъ на меня гляди:
 Ладятся у насъ съ нимъ платья цвѣтныя,
 Возрастомъ да волосомъ онъ ровня мнѣ“.

„А помногу ль ѣсть вашъ Илья Муромецъ,
А помногу ль пьеть онъ зеленà вина?“

„Ѣсть и пьеть Илья во славу Божію,
Сьѣсть калачикъ—по другомъ душа горить,
Скушаетъ другой—и сытъ съ того.
Выпьеть чарку—по другой душа горить,
Скушаетъ другую—и доволенъ съ той“.

„Что же онъ за богатырь такой!
Былъ бы здѣсь вашъ Илья Муромецъ,
На ладошь бы посадилъ его, другой прижалъ,
Межь ладонями мокро бы лишь повѣжалось;
Взялъ бы да и дунуль во чисто поле!
Я какъ стану хлѣба-выти ѣсть—
Сьѣмъ по три печй печенныхъ,
Да во щажь склебаю по быку по русскому,
Закущу лебѣдушкою бѣлою;
Пить какъ стану зеленà вина—
Выпью духомъ три ведра да мѣрныхъ“.

Говорить калика переходяя:

„И у князя нашего Владиміра
Было старое кобелище-обѣдище,
Много ѣло—только треснуло,
Было старое кордѣвище-обжорище,
Много пило—только лопнуло.
Тоже будетъ и тебѣ, поганому“.
Таковò слово ему за гнѣвъ пало,
Со стола схватило нòжище-кинжалище
Да бросаетъ во калику переходяю,
Во матѣраго Илью во Муромца.
Былъ же тутъ Илья на ножки пòвертокъ,
Скоро онъ отъ ножика отскакивалъ,
Клюшкой ножикъ отъ себя отваживалъ,
Пролетѣло мимо нòжище-кинжалище,
Угодило въ дверь дубовую;
Выскочила дверь да съ ободвериной,
Улетѣла во чисто поле,
Тамъ двѣнадцать ли татаровеі поганныхъ
Замертво убила, остальныхъ поранила.
Проклинають тутъ татаровья Идòлище:
„Будь ты трое прòклято, поганое!“

А Илья стоит да усмѣхается:

„Мнѣ родитель-батюшка наказывалъ:
Ты скорѣй долги свои уплачивай,
Лучше во другой тебѣ повѣрять, дитятко“.

Какъ захватить шляпу стариковскую,
Да махнуть въ Идолище великое—
Попадаль ему во буйну голову,
Повалилося поганое, захамкало.

Говорить Ильюша таковъ слова:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити палаты княженецкія,
Выведу его я на крылѣчко“.

Браль Идолище онъ за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
Выводилъ съ палатъ да на крылѣчко,
Говорилъ самъ таковъ слова:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити крылечко княженецкое,
Выведу его я на широкій дворъ“.

Выводилъ его онъ на широкій дворъ:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити да княженецкій дворъ,
Выведу его я во чисто поле“.

Выводилъ его онъ во чисто поле,
Захватилъ поганаго тутъ за ноги,
Началъ имъ по силушкѣ помахивать,
Самъ, помахивая, приговаривать:

„Сторонитесь, люди православные!
Не попасть бы вамъ подъ махи подъ татарскіе,
Какъ оружье-то мнѣ, братцы, по плечу пришло“.

Бьетъ поганыхъ онъ, оаживаетъ трѣ часа,
Не оставитъ окаянныхъ и на сѣмена.

Вынималъ тутъ славный Святогоровъ мечъ,
Подъ плечъ голову срубилъ Идолищу. (56)

Подходилъ Владиміръ, низко кланялся:

„Гой ты, батюшка нашъ, старый Илья Муромецъ!
Чѣмъ тебя пожаловать, учествовать,
Что очистилъ отъ невѣрныхъ Кіевъ градъ,
Что избавилъ насъ отъ подлона великаго?“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Что мнѣ надобно, каликѣ перехожеей?
 На приходѣ гостя не учествовалъ,
 На походѣ гостя не учествуешь“.

Подходилъ тутъ и Алешенька Поповичъ младъ,
 Говорилъ Ильѣ да таковы слова:

„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
 У кого ты отнялъ богатырскій мечъ?
 Гдѣ набрался силы, чтобъ съ земли поднять?“

Разсказалъ Илья, какъ Святогоръ, кончаючись,
 Завѣщаль ему свой богатырскій мечъ,
 Какъ могучимъ духомъ на него дохнулъ,
 Какъ съ того въ немъ силы втрое прѣбыло,
 И приподнялъ онъ съ земли великій мечъ.
 Поклонился и Алешенька тутъ старому.

„Исполать тебѣ, могучему богатырю!
 Ты прости-ка мнѣ, забудь тѣ рѣчи глупныя!
 Ты прими-ка и меня теперь, Алешеньку,
 Во свои во братья во крестовые!“

Принялъ старый смѣлаго Алешеньку
 Во свои во братья во крестовые,
 Самъ назадъ во чисто поле ворочался
 Къ сильному, могучему Иванищу.
 На Иванищѣ-то платьѣ попритаскано,
 Попритаскано да попритѣрзано
 Отъ добра коня отъ богатырскаго.
 Снялъ Илья Иванище съ добра коня,
 Разболакиваетъ гуню стариковскую,
 Разуваеетъ лапотки-обтопточки,
 Надѣваетъ платьѣ богатырское,
 Самъ садится на добра коня,
 Со каличникомъ Иванищемъ прощается:

„А теперь прощай, могучее Иванище!
 Впредь, смотри, ты больше такъ не дѣлай-ка,
 Выручай крещѣнныхъ отъ поганныхъ“.

Только и живо было Иддлице,
 Только и бралд-то Кіевъ градъ,
 А вся честь и слава Ильѣ Муромцу.

БЫЛИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ ⁽³⁷⁾.

Вѣдять старый во чистомъ полѣ,
Вѣдять старый много времени.

Цвѣтно платье у него поистаскалося,
Золотѣ казна поиздержалася.

Говорить себѣ Илейко таково слово:

„Побываль-то я теперь во всѣхъ литвахъ,
Побываль теперь во всѣхъ ордахъ,
Не бываль давно въ одномъ во Кіевѣ;
Я поѣду-ка во Кіевъ, попровѣдаю,
Что такое дѣется во Кіевѣ?“

Пріѣзжалъ Илейко въ стольный Кіевъ градъ;

У Владиміра у князя пиръ навѣселъ,

За столомъ сидитъ до тридцати боярченковъ,

Сильныхъ, могучихъ богатырей.

Входитъ старый въ грядню княженецкую,

Ставится у ободверины,

Крестъ кладетъ да по-писаному,

И поклонъ ведетъ да по-ученому,

Князю солнышку съ княгинею въ особину:

„Здравствуешь, Владиміръ стольно-кіевскій!

Поишь, кормишь ли заѣзжихъ добрыхъ молодцевъ?

Я къ тебѣ служить заѣхаль вѣрой-правдою.

Не боюсь татаръ я въ полѣ тысячи,

Не боюсь и другою тысячи,

Не пойду въ побѣгъ отъ третьей тысячи;
 Да не надобно во помощь мнѣ
 Тридцати воронъ со воронятами“.

Не узналъ его Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ты отколь, удалый, родомъ-племенемъ?
 Именемъ какъ величать тебя,
 Отцомъ-батюшкою чествовать?“

„Я—Никита Заолѣшанинъ!“

„Ай же ты, Никита Заолѣшанинъ!
 Ты садись-ка съ нами хлѣба кушати;
 Есть еще мѣстечко тамъ, на нижнемъ кѣнечкѣ,
 Ты садись-ка тамъ по край стола, по край скамьи:
 Всѣ другіе мѣстечки у меня позаняты“.

Повели Илейку слуги подъ руки,
 Повели ко нижню кѣнечку,
 Усадили тамъ по край стола, по край скамьи.
 Говоритъ Илейко таковѣ слово:

„Ужъ ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
 Самъ ты, князь, сидишь съ воронами,
 А меня ты сѣдишь съ воронятами!“

Какъ хотѣлъ тутъ онъ поладиться, поправиться—
 Поломалъ кругомъ скамьи дубовыя,
 Пѣгнулъ сваи всѣ желѣзныя,
 Поприжалъ гостей всѣхъ во большій уголъ.

А Владиміру то дѣло не слюбилося:
 Возставалъ онъ на рѣзвыя ноги,
 Потемнѣлъ самъ, что осенняя ночь,
 Да вскричалъ, взревѣлъ, что лютый звѣрь:

„Что же ты, Никита Заолѣшанинъ,
 Помѣшалъ мнѣ всѣ мѣста учѣнныя,
 Пѣгнулъ сваи всѣ желѣзныя:
 У меня вѣдь промежъ каждаго богатыря
 Сваи были кладены желѣзныя,
 Чтобъ они въ пиру да напивалися,
 Напивалися да не сталкилися.
 Ай вы, русскіе могучіе богатыри!
 Слыхано ли, чтобы васъ, богатырей,
 Кто назвалъ воронами да воронятами?
 Выходите-ка вы, трое самолучшіе,

Вы берите-ка Никиту подъ руки,
Выкиньте изъ GRIDNI вонъ на улицу!“
Выходили самолучшихъ три богатыря,
Начали Никитушку подѣргивать,
Пѣчали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не шатнется,
На головушкѣ колпакъ не тряхнется:

„Коли хочешь, князь Владиміръ, позабавиться,
Подавай еще мнѣ трехъ богатырей!“

Выходили три другихъ богатыря,
Начали Никитушку подѣргивать,
Пѣчали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не шатнется,
На головушкѣ колпакъ не тряхнется:

„Коли хочешь, князь, потѣшиться,
Посылай еще хоть трехъ богатырей!“

Выходили третьи три богатыря—
Ничего съ Никитой не подѣлали.
Говорить Никита таково слово:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Знать, тебѣ охота попотѣшиться?
Ты теперь изволь-ка на меня глядѣть:
Гляючи, пройдетъ охота тѣшиться.“

Сталь тутъ самъ Никита тѣшиться,
Сталь богатырей поталкивать,
Учалъ сильныхъ, могучіихъ попинывать:
Всѣ богатыри по GRIDNI пораспѣзались,
Ни одинъ на ноженьки не можетъ встать.

Выходилъ изъ GRIDNI вонъ Никитушка,
Дверьми хлопнулъ—вышибъ ободверины,
Воротами хлопнулъ—вонъ верёюшки,
А точёныя перильца пріосѣпались.
Князь Владиміръ за печь позадвинулся,
Соболиной шубкой призакинулся:

„Ой, тихонько, братцы, не ворѣхнетесь!
Не услышалъ бы Никита Заолѣшанинъ!
Какъ услышитъ онъ—ворѣтится, убьетъ насъ всѣхъ,
Не оставитъ стараго, ни малаго,
Не оставитъ мнѣ, Владиміру, на сѣмена.“

А Илейко, какъ повышелъ на широкій дворъ,

Тугой лукъ разрывчатый натягиваль,
Каленую стрѣлочку накладываль,
Самъ стрѣлѣ да приговариваль:

„Ты лети-ка, стрѣлка, къ кровлямъ златоверхіимъ,
Поснимай-ка золочѣны маковки!“

Пали наземь золочѣны маковки,
Закричалъ Илья да во всю голову:

„Гой вы, голи, гóлюшки кабацкіе,
Доброхоты княженецкіе!
Собирайтесь-ка на княженецкій дворъ,
Обирайте золочѣны маковки,
Да несите во царѣвъ кабакъ,
Пейте зеленá вина тамъ дóсыта“.

Прибѣгали гóлюшки кабацкіе,
Доброхоты эти княженецкіе,
Обирали золочѣны маковки:

„Ай же ты, нашъ батюшка, отецъ родной!“

Шли съ Илейкой во царѣвъ кабакъ,
Пропивали золочѣны маковки,
Пропивали съ нимъ да заоднѣшенько.
А и стали тутъ сумлѣться:

„Что-то будетъ намъ отъ князя солнышка,
Что-то отъ Владиміра достанется:
Пропиваемъ мы его всѣ маковки!“

Говоритъ Илья имъ таковы слова:

„Пейте, голи вы мои, да не сумлѣйтесь:
Я заўтра буду въ Кіевѣ князёмъ княжить,
А вы, голи, будете надъ всѣми набольши!“

Стали пить, не стали болѣе сумлѣться,
Стали Господа молить за добра мóлодца.

А на томъ пиру на княженецкоємъ
Доносили солнышку Владиміру:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Какъ Никитушка-то Заолѣшанинъ
Со твоихъ со кровель златоверхіихъ
Золочѣны маковки повѣстрѣляль,
Созваль всѣхъ гóлей кабацкіихъ,
Прошилъ съ ними золочѣны маковки“.

Какъ сидѣлъ при томъ пиру-бесѣдушкѣ
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,

Говорить Добрынюшка Владиміру:

„Князь ты нашъ Владиміръ, красно солнышко!
То вѣдь не Никита Заолѣшанинъ,
То мой братъ крестовый Илья Муромецъ“.
Сталь тутъ князь Владиміръ думу думати
Со боярченками именитыми,
Со богатырями сильными, могучими,
Какъ ему съ Ильей да помирится:

„Думайте-ка, братцы, думу-думушку,
Думайте-ка, братцы, думу крѣпкую,
Думайте-ка думу, не продумайте:
Ужъ кого бы намъ да за Ильей послать,
Во почѣстенъ пиръ Илью позвать?
Самому-то мнѣ пойти не хочется,
А Апраксию послать—къ лицу нейдѣтъ“.

Стали всѣ тутъ думу думати:

„Ужъ кого бы намъ послать Илью позвать?
А пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
Вѣдь они съ Илейкой братица крестовые,
Братица крестовые, названые,
И его Илья, бывало, слушаетъ“.

Шель Владиміръ по столовой горенкѣ,
Становилса супротивъ Добрынюшки,
Говорить Добрынѣ таковы слова:

„Ты, молоденькій Добрыня! ужъ сходи-ка ты
Къ старому Ильѣ ко Муромцу,
Бей челомъ Илейкѣ, низко кланяйся,
Поклонися до половъ кирпичныхъ,
Что до самой матушки сырѣй земли,
Говори Илейкѣ таковы слова:
— Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
Со княгиней стольной со Апраксией,
Какъ послалъ просить тебя да на почѣстенъ пиръ;
Не узналъ тебя онъ, добра мѣлодца,
Потому садилъ за столъ на нижнемъ конечкѣ;
А теперъ онъ просить со усердіемъ,
Со усердіемъ, со радостью великою,
Не велѣлъ на старо гнѣваться“.

И пошелъ молоденькій Добрынюшка,
Улицей идетъ, а самъ-то думаетъ:

„Не по смерть ли я иду по скорую?
Да колѣи мнѣ не послушать князя солнышка,
Мнѣ отъ князя солнышка не сдѣбровать!“

И идетъ онъ во царевъ кабакъ,
И приходитъ во царевъ кабакъ;
А сидитъ тутъ старый Илья Муромецъ,
Съ гдлями сидитъ, пьетъ-прохлаждается.
И не знаетъ онъ, отколь къ Ильѣ зайти:
„Спереди зайти, такъ хорошо ль прилюбится?
Такъ ужъ лучше же сзади зайду“.

Какъ зашелъ сзади Добрыня, захватилъ Илью,
Захватилъ за плечи за могучія,
Говорить самъ таковыя слова:

„Ай же ты, крестовый братецъ мой,
Мой названный братецъ, старый Илья Муромецъ!
Ты сдержи-ка руки бѣлыя,
Ты скрѣпи-ка ретивѣ сердце;
Вѣдь пословъ-то ни кують, ни вѣшаютъ.
А и кладена у насъ съ тобою заповѣдь,
Заповѣдь не малая, великая:
Меньшему-то брату слушать большаго,
Большему-то брату меньшаго,
Да стоять обоимъ дружка-за-дружка.
Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
Со княгиней стольной со Апраксіей:
Не узналъ тебя онъ, добра мѣлодца,
Потому садилъ за столъ на нижнемъ концѣ;
А теперь тебя онъ проситъ во почестенъ пиръ
Со усердіемъ, со радостью великою,
Не велѣлъ тебѣ на старо гнѣваться“.

Обернется тутъ Илейко, самъ проговорить:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты счастливъ тѣмъ, что сзади зашелъ:
Кабы ты, Добрыня, спереди зашелъ,
Только бы съ тебя, Добрыня, пепель сталъ!
А теперь тебя не трону, братецъ мой:
Вѣдь закона-то нельзя переступить.
Ты пойди, скажи-ка князю солнышку:
Пусть-ка для меня, для мѣлодца,
Разошлетъ указы строгіе

По всему по городу по Кіеву
 Да еще по городу Чернигову,
 Чтобы были на трое на суточекъ
 Всѣ царёвы кабаки отворены,
 Чтобы весь народъ пилъ зеленѣ вино;
 Кто не хочетъ зеленѣ вина,
 Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
 Кто не хочетъ пива пьянаго,
 Тотъ бы пилъ сладкихъ медовъ:
 Чтобы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ;
 А и пусть-ка для меня, для мѣлодца,
 Заведетъ онъ столованьице—почѣстенъ пиръ.
 А колѣи не сдѣлаетъ по-мѣому,
 То ему, Владиміру, княжить до утрѣа“.

Какъ бѣжалъ Добрыня скоро-на-скоро
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Передалъ ему Ильинъ наказъ;
 Какъ тутъ князь Владиміръ скоро-на-скоро
 Разослалъ указы строгіе
 По всему по городу по Кіеву
 Да еще по городу Чернигову,
 Чтобы были на трое на суточекъ
 Всѣ царёвы кабаки отворены,
 Чтобы весь народъ пилъ зеленѣ вино,
 Пилъ бездѣнно да безошлинно,
 Всѣ бы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.
 Самъ заводитъ столованьице—почѣстенъ пиръ,
 Забираетъ всѣхъ князей да бѣяровъ,
 Всѣхъ могучихъ русскихъ богатырей,
 А и полениць удалыхъ.
 А во кабакахъ никто не пьетъ, не кушаетъ,
 Всѣ идутъ ко князю ко Владиміру,—
 Не для хлѣба-соли, не для золотой казны:
 Посмотрѣтъ идутъ на добра мѣлодца,
 На того на стара Илью Муромца;
 Всѣ на кпяженецкій дворъ собираются,
 Всѣ тихонько въ гридню пробираются.
 Какъ приходитъ тутъ и старый Илья Муромецъ,

Съ гѣлями приходитъ со кабацкими,
 Какъ идетъ во гридню свѣтлую,
 Крестить очи по-писаному
 И ведетъ поклоны по учёному,
 Бьетъ челомъ на всѣ четыре стороны,
 Князю со княгинею въ особину.
 Скоро всталъ Владиміръ на рѣзвѣ ноги,
 Скоро бралъ Илью да за бѣлы руки,
 Цѣловалъ да во уста сахарныя,
 Говорилъ самъ таковы слова:

„Гой еси ты, старый Илья Муромецъ!
 Хоть твое мѣстечко было да пониже всѣхъ,
 Такъ теперь твое мѣстечко да повыше всѣхъ!
 Гой вы, слуги мои, слуги вѣрныя!
 Проводите стараго на мѣсто бѣльшее!“

Не садился онъ на мѣсто бѣльшее—
 Сѣлъ на мѣсто на среднее,
 Рядомъ посадилъ голѣй кабацкіихъ,
 Говорилъ самъ таковы слова:

„Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Зналъ, кого послать меня позвать!
 Кабы не Добрынюшка, названный братецъ мой,
 Никого бы не послушалъ здѣсь.
 А было намѣренье наряжено:
 Тугой лукъ разрывчатый натягивать,
 Да стрѣлять сюда, во гридню свѣтлую,
 Да убить тебя, князя Владиміра,
 Со княгиней стольной со Апраксіей.
 Да на сей разъ Богъ тебя проститъ
 За твою вину да за великую!“

Понесли гостямъ тутъ яствухекъ сахарныхъ,
 Понесли напитокковъ медвяныхъ,
 Подносили каждому по чарочкѣ;
 Говоритъ Илья Владиміру:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Тѣмъ ли ты моихъ гостей уподчуешь,
 Тѣмъ ли ты моихъ гостей учествуешь—
 Чарочками да голѣй кабацкіихъ?“

А Владиміру то слово не слюбилося,
 Говоритъ Ильѣ да таковы слова:

„У меня во погребахъ глубокихъ
Есть про всѣхъ васъ зеленѣ вино,
Есть про каждого по бочкѣ-сороковочкѣ;
Коли здѣсь не хватить на гостей твоихъ,
Сами спустятся во погреба глубокіе“.

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Такъ ли у тебя гостей да подчуютъ,
Такъ ли добрыхъ мѣлодцевъ да чествуютъ,
Чтобы сами шли за яствами, за питьями?
Знать, мнѣ быть сегодня за хозяина!“

Какъ повскочить старій на рѣзвѣ ноги,
Погребовъ у слугъ не спрашиваль,
Къ погребамъ ключей не требоваль,
Прямо шель ко погребамъ глубокимъ,
Двери и колоды вонъ выпинываль,
Безъ ключей замочки отщѣлкиваль,
Входитъ самъ во погреба глубокіе.
Какъ беретъ тутъ бочку да подъ пазуху,
Какъ беретъ другую подъ другую пазуху,
Третью сороковую ногѣй катить,
Выкатилъ на княженецкій дворъ,
Закричалъ самъ во всю голову:

„Гой вы, голи, гѣлюшки кабацкіе!
Выходите-ка на княженецкій дворъ,
Напою я всѣхъ васъ зеленѣмъ виномъ“.

Сходитъ самъ опять во погреба глубокіе.
Не стерпѣлъ Владиміръ, больно поразгнѣвался,
Закричалъ да зычнымъ голосомъ:

„Гой вы, слуги, слуги вѣрные!
Вы бѣгите-ка скорѣмъ-скоро,
Скоро-наскоро да поскорѣшенько,
Заложите въ погребахъ мнѣ мѣлодца,
Позадѣрните чугуною рѣшѣточкой,
Завалите дубьемъ-кѣлодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпьте желтыми песочками,
Поморите смертію голодною!“

Побѣжали тѣ скорѣмъ-скоро,
Скоро-наскоро да поскорѣшенько,
Заложили въ погребахъ Илью,
Позадѣрнули чугуною рѣшѣточкой,

Навалили дубья-кдлодья со всѣхъ сторонъ,
 Да засыпали песками желтыми.
 Какъ другимъ богатырямъ то за бѣду пало,
 Возставали съ пира не докушавши,
 Выходили на широкій дворъ,
 Всѣ садились на добрыхъ коней,
 Всѣ разъѣхались во чисто поле,
 Во раздольице широкое:

„А не будемъ же мы больше жить во Кіевѣ,
 А не будемъ же служить князю Владиміру!“

Такъ-то въ ту пору у князя у Владиміра
 Не осталось во Кіевѣ богатырей.

БЫЛИНА СЕМНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Калинъ царь (58).

Ой ты, мать сыра земля, поразступися-ка!
Небеса вы синія, раздайтеся!
Темны тучи, воедино не скопляйтеся!
Богатырской силушкѣ тошнѣхонько,
Горе лютое со старымъ приключилося:
Поразгнѣвался на стараго Владиміръ князь,
Приказаль его своимъ вѣрнымъ слугамъ
Заложить во погребахъ глубокіихъ,
Позадѣрнути чугуною рѣшѣточкой,
Завалити дубьемъ-колодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпати песками желтыми,
Поморити смертію голодною.
Да была у князя дочка молодѣшенька,
Дочка молодѣшенька была, малѣшенька,
Видить: посадилъ Владиміръ князь
Стараго во погреба на смерть голодную;
А онъ могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви Божія,
Могъ бы поберець ей князя-батюшку,
Могъ бы поберець ей и княгиню-матушку.
И брала ко погребамъ глубокимъ
Во-потай она ключи у матушки,

Подкопать велѣла копи тайныя,
 Носить старому уѣдушки сахарныя,
 Ставить старому напитокочки медовыя.
 А Владиміръ князь про то не вѣдаетъ.

Подсылалъ тутъ Калинъ царь Калиновичъ
 На святую Русь татаровей поганыхъ:

„Ай же вы, мои татаровья поганые!
 Поѣзжайте-ка вы на святую Русь,
 Ко тому ко славному ко Киеву,
 Посмотрите, попровѣдайте,
 Что-то дѣется на матушкѣ святой Руси“.

И поѣхали татаровья поганые
 На святую Русь, ко славну Киеву,
 И пріѣхали во стольный Киевъ градъ.
 Посмотрѣли отъ далѣ поганые
 На Владиміра на князя солнышко,
 И поѣхали назадъ къ царю-татарину.
 Сталъ ихъ Калинъ царь выспрашивать:

„Гдѣ же вы, ребята, были-побыли,
 Что же вы, ребята, видѣли?“

Говорятъ ему татаровья поганые:
 „Были-побыли мы на святой Руси,
 Побыли во славномъ Киевѣ,
 Видѣли во Киевѣ чуднымъ чудно,
 Видѣли во Киевѣ дивнымъ дивно:
 Какъ со матушки со церкви Божіей
 Шла душа-дѣвица красная,
 Книгу на рукахъ несла, евангелъе,
 Сколько ни читала, вдвое слезно плакала“.

Говоритъ имъ Калинъ царь Калиновичъ:

„Ай вы, глупые мои татаровья!
 Шла то не душа-дѣвица красная,
 Шла то мать да пресвятая Богородица,
 Книгу на рукахъ несла, евангелъе:
 Видѣла надъ Киевомъ невзгодушку,
 Оттого и слезно плакала“.

Не волна на мѣрѣ расходилася,
 Не синѣ море да всколыбалося—
 Взволновался Калинъ царь Калиновичъ,
 Воспылалъ собака да на Киевъ градъ.

Ай, собака ты, злодѣй да Калинъ царь!
 Думаетъ онъ думушку недобрую
 И совѣтуетъ совѣты нехорошіе:
 Хочетъ разорить онъ столичный Кіевъ градъ,
 Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
 Церкви Божія на дымъ пустить,
 Князю солнышку да голову срубить,
 Со княгиней стольной со Апраксіей.
 Собираетъ силы съ сорока земель,
 Съ сорока земель да съ сорока царей,
 Съ каждымъ силы по сту тысячей,
 А съ самимъ собакой силушка несчетная.
 Собирается собака ровно три года,
 На четвертый во походъ пошелъ:
 Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
 Становился съ силой у быстра Днѣпра,
 Приказалъ всей силушкѣ великой
 Во одно мѣсто снести по камешку—
 Выросла гора превеличѣюща.
 Чтò подъ силой мать сыра земля не погнется,
 Подъ поганой не разступится?
 Отъ того отъ пару отъ конинаго
 Инъ померкло красно солнышко,
 Ни луча не взвидѣтъ свѣту бѣлаго;
 Отъ того отъ духа отъ татарскаго
 Нѣ можно крещенымъ живымъ быть.
 Какъ разставилъ силу по чисту полю,
 Самъ сходилъ собака со добра коня,
 Скоро сѣлъ на свой ременчатъ стулъ,
 Ярлыки писалъ да скорописчаты,
 Не чернилами писалъ, а краснымъ золотомъ,
 Ярлыки да запечатывалъ;
 Выбиралъ татарина получше всѣхъ:
 Мѣрю татаринъ трехъ сажень,
 Голова на немъ съ пивной котель,
 Промежь плечъ татаринъ во косу сажень.
 Подавалъ ему онъ грамоту посыльную,
 Посылалъ его во Кіевъ градъ, наказывалъ:
 „Ай же ты, любезный мой посланничекъ!
 Знаешь говорить ты да по-русскому,

Про себя мычать да по-татарскому?
 Ты бери-ка грамоту посыльную,
 Ты садись-ка на добра коня,
 Поѣзжай-ка да во славный Кіевъ градъ,
 Ко тому ко князю солнышку на шіроко дворъ,
 Станови добра коня середь двора,
 Не привязывай коня и не приказывай,
 Проходи прямёхонько да не съ упадкою
 Въ гридни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
 Отворяй въ палаты двери на-пята,
 Не снимай и шапки со головушки,
 Богу русскому не кланяйся,
 Князю солнышку челомъ не бей,
 Полагай лишь ярлыки на злоть столъ,
 Пословечно выговаривай:
 — Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
 Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы руки,
 Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
 Каждое словечко въ нихъ высматривай.—
 Безъ поклона повернись тутъ да поди съ палать,
 На коня садись да поѣзжай назадъ,
 Во свою во силушку великую“.

И поѣхаль тотъ посланничекъ во Кіевъ градъ,
 Дѣлалъ дѣло повелѣное:
 Заѣзжалъ на шіроко княженецкій дворъ,
 Становилъ добра коня середь двора,
 Не привязывалъ коня и не приказывалъ,
 Проходилъ прямёхонько да не съ упадкою
 Въ гридни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
 Отворялъ въ палаты двери на-пята,
 Не снималъ и шапки со головушки,
 Не молился Спасу образу,
 Князю солнышку челомъ не билъ,
 Бросилъ только ярлыки на злоть столъ,
 Пословечно выговаривалъ:

„Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
 Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы руки,
 Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
 Каждое словечко да высматривай“.

Безъ поклона повернулся да съ палать пошелъ,

На коня садился да поѣхаль вонъ,
Во свою во силушку великую.
Какъ вставаль тутъ солнышко Владиміръ князь
Со большаго мѣста княженецкаго,
Бралъ тѣ ярлыки да скорописчаты,
Распечатываль ихъ скоро да развертываль,
Каждое словечко да высматриваль.
А во тѣхъ во ярлыкахъ написано,
Чтобы по всему по славну Кіеву
Онъ съ Божьихъ церквей чудны кресты повѣснямалъ,
Во церквахъ бы сдѣлалъ стойла лошадиныя,—
Было бъ гдѣ стоять добрымъ конямъ татарскимъ;
По всему бы да по славну Кіеву
Улицы широкія повѣпахаль,
Богатырскіе дворы повычистиль,
Поумылъ палаты бѣлокаменны,—
Было бъ гдѣ стоять великой рати-силушкѣ;
По всему бы да по славну Кіеву,
По всѣмъ улицамъ широкимъ,
По всѣмъ малымъ переулочкамъ,
Понаставиль бочку къ бочкѣ близко-пѣ-близку,
Сладкихъ все, хмельныхъ напитокковъ,—
Было бъ у чего стоять собакѣ Калину
Со его великой ратью-силушкой.
Видить тутъ Владиміръ стольно-кіевскій:
Дѣло-то великое, не малое;
Посмотрѣлъ въ окопечко косящато:
Какъ стоитъ у батюшки быстра Днѣпра
Калинъ царь со всею силушкой невѣрною,
А той силы на чистомъ полѣ
Будто лѣсу мелкаго шумящаго,
Не видать ни краюшка, ни бережка;
А знаменье въ на чистомъ полѣ
Будто лѣсу крупнаго жарѣваго.
Устрашился солнышко Владиміръ князь,
Закручинился да запечалился,
Ниже плечъ повѣсилъ буйну голову,
Съ ясныхъ очушекъ роняетъ слезы горькія,
Шёлковымъ платочкомъ утирается,
Говоритъ самъ таковы слова:

„Ахъ ты гой еси, моя жена любезная,
 Ты княгинюшка моя Апраксія!
 Накатилась силушка невѣрная,
 Обступила стольный Кіевъ градъ.
 По грѣхамъ намъ вѣрно учинилося,
 Что богатыри изъ Кіева развѣхались:
 Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
 Постоять за Кіевъ градъ ужъ нѣкому.
 Разсердилъ я всѣхъ могучіихъ богатырей,
 А удала стара Илью Муромца
 Засадилъ во погребѣ глубокіе,
 Заморилъ да смертію голодною:
 Постоялъ бы онъ одинъ за Кіевъ градъ,
 Постоялъ бы онъ за церкви Божія,
 Поберегъ бы онъ меня, Владиміра,
 Поберегъ бы и тебя, Апраксію.
 А теперь намъ, видно, дѣлать нечего,
 На убѣгъ бѣжать изъ Кіева приходится“.

Какъ была тутъ дочка у Владиміра,
 Дочка молодѣшенька, малѣшенька,
 Говорить ему да таковы слова:

„Гой еси, родитель ты мой батюшка!
 Слышала я въ церкви, во писаніи,
 Что удалу стару Ильѣ Муромцу
 Смерть ни съ голоду, ни на бою не писана.
 Закричи-ка ты своимъ вѣрнымъ слугамъ,
 Чтобъ сходили къ погребамъ глубокіимъ,
 Поразсыпали песочки желтые,
 Развалили дубье-кѣлодье,
 Да раздѣрнули рѣшѣточку чугунную.
 Самъ бери-ка золотыя ключи,
 Отворяй-ка погребѣ глубокіе,
 Опускайся-ка ко стару Ильѣ Муромцу,
 Посмотри-ка, живъ ли онъ аль нѣтъ?“

Говорить ей батюшка Владиміръ князь:

„Ай же, дитятко мое ты неразумное!
 Ты сними-ка буйну голову,
 Приростетъ-ли ко плечамъ она?
 Быть ли живу черезъ трѣ года
 Старому да Ильѣ Муромцу?“

Отвѣчаетъ дочка молодѣшенька,
Дочка молодѣшенька, малѣшенька:

„Посылай-ка только, онъ тамъ живъ сидитъ“.

Выходилъ Владиміръ князь тутъ на краснѣ крыльцо,
Закричалъ вѣрнымъ слугамъ да громкимъ голосомъ:

„Гой еси, мои вы слуги вѣрныя!

Вы сходите-ка ко погребамъ глубокимъ,

Поразсыпьте-ка песочки желтые,

Развалите дубье-кѣлодые,

Да раздѣрните рѣшѣточку чугунную,

Посмотрите, живъ ли Илья Муромецъ?“

И пошли они ко погребамъ глубокимъ,

Поразсыпали песочки желтые,

Развалили дубье-кѣлодые,

Да раздѣрнули рѣшѣточку чугунную,

Закричали громкимъ голосомъ:

„Гой еси, удалый добрый молодець,

Живъ ли ты аль нѣтъ, откликнися?“

Подалъ голосъ имъ Ильюшенка.

Скоро бралъ Владиміръ князь тутъ золотыя ключи,

Отмыкаетъ погреба глубокіе—

А во погребахъ Илья живой сидитъ,

У Ильюши воскова свѣча горитъ,

Самъ читаетъ книгу онъ, евангеліе.

Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:

„Ужъ ты здравствуешь, удалый Илья Муромецъ!

Ты сидишь во погребахъ глубокіихъ,

А не вѣдаешь невзгодушки великія:

Вѣдь нашъ Кіевъ градъ во полонѣ стоитъ,

Обошелъ вѣдь насъ собака Калинъ царь

Со своею силушкой великою.

Разсердилъ я всѣхъ богатырей,

Поразѣхались они изъ Кіева,

Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,

Постоять за Кіевъ градъ ужъ нѣкому.

Ужъ постой-ка ты одинъ за Кіевъ градъ,

Постарайся-ка за вѣру христіанскую,

Хоть не для меня, князя Владиміра,

Хоть не для княгини для Апраксіи,

А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ“.

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Я ужь три года не видѣлъ свѣту бѣлаго—
Какъ простить мнѣ ту обиду кровную?“

„Да не для-ради меня, Владимира,
И не для-ради моей Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“
Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвѣ ноги,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:

„Ай ты, бурушка, мой богатырскій конь!“

Выходилъ на бѣлый божій свѣтъ,
Шель въ конюшеньку стоялюю,
Выводилъ добра коня на широкъ дворъ,
Сталъ добра коня уздать, засѣдывать:
Полагалъ на потнички да потнички,
Полагалъ на войлочки да войлочки,
На верѣхъ черкасское сѣдлышко;
Пѣдпруги подтягивалъ шелковеньки,
Втягивалъ шпилѣчки булатныя,
Полагалъ стремяночки булатныя,
Пряжечки да красна золота—
Да не для красы-басы, не для угожества,
Для-радѣ укрѣпы богатырскія;
Шелкъ-то тянется, да нѣ рвется,
А булатъ-жельзо гнется, не ломается,
Красно золото и мокнетъ, да не ржавѣетъ.
Одѣвалъ тогда dospѣхи крѣпкіе,
Бралъ съ собою палицу булатную,
Во-другихъ конье да долгомѣрное,
Въ-третьихъ тѣгой лукъ да калены стрѣлы,
Бралъ еще шалыгу подорожную,
И садился на добра коня,
Говорить самъ князю таковыя слова:

„Запирай-ка, князь, ворота крѣпко-накрѣпко,
Засыпай желтымъ пескомъ ихъ, сѣрымъ камешкомъ;
Я, Илья, поѣду во чисто поле
Созывать могучихъ богатырей“.

Только видѣли Ильюшу сядучи,
А не видѣли его поѣдучи;
Отъ его копытъ отъ лошадиныхъ
Во чистомъ полѣ да куревѣ стоять,

Куревò стоить, да пыль столбомъ валить.
Выѣхалъ онъ во чисто поле,
Посмотрѣлъ на силушку поганую:
Нагнано-то силы видимо-невидимо,
Инь не можетъ пропекать и красно солнышко
Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
Долгимъ весеннимъ денѣчикомъ
Сѣру звѣрю силы не обрѣскати,
Долгимъ межѣннымъ денѣчикомъ
Черну вѣрону да не обграти,
Долгимъ осеннимъ денѣчикомъ
Сѣрой птицѣ да вокругъ не облетѣть.
Какъ отъ пѣкрику отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадинаго
Унываетъ сердце человѣческо (⁵⁹).
И поѣхалъ старый Илья Муромецъ
По раздольицу чистою полю вокругъ силушки—
Конца-краю силушкѣ не могъ наѣхати.
И не смѣетъ старый напустить на силушку,
Поднимается на гору на высокую,
Посмотрѣлъ на силушку поганую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
Со первой горы Илья спускается,
На высокую другую поднимается,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
Со другой горы Илья спускается,
На высокую на третью поднимается,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Усметрѣлъ подъ стороной восточной
Во чистомъ полѣ бѣлой шатеръ,
На бѣломъ патрѣ злачѣна маковка,
У бѣла патра да кѣни богатырскіе.
Со горы высокой онъ спускается
И поѣхалъ по чистою полю,
Прѣзжаетъ ко бѣлу шатру;
Тамъ стоить двѣнадцать кѣней богатырскихъ,
Зоблять всѣ пшѣну да бѣлоярову,
Все-то добры кѣни русскіе,

Все его крестовыхъ братицевъ,
 Братицевъ крестовыхъ да названыхъ.
 Онъ вязалъ коня къ столбу точному,
 Припушалъ его къ пшенѣ ко бѣлоровой,
 Самъ заходить во бѣлой шатеръ.
 Во бѣломъ шатрѣ двѣнадцать ли богатырей,
 Все богатырей-то святорусскихъ,
 Сѣли хлѣба-соли кушати,
 Поиграть во шашки-шахматы.
 Онъ глаза крестить да по-писаному,
 Онъ поклонъ ведетъ да по-ученому,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Дядюшкѣ любимому въ особину:

„Хлѣбъ да соль, богатыри вы святорусскіе,
 Братія моя крестовая, названая!
 Здравствуешь и ты, любимый дядюшка,
 Ты Самсонъ да сынъ Самойловичъ!“

Какъ увидѣли Илью богатыри,
 Повскачили скоро на рѣзвѣ ноги,
 Со Ильюшкой здоровкались:
 „Ай же ты, удалый старый Илья Муромецъ!
 Говорили, ты у князя у Владиміра
 Посажёнъ во погреба глубокіе,
 Поморёнъ да смертію голодною,
 Анъ ты живъ поѣживаешь во чистомъ полѣ?“

Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:

„Ужъ поди-ка ты, любимый мой племянничекъ,
 Съ нами хлѣба-соли да покушати“.

Говорить Илья имъ таковы слова:

„Гой же вы, могучіе богатыри,
 Гой ты, мой любезный дядюшка!
 Вы ѣдите, пьете, утѣшаетесь,
 Вы во всяки игры забавляетесь,
 А нашъ Кіевъ градъ во полонѣ стоитъ,
 Обступилъ нашъ Кіевъ градъ собака Калинь царь
 Со своею силушкой великою,
 Хочетъ разорить собака стольный Кіевъ градъ,
 Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
 Церкви Божія на дымъ пустить,
 Князю солнышку да голову срубить

Со княгиней стольной со Апраксіей.
 Вы сѣдлайте-ка добрыхъ коней,
 Да садитесь на добрыхъ коней;
 Ужь поѣдемъ, братцы, Кіевъ градъ отстаивать,
 Не для князя для Владиміра
 Не для князевой княгинюшки Апраксиі,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:

„Ай же ты, любимый мой племянничекъ,
 Старый ты да Илья Муромецъ!
 Самъ я не поѣду во чисто поле
 Стольный Кіевъ градъ отстаивать
 И тебѣ не дамъ благословенія:
 Много у Владиміра князей да бояровъ,
 Кормить онъ ихъ, поить до и жалуетъ;
 Намъ же отъ него ждать нечего,
 Не можемъ мы на него смотрѣть,
 На его жену Апраксию,
 Дали въ томъ закліятіе великое“.

„Да не для-ради князей Владиміра
 И не для-ради жены его Апраксиі,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Не поѣхалъ съ нимъ любимый дядюшка,
 Не поѣхали могучіе богатыри.
 Видитъ онъ, что дѣло имъ не по-люби,
 Выходилъ одинъ да со бѣла шатра,
 Бралъ добра коня за поводъ шелковые,
 Отводилъ отъ той пшены отъ бѣлояровой,
 Самъ садился на добра коня,
 И поѣхалъ по раздольицу чисто полю
 Ко татарской силушкѣ поганой.
 А раскинулася сила по чисто полю,
 Колыбается акъ синѣ море,
 Инъ сыра земля подъ силой подгибается.

Не ясѣнъ соколъ съ-подъ облакъ напускается
 На гусей, на лебедей, на малыхъ утокъ—
 Святоторускій богатырь да Илья Муромецъ
 Напускается на силу на татарскую:
 Заѣзжаетъ прямо во серѣдочку,
 Сталъ татаровой конемъ топтать,

Сталь поганнихъ копьемъ колоть,
 Подорожною шалыгою помахивать,
 Будто зелену траву косить:
 Гдѣ махнетъ—тамъ силы улица,
 Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ.
 Трое сутокъ бьетъ онъ силу не ѣдаючи,
 Не ѣдаючи да не пиваючи,
 Со добра коня да не слѣзаючи,
 Побилъ силушки ужъ безъ счету,
 А все будто силушки не убыло,
 Самъ Илья изъ силы выбился.
 Какъ вскричалъ тутъ Калинъ царь да громкимъ голосомъ:

„Гой еси, удалый добрый молодецъ!

Ты отсрочь-ка времени намъ трое сутокъ“.

Отвѣчалъ ему удалый добрый молодецъ:

„Не отсрочу вамъ я нисколѣшенько“.

„Ты отсрочь намъ хоть на сутки“.

И отсрочилъ имъ Илья на сутки,

Самъ поѣхалъ во чисто поле,
 Разставлялъ себѣ бѣлой шатеръ
 И ложился опочивъ держать.

Услыхалъ тутъ добрый конь невзгодушку,
 Разбудилъ Илью онъ рано поутру,
 Проязычился языкомъ человѣческимъ:

„Ай же ты, любезный мой хозяюшко!

Ночью мнѣ, добру коню, да мало спалось,

Мало спалось да много видѣлось:

„Даль собакъ Калину ты сутки времечка,

А его татаровья поганые

Подкопали три подкопа да глубокіихъ,
 Онущали въ нихъ телѣги да ордынскія,

Становили копы мурзаецкія,

Зарывали желтыми песочками.

Станешь ѣздить ты да по чисту полю,

Станешь бить да силушку великую,

Упаду я во первой подкопъ—

Изъ подкопа самъ повыскочу

И тебя, Ильюшеньку, повынесу:

Упаду я во другой подкопъ—

Изъ подкопа самъ повыскочу

И тебя, Ильюшеньку, повынесу;
 Упаду я во третій подкопъ—
 Изъ подкопа самъ повыскочу
 А тебя, Ильюшу, ужъ не вынесу“.

Какъ Ильѣ то дѣло не слюбилось,
 Какъ беретъ онъ плетку во бѣлыя руки,
 Бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
 Говоритъ коню да таковыя слова:

Ай же ты, собачище измѣнное!
 „Я холю, кормлю-пою тебя,
 А ты хочешь покидать меня
 Во подкопахъ во глубокіихъ!“

И направилъ онъ коня да во первой подкопъ—
 Добрый конь его оттоль повыскочилъ
 И Ильюшеньку съ собой повытащилъ;
 И упалъ онъ во другой подкопъ—
 Добрый конь его оттоль повыскочилъ
 И Ильюшеньку съ собой повытащилъ;
 И упалъ онъ во третій подкопъ—
 Добрый конь съ подкопа хотъ повыскочилъ,
 Самого Ильюшу ужъ не вытащилъ:
 Соскользнулъ Ильюша со добра коня
 И остался во подкопѣ во глубокомъ.
 Приходили тутъ татаровья поганые,
 Захватить хотятъ добра коня;
 Не сдается конь имъ во бѣлыя руки,
 Убѣжалъ далѣко во чисто поле.
 Приходили тутъ татаровья поганые,
 Подняли съ подкопа Илью Муромца,
 И сковали Ильѣ ножки рѣзвья,
 И связали Ильѣ ручки бѣлыя.

Говорятъ одни татаровья:

„Поведемъ-ка мы его на смертну казнь,
 Отрубить ему да буйну голову“.

Говорятъ ины татаровья:

„Не отрубимъ-ка ему мы буйной головы,
 А сведемъ къ собакѣ царю Калину:
 Чтò захочетъ, тò надъ нимъ и сдѣлаетъ“.

Повели Ильюшу по чисту полю,
 Приводили ко палаткѣ полотняной,

Привели къ собакѣ царю Калину,
 Становили супротивъ его,
 Говорили сами таковыя слова:

„Гой еси, собака ты, нашъ Калинъ царь!
 Захватили мы удала добра молодца
 Во подкопахъ во глубокихъ,
 Привели къ тебѣ, собакѣ царю Калину:
 Чтò захочешъ, то надъ нимъ и сдѣлаешъ“.

Говоритъ Илья собака Калинъ царь:

„Ай же ты, удалый добрый молодець!
 Напустилъ щенокъ да на большихъ собакъ!
 Гдѣ тебѣ съ татаровьями справиться?
 Сядь-ка ты со мной да за единый столъ,
 Ъшь-ка яствухекъ моихъ сахарныхъ,
 Пей-ка питьицевъ моихъ медвяныхъ,
 Одѣвай мою одежду драгоцѣнную,
 Золоту казну держи по надобью;
 Не служи-ка ты князю Владиміру,
 А служи-ка мнѣ, собакѣ царю Калину“.

Говоритъ ему на то въ отвѣтъ Илья:

„Мнѣ не сѣсть съ тобой да за единый столъ,
 Мнѣ не ѣсть твоихъ да яствухекъ сахарныхъ,
 Мнѣ не пить твоихъ да питьицевъ медвяныхъ,
 Не носить твоей одежды драгоцѣнныя,
 Не издерживать твоей да золотой казны,
 Не служить тебѣ, собакѣ царю Калину;
 Постою еще за стольный Кіевъ градъ,
 Постою за церкви за Господнія,
 Постою за вдовъ, сиротъ да бѣдныхъ людюшекъ!“

Говоритъ ему собака Калинъ царь:

„Ай же ты, удалый добрый молодець!
 У меня, собаки, есть двѣ дочери,
 Ты посватайся-ка на любой изъ нихъ,
 Я люблю за тебя замужъ отдамъ“.

Говоритъ Илья да не съ упадкою:

„Ай же ты, собака Калинъ царь!
 Не случилось со мною сабли остря,
 На твоей бы шеѣ я посватался“.

Какъ на то собака поразсѣрдился,
 Приказаль вести Ильюшу во чисто поле,

Отрубить ему да буйну голову.
Повели Ильюшу во чисто поле,
Вывели Ильюшу во раздольице,
Засвисталъ Ильюша богатырскимъ посвистомъ.
Не тропой бѣжить тутъ, не дорожкой,
Выбѣгаетъ съ поля его добрый конь,
На боку несетъ черкасское сѣдлышко,
По копытамъ бьетъ булатно стремечко.
Замахалъ Илья коня, кричить коню:
„Стой-постой-ка ты, мой добрый богатырскій конь!
Ты унесъ меня отъ двухъ смертей,
Унеси теперь отъ третіей!“
Подбѣжалъ къ Ильюшѣ его добрый конь,
Захватилъ зубами пѣтыни шелковыя,
Оборвалъ всѣ пѣтыни шелковыя,
Ручки бѣлыя освободилъ Ильѣ;
Захватилъ зубами кандалы желѣзныя,
Оборвалъ всѣ кандалы желѣзныя,
Ножки рѣзвыя освободилъ Ильѣ.
Какъ вскочилъ Илья тутъ на добра коня,
Вывѣжалъ да во чисто поле,
Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Стрѣлочку калѣную накладывалъ,
Самъ стрѣлъ да приговаривалъ:
„Ты пади, стрѣла, не на воду, не на землю,
Ты пади не въ темный лѣсъ, не во чисто поле,—
Ты лети, стрѣла, да во бѣлой шатеръ,
Проломи да крышу на бѣломъ шатрѣ,
Попади, стрѣла, да на бѣлыя груди
Къ моему ко дядюшкѣ любимому,
Проскользани ему да по бѣлой груди,
Сдѣлай только маленькую сцапину,
Маленькую сцапину да невеликую.
Спать онъ во бѣломъ шатрѣ да прохлаждается,
Надъ племянничкомъ невагодушки не вѣдаетъ“.
И спустилъ онъ стрѣлочку калѣную;
Какъ просвистнетъ стрѣлочка калѣная—
Полетѣла прямо во бѣлой шатеръ,
Сняла крышу со бѣла шатра,
Пала дядюшкѣ на бѣлу грудь,

На бѣлой груди да во злачёный крестъ,
 Проскользнула по бѣлой груди,
 Сцапинку дала да по бѣлой груди,
 Маленькую сцапинку да невеликую.
 Какъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ
 Воспрянулъ отъ сна отъ безпробуднаго,
 Пораскинулъ очи ясныя:
 Снята крыша со бѣла шатра,
 Проскользнула стрѣлка по бѣлой груди,
 Сцапинку дала да не великую.
 Скоро всталъ онъ на рѣзвѣ ноги,
 Говорить да такоу слова:

„Гой вы, славные, могучіе богатыри!
 Пробуждайтесь-ка отъ сна отъ крѣпкаго,
 Снаряжайте-ка своихъ добрыхъ коней!
 Да садитесь на добрыхъ коней!
 Мы тутъ спимъ да прохлажаемся,
 А не вѣдаемъ невзгоды надъ Ильюшенькой,
 Надъ момъ племянничкомъ любимымъ:
 Прилетѣлъ мнѣ отъ него подарочекъ
 Нелюбимый да непрошенный:
 Долетѣла стрѣлочка калѣная,
 Сняла крышу со бѣла шатра,
 Сцапинку дала мнѣ по бѣлой груди,
 Маленькую сцапинку да невеликую:
 Погодилса мнѣ, Самсону, крестъ на вѣротѣ,
 Крестъ на вѣротѣ шести пудовъ;
 Не было бѣ креста на вѣротѣ,
 Оторвала бы мнѣ буйну голову“.
 Возставали на рѣзвѣ ноги богатыри,
 Выходили со шатра долой,
 Начали сѣдлатъ добрыхъ коней,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали:
 Стала мать-сыра земля продрагивать.
 Смотрить тутъ удалый Илья Муромецъ
 Со горы высокої въ широкѣ поле:
 Не туманъ во полѣ поднимается—
 Ъдетъ тамъ одиннадцать богатырей,
 Впереди двѣнадцатый—Самсонъ Самойловичъ.
 И окликнуть Илья Муромецъ богатырей:

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и живовать собака—не изорвется!“

Только то словечко вымолвить—
Оторвалась голова татарская....

„Гой вы, братія моя названая,
 Дядюшка любимый мой Самсонъ Самойловичъ!
 Поѣзжайте-ка правдой рукой,
 Самъ поѣду я лѣвой рукой,
 Не упустимъ силы мы съ чиста поля,
 Съ двухъ сторонушекъ порубимъ до одинаго“.

Заѣзжали тутъ богатыри правдой рукой,
 Заѣзжалъ онъ самъ лѣвой рукой,
 Разгорѣлися сердца ихъ богатырскія,
 Расходились жилы богатырскія,
 Стали бить-рубить они татаровой,
 Стали прижимать ихъ съ двухъ сторонушекъ.

О тѣла поганья татарскія
 Иступились сабли острыя,
 Расщепились копыя долгомѣрныя,
 Изломались палицы тяжелыя.
 Захватилъ Илья тутъ за ноги татарина,
 Сталь кругомъ татаринომъ помахивать:
 Гдѣ махнетъ—тамъ улицы татаровой,
 Отмахнется—съ переулками,
 Самъ татарину да приговариваль:

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
 А и жиловать собака—не издрвется!“

Только то словечко вымолвилъ—
 Оторвѣлась голова татарская,
 Угодила голова по силѣ вдоль,
 Бьетъ и ломить ихъ, въ конѣць губить:
 Достальныя на побѣгъ пошли,
 Сами говорятъ да заклинаются:

„А не дай намъ Богъ видать русскіхъ людей!
 Неужтѣ всѣ таковы во Кіевѣ,
 Что одинъ да побилъ всѣхъ татаровой?“

А собака сударь Калинъ царь
 Спитъ въ своей палаткѣ полотняной,
 На кроваткѣ дорогъ рыбій зубъ,
 Да подъ одѣяльцемъ соболиннымъ,
 Спитъ, собака, прохлажается,
 Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
 Какъ наѣхалъ тутъ къ палаткѣ Илья Муромецъ,
 Ухватилъ собаку за желтыя кудри,

Выдернулъ съ кровати рыбій зубъ,
 Выдернулъ съ кармана плетъ шелкъовую,
 Началъ бить его, собаку, чествовать,
 Самъ ему да приговаривать:

„Вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
 Со Божьихъ церквей чудны кресты,
 Во церквахъ да стойла лошадинья!
 Вотъ тебѣ распаханная улицы,
 Вычищенные дворы да богатырскіе,
 Поумытыя палаты бѣлокаменны!
 Вотъ тебѣ хмельные, сладкіе напитокки
 Со твоею силушкой великою!
 А теперъ поѣдемъ-ка во стольный Кіевъ градъ
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.

И повезъ Илья собаку царя Калина
 Въ Кіевъ градъ ко князю ко Владиміру
 И привелъ его въ палату бѣлокаменну
 Передъ ласковаго князя солнышка.
 А Владиміръ князь встрѣчалъ богатырей,
 Принималъ со честью-почестью,
 Билъ челомъ съ усердемъ всѣмъ богатырямъ,
 Ильѣ Муромцу изъ всѣхъ въ особину:

„Благодарствуйте, могучіе богатыри,
 Благодарствуешь ты, старый Илья Муромецъ,
 Что избавили насъ отъ бѣды великія,
 Отъ напасти отъ напрасныя!
 Будьте вы впередъ за Кіевъ обстоятели,
 Ото всѣхъ сторонъ оберегатели,
 Какъ за то я васъ пожалую,
 Какъ пожалую васъ златомъ-сѣребромъ,
 Какъ пожалую васъ платьемъ цвѣтнымъ;
 Или надо города вамъ съ пригородками,
 Или надо сѣла вамъ съ присѣлками,
 Или надо вамъ деревни со крестьянами?“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Ничего мнѣ, старому, не надобно“.

Какъ тутъ всѣхъ другихъ богатырей
 Солнышко Владиміръ жалуеъ:
 Какъ даеъ имъ городъ да съ пригородками,
 Какъ даеъ имъ сѣла да съ присѣлками,

Какъ даетъ имъ золоту казну безсчетную,
 Какъ даетъ имъ платья цвѣтныя,
 Обѣщаетъ при себѣ ихъ во чести держать.
 И велить онъ всѣ царевы кабаки раскрыть,
 Чтобы весь народъ пилъ зеленое вино;
 Кто не хочетъ зеленая вина,
 Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
 Кто не хочетъ пива пьянаго,
 Тотъ бы пилъ медовъ стоялыхъ (60)—
 Чтобы всѣ да веселилися.
 И заводитъ онъ великъ почестень пирь
 На своихъ князей, на бояровъ
 Да на всѣхъ могучихъ богатырей;
 И беретъ онъ за бѣлыя руки
 Ту собаку царя Калина,
 Садитъ также за столы дубовые,
 Кормитъ яствушкой сахарною,
 Пойтъ питьицемъ медвянымъ;
 А сабака бьетъ челомъ ему:

„Ай же ты, Владиміръ князь да стольно-кіевскій!
 Не сруби-ка ты мнѣ буйной головы!
 Напишу съ тобой я записи великія,
 Буду я платить отъ вѣка до вѣку
 Дани-выходы тебѣ, князю Владиміру“.

Скоро тутъ домой онъ убирается,
 Убирается, собака, не съ прибытками,
 Не съ прибытками, а со убытками,
 Со убытками, со страмотою вѣчною.

Тутъ ему, собакѣ, и славу поють.

* *
*

Ч то ни лучше богатыри—во Кіевѣ,
 Золота казна—во Черниговѣ.
 Колокольный звонъ—во Новѣ-городѣ,
 Темны лѣсушки—Смоленскіе,
 Горы-долы—Сорочинскіе,
 А чисты поля—ко Ерусалиму.
 Здунинай-най-най!
 Болѣ пѣть впередъ не знай.

Чурила Пленковичъ.

Бласлови-ка, хозяинъ, бласлови, государь,
Старину намъ сказать стародавнюю,
Хорошо сказать, да лучше слушати,
Про младого Чурилу сына Пленковича! (61)

* *
*

Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Да у ласкова князя у Владиміра
Заводился хорошъ да почѣстенъ пиръ
На многѣхъ князей да на бдьяровъ,
На всѣхъ русскіихъ могучіихъ богатырей
Да на всѣхъ на поленицъ удалыхъ.
Дологъ день идетъ ко вечеру,
А почѣстенъ пиръ идетъ ко веселу.
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Самъ государь распотѣшился,
Выходилъ на крылѣчко на перѣное,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Какъ изъ дѣлеча-дѣлеча поля чистаго
Тутъ толпа мужичковъ появилась,
Все-то мужички-рыболовщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,

Бьютъ челомъ, жалобу творять:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,

Дай на Чурилу сына Плёнковича.

Вздили мы по рѣкамъ-озерамъ,

На твое на счастье княженецкое

Ни единой рыбки изловить не могли.

Появились люди невѣдомые,

Шёлковы нѣводы замѣтывали,

Камешки у сѣтокъ-то серебряные,

Поплавочки на сѣткахъ позолоченные:

Бѣлую рыбицу повѣпугали,

Щукъ, карасей повѣловили,

Мелкую рыбицу повѣдавили.

Намъ, государь-свѣтъ, улову вѣтъ,

Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,

Намъ отъ васъ нѣту жалованья.

Жены, дѣти наши осиротѣли,

По міру пошли скитатися,

Насъ самихъ избили-изранили.

Скажутся-называются

Все они дружиною Чуриловою“.

Та толпа со двора не сошла,

Новая съ поля появилась,

Все мужички-птицеловщицки,

А и всѣ-то избиты-изранены,

Булавами головы пробиваны,

Кушаками буйныя завязаны;

Кланяются князю, поклоняются,

Бьютъ челомъ, жалобу творять:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,

Дай на Чурилу сына Плёнковича.

Вздили мы по тихимъ заводамъ,

На твое на счастье княженецкое

Ни единой птички не вѣсмотрѣли.

Появились люди невѣдомые,

Всѣхъ ясныхъ соколовъ повѣхватали,

Всѣхъ гусей-лебедей повѣловили,

Всѣхъ сѣрыхъ утушекъ повѣстрѣляли.

Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
 Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
 Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 Жены, дѣти наши осиротѣли,
 По міру пошли скитатися,
 Насъ самихъ избили-изранили.
 Скажутся-называются
 Все они дружиною Чуриловою“.

Та толпа со двора не сошла,
 Новая съ поля появилась,
 Все мужички-звѣроловщички,
 А и всѣ-то избиты-изранены,
 Булавами головы пробиваны,
 Кушаками буйныя завязаны;
 Кланяются князю, поклоняются,
 Бьютъ челомъ, жалобу творять:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
 Дай, государь, намъ праведный судъ,
 Дай на Чурилу сына Плѣнковича.
 Вѣздили мы по темнымъ лѣсамъ,
 На твоёмъ государевомъ на займищѣ
 На твое на счастье княженецкое
 Никакого звѣря не наѣзживали.
 Появились люди невѣдомые,
 Шёлковы тѣнета протягивали,
 Кунку да лиску повѣловили,
 Чѣрнаго соболя повыдавили,
 Туровъ, оленей повыстрѣляли.
 Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
 Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
 Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 Жены, дѣти наши осиротѣли,
 По міру пошли скитатися,
 Насъ самихъ избили-изранили.
 Скажутся-называются
 Все они дружиною Чуриловою“.

Воспроговорить ласковый Владиміръ князь:
 „Гой вы, князья мои да бояре,
 Сильные, могучіе богатыри!
 Кто это Чурила есть таковъ?“

Какъ не знаю я Чуриловой посѣлицы,
 Какъ не знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ“.

Выступалъ изъ-за столовъ окольныхъ
 Старый Бермята сынъ Васильевичъ:

„Я, государь-свѣтъ, Владиміръ князь,
 Знаю Чурилову посѣлицу,
 Знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ.
 Какъ не здѣсь живетъ Чурила, не во Кіевѣ,
 Какъ живетъ онъ да пониже Мала Кіевца.
 Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
 Около двора булатный тынь,
 Вѣрхи на тѣчинкахъ точёные,
 Каждая съ маковкой-жемчужинкой;
 Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
 Надъ воротами иконъ до семидесяти;
 Среди двора теремъ стоятъ,
 Теремъ стоятъ златоверховатые;
 Первыя ворота—вальящетыя,
 Среднія ворота—стекольчатые,
 Третьи ворота—рѣшетчатые“.

Скоро тутъ Владиміръ князь съ княгинею
 Въ путь поднимается, поѣздку чинитъ:
 Хочетъ на Чуриловъ на дворъ поглядѣть.
 Взялъ съ собой, чтобы путь показать,
 Старога Бермяту Васильевича,
 Взялъ всѣхъ князей своихъ да бояровъ,
 Взялъ еще любимаго подручника
 Старога удала Илью Муромца,
 Съ нимъ младà Добрынюшка Никитича;
 Всѣхъ собралось ихъ пятьсотъ человекъ,
 Съѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 Ко Чурилову двору за Малый Кіевецъ.
 Подъѣзжаетъ князь ко Чурилову двору,
 Говоритъ, головой покачиваетъ:

„А и право же такъ, не пролгали мнѣ“.

Какъ изо тѣхъ изъ теремовъ высокихъ
 Выходилъ тутъ старъ матѣрь человекъ;
 Шуба-то на старомъ соболиная,
 Подъ дорогимъ зелѣнымъ стѣметомъ,
 Петельки на шубѣ семи шелковъ,

Пуговки все вальящетыя,
 Литый вальякъ-то красна золота.
 Отворяеть князю со княгинею
 Первыя ворота вальящетыя,
 Князьямъ-боярамъ—среднія стекольчатыя,
 Малымъ людямъ—третьи рѣшетчатыя,
 Самъ говоритъ таковыя слова:

„Здравствуешь, князь со княгинею!
 А пожалуй-ка ты къ намъ во высокъ теремъ
 Хлѣба да соли покушати,
 Бѣлаго лебедя порушати“.

Говоритъ ему ласковый Владиміръ князь:

„Ай же ты, старъ матѣрь челоувѣкъ!
 Какъ не знаю тебѣ, старому, я имени,
 Какъ не знаю тебѣ, старому, отечества“.

Говоритъ ему старъ матѣрь челоувѣкъ:

„А я Плѣнко, гость Сурѣжанинъ, (62)
 А и есть вѣдь я Чуриловъ батюшка“.

И пошелъ Владиміръ во высокъ теремъ,
 Ходитъ по терему—дивуется,
 Хорошо тамъ все изукрашено:
 Поль-середѣ одногò серебрѣ,
 Печки-то все муравленныя,
 Подики у печекъ серебряныя,
 На стѣны сукна навѣваны,
 На сукна стѣкла навѣваны,
 А потолокъ красна золота,
 Вся луна небесная повѣведена:
 Солнце на небѣ—солнце и въ теремѣ,
 Мѣсяць на небѣ—мѣсяць и въ теремѣ,
 Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремѣ.
 По небу звѣздочка покатится—
 Въ теремѣ звѣздочки посыплются;
 Все по небесному въ теремѣ,
 А и всякая краса несказаная.

Сѣли за столы за убраныя,
 Пьютъ всѣ, ѣдятъ, потѣшаются,
 Столъ у нихъ идетъ о полу-столѣ,
 Пиръ у нихъ идетъ о полу-пиру;
 День на дворѣ вечеряется,

Красное солнце закатается;
Всѣ-то ужъ они безъ памяти сидятъ,
Солнышко князь свѣтель-радошень,
Вскрыль немножечко окошечко,
Зрѣль-смотрѣль въ поле чистое.
Какъ изъ дѣлеча-далѣча поля чистаго
Тутъ толпа молодцовъ появилась,
Молодцовъ-то болѣе тысячи;
Кони подъ ними одношерстные,
Узды на коняхъ одномѣдныя,
Сѣдла на нихъ шиты золотомъ;
Сами молодцы то одноличные,
Платье-то на нихъ скурлатъ-сукна,
Всѣ подпоясаны источенками,
Шапки на всѣхъ черны мурманки,
Черны мурманки-золоты вершки;
А на ножкахъ сапожки-зелень сафьянъ,
Носы-то шиломъ, пяты востры,
Кругъ носовъ-носовъ хотъ яйцомъ прокати,
Подъ пяту-пяту воробей пролети,
Воробей пролети, перепархивай.
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горять,
Кони подъ ними какъ соколы летять.
Среди всѣхъ ѣдетъ купавъ молодець,
Купавъ молодець да краше всѣхъ:
Кудри у молодца дугой золотой,
Шея у молодца какъ бѣлый снѣгъ,
Личико у молодца какъ маковъ цвѣтъ,
Очи какъ у ясна сокола,
Брови какъ у чѣрна соболя;
Впередъ его скороходы бѣгутъ,
Передъ нимъ отъ солнца подсолничекъ несутъ,
Чтобы не запекло ему бѣла лица;
Самъ онъ ѣдетъ на трехъ лошадахъ,
Съ лошади на лошадь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Шапочки у молодцевъ подхватываетъ,
На головушки молодцамъ подкладываетъ.
Какъ Владиміръ князь тутъ исполбался,
Говоритъ старику да таковы слова:

„Ай же ты, Плёнчице Сурожанинъ!
Чья эта сила появилась?

То не царь ли какой со своей ордой
На меня, Владиміра, идетъ войной,
Во полонъ меня взять собирается?“

Усмѣхается Плёнчице Сурожанинъ:

„Не пужайся, государь, не полѣшайся!
То не царь со ордой идетъ войной,
То съ дружиной ѣдетъ сынишко мой,
Молодой Чурилушка Плёнковичъ“.

Выходилъ тутъ Плёнчице Сурожанинъ
На то заднее крылѣчко на перѣное,
Говоритъ Чурилѣ таковы слова:

„Ай же ты, сынокъ мой Чурилченко!
Есть у тебя любимый гость,
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій:
Чѣмъ будешь гостя ты подчивати,
Чѣмъ будешь гостя ты жаловати?“

Бралъ тутъ Чурила золотыя ключи,
Заходилъ Чурила во глубокъ погребъ,
Отмыкалъ Чурила кованыя ларцы,
Бралъ оттуда шубу соболиную,
Дорогого соболя заморскаго,
Подъ дорогимъ заморскимъ стѣметомъ—
Подарить имъ солнышка Владиміра;
Бралъ еще камѣчку хрущатую—
Подарить княгиню Апраксию;
Бралъ куницъ, лисицъ, бѣлыхъ зайцевъ—
Подарить князей да бѣяровъ;
Бралъ несмѣтно золотой казны—
Подарить дружину княженецкую.

Принималъ Владиміръ князь подарочекъ,
Самъ говоритъ таковы слова:

„Ай же ты, Чурилушка сынъ Плёнковичъ!
Много на тебя было просителей,
Болѣе того да челомъ-бѣтчиковъ,
А теперъ того больше благодателей,
И не дамъ я теперъ суда на тебя.
Не довлѣетъ тебѣ жить за Кіевцемъ,
А довлѣетъ тебѣ жить во Кіевѣ.“

Ужь пойдѣ-ка ко мнѣ ты въ столъники,
Въ столъники ко мнѣ да въ чашники!“

Кто отъ бѣды откупается—

А Чурила на бѣду нарывается:

Онъ идетъ ко князю въ столъники,

Въ столъники идетъ да въ чашники.

Какъ прѣѣхали ужѣ во Кіевъ градъ,

Свѣтъ-государь Владиміръ князь

На хорошаго новаго столъника

Заводилъ хорошъ да почѣстенъ пиръ.

Молодой Чурила сынъ Пленковичъ

Ходитъ да ставить дубовы столы,

Жѣлтыми кудрями потряхиваетъ—

Жѣлтые кудри разсыпаются,

Что скаченъ жемчугъ раскатается.

Рушала княгиня Апраксія

Бѣлое мясо лебединое—

Заглядѣлась на Чурилу сына Пленковича.

Бѣлу ручушку себѣ порѣзала,

Со стыда подъ столъ руку свѣсила,

Говоритъ сама таковы слова:

„Свѣтъ-государь мой, Владиміръ князь!

А не быть бы Чурилушкѣ въ столъникахъ,

А не быть бы Чурилушкѣ въ чашникахъ:

На красу на Чурилову гляючи,

На его на кудѣрышки жѣлтые,

На его на перстни золочѣные,

Бѣлу руку я себѣ порѣзала

Помѣшался разумъ во буйной головѣ,

Помутился свѣтъ въ ясныхъ очушкахъ“.

Говоритъ княгинѣ Владиміръ князь:

„Богъ тебя суди, что въ любовь мнѣ пришла,

Кабы ты, княгиня, не въ любовь мнѣ пришла,

По плечъ бы тебѣ голову срубилъ.

Ай же ты, Чурила сынъ Пленковичъ!

А не быть же тебѣ у насъ въ столъникахъ,

А не быть же тебѣ у насъ въ чашникахъ:

Быть тебѣ во ласковыхъ зазывателяхъ,

Зазывать мнѣ гостей во почѣстенъ пиръ“.

Того дѣла Чурила не пятится,

Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
 А поутру встаетъ ранѣхонько,
 Умывается водушкой бѣлѣхонько,
 Одѣвается самъ хорошохонько.
 Какъ не бѣлый тутъ заюшка проскакиваетъ,
 Не мелкіе слѣдочки промѣтываетъ —
 Чурила изъ сапожковъ-зелень сафьянъ
 Серебряны гвоздочки выраниваетъ;
 Ребятки по слѣдочкамъ прохаживаютъ,
 Серебряны гвоздочки нахаживаютъ.
 Ходитъ Чурилушка по Кіеву,
 Улицами ходить, переулками,
 Князей заываетъ со княгинями,
 Бояровъ скликаетъ со боярынями,
 Жѣлтыми кудрями самъ потряхиваетъ—
 Жѣлтые кудри рассыпаются,
 Что скаченъ жемчугъ раскатается.
 Заглядѣлися всѣ люди на Чурилушку:
 Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
 Гдѣ молѣдушки глядятъ—оконницы звенять,
 А старыя старухи костыли грызутъ,
 Все гляючи на молода Чурилушку.
 Съ той поры Чурилу въ старинахъ поемъ,
 Вѣкъ будемъ пѣть его и до вѣку.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧЪ.

Гдѣ дѣвушки глядятъ — заборы трещать,
Гдѣ молодухи глядятъ — оконницы звенять,

А старья старухи костыли грызутъ,
Все гляючи на молодца Чурилушку.

БЫЛИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Дюкъ Степановичъ. (**)

Какъ во той во Инди богатой
Да во той во Галичи проклятой
Не ковыль-трава по вѣтру колыхается,
Да не бѣлая березка погибается—
Сынъ со рѣдной матушкой прощается,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Со честной вдовой Мамельфой Тимоеевной,
Понизѣшенько ей поклоняется,
Жѣлтыми кудрями до сырѣй земли:
„Свѣтъ мой, государыня родитель-матушка,
Ты честна вдова, Мамельфа Тимоеевна!
Дай-ка мнѣ прощаньице-благословеньице
Сѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.
У меня во всѣхъ градахъ побывано,
Всѣхъ князей да перевидано,
Всѣмъ княгинямъ да послужено—
Въ одномъ во градѣ Кіевѣ не бывано,
Одного князя Владиміра не видано,
Да одной его княгинюшкѣ не служено;
А вѣдь скажутъ: Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ“.

Отвѣчаетъ Дюку рѣдна матушка,
Рѣдна матушка Мамельфа Тимоеевна:
„Свѣтъ мой, чадочко мое любимое,
Молодой бояринъ Дюкушка Степановичъ!
Нѣтъ тебѣ прощеньица-благословеньица
Сѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.

Не бывать тебѣ во градѣ Кіевѣ,
 Не видать тебѣ князя Владиміра,
 Не служить тебѣ его княгинюшкѣ:
 Вѣдь до славнаго до града Кіева
 Три стоить заставушки великіихъ:
 Первая заставушка—горушки толкучія,
 А другà застава—птицы поклевучія,
 Третья застава—змѣи поѣдучія.
 Тутъ тебѣ ли, Дюку, не проѣхати,
 Молодому живу нѣ бывать“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай же ты, моя родитель-матушка!
 Ты меня тѣмъ не угрожайвай.
 Дашь прощаньице—поѣду я,
 А не дашь прощенья—все поѣду я“.
 „Ай же, дитятко мое ты милое,
 Молодой ты Дюкушка Степановичъ!
 Богъ тебя проститъ, Господь помилуетъ.
 Уродилося ты, дитятко, заносливо,
 Уродилося заносливо, захвастливо:
 Ты расхвастаешься животийсками,
 Животийсками сиротскими, вдовиными;
 А во Кіевѣ-то люди все лукавые,
 Изведутъ тебя вѣдь не за денежку“.

Какъ пошелъ тутъ Дюкъ Степановичъ
 На свою конюшню на стоялую,
 Изъ ста добрыхъ коней, изъ тысячи
 Выбиралъ жеребчика неѣзжена,
 Мала бурушку-кавурушку косматаго.
 Шорсточка у бурушки-то трѣхъ пядей,
 Грива у кавурушки-то трѣхъ локтей,
 Краснымъ золотомъ повѣта, изукрашена,
 Хвостъ до самой до сырѣи земли,
 Застилаетъ, заметаеть слѣды конскіе.
 Выводилъ бурка бояринъ на широкій дворъ,
 Да каталь-валялъ его въ росѣ вечерней, ⁽⁶⁴⁾
 Расчесалъ гребенкой-дорогъ рыбій зубъ,
 Наложилъ попону пестрядиную,
 Въ три ли стрѣки стрѣчену да точену:
 Первая строка-то чиста сѣребра,

Средняя строка-то красна золота,
Третія строка-то скатна жемчугу.
Да не тѣмъ попона дорога была,
Что въ три стрѣки стрѣчена да точена,
Тѣмъ попона дорога была,
Что ладами всякими вышлѣтана,
Да и тѣмъ еще ли дорога была—
Вплѣтано въ нее по камню яхонту,
По драгому камню самоцвѣтному:
Отъ камней лучи пекутъ да солнцѣчные,
Чтобы днемъ и ночью видно было ѣхати.
Полагалъ еще бояринъ подсѣдельники,
Клалъ снаряжное сѣдельшко черкасское,
Уздѣцу и поводѣ съ нацвѣтами;
Подпиргалъ двѣнадцать подпруговъ семи шелковъ,
Подтянулъ еще тринадцату продольную—
Да не для-радѣ красы-басы угожества,
Для-радѣ укрѣпы богатырскія;
Втягивалъ въ нихъ пряжечки серебряны,
Вдергивалъ въ нихъ иглы золочѣныя,
Тороки великія подвязывалъ,
Нагружалъ въ нихъ золотой казны,
Золотой казны да платья цвѣтнаго;
Подводилъ коня къ крыльцу перѣному,
Что къ крыльцу перѣному, къ столбу точѣному,
Что къ столбу точѣному, къ колечку золочѣному,
Отошелъ самъ отъ коня—дивуется:

„Али добрый конь ты, али лютый звѣрь—
Изъ-подъ славнаго наряда не увидѣти“.

Видѣли еще, какъ на коня вскочилъ,
А не видѣли поѣздки молодецкія,
Только въ полѣ кудельбѣ стоитъ—
Конь стрѣлой подъ Дюкомъ въ перелѣтъ летить.
Ко первой заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ горушкамъ толкучимъ:
Горы вмѣстѣ стѣлкнулись-растолкнулись,
Не успѣли снова стѣлкнуться—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ.
Маленькій косматенькій провѣртывалъ.
Ко другой заставушкѣ прискакивалъ,

Ко тѣмъ птицамъ поклевучіимъ:
 Не поспѣли птицы крыльцевъ расправити—
 Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
 Маленькій косматенькій провѣртывалъ.
 Къ третьей ко заставушкѣ прискакивалъ,
 Ко тѣмъ змѣямъ поѣдучіимъ:
 Не поспѣли змѣи хоботовъ расправити—
 Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
 Маленькій косматенькій провѣртывалъ.
 Съ холма на холмъ, съ горы на гору,
 Рѣки да озѣра перескакивалъ,
 Широкий раздолья промежъ ногъ спускалъ,
 Въ славный Кіевъ градъ прискакивалъ.

Проѣзжаетъ Дюкъ тутъ на широкой дворъ
 Къ ласковому солнышку Владиміру,
 Привязалъ коня къ столбу точёному,
 Ко колечку золочёному,
 Заходилъ въ палаты бѣлокаменны,
 Приходилъ во гридню во столовую,
 А сидитъ тутъ молода Апраксія,
 Стольная княгиня княженецкая,
 Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Здравствуешь ты, портомойница!“

Какъ то слово ей не показалось;

Говоритъ княгиня стольная Апраксія:

„Что ты, деревенщина-засельщина,

Рѣчи говоришь мнѣ неумильныя,

Стольную княгиню княженецкую

Называешь портомойницей!“

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Головой качаетъ, самъ отвѣтъ держитъ:

„Гой еси ты, молода княгинюшка!

За то слово на меня ты не прогнѣвайся:

Какъ у насъ во Индіи богатой

Да во той во Галичи проклятой,

У моей у рѣдной матушки,

Въ экомъ платьѣ ходятъ портомойницы.

А и гдѣ же самъ Владиміръ стольно-кіевскій,

Бить челомъ бы солнышку да поклонитися?“

„Онъ ушелъ во церковь во соборную,

Господу ли Богу помолитися,
 Ко Господнему кресту ли приложитися“.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Выходилъ на улицу широкую,
 Прямо шелъ во церковь во соборную;
 Крестъ кладеть тутъ по-писаному,
 И поклонъ ведеть да по-ученому,
 Желтыми кудрями до сырой земли,
 Да не столько Господу молился онъ,
 Да не столько образамъ клонился онъ,
 Сколько съ ноженьки на ноженьку поступливалъ,
 Съ плечика на плечико поглядывалъ,
 Самъ губами-то почамкивалъ;
 На Владиміра ли взглянетъ князя солнышка—
 Покачаетъ лишь головушкой,
 На князей, на бояровъ оглянется—
 Поведеть плечомъ лишь да рукой махнетъ.
 А стояли около Владиміра:
 По праву руку Добрынюшка Никитичъ младъ,
 По лѣву руку Чурилушка сынъ Плёнковичъ.

Отошла обѣдня воскресенская,
 Сталь Владиміръ князь боярина выпрашивать:
 „Ты отколь, скажи, удалый добрый молодець?
 Ты коей земли, коей орды?
 Какъ тебя, скажи, назвать по имени,
 Величати по отечеству?“

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Ай же ты, Владиміръ стольно-кѣвскій!
 Я изъ той изъ Индіи богатя
 Да изъ той изъ Галичи проклятыя,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ“.

„А давно ли ты, бояринъ, къ намъ повиѣхалъ?“
 „Дома я стоялъ заутреньку,
 А во Кіевъ градъ поспѣлъ къ обѣденькѣ“.

Говорить Чурилушка сынъ Плёнковичъ:
 „Гой еси ты, нашъ Владиміръ князь!
 Во глазахъ мужикъ вѣдь подлыгается,
 Во глазахъ, собака, насмѣхается!
 Повороты у него не Дюковы,
 Поворущка не Дюкова,

А долженъ онъ быть холопина боярская,
 Князя, знать, убилъ, либо боярина,
 Платя цвѣтныя содралъ съ него:
 У обѣдни Богу не молился онъ,
 Все вокругъ посматривалъ, поглядывалъ,
 Все свою одѣженьку оглядывалъ:
 Видно, цвѣтныхъ платьевъ вѣкъ не нашивалъ“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ честі, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Въ вашей церкви во соборной
 Просто-запросто да пусто-запусто,
 Противъ нашей и десятой доли нѣтъ;
 Платя у тебя, у князя солнышка,
 У твоихъ князей да бояровъ,
 Какъ у насъ у самыхъ бѣдныхъ“.

Зазывалъ тутъ молода боярина
 Князь Владиміръ на почѣстенъ пиръ,
 Выходили вмѣстѣ съ церкви Божіей
 Да пошли по городу по Кіеву.
 Какъ тутъ пали дождички великіе,
 Сдѣлалися улички да грязныя.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Шель да на сапожки все поглядывалъ.
 Говорить Чурилушка сынъ Плёнковичъ:

„И доподлинно холопина боярская,
 Деревенщина да пустохвастина:
 На свои сапожки не намотрится,
 Вѣдь такихъ сапожекъ, знать, не держивалъ“.
 Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ честі, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Настланы мосточки кирпичныя,
 Сыпаны песочки рудожелтыя,
 Да положены порученьки калиновы;
 Какъ тутъ пали дождички великіе,
 Измочилися песочки рудожелтыя—
 Призабрызгалъ я сапожки-то зелёнъ сафьянъ.

У моей у рѣдной матушки
 Стланы все мосточки дубовые,
 Поверху—сукѣнца одинцѣвыя,
 Да положены порученьки серебряны—
 Какъ пойдешь по тѣмъ мосточикамъ дубовымъ
 Да о тѣ порученьки серебряны,
 Тутъ сапожки, идя, только чистятся,
 Рудожелтой грязью не забрызжаются“.

Привѣзжали ко воротамъ княженецкіимъ;
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Головой качалъ, самъ приговаривалъ:

„Сказывали, Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 У моей у рѣдной матушки
 Надъ ворѣтами иконъ-то будетъ семьдесятъ,
 Да и всѣ иконы въ золотѣ,
 А у васъ здѣсь и десятка нѣтъ!“

Заѣзжали на широкой княженецкой дворъ,
 Ко столбу стоитъ привязанъ Дюковъ добрый конь.
 Головой качаетъ Дюкъ Степановичъ:

„Сказывали, Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 У моей у рѣдной матушки
 На дворѣ стоятъ столбы серебряны;
 Въ нихъ продѣрнуты колечки чиста золота,
 Поразставлена сыта медвяная,
 Понасыпана пшена да бѣлоярова—
 Есть добрымъ конямъ что пить да кушати.
 А у васъ здѣсь брошено овсишка зяблага.
 Ай же ты, мой бурушка-кавурушка!
 Ты помрешь здѣсь, бѣдный конь мой, съ голоду:
 Во своемъ во городѣ во Галичѣ
 Ты не кушалъ и пшены-то бѣлояровой!“

Заходили во палаты бѣлокаменны,
 Проводили гостя въ гридню свѣтлую,
 Становили столики дубовые,
 Накрывали скатерти шелкѣвыя,
 Становили яствица сахарныя,
 Разводили питьица медѣвыя,
 Да садили гостя во большѣ мѣсто,

Во большò мѣсто, да во большомъ углу,
 Почитали гостя за гостя.
 За столомъ сидятъ всѣ, пьютъ да кушаютъ,
 Пьютъ да кушаютъ, а сами слушаютъ.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 За столомъ сидитъ, въ окно глядитъ,
 Все качаетъ лишь головушкой;
 Со стола крупитчатый калачъ возьметъ,
 Верхнюю корочку повырѣжетъ, на столъ кладетъ,
 Мякишекъ-серѣдку скушаетъ,
 Нижнюю корочку подъ столъ мечётъ.
 Увидаль то солнышко Владиміръ князь:

„Что же ты, бояринъ, чванишься?
 Верхню корочку на столъ кладёшь,
 Нижню корочку подъ столъ мечёшь?“

Отвѣчаетъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ честі, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Какъ у васъ все бочки-то дубовыя,
 Понабйваны обрѣчки еловые,
 Дѣланы мѣшалочки сосновыя—
 Тутъ у васъ и калачи мѣсятъ;
 Какъ у васъ все печки-то кирпичныя,
 Топятся дровцѣми да еловыми,
 Дѣланы помялушки сосновыя—
 Тутъ у васъ и калачи пекутъ:
 Оттого у васъ и калачи крупитчаты
 Пахнутъ на ту глинушку дождѣвую
 Да на то помялушко сосновое.
 У моей родитель-матушки
 Дѣланы все бочечки серебряны,
 Понабйваны обрѣчки злачёныя,
 Да положены все мѣды сладкіе;
 Дѣланы мѣшалочки дубовыя—
 Тутъ у ней и калачи мѣсятъ!
 Печечки-то все у ней муравлены,
 Топятся дровцѣми да дубовыми,
 Дѣланы помялушки шелкѣвыя;
 Какъ помочать во росу медѣвую,

Пометаютъ печечки муравлены,
Подстилаютъ бѣлою бумагою—
Тутъ у ней и калачи пекутъ:
Какъ калачикъ съѣшь—другого хочется,
Другой съѣшь—по третьему душа горитъ,
Третій съѣшь—четвертый вонь съ ума нейдетъ“.

Наливали тутъ хмѣльныхъ напитокочковъ,
Подносили гостю зеленà вина;
Бралъ онъ чару во бѣлыя руки,
Подносилъ къ устамъ сахарнымъ—
Не понравился боярину напитокочекъ,
Половину вылилъ за окопечко,
Половину за спину повыплескалъ
Черезъ золотъ стулъ по славной горенкѣ,
Говорить самъ князю таковыя слова:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Какъ у васъ во Кіевѣ да не по нашему:
Дѣланы все бочки-то дубовыя,
Понабиваны обручичи еловые,
Зеленò вино туда положено,
Въ погребà да на землю опущено,
Тамъ вино у васъ и призадохнется:
Горько ваше зеленò вино,
Пахнетъ зàтхолью великою,
А и въ ротъ его не можно взять.
У моей сударыни у матушки
Дѣланы все бочечки серебряны
Понабиваны обручичи злачѣны,
Пиво сладкое, стоялое положено,
Въ погребяхъ глубокихъ повѣшано
На цѣпочкахъ на серебряныхъ,
Да по трубамъ подземельнымъ
Буйны вѣтры понавѣдены:
Какъ повѣютъ вѣтры со чистà поля—
Воздухи пойдуть по погребамъ,
На цѣпочкахъ бочки закачаются,
Загогочуть будто лебеди,
Будто лебеди на тихихъ заводяхъ,
Въ бочкахъ пиво всколыбается,
А и вѣкъ не затыхается.

Чару выпьешъ—губоньки слипаются,
 Другу выпьешъ—третьей хочется,
 Третью выпьешъ—по четвертой ли душа горить“.

Какъ тутъ младъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ
 По столовой гриднѣ запохаживаль,
 Таковы слова да проговариваль:

„Что же ты, холопина боярская,
 Порасхвастался имѣніемъ-богачествомъ,
 Порасхвастался уѣдами да питьями?
 Мы ударимъ-ка съ тобою о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ.
 На три года времени проѣхати
 На своихъ на коняхъ богатырскихъ—
 Каждый день бы кони были смѣнные,
 Разношерстные все кони, перемѣнные,
 Чтобы въ три года такой и масти не было;
 На три времени выщипливать—
 Каждый день бы платья были смѣнные,
 Цвѣтные все платья, перемѣнные,
 Снова-наново на всѣ на три года,
 Чтобы въ три года такого цвѣту не было“.

Говорить Чурилъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ!
 Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
 Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
 Кладовыя у тебя полнѣмъ-полно
 Всякою одежицей покладены,
 У меня же все одежица дорожная,
 У меня все платьица завозныя“.

И ударили они тутъ о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ;
 По Чурилъ сынъ Плёнковъ
 Цѣлымъ градомъ Кіевомъ ручаются,
 Поручился самъ Владиміръ князь съ княгинею;
 А по Дюкъ нѣтъ порѣкушки,
 Набиралась только голь кабацкая,
 Голь кабацкая до тысячи,
 Больше все по Дюкушкѣ ручаются.
 Закручинился бояринъ, запечалился,
 Запечалился, повѣсилъ буйну голову,

Ясны очи утопилъ въ кирпичатъ полъ,
Поскорѣшенько садится на червлѣнный стулъ,
Пишетъ письма скорописчаты
Ко своей ко рѣдной матушкѣ:

„Ай же, свѣтъ, моя ты рѣдна матушка!
Ты повыручь-ка меня съ неволюшки,
Съ-подъ того заклада съ-подъ тяжелаго:
Ты пошли-ка мнѣ одежицы снаряжныя,
Чтобъ хватило на три года времени,
Каждый день бы платья были смѣнныя,
Цвѣтныя все платья, перемѣнныя,
Снова-наново на всѣ на три года,
Чтобы въ три года такого цвѣту не было“.

Выходилъ бояринъ на широкій дворъ,
Приходилъ къ добру коню ко богатырскому,
Полагаетъ письма подъ сѣдѣлышко,
Отпускаетъ мала бурушку-кавурушку:

„Побѣгай-ка ты, мой добрый богатырскій конь,
Да во славному во Индію богатую,
Да во славный нашъ во Галичъ градъ,
Забѣгай-ка тамъ на мой широкій дворъ,
Ко своимъ ко конюхамъ любимымъ“.

Побѣжалъ тутъ Дюковъ добрый богатырскій конь,
Да по славному раздольицу чисту полю,
Побѣжалъ во Индію богатую,
Прибѣгалъ во славный Галичъ градъ
Да на Дюковъ на широкій дворъ,
Заржалъ громкимъ лошадинымъ ясакомъ.

Услыхали конюхи любимые,
Усмотрѣли бурушку-кавурушку,
Приходили къ Дюковой ко матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
Приходили сами низко поклонялися:

„Ты честна Мамельфа Тимоѣевна!
Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкій дворъ“.
Поглядѣла во косящато окошечко,
Увидала бурушку-кавурушку,
Залилася горячьмй слезьмй старушенька:

„Видно, чабочко мое роженое
Положило буйную головушку

Да на матушкѣ на славной на святой Руси“.

Выходила на широкій дворъ,
 Брала бурушку за поводѣ шелковѣ,
 Приказала бурушку разсѣдлывать;
 Да какъ стали бурушку разсѣдлывать,
 Увидала письма подѣ сѣдлышкомъ,
 Скоро письма распечатала,
 Посмотрѣла, что въ нихъ принаписано,
 Возрадовалась старая, что живѣ любимый сынъ,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Говоритъ сама да таковы слова:

„Знать, заносливо роженое, захвастливо,
 Оттого оно тамъ и захвачено!
 Ай вы, конюхи мои любимые!
 Вы кормите-ка коня мнѣ скоро-наскоро,
 Скоро-наскоро да сыто-насыто“.

Отвели коня въ конюшеньку стоялюю,
 Понасыпали пшены да бѣлояровой,
 Поразставили сыты медвяныя.
 А честна вдова Мамельфа Тимоеевна
 Скоро шла въ палаты бѣлокаменны,
 Скоро брала золоты ключи,
 Созывала всѣхъ служанокъ вѣрныхъ,
 Брала перецѣнщиковъ, расцѣнщиковъ,
 Оцѣняли тутъ одежду драгоцѣнную,
 Чтобъ хватило на три года времени,
 Каждый день бы платя были смѣнныя,
 Снова-наново да что ни есть-то лучшія,
 Укладали въ сумы перемѣтныя,
 Отпускали бурушку во стольный Кіевъ градъ.

Какъ пошелъ буркѣ тутъ по чисту полю,
 Прибѣгаетъ въ Кіевъ градъ, на княженецкій дворъ,
 Заржалъ громкимъ лошадинымъ ясакомъ.
 Услыхалъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Знать, пришелъ мой бурушка косматенькій!“
 Выходилъ ко бурушкѣ-кавурушкѣ,
 Распечаталъ сумы перемѣтныя,
 Вынималъ одежи драгоцѣнныя.

Сталъ одежицы съ Чурилой тутъ понашивать,
 На добромъ конѣ съ Чурилой да поѣзживать.

Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Цѣлымъ стадомъ въ поле лошадей погналь,
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поутру пораньше самъ повѣстанеть,
Въ поле бурушку косматаго повыведеть,
Перекатываетъ во росѣ во утренней,
На буркѣ-то шерсть и перемѣнится.

Вздать, шапать годъ они, другой ли годъ,
Вотъ проѣздили, прощалили всѣ три года,
Да приходитъ, братцы, имъ послѣдній день,
А и надо имъ идти во церковь Божию,
Ко заутренькѣ ко воскресенской.

Божій колоколь ранѣшенько гудомъ гудить,
Въ церковь Божию народъ валомъ валить.

Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Всѣхъ впередъ проходитъ надуваучись,
Длинными полами раздуваучись,
Да прихлопывая шалкой-мурманкой;
Ставится на правомъ крылосѣ.

За Чурилой входитъ Дюкъ Степановичъ,
Входитъ потихонько, смиренхонько,
Ставится на лѣвомъ крылосѣ,
Всю заутреньку стоитъ прямехонько,
Да поклоны лишь кладеть частехонько,

Солнышко Владиміръ стольно-кѣвскій
Поглянулъ на праву руку, на Чурилушку:
На Чурилушкѣ одежица снарядная:
На головкѣ шапка-мурманка-золотой вершокъ,
На ногахъ сапоженьки-зеленъ сафьянъ,
Пряжечки серебряны, шпеньки злачѣны;
На плечахъ могучихъ кунья шубонька,
Что одна ли строчка чиста сѣребра,
А другая строчка красна золота,
Петельки прошиваны шелковья,
Пуговки положены злачѣныя;
Да во тѣхъ во петелькахъ шелковныхъ
Вплѣтано по красной по дѣвушкѣ,
А во тѣхъ во пуговкахъ злачѣнныхъ
Влѣвано по доброму по мѣлодцу:
Какъ застѣгнутся, такъ и обдѣмутся,

Поразстѣгнутся—и поцѣлуются.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій.

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Прозакладалъ все имѣніе-богачество
Молоду Чурилѣ сыну Плѣнкову!“

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:

„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Ты на лѣву руку посмотри теперъ:
Молодой Чурилушка сынъ Плѣнковичъ
Прозакладался боярину“.

Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Посмотрѣлъ на лѣву руку, на боярина:
На головкѣ шапочка со рожками,
На рожкахъ по камешку по самоцвѣтному,
Спереди введенъ свѣтѣль мѣсяць,
По косицамъ—звѣзды частыя,
А шеломъ на шапочкѣ какъ жаръ горить;
Ноженки во лапотцахъ семи шелковъ,
Въ пяты вставлено по золотому гвѣздичку,
Въ нѣсы вплѣтано по дорогому яхонту:
Днемъ идти въ нихъ—что по красну солнышку,
Темной ночью—что по свѣтлу мѣсяцу;
На плечахъ могучихъ шуба черныхъ соболей,
Черныхъ соболей заморскіихъ,
Подъ зеленымъ рытымъ бархатомъ,
А во петелькахъ шелковыхъ вплѣтаны
Все-то Божьи птичущки пѣвучія,
А во пуговкахъ злачѣныхъ вливаны
Все-то люты змѣи, звѣрюшки рыкучіе:
Сталь онъ плѣточкой по петелькамъ поваживать—
Вдругъ запѣли птичущки пѣвучія,
Затянули пѣсенъки небесныя,
Удивленье весь честной народъ взяло;
Сталь онъ плѣточкой по пуговкамъ похаживать,
Сталь онъ пуговку о пуговку позванивать—
Закричали звѣрюшки рыкучіе,
Люты змѣи съ пуговики плывутъ ко пуговкѣ,
Зашипѣли во всю голову,—
Всѣ ужахнулись, во повалъ попадали,
А ины—какъ пали ѳземь, такъ и ѳмерли

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:
 „Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Поуйми-ка ты звѣрей рыкучіихъ,
 Призакличь-ка змѣевъ лютыхъ,
 Ты оставь людей мнѣ хоть на сѣмена.
 Ай ты, молодой Чурила Плѣнковичъ!
 Мы пробѣли денегъ сорокъ тысячей:
 Перещѣпилъ вѣдь тебя бояринъ-то,
 Нѣту у тебя такихъ великихъ хитростей!“

А бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Только принялъ отъ Чурилы тридцать тысячей,
 Тутъ же роздалъ всѣ на зеленѣ вино
 Поручателямъ своимъ—голѣмъ кабацкіимъ.
 Ополдохался Чурилушка до смѣртушки,
 Шапку-мурманку свою во клочья рветъ,
 Осерчавшись, говоритъ боярину:

„Гой ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Эта похвальба не похвальба у насъ.
 Мы ударимъ-ка съ тобою объ иной закладъ—
 Не о сотняхъ, не о тысячахъ—
 Мы ударимъ о своихъ о буйныхъ головахъ:
 Переѣхать чрезъ Пучай-рѣку,
 А Пучай-рѣка-то на два пѣприща;
 Кто тутъ изъ двоихъ добрѣ выступить,
 Тотъ другому пусть и голову рубить“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Молодой Чурилушка ты Плѣнковичъ!
 Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
 Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
 Вѣкъ стойтъ твой богатырскій конь
 У своихъ у конюховъ любимыхъ;
 У меня же жеребятшко дорожное,
 У меня лошадка призаѣхана“.

И ударили они тутъ о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о буйныхъ головахъ,
 А на завтрашній имъ день съѣзжатися.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Скоро шелъ въ конюшеньку стоялую
 Къ своему коню ко богатырскому,
 Пальъ коню въ копытце, самъ расплакался:

„Ай же ты, мой бурушка косматенькій!
 Ты не знаешь про мою невзгодушку,
 Бьемся мы съ Чурилой о великъ закладъ—
 О своихъ о буйныхъ головахъ:
 Если ты не перескочишь чрезъ Пучай-рѣку,
 Онъ мнѣ рубить буйну голову,
 А Пучай-рѣка-то на два поприща“.

И спровѣщилъ добрый богатырскій конь,
 Воспродворилъ языкомъ человѣческимъ:

„Ты не плачь, любезный мой хозяйшко,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Бейся о великъ закладъ—о буйной головѣ.
 У Чурилушки-то конь—мой меньшій братъ,
 У Ильи у Муромца ли конь—мой большій братъ,
 У него есть трое крылышковъ подкожныхъ,
 У меня есть двое крылышковъ подкожныхъ,
 У Чурилова коня у богатырскаго
 Есть одни лишь крылышки подкожныя.
 Подойдетъ пора мнѣ времечко,
 Такъ не уступлю и брату большему,
 А меньшому брату нѣча взять съ меня“.

Какъ сядилъ поуטרѣ онъ на добра коня,
 Приѣзжалъ ко славной ко Пучай-рѣкѣ,
 Много тутъ богатырей съѣзжалоса,
 Много люду собиралоса
 Посмотрѣть замашки богатырскія.
 Молодой Чурилушка сынъ Пленковичъ
 Выводилъ съ конюшенъ тридцать жеребцовъ,
 Выбиралъ изъ тридцати да самолучшаго,
 Приѣзжалъ ко славной ко Пучай-рѣкѣ,
 Говорить самъ таковы слова:

„Поѣзжай-ка напередъ ты, Дюкъ Степановичъ:
 Мнѣ не долго будетъ за тобой поспѣтъ“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Поѣзжай ты напередъ, Чурила Пленковичъ:
 Похвальба твоя сегодня напередъ зашла“.
 Молодой Чурилушка сынъ Пленковичъ
 Отъѣзжалъ скорѣнько во чисто поле,
 Да изъ далѣча-далѣча изъ чиста поля
 Поразганивалъ да поразѣзживалъ,

Проскочить хотѣлъ чрезъ славную Пучай-рѣку
 Со добрымъ конемъ со богатырскимъ
 На полу-рѣки да приогрѣшился,
 На полу-рѣки съ конемъ и плаваешь.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Не разганиваль и не разѣзживаль,
 Со крутого бережка коня приправливаль,
 Проскочилъ скорѣнько чрезъ Пучай-рѣку,
 Да того скорѣе поворотъ держаль,
 О полу-рѣки къ водѣ припадываль,
 За кудѣрышки Чурилушку захватываль,
 Изъ воды съ конемъ Чурилушку вытаскиваль,
 Приволокъ ко ножкамъ княженецкимъ,
 Говорилъ самъ князю таковы слова:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Кто изъ насъ добрѣе-то повыступилъ?
 Намъ которому съ Чурилой голову рубить?“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты, молодець бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не руби-ка ты Чурилѣ буйной головы.
 За его за ложное за хвастанье,
 Ты оставь-ка намъ Чурилку хотъ для памяти“.

Стали со слезами тутъ боярина
 О Чурилушкѣ умаливать-упрашивать
 Кіевскія красны дѣвушки,
 Молодня молодущечки,
 Съ ними старья старушечки.

Подѣзжалъ и старый Илья Муромецъ:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не руби-ка ты Чурилкѣ буйной головы,
 Не хвала, не честь въ томъ молодецкая:
 Съ нимъ не знаютъ могучіе богатыри,
 Знаются съ нимъ только бабы въ Кіевѣ“.

Говорить Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, пустохвастышка боярская!
 Княземъ стольно-кіевскимъ упрошенный,
 Кіевскими бабами уплаканный!
 Ты не ѣди-ка ужъ съ нами во чисто поле,
 Ты живи-ка между бабами во Кіевѣ,
 А и вѣкъ живи тамъ съ ними по вѣкъ!“

Былъ же тутъ Алешенька Поповскій сынъ,
Говорить Алешенька Владиміру:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Выбирай-ка писчиковъ-обцѣнщиковъ,
Посылай во Индію богатую,
Да во ту во Галичъ во проклятую,
Описать все Дюково богатство,
Обцѣнить безсчѣтну золоту казну:
Такъ ли онъ своимъ поселемъ хвастаетъ,
Такъ ли у него во домѣ дѣется?“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„А кого же писчикомъ-обцѣнщикомъ
Я пошлю во Дюково поселище?“

Говорить Алешенька Поповскій сынъ:

„Ты пошли-ка, князь, меня, Алешеньку“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Ты не посылай Алешеньки Поповича:

Роду онъ, Алешенька, поповскаго,

А поповски очи завидуція,

А поповски руки загребуція—

Какъ увидить много злата-сѣребра,

Злату-сѣребру Алеша позавидууетъ,

Не вернѣтся больше въ стольный Кіевъ градъ,

Тамъ и сложить буйную головушку.

Ты пошли-ка стара Илью Муромца,

Молода Добрынюшку Никитича,

Въ-третьихъ Михаила Пѣтыка Иванова,

Трехъ могучихъ русскіихъ богатырей;

Дай съ собой бумаги да чернилъ на трѣ года—

Да не вѣкъ же имъ тамъ животы обцѣнживать:

Не какіе наши животы—сиротскіе“.

И послали стара Илью Муромца,

Молода Добрынюшку Никитича,

Да Михайла Пѣтыка Иванова,

Трехъ могучихъ русскіихъ богатырей,

Во ту Индію богатую,

Во ту Галичъ во проклятую

Дюковыхъ животовъ обцѣнживать.

Отправлялись три могучіе богатыря,

Во пути корѣтали три мѣсяца,
 Ъхали раздольцемъ чистѣмъ полемъ,
 Да подѣхали подъ Индію богатую,
 Поднялись на горушку високую,
 Увидали славный Галичъ градъ,
 Сами говорятъ промежь собой:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
 Вѣсточку послалъ, знать, къ рѣдной матушкѣ,
 Чтобъ зажгла свой славный Галичъ градъ,
 Да нельзя бы намъ было общѣннвать
 Животѣшенекъ сиротскихъ:
 Галичъ градъ-то вѣдь огнемъ горитъ“.

Какъ поближе къ Галичу подѣхали:
 Кровельки на всѣхъ домахъ да золочѣныя,
 Маковки на всѣхъ церквахъ да самоцвѣтныя,
 Отдали-то будто жаръ горять.
 Заѣзжали въ славный Галичъ градъ,
 Подѣзжали ко высѣку терему:
 Не видали теремѣвъ такихъ на семь свѣтѣ.
 Заходили во высѣкъ теремъ:
 Всѣ ступеньки-то серебряныя,
 Всѣ грядѣчки-то орлѣныя,
 Всѣ орлѣныя да золочѣныя;
 Въ стѣны вложены камѣня драгоцѣнныя:
 Видно мѣлодца лицомъ въ нихъ, станомъ, возрастомъ;
 Половицы все стеклянныя,
 Подъ поломъ течеть вода студѣная,
 А въ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя;
 Какъ котрая плеснѣтъ хвостомъ,
 Половица звякнеть, будто надтреснеть,
 Инъ ступать по половицѣ бѣязно.
 Какъ прошли въ палаты, во первѣй покой,
 Увидали стару-матерѣ жену,
 Мало шѣлку, вся во чистомъ сѣребрѣ.
 Господу ли Богу помолилися,
 На всѣ стороны низѣнько поклонилися:
 „Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!
 Сынъ тебѣ шлеть челомъ-бѣтъице,
 Понизкѣ велѣлъ поклонъ поставити“.
 Отвѣчаетъ стара-матерѣ жена:

„Здравствуйте и вы, удалы добры мѳлодцы!
 Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть рукомойница,
 Полагаю Дюку воду въ рукомойничекъ“.

Проходили мѳлодцы во другой покой,
 Увидали стару-матеру жену,
 Мало шѣлку, вся во скатномъ золотѣ.
 Господу ли Богу помолилися,
 На четыре на сторонки поклонилися:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка“.

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть судомойница“.

Проходили далѣй добры мѳлодцы,
 Увидали стару-матеру жену,
 Мало шѣлку, вся во скатномъ жемчугѣ.
 Бьютъ челомъ ей, поклоняются:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова калачница“.

Проходили во покой четвертый мѳлодцы,
 Увидали стару-матеру жену,
 Мало шѣлку, вся въ камѣняхъ самоцвѣтныхъ.
 До земли челомъ бьютъ, поклоняются:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть стольница.

Вы спины-то даромъ не ломайте-ка,
 Понапрасну шеи не сгибайте-ка,
 Женъ, какъ я, не мало въ нашемъ городѣ,
 Всѣмъ, небось, вамъ не накланяться.
 Дюкова-то матушка ушла къ обѣденькѣ;
 Вы ступайте-ка во церковь во соборную,
 Да смотрите, всякому не кланяйтесь.
 Какъ пройдутъ впередъ лопатники,
 За лопатниками вслѣдъ метельники,
 За метельниками вслѣдъ постельники,
 Тутъ пойдетъ со церкви Божіей
 И честна вдова Мамельфа Тимоѳеевна“.

Скоро шли они ко церкви ко соборной,
 Становились у дверей церковныхъ.

Вотъ пошелъ народъ съ обѣденьки,
 Кто въ шелку идетъ, кто въ сѣребрѣ, кто въ золотѣ,
 Кто идетъ въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ.
 Выходили тутъ лопатники,
 Разгребали путь-дороженьку;
 Выходили вслѣдъ метельники,
 Засыпали путь песочкомъ жёлтымъ;
 За метельниками шли постельники,
 Стлали по пути мосточки дубовые,
 Поверху—суконца одинцовыя,
 Полагали вдоль порученьки серебряны.
 Какъ ведутъ тутъ стару-матеру старушеньку
 Тридцать дѣвицъ со дѣвицей подъ руки,
 Надъ старушенькой несутъ подсолнечникъ,
 Чтобъ ее не запекало красно солнышко,
 На нее не капали бы рѣсы утренни;
 Платье на старушенькѣ надѣто цвѣтное,
 Вся подвѣдена на немъ луна небесная:
 Какъ отъ красна солнца, свѣтла мѣсяца,
 По всему по Галичу лучи пекутъ,
 Часты мелки звѣзды разсыпаются.

Подходили къ ней, низенько поклонялися!

„Здравствуешь же, Дюкова ты матушка!
 Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-бѣтьице,
 Понизку велѣлъ поклонъ поставить“.

„Здравствуйте и вы, удалы добры молодцы!
 Вы пойдите-ка со мною во высокъ терѣмъ,
 Хлѣба-соли у меня покушати,
 Бѣлыя лебѣдушки порушати“.

„Государыня Мамельфа Тимошеевна!
 Мы прѣхали вѣдь не тебя смотрѣть,
 А твое житье-богачество описывать:
 Призахвастался твой сынъ богачествомъ“.

„Ай же, славные вы писчики-обцѣнщики!
 Не какіе животы у насъ—сиротскіе,
 Животы вдовинные, бобыльскіе,
 А не долго же вамъ животы описывать“.

Шли богатыри за нею во высокъ терѣмъ;
 Поить, кормить ихъ да много чествуетъ.
 Какъ калачъ съѣдятъ—другого хочется,

Какъ другой съѣдятъ—по третьему душа горитъ,
 Третій ли съѣдятъ—четвертый вонъ съ ума нейде
 Чару выпьютъ—губоньки слипаются,
 Другу выпьютъ—третьей хочется,
 Третью выпьютъ—по четвертой ли душа горитъ.
 Наѣдались до полу-сыта,
 Напивались до полу-пьяна.

Тутъ честна вдова Мамельфа Тимоеевна
 Повела ихъ посмотрѣть свое посѣльице,
 Самоё-то подъ руки ведутъ служаночки;
 Привела въ конюшеньки стоялыя:
 Не могли жеребчиковъ перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 Да не знали и цѣны имъ дать:
 Въ чѣлкѣ, въ гривѣ, во хвостѣ у каждаго
 Вплѣтано по камню самоцвѣтному.
 Привела во клѣтку во сѣдельную:
 Не могли сѣдлышекъ перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 А и каждое сѣдло-то во пятьсотъ рублей.
 Привела во клѣтку во платѣную:
 Не могли тутъ платицевъ перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 Всѣ-то дѣланы изъ шёлку да изъ бархату,
 Поусажены камнями драгоцѣнными.
 Завела во погребъ сорока сажонъ:
 Не могли тутъ бочечекъ перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 Да полны всѣ злата-сѣребра,
 Злата-сѣребра да все недѣржана.
 Вывела ихъ на широкій дворъ,
 А течеть тутъ рѣчка золочѣная—
 Не могли той рѣчкѣ-то и смѣты дать.
 Пораздумались богатыри, спрогдворять:
 „Взяли мы бумаги да чернилъ на три года,
 Да какъ здѣсь намъ животы описывать,
 Здѣсь же вѣкъ намъ свой скоротати“.
 Говорить имъ старая старушенька,
 Та честна вдова Мамельфа Тимоеевна:
 „Ай же, славные вы писчики-общѣнники!

Вы скажите солнышку Владиміру:
 На бумагу пусть продасть весь Кіевъ градъ,
 На чернила пусть продасть Черниговъ градъ,
 Да тогда пріѣдетъ животовъ описывать“.

Отправлялися они назадъ во Кіевъ градъ,
 Во пути корѣтали три мѣсяца,
 Пріѣзжали въ стольный Кіевъ градъ,
 Приходили къ солнышку Владиміру.
 Спрашиваетъ ихъ Владиміръ князь:

„Гой еси вы, писчики-обцѣнщики,
 А и вѣрно ли похвасталъ Дюкъ Степановичъ,
 Великй ль у Дюка животы сиротскіе?“

Отвѣчаютъ князю писчики-обцѣнщики,
 Русскіе могучіе богатыри:

„Ой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 Великй у Дюка животы сиротскіе:
 Кабы стали ихъ обцѣнживать, описывать,
 Тамъ бы и свой вѣкъ скорѣтали.

Да наказывала Дюкова намъ матушка:
 На бумагу-то продать весь Кіевъ градъ,
 На чернила-то продать Черниговъ градъ,
 Да тогда пріѣхать животовъ описывать“.

Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 За твою за похвальбу великую
 Ты торгуй-ка въ нашемъ градѣ Кіевѣ,
 Вѣкъ торгуй у насъ безошлинно“.

Съ тѣхъ-то поръ про Дюка старинѹ скажутъ,
 Синему-то морю да на тишину,
 А вамъ, добрымъ людемъ, да на послушанье.

БЫЛИНА ДВАДЦАТАЯ.

Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ.

Какъ стоять во стольномъ городѣ во Кіевѣ
Княженецкія палаты бѣлокаменны.
Не отъ вѣтричка палаты зашаталися,
Не отъ вихоря палаты отворялися—
Заходилъ туда Добрынюшка Никитичъ младъ,
Съ нимъ товарищи—князья да бѣяре,
Русскіе могучіе богатыри,
Въ полъ-сыта ли всѣ тутъ наѣдалися,
Въ полъ-пьяна ли всѣ тутъ напивалися,
Во хмелю всѣ порасхвасталися:
Умный хвастаетъ отцомъ да матерью,
Неразумный—золотой казной,
А Добрыня—молодой женой.
Какъ надъ тѣмъ всѣ усмѣхнулися,
Другъ на друга оглянулися,
Межъ собой разговоръ вели:
„Чѣмъ-то молодой Добрыня хвастаетъ!
Не ясѣнь соколъ съ теплѣ гнѣзда солѣтываль,
Не бѣлой кречѣтъ съ теплѣ гнѣзда сопорхиваль—
Возстаетъ самъ батюшка Владиміръ князь
Съ своего большого мѣста княженецкаго:
„Ай же вы, мои князья да бѣяре,
Русскіе могучіе богатыри!
Всѣ вы, добры молодцы, расхвасталися;

Мнѣ-то, князю вашему, чѣмъ будетъ хвастати?
 Какъ ужь дѣлече-далече во чистомъ полѣ.
 Какъ летаетъ тамъ Невѣжа чернымъ ворономъ, (63)
 Пишетъ мнѣ Невѣжа со угрозою,
 Кличеть-выкликаеть поединщика,
 Супротивъ себя да супротивника.
 Ужъ кого бы мнѣ послать съ Невѣжей ратиться,
 Очищать дороги прямоѣзжія,
 Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
 За меня, за князя за Владиміра,
 За мою княгиню за Апраксию,
 За сиротъ, за вдовъ да за несчастныхъ женъ?“

Всѣ богатыри за столикомъ утихнули,
 Приутихнули да приумолкнули,
 Другъ за друга затулялися:
 Большіе туляются за среднихъ,
 Средніе хоронятся за мѣньшихъ,
 А отъ мѣньшихъ-то и отвѣту нѣтъ.
 Какъ встаетъ изъ-за стола съ-за задняго
 Первый богатырь да стольно-кіевскій,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
 Говорить да таковы слова:

„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
 Самъ-то я недавно изъ дороженьки,
 На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
 Никогда Невѣжа не казалъ мнѣ глазъ.
 Не видалъ я и собачки во чистомъ полѣ,
 Увидаль бы—подстрѣлилъ бы изъ туга лука.
 А теперь пошли-ка ты съ Невѣжей ратиться,
 Очищать дороги прямоѣзжія,
 Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
 Молода Добрынюшку Никитича:
 Будеть онъ защитой славну Кіеву,
 Обороной будетъ нашей крѣпости“.

И накинули ту служебку-работушку
 На того Добрынюшку Никитича.
 Выпиваль Добрыня чару зеленà вина,
 Скороталь почѣстенъ пиръ, пошелъ съ пирѹ домой,
 Невесель пришелъ домой, нерàдопенъ.

Какъ не бѣлая березка къ землѣ клонится,

Не зелёные листочки разстилаются—
Сынъ ко матушкѣ ко рѣдной приклоняется:

„Государыня моя ты, рѣдна матушка,
Пречестнѣя вдова Афимья Александровна!
Ты на что меня несчастнаго спорѣдила,
Безталаннаго на что меня отрѣдила?
Спорѣдила бы меня родитель-матушка,
Малымъ, катучимъ бѣлымъ камешкомъ,
Обвертѣла бы во тѣнко бѣлое полѣтнице,
Отнесла бы ко глубокому синю морю,
Опустила бы въ синѣ море на само дно—
И лежалъ бы тамъ я съ вѣку до вѣку,
Буйны вѣтрушки бы на меня не вѣяли,
Добры людюшки бы про меня не баяли.
Я не вѣдилъ бы, Добрыня, по святой Руси,
Я не билъ бы безповинныхъ душъ,
Не слизиль бы я отцовъ да матерей,
Не вдовиль бы молодыхъ я женъ,
Не сирѣталъ бы я малыхъ дѣтушекъ!
А теперь мнѣ вѣхать во чисто поле,
Съ чернымъ ворономъ-Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ“.

„Ахъ ты, свѣтъ мой, чадошко любимое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Кабы знала я да надъ тобой невзгодушку,
Кабы вѣдала безврѣменье великое,
То не такъ бы я тебя спорѣдила:
Я тебя спорѣдила бы, чадошко,
Силушкой во Святогора во богатыря,
Участью-таланомъ въ Илью Муромца, (**)
Смѣлостью въ Алешу во Поповича,
Молодецкою посадкою, поѣздкою
Во Михайла Пѣтыка Иванова,
Выступкою, походочкою щепливой
Во младѣ Чурилу сына Плѣнкова,
Всѣмъ житѣемъ-бытѣемъ, имѣніемъ-богачествомъ
Во боярина во Дюка во Степанова,
Красотой во Солнышко Владиміра;
Да ужъ, видно, зарѣдилось, чадошко

Во несчастную звѣзду, во безталанную;
 Изъ всѣхъ статей тебя, Добрынюшку,
 Только вѣжествомъ Господь пожаловаль“.

„Ахъ ты, свѣтъ моя да рѣдна матушка!
 Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
 Да навѣки нерушимое“.

Одѣвается Добрыня, снаряжается,
 Въ торокѣ кладетъ онъ каленѣ стрѣлы,
 Золоту казну да платье цвѣтное,
 Обряжаетъ своего добра коня, (87)
 Самъ садится на добра коня;
 А честна вдова Афимья Александровна
 Провождаетъ сына, кличемъ кликаеть:

„Ай же ты, любимая невѣстушка,
 Молода Настасьюшка Микулична!
 Ты чего сидишь во теремѣ въ златѣмъ верху?
 Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
 Закатается вѣдь красно солнышко
 За высѣки горушки, за темны лѣсушки,
 Отъѣзжаетъ вѣдь Добрыня съ широка двора.
 Ты сойди-ка на широка дворъ скорѣшенько,
 Разспроси его да хорошенечко:
 Онъ далече ль ѣдетъ, куда путь держить?
 Скоро ль ждать себя да поджидать велить?
 Скоро ли велить въ окошечко посматривать?“

Какъ сошла тутъ на широка дворъ скорѣшенько
 Молода Настасья дочь Микулична,
 Да въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
 Да въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
 Какъ зашла Добрынѣ со бѣла лица,
 Припадала къ стремечку булатному,
 Стала спрашивать его, вывѣдывать:

„Ай же, свѣтъ ты мой, любимая державушка,
 Миленкѣ Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты далече ль ѣдешь, куда путь держишь?
 Скоро ль ждать себя да поджидать велишь?
 Скоро ли велишь въ окошечко посматривать?“

Говорить въ отвѣтъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же ты, моя любимая семейшка,
 Молода Настасьюшка Микулична,

Ужъ какъ стала у меня ты спрашивать,
 Стану я теперь тебѣ и сказывать:
 Ожидай Добрыню съ поля трѣ года,
 Трѣ года проживешь—другіе три пожди,
 Какъ исполнятся тому всѣ шесть годовъ,
 И Добрыня твой не возвратится—
 Поминай тогда Добрынюшку убитого,
 А тебѣ, Настасьѣ, воля вольная:
 Хоть вдовой живи тутъ, хоть замужъ поди,
 Хоть поди за князя, за боярина,
 За богатыря, за гостя за торговаго
 Или за простого за крестьянина,—
 Не ходи ты только за единаго—
 За того за бабьяго насмѣшника,
 За судейскаго за перелестника,
 За Алешеньку Поповича:
 Онъ, собака, мнѣ названный братъ,
 А названный братъ вѣдь паче рѣднаго“.
 Только видѣли Добрыню сидючи,
 А не видѣли Добрынюшки поѣдучи.
 Не дорожкой онъ поѣхаль, не воротами,—
 Черезъ стѣну онъ махнулъ да городѣвую,
 Мимо башеньки да наугольныя;
 Съ горушки на горушку поскакиваль,
 Съ холмика на холмикъ перепрядываль,
 Рѣки да озера перескакиваль,
 Широки раздолья промежъ ногъ спускаль.
 А гдѣ падали копытца лошадиныя,
 Тамъ колодцы становились да глубокіе,
 Что глубокіе колодцы да кипячіе. (68)
 Какъ не сѣрныя двѣ уточки сплывалися,
 Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися—
 Какъ садилася въ одно мѣсто свекровушка
 Со своей со молодой невѣстушкой,
 Плакали, слезами обливалися,
 Молода Добрыни дожидалися.
 А денѣчекъ за денѣчкомъ будто дождь дождить,
 А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть,
 А годѣчекъ за годѣчкомъ какъ соколъ летить.
 И приходитъ тому времени ужъ трѣ года—

Не бываль Добрыня со чиста поля.

А денёчекъ за денёчкомъ будто дождь дождить,

А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть,

А годёчекъ за годёчкомъ какъ соколъ летить.

И проходить тому времени всѣ шесть годовъ—

Отъ Добрынюшки ни вѣсти нѣтъ, ни повѣсти.

Какъ привозить тутъ Алешенька Леонтьевичъ
Невеселую имъ вѣсточку, нерадостну:

Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ,

Головой лежитъ во часть ракутовъ кустъ,

Рѣзвыми ногами во ковыль-траву,

Ручки, ножки у Добрыни пораскиданы,

Буйная головка поразломана,

Очи ясныя повыклевали вороны,

А сквозь желтые кудёрышки

Проростаётъ травушка шелковая,

Разцвѣтають цвѣтики лазуревы.

Какъ надъ тѣмъ Добрынюшкина матушка

Жалобнёхонько да порасплакалась;

А къ Добрынюшкиной молодой женѣ

Стали запохаживать, засватывать

Сватомъ самъ Владиміръ солнышко,

Свахюю сама княгинюшка Апраксія,

Добрыми словами уговаривать:

„Ай же ты, Настасья дочь Микулична!

Ужь тебѣ ли жить да молодой вдовой,

Молодой свой вѣкъ одной коротати?

Ты поди замужъ хоть за богатыря,

Хоть за смѣлаго Алешеньку Поповича!“

Не дается на слова Настасьюшка,

Свата дарить новенькой шириночкой.

Свахоньку другой шириночкой,

Смѣлаго Алешу календой стрѣлой,

И сама такой отвѣтъ держить:

„Выполнила мужнюю я заповѣдь:

Прождала Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ,

Выполню и женскую я заповѣдь:

Буду ждатель другіе шесть годовъ.

Какъ исполнятся тому двѣнадцать лѣтъ,

Да не будетъ мужа со чиста поля.

Все еще поспѣю я замужъ пойти*.

И прошли тому другіе шесть годовъ—
 Не бываль Добрыня со чиста поля.
 Пріѣзжалъ опять Алешенька Леонтьевичъ
 Съ невеселой вѣсточкой, нерадостной:
 Что побить Добрыня во чистомъ полѣ,
 А и косточки-то порастасканы.
 Сталъ опять Владиміръ князь съ княгиню
 Къ молодой Настасьюшкѣ похаживать,
 Подговаривать Настасью да посватывать.
 Пораздумалась Настасья, поразмыслилась:
 „Выполнила мужнюю я заповѣдь,
 Выполнила и свою-то заповѣдь,
 Не видать ужъ мнѣ моей державушки,
 Нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитича“.

И пошла Настасья дочь Микулична
 За того Алешу за Поповича.

Вотъ какъ пирь у нихъ идетъ по третій день,
 А сегодня имъ идти ко церкви Божіей,
 Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
 Въ тѹ пору въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
 Пречестна вдова Аѳимья Александровна
 Подъ окошечко садилась подъ косяцато,
 Плакала старушенька да съ прічетью:

„Ахъ, тому ли ужъ двѣнадцать лѣтъ назадъ
 Закатилось наше красно солнышко;
 Закатается теперь и младъ свѣтѣль мѣсяцъ!“

Какъ изъ далеча-далеча изъ чиста поля
 Не порѣша бѣлаго снѣжку выпала,
 По тому бѣлѹ снѣжку-порошенькѣ
 Что не бѣлый зайюшка проскакивалъ—
 Наѣзжаетъ съ поля, въ перегонъ гонить
 Добрый млодець, дѣтинушка залѣшанинъ;
 Платица на немъ не цвѣтныя—звѣриныя,
 Конь подъ нимъ косматый, будто лютый звѣрь.
 Ъдетъ не дорожкой, не ворѣтами,
 Ъдетъ черезъ стѣну городѣвую,
 Мимо башни наугольныя,
 Прямо ко придворью ко вдовиному;
 Пнулъ столбы лохматымъ чоботомъ—

Столбики задрогли, пошатнулись,
 Ворота широко распахнулись.
 Онъ коня пускаетъ непривязана,
 Самъ идетъ въ палаты бездокладочно,
 Крестъ кладетъ да по-писаному,
 И поклонъ ведетъ да по-учёному,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Пречестной вдовѣ старушенькѣ въ особину:
 „Ай, честна вдова Афимья Александровна,
 Государыня, Добрынюшкина матушка!
 Твоему Добрынь я названный братъ,
 Отъ Добрыни я тебѣ поклонъ привезъ.
 Во чистомъ полѣ вчера съ нимъ поразѣхались:
 Онъ поѣхалъ ко Царю-граду,
 На прощанье мнѣ велѣлъ, наказывалъ:
 Какъ случить мнѣ Богъ побыть во Кіевѣ,
 Разспросилъ бы про его про родну матушку
 Да про молодую Настасью дочь Микуличну,
 Про его любимую семеюшку“.

Говорить въ отвѣтъ Добрынюшкина матушка:

„Ай же ты, дѣтинушка залѣшанинъ!
 Не тебѣ бы надо мною надсмѣхаться.
 Какъ привезъ Добрынюшкинъ названный братъ,
 Молодой Алешенька Леонтьевичъ
 Невеселую намъ вѣсточку, нерадостну:
 Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ.
 Какъ слезила я тутъ очи ясныя,
 Какъ скорбила тутъ лицо да бѣлое,
 Тяжелѣшенько по сынѣ плакала.
 А Добрынюшкина молода жена,
 Молода Настасья дочь Микулична
 За того за брата мужа
 За Алешку за Поповича замужъ пошла.
 Свatomъ-то былъ самъ Владиміръ князь,
 Свахою сама княгиня да Апраксія.
 Какъ идетъ у нихъ ужъ пиръ по третій день,
 А сегодня принимать имъ по злату вѣнцу“.

Говорить дѣтинушка залѣшанинъ:

„Да еще ли мнѣ велѣлъ, наказывалъ
 Мой названный братъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

Какъ его Настасьюшка замужъ поидеть,
 Мнѣ сходить на ту на свадебку веселую,
 А тебѣ сходить во погребѣ глубокіе,
 Принести гусѣлышки ярѣвчаты,
 На койхъ онъ самъ, Добрынюшка, поигрываль;
 Принести еще одѣжу скоморошную:
 Что на ноженьки сапоженьки-зелѣнъ сафьянъ,
 Что на плечи шубоньку да соболиную,
 На головку шапочку пушистую,
 Что пушистую, ушистую, завѣсисту;
 Въ рученьку дубинку сорока пудовъ,
 Чтобъ на свадебкѣ насъ не обидѣли“.

„Ой, ты, деревенщина-засельщина!
 Было бѣ живо мое красно солнышко,
 Нѣ дало бѣ тебѣ, невѣжѣ, надсмѣхатися;
 А теперъ не стало красна солнышка—
 Не къ чему мнѣ гусли скоморошныя,
 Не къ чему мнѣ платья скоморошныя,
 Не къ чему дубинка скоморошная“.

И брала она скорѣнько золоты ключи,
 Отмыкала погребѣ глубокіе,
 Приносила гусли скоморошныя,
 Приносила платья скоморошныя,
 Подавала деревенщинѣ-засельщинѣ;
 Самъ онъ бралъ дубину сорока пудовъ,
 Накрутился скорой, смѣлой скоморошиной
 И пошелъ на тотъ почѣстенъ пиръ, на свадебку.

Какъ стоять тутъ приворотники, придверники,
 Не хотятъ впускать удѣла скоморошину.
 Отъ воротъ онъ приворотниковъ отпихиваль,
 Отъ дверей придверниковъ отталкиваль,
 Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія.
 Вслѣдъ идутъ тѣ приворотники, придверники,
 Князю солнышку велику жалобу творять:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 Какъ пришелъ удѣла скоморошина,
 У воротъ не спрашиваль онъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашиваль придверниковъ,
 Всѣхъ разбилъ насъ, взяшей прочь отталкиваль,
 Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія“.

„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
 Ты зачѣмъ не спрашивалъ да приворотниковъ,
 Ты зачѣмъ не спрашивалъ придверниковъ,
 А разбилъ ихъ, взашей прочь отталкивалъ,
 Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія?“

Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
 Скоморошина рѣчей не слушаетъ:

„Здравствуй, солнышко Владиміръ князь,
 Со своимъ со княземъ новобрачнымъ,
 Со своей княгиней новобрачною!

- А скажи-ка, сударь, укажи-ка намъ,
 Гдѣ-то наше мѣсто скоморошное?“

Отвѣчаетъ съ сердцемъ солнышко Владиміръ князь:

„Ваше мѣсто скоморошное
 Что на печкѣ на муравленой, на запечкѣ!“
 Скоморошина тѣмъ мѣстомъ не побрѣзгивалъ,
 По край печеньки садился да муравленой,
 Положилъ гусѣлышки ярѳвчаты
 На свои колѣна молодецкія,
 Учаль-почаль струночки налаживать,
 Учаль да по струночкамъ похаживать,
 Самъ подъ струнки голосомъ поваживать:
 Сыгрыши выигрывалъ хорѳшеньки
 Что отъ Кіева да до Царя-града,
 Наигрышь все бралъ изъ Кіева,
 Всѣхъ пойменно отъ стараго до малаго.
 На пиру кругѳмъ всѣ пріумолкнули,
 За столомъ кругѳмъ всѣ позаслушались,
 Сами говорятъ промежъ себя:

„А не быть же то уда́лой скоморошинѣ,
 Быть какому ни есть добру мѳлодцу,
 Святорусскому могучему богатырю!“

Говоритъ княгиня новобрачная,
 Молода Настасья дочь Микулична:

„Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
 Прежній мужъ мой, молодой Добрынюшка“.

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
 За твою игру да за веселую
 Опущайся-ка теперь ты съ печки-запечка,

Да садись-ка съ нами за дубовый столъ.
 Дамъ тебѣ три мѣста я по выбору:
 Перво мѣсто—хоть подлѣ меня,
 Друго мѣсто—супротивъ меня,
 Третье мѣсто—куда самъ захошь,
 Куда самъ захошь, пожалуешь“.

Не садился скоморошина подлѣ князя,
 Не садился онъ супротивъ князя,
 Съѣлъ онъ супротивъ княгини новобрачныя,
 Супротивъ Настасьюшки Микуличны.
 Говорить удѣла скоморошина:

„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 А благослови-ка ты меня теперь
 Чару зеленѣ вина налить,
 Поднести, кому я самъ задумаю,
 Кому самъ задумаю, пожалую“.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, удѣла скоморошина!
 Какъ дана тебѣ у насъ поволька вольная,
 Что задумаешь, то и твори теперь“.

Наливаль удѣла скоморошина
 Полну чару зеленѣ вина,
 Опуцалъ во чару свой злачѣнъ перстень,
 Подносилъ княгинѣ новобрачной:

„Ай же ты, молоденька княгинюшка!
 А испей-ка ты отъ насъ да зеленѣ вина“.

Молода Настасья дочь Микулична
 Брала чару во бѣлы ручки,
 Подносила ко устамъ сахарнымъ.

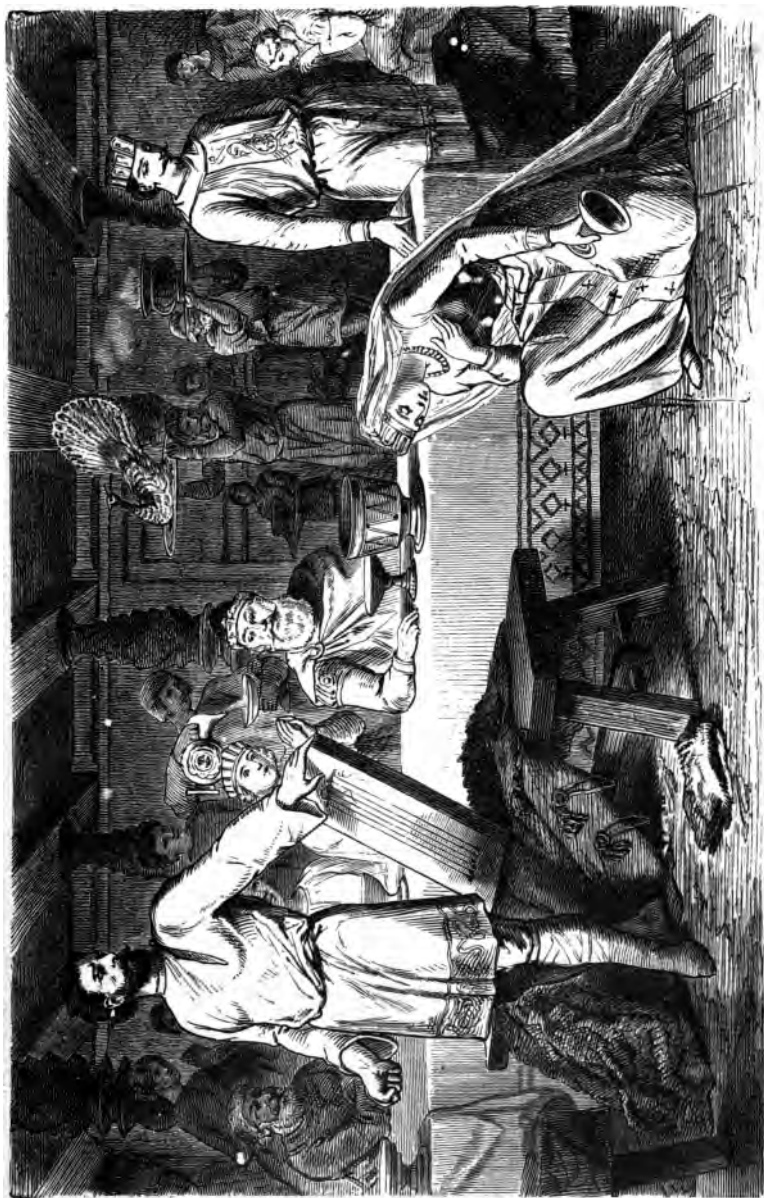
Говорить удѣла скоморошина:

„Хошь видать добра—такъ допивай до дна,
 Не допьешь до дна—такъ не видать добра“.

Молода Настасья дочь Микулична
 Выпивала чарочку до доньшка:
 Ко устамъ ея сахарнымъ
 Прикатился тотъ злачѣнъ перстень,
 И узнала въ немъ она перстень, коимъ
 Въ церкви Божіей съ Добрыней обручалася;
 Поклонилась князю, говоритъ сама:

„Ахъ ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!

«Гм прости, прости меня, моя державушка,
Во винь моей прости, во женской глупости,

Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замужь пошла.»

Анѣ не тотъ мой мужъ вѣдь, что возлѣ меня,
Тотъ мой мужъ, что супротивъ меня“.

Выходила вонъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
Пала мужу ко рѣзвѣмъ ногамъ:

„Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась
За Алешку за Поповича замужъ пошла.
Не охотою берутъ меня, не честію,
Силою берутъ меня, неволею“.

Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Не дивуюсь разуму я женскому:
Волось бабій дологъ, умъ-то коротокъ;
Я дивуюсь братцу своему названому:
Отъ жива мужа жену беретъ;
Я въ другихъ дивуюсь князю солнышку
Со княгинею его Апраксіей:
Я за нихъ съ Невѣжей въ полѣ ратился,
Всѣ очистилъ имъ дороги прямоѣзжія,
На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
А они мою жену законную
Отъ жива мужа другому сватаютъ“.

Князю со княгиней ко стѣду пришло:
Утопили очи во кирпичать полѣ.

А Алешенька Леонтьевичъ
Палъ Добрынѣ ко рѣзвѣмъ ногамъ:

„Ты прости, прости меня, названный братецъ мой,
Что сядился я къ твоей ко молодой женѣ,
Ко Настасьѣ дочери Микуличнѣ!“

„Ай же ты, названный братецъ мой,
Молодой Алешенька Леонтьевичъ!
Какъ во той винѣ тебя Господь простить,
Во другой винѣ я не прошу тебя:
Ты зачѣмъ привезъ имъ со чиста поля
Невеселу вѣсточку, нерадостну:
Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ?
Ты слезилъ мою родитель-матушку,
Ты скорбилъ лицо ей бѣлое,
Тяжелѣшенько она по сынѣ плакала.
Этой-то вины мнѣ не простить тебѣ!“

Ухватилъ онъ тутъ Алешку за желтѣ кудри,
 Держить за желтѣ кудри одной рукой,
 Во другой рукѣ гусѣлышки ярѳчаты:
 Сталь по гриднѣ по столовой съ нимъ похаживать,
 За желтѣ кудри его поваживать,
 Звонкими гусѣлышками да охаживать.
 Сталь Алешенька Леонтьевичъ поохивать,
 Да отъ буханья не слышно было оханья.

Былъ въ пиру-бесѣдѣ старій Илья Муромецъ,
 Бралъ Добрыню онъ за плечи за могучія,
 Говорить да таковѣ слова:

„Не убей-ка за напраслину богатыря;
 Хоть онъ силою не сѣленъ, да напѣскомъ смѣль“.

Отпустилъ Добрыня брата тутъ со бѣлыхъ рукъ,
 Бралъ за праву ручку молодѣ жену,
 Цѣловаль въ уста сахарныя,
 Да повелъ въ свои палаты бѣлокаменны.
 Смотрить та честнѣ вдова старушенька:
 Какъ не зоренька румяная порѳсвѣла,
 Какъ не звѣзды частыя разсыпались—
 Какъ свѣтѣль мѣсяцъ во горенкѣ порѳсвѣтилъ.
 Красно солнышко во горенкѣ порѳспекло.

А Алешенька у князя на честнѣмъ пиру
 Пѳ край лавочки садился, самъ поохиваль,
 Самъ поохиваль да приговариваль:

„Всякій-то на свѣтѣ женится,
 Да не всякому женитьба удастся-то:
 Удалась женитьба лишь Добрынюшкѣ
 Да еще тому Ставрѣ Годинѳву“.

Только-то Алеша и женатъ бываль,
 Только-то Алеша и съ женой живаль!

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Михайло Пóтыкъ.

Какъ не ясны соколы съ чиста поля
Во одно мѣстò слеталися—
Какъ всѣ русскіе могучіе богатыри
Во одно мѣстò съѣзжались—
Къ князю солнышку да на почѣстенъ пиръ.
На пиру всѣ ѣли, наѣдались,
На честномъ всѣ пили, напивались,
А и всѣ другъ передъ другомъ порасхвастались.
Порасхвастался и солнышко Владиміръ князь:
„У меня, у князя у Владиміра,
Есть три славныхъ могучихъ богатыря:
Есть матѣрый, старый Илья Муромецъ,
Есть Добрынюшка Никитичъ младъ,
Есть Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. (69)
Взидили всѣ трое за синѣ море,
Покорили языкъ невѣрные,
Прибавляли мнѣ земельки святорусскія;
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Настрѣлялъ еще дорóгой къ моему столу
Гусей-лѣбедей да малыхъ уточекъ.
Гой еси, Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
Сослужи-ка во другой мнѣ эту служебку,
Съѣзди-ка опять ко морю синему
Да ко тёплымъ, тихимъ заводямъ,

Настрѣляй-ка бѣлыхъ гусей-лебедей,
 Перелѣтныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ
 Къ моему обѣду княжецецкому:
 Дѣ-люби я мѡлодца пожалую“.

Тутъ Михайло Пѡтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Не допивши пива, зеленѡ вина,
 Богу молится да съ гридни вонъ идетъ.
 Скоро мѡлодецъ садился на добра вода:
 Только видѣли, какъ за ворота выѣхалъ—
 Во чистѡмъ полѣ лишь пылъ столбомъ.

А и будетъ онъ у моря синяго,
 На его на счастье на великое
 Привалила птица ко крутому берегу:
 Настрѣлялъ онъ бѣлыхъ гусей-лебедей,
 Перелѣтныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ.
 Хочетъ ѣхать ужъ отъ моря синяго,
 Посмотрѣть еще на тихія на заводи—
 Увидалъ: плыветъ колода бѣлодубова,
 На колодѣ—бѣлая лебѣдушка.
 Черезъ пѣрышко лебѣдушка вся злота,
 А головка краснымъ золотомъ увѣвана,
 Скатымъ жемчугомъ поизнасажена.

Вынимаетъ Пѡтыкъ изъ налушна тугой лукъ,
 Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
 Тугой лукъ беретъ во ручку лѣвую,
 Калену стрѣлу беретъ во правую,
 Налагаетъ на тетивочку шелковую,
 Тугой лукъ потягиваетъ за ухо,
 Калену стрѣлу до семи чѣтвертей;
 Заскрипѣли полосы булатныя
 И завыли роги у туга лука,
 Чуть было—и спуститъ калену стрѣлу...

Какъ провѣщится тутъ лебедь бѣлая
 Прозычится языкомъ человѣческимъ:

„Душечка Михайло Пѡтыкъ сынъ Ивановичъ!
 Не стрѣляй меня ты, бѣлой лебеди,
 Я не ѣсть вѣдь лебедь бѣлая,
 А я есть вѣдь красна дѣвица,
 Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣвна, (70)
 Королевична Подѡлянка.

Не убей-ка ты меня Поддянки,
А возьми-ка ты меня въ замужество“.

Поднималась тутъ отъ моря синяго
На своихъ на крыльяхъ лебединныхъ,
Вылетала на крутой берёгъ лебедушкой
Обернулася душою красной дѣвицей.
Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ воткнетъ копье въ сырѹ землю,
Привязалъ коня да за острѹ копье,
Подошелъ ко красной дѣвицѣ,
Бралъ ее за ручки бѣлыя,
За тѣ перстни золочѣныя,
Цѣловать хотѣлъ въ уста сахарныя.
Говоритъ Михайлѣ красна дѣвица,
Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣвна:

„Ай, Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
Не цѣлуй-ка ты меня да красной дѣвицы:
У меня уста поганыя,
Я вѣдъ роду есть невѣрнаго,
Я невѣрнаго есть роду, некрещѣная.
Какъ свезешь меня во стольный Кіевъ градъ,
Приведешь во вѣрушку крещѣную,
Въ церкви Божьей мы съ тобою повѣнчаемся,
Да тогда съ тобой и нацѣлуемся“.

Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Бралъ ее за ручушки за бѣлыя,
За тѣ перстни золочѣныя,
Посадилъ къ себѣ да на добра коня,
Да повезъ во стольный Кіевъ градъ.

А и будетъ онъ во стольномъ Кіевѣ,
Пріѣзжалъ на княженецкій дворъ,
Подѣвжалъ къ крылечку красному,
Соскочилъ скорѣнько со добра коня,
Проходилъ во гридню свѣтлую,
Помолился Спасу образу,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ на три-четыре стороны:

„Здравствуешь ты, ласковый Владиміръ князь!
Сослужилъ тебѣ я служебку,
Настрѣлялъ тебѣ я гусей-лебедей,

Перелётныхъ малыхъ уточекъ;
 Самъ себѣ добыль обрѹчницу,
 Лебедь бѣлую Авдотью Лиходѣвну“.

„Ай, Михайло Пѹтыкъ сынъ Ивановичь!
 Чѣмъ тебя мнѣ наскоро пожаловать?
 Городами ли со пригородками,
 Али селами да со присѣлками?“

„Мнѣ не надо городовъ со пригородками,
 Мнѣ и сель не надо со присѣлками,
 Дай-ка только мнѣ повѹлечку великую
 По царѣвымъ кабакамъ ходить,
 Пить вино по кабакамъ безденежно,
 Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
 Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ“. (71)

Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
 Далъ ему поволечку великую
 По царѣвымъ кабакамъ ходить,
 Пить вино по кабакамъ безденежно,
 Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
 Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.

А и только лишь во церкви во соборной
 Ко вечернѣ въ колоколь ударили,
 Молодой Михайло Пѹтыкъ сынъ Ивановичь
 Съ бѣлой лебедью Авдотьею Лиходѣвной
 Заходили въ матушку во церковь Божію,
 Служебку вечернюю отслушали.
 Тутъ Михайло Пѹтыкъ сынъ Ивановичь
 Низко клѹнится попамъ соборнымъ,
 Чтобы дали обрученье съ красной дѣвицей;
 А попы-то тому дѣлу радошны,
 Скоро дѣвицу крестили да молитвили,
 Имя дали Марья Лебедь Бѣлая,
 Обрученье дали ей съ Михайлушкой,
 А и тутъ же повѣнчали ихъ.
 Молодые Богу помолилися,
 Ко святымъ иконамъ приложилися,
 Клади вмѣстѣ заповѣдь великую:
 Кто изъ нихъ да напередъ помретъ,
 То другому съ нимъ во гробъ живому лечь,
 Во сырѹ землю идти да на три мѣсяца. (72)

Выходили съ матушки со церкви Божіей,
 Шли по славну городу по Кіеву,
 Шли въ свои палаты бѣлокаменны,
 Стали жить да быть, семью сводить.

Да не много же у нихъ житья было,
 У Михайла Пѣтыка Иванова
 Съ молодой женою Марьей Лиходѣвной,
 Всего навсего да полтора года.
 Сталъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 По царѣвымъ кабакамъ ходить,
 Пить вино по кабакамъ безденежно,
 Гдѣ пить кружкою, гдѣ полукружкою,
 Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.

Захотѣла Марья Лебедь Бѣлая
 Поискать надъ мужемъ мудрости:
 Съ вечера ли расхворалася,
 Ко полуночи ли разболѣлася,
 А ко ўтру и преставилася.
 Прибѣгаетъ ко Михайлѣ во царѣвъ кабакъ (78)
 Братъ названный молодой Добрынюшка,
 Говорить ему да таковы слова:

„Ай, Михайло Пѣтыкъ, братъ названный мой!
 Ты здѣсь пьешь да прохлажаешься,
 А твоя вѣдь молодà жена
 Марья Лебедь Бѣлая преставилася“.

Какъ вскочилъ Михайло на рѣзвыя ноги,
 Закричалъ Михайло во всю голову:

„Гой еси вы, братица мои названные,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
 А и ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Вы пойдите-ка ко брату ко названому
 Пораздумать думу крѣпкую.
 Надо мнѣ исполнить заповѣдь великую,
 Надо въ гробъ живому лечь съ покойницей,
 Во сырѹ землю идти да на' три мѣсяца.
 Стрѣйте-ка домѣвище великое,
 Чтобы можно было стоя стать,
 Можно было бы и сидя сѣсть,
 А при времечкѣ и лёжа лечь.
 Да кладите-ка хлѣба-соли со водицею,

Чтобъ запасу было на три мѣсяца“.

Скоро эти братьица названы
 Строили домовище великое,
 Чтобы можно было стоя стать,
 Можно было бы и сидя състь,
 А при времечкѣ и лёжа лечь.
 Самъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Шелъ скорымъ-скорò ко кузницамъ,
 Приказалъ ковать клещи желѣзныя,
 Трое прутьевъ да желѣзныхъ,
 Трое прутьевъ да оловянныхъ
 Да еще ли трое мѣдныхъ.
 Шелъ тогда къ попамъ соборнымъ,
 Вѣсть подать, что молода жена преставилась.
 Приказали тутъ попы соборные
 Тѣло мертвое ко церкви на саняхъ привезть, (74)
 На церковной паперти поставить.
 Стали-зачали копать могилушку,
 Выкопали пребольшую, преглубокую,
 Глубиной да шириной до двадцати сажень.
 Собиралися попы да дьяконы
 Со всѣмъ причетомъ церковнымъ,
 Погребали тѣло Марьино
 Опускали со домовищемъ великимъ
 Въ ту могилу преглубокую.
 Опускался во сырѹ землю за тѣломъ мертвымъ
 И Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Бралъ съ собой клещи желѣзныя,
 Трое прутьевъ да желѣзныхъ,
 Трое прутьевъ оловянныхъ,
 Да еще ли трое мѣдныхъ.
 А тѣ братьица названы
 Клади хлѣба-соли со водицею,
 Чтобъ запасу было на три мѣсяца,
 Клади свѣчи воску яраго да ладану;
 Набивали обручи желѣзные
 На домовище великое,
 Желтыми песками позасыпали,
 Надъ могилой деревянный крестъ поставили,
 Только мѣсто для верѣвочки оставили,

А была верёвочка привязана
 Ко тому ко колоколу ко соборному.

И сидитъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь,
 Съ полудня сидитъ въ могилѣ до полуночи;
 Ради страху ли добывъ огня,
 Зажигаетъ свѣчи воску яраго.
 Какъ приходитъ время полуночное,
 Подплыла змѣя да подземельная:
 Разъ лизнётъ домовище—надлѣзнула,
 Обручи желѣзные полопались;
 Во другой лизнётъ—пролѣзнула,
 Рядъ дубова тѣсу сдѣрнула;
 Въ третій разъ лизнётъ—во гробъ плыветь.
 Увидала тутъ Михайла съ молодой женой,
 Ввеселилась, взрадовалася:

„А и буду же я нынче сытая,
 Сытая я буду, неголодная:
 Есть одно ли тѣло мертвое,
 А другое ли живое человѣческо“.

Да Михайлушко на то не робокъ былъ:
 Вынималъ клещи желѣзные,
 Захватилъ въ клещи змѣю проклятую,
 Зачалъ сѣчь злодѣйку прутьями желѣзными,
 Расхлысталъ всѣ прутья да желѣзные;
 Принимается за прутья оловянные,
 Расхлысталъ и прутья оловянные;
 Принимается за прутья мѣдные...
 Поклонилася ему змѣя, взмолилася:

„Ай же ты, Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь!
 Не сѣки меня, змѣю, ты на умертвіе,
 А спусти меня, змѣю, ко морю синему,
 Дамъ тебѣ я заповѣдь великую:
 Принести тебѣ живой воды,
 Оживить тебѣ жену-красавицу,
 Молодую Марью Лебедь Бѣлую“.

Говоритъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь:

„Ай же ты, змѣя лукавая!
 Ты отдай-ка мнѣ въ залогъ змѣёнышей“.

Отдала ему змѣя въ залогъ змѣёнышей,
 Поплыла сама подземельемъ ко морю синему,

Принесла ему живой воды.
 Какъ возьмётъ за шейку онъ змѣеныша,
 Ступитъ ножкою на хвостъ змѣенышу—
 Пораздѣрнулъ на-двое змѣеныша;
 Какъ приложить во одно мѣсто по старому,
 Разъ брызнетъ—и сросся онъ по старому,
 Во другой брызнетъ—зашевелился онъ,
 Въ третій разъ брызнетъ—поплылъ изъ гроба вонъ.
 Молодую Марью Лебедь Бѣлую
 Разъ брызнетъ—въ ней кровь зайграла,
 Во другой брызнетъ—зашевелилася,
 Въ третій разъ брызнетъ—повѣстала,
 Проглаголила да таковы слова:

„Фу-фу-фу, а долго же проспала я!“

Говоритъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ:

„Безъ меня бы ты и вѣкъ спала“.

За верёвочку ударилъ въ колоколь—
 Услыхалъ соборный трапезникъ,
 Побѣжалъ къ могилѣ Марьиной—
 Анъ ко колоколу ко соборному
 Изъ земли верёвочка торгается.
 Какъ вскричалъ Михайло во всю голову—
 Мать-сыра земля заколыбалася,
 Теремки задрогли, запаталися,
 Весь народъ во Кіевѣ ужаснулся,
 Собирается къ могилѣ да дивуется:
 „Что за диво подъ землею дѣется?
 Закричали разомъ всѣ покойнички!“

Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ
 Молоду Добрынюшкѣ Никитичу:

„Видно же, то братецъ нашъ названный есть;
 Во сырой землѣ не долго пожилось:
 Душно, зная, въ могилѣ съ тѣломъ мертвымъ,
 И кричитъ онъ богатырскимъ голосомъ“.

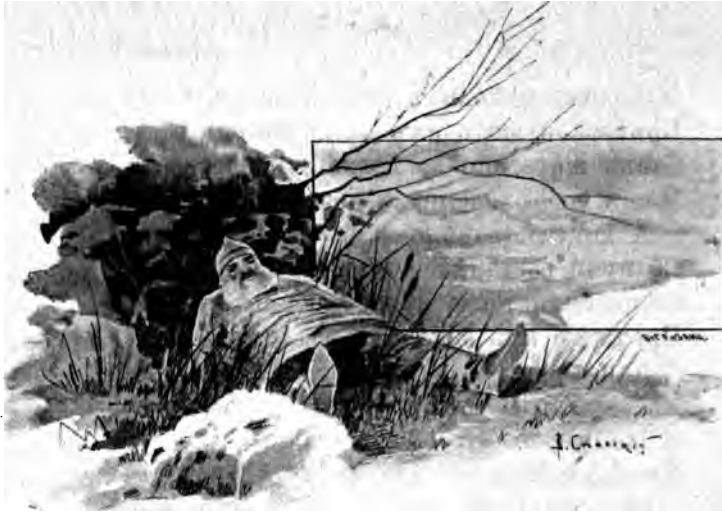
Стали разрывать могилу скоро-наскоро,
 Опускали лѣстницы великія;
 Возстаетъ на бѣлый свѣтъ Михайлушко,
 Молоду жену самъ за рукавъ ведетъ,
 Съ братцами названными цѣлуется.
 Объявили тутъ попамъ соборнымъ;

Поновили молодыхъ святой водой, (75)
Приказали жить имъ да по старому;
Стали жить они да долго здравствовать,
Межь собою времечко корѣтати. (76)

А когда Михайло живучи состарѣлся,
Живучи состарѣлся да и преставился,
Вспомнили тогда попы соборные
Прежнюю ихъ заповѣдь великую,
Стали хоронить Михайла Пѣтыка,
Да зарыли съ нимъ живую во сырѹ землю
И жену его—ту Лебедь Бѣлую,
Молодую Марью Лиходѣвну.

Съ этихъ поръ имъ стала память вѣчная.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Илья Муромецъ и Сокольникъ.

Кто бы намъ сказалъ еще про старое,
Что про старое да про бывалое,
Про того Илья про Муромца?

* * *

Какъ стояла во чистомъ полѣ подь Кіевомъ,
За пятнадцать мѣрныхъ версть отъ города,
Крѣпкая застава богатырская,
Святорусскихъ двѣнадцать ли богатырей:
Во-первыхъ—удалый старый Илья Муромецъ,
Во-другихъ—Добрынюшка Никитичъ младъ,
Во-третьихъ—Алешенька Поповскій сынъ,
Во-четвѣртыхъ—Гришенька Боярскій сынъ,
Въ-пятыхъ—Васька Долгополюстый, ⁽⁷⁷⁾
Во-шестыхъ—семь молодыхъ братовъ Сбродовичей,
Да еще ли мужики Залѣшане.
Простояли во чистомъ полѣ по три года,
Ничего въ чистомъ полѣ не видѣли:
Мимо ихъ никто пѣхотой не прохаживаль,

На добромъ конѣ никто да не проѣзживаль,
 Птица черныи воронъ не пролётываль,
 Сѣрый звѣрь да не прорыскиваль.

Третий годъ ли на проходѣ сталъ,
 А четвертый ходить по науличью.
 Пораздѣрнули богатыри бѣлой шатеръ,
 Стали во шатрѣ да опочивъ держать,
 Спали дологъ день до вечера,
 Ночку тѣмную да до бѣла свѣта.
 На зарѣ на ранней зорюшкѣ,
 На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
 На восходѣ солнца яснаго,
 Налетала на шатеръ тутъ птица вѣщая,
 Птица вѣщая да черныи вранъ,
 Жалобнѣшенько прокаркала.

Пробудился старый Илья Муромецъ,
 Будить молода Добрынюшка Никитича:

„Ай ты, братецъ мой, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Возставай-ка на рѣзвѣ ноги.
 Что надъ нашимъ надъ шатромъ подѣлалось?
 Налетала на шатеръ вѣдь птица вѣщая,
 Птица вѣщая да черныи вранъ,
 Жалобнѣшенько прокаркала;
 Видно, сказывала вѣсточку нерадостну.
 Выходи-ка со бѣла шатра,
 Погляди-ка по дорогѣ прямоѣзжей:
 Не проѣхала ли поленица тутъ,
 Не подходитъ ли подъ коней лютой звѣрь?

Повскочилъ Добрыня на рѣзвѣ ноги,
 Выбѣгаетъ скоро со бѣла шатра;
 Смотритъ по дорогѣ прямоѣзжей—
 Увидалъ середь дороги ископытъ,
 Ископытъ великую—во поль-печи.
 Сталъ онъ ископытъ досматривать;
 Ископытъ—могуча богатырская.
 Прибѣгалъ назадъ онъ во бѣлой шатеръ,
 Говорить да таковыи слова:

„Гой еси вы, братьица мои, товарищи!
 Пробуждайтесь-ка отъ крѣпка сна!
 Что мы на заставушкѣ устояли?
 Что мы на заставушкѣ углядѣли?

Богатырь могучій вѣдь проѣхалъ мимо насъ!“

Возставали тутъ товарищи отъ крѣпка сна,
Собирались во побѣдный кругъ,
Стали думать думу крѣпкую:
Ужъ кому-то ѣхать за богатыремъ,
Разспросить объ имени, объ отчинѣ,
Силы у богатыря отвѣдати?
Выходилъ удалый старый Илья Муромецъ,
Говорилъ да таковыя слова:

„Не послать ли мужиковъ Залѣшаньевъ?
Мужики Залѣшанѣ—бѣда дремать,
Анъ продремлютъ во чистомъ полѣ богатыря.
Не послать ли семь братьевъ Сбродовичей?
Все ребята-то молоденьки—бѣда зѣвать,
Прозѣваютъ во чистомъ полѣ богатыря.
Не послать ли Ваську Долгополага?
Пѣлы-то у Васьки длинныя:
На ходу въ полахъ онъ заплетается,
На бою въ полахъ онъ замѣшается—
Потеряетъ даромъ буйну голову.
Не послать ли Гришеньку Боярскаго?
Рода онъ боярскаго, хвастливаго:
На бою на дракѣ призахвастнется—
Даромъ же положить буйну голову.
Не послать ли хѣть Алешеньку Поповича?
Нраву онъ захлыщева, зарывчата:
Изорветъ онъ силу до богатыря—
Погинѣтъ Алеша по напрасному.
Ужъ пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
Знаетъ со богатыремъ онъ съѣхаться,
Знаетъ онъ богатырю и честь отдать“.

Посылали тутъ Добрынюшку Никитича.
Скоро онъ, Добрынюшка, коня сѣдлалъ,
Скоро онъ садился на добра коня,
Скоро выѣзжалъ да во чистѣ поле.
Посмотрѣлъ изъ кулака изъ молодецкаго: (78)
Видитъ на полѣ чернизину;
Ѣдетъ прямо на чернизину,
Догоняетъ въ полѣ добра мѣлодца.
Хороша управа молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе:

Конь подъ мѳлодцемъ какъ лютый звѣрь,
Скоки скачетъ по цѣлѳй верстѣ,
Слѣдъ вымѣтываетъ да во полъ-печи,
Изо рта-то у коня огѳнь пышетъ,
Изъ ноздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ кудрявъ встаетъ.
А шеломъ на мѳлодцѣ какъ жаръ горитъ,
На конѣ уздечка какъ лучи пекутъ,
Отъ стремянъ какъ звѣзды сыплются,
Отъ сѣдла какъ ясная заря встаетъ,
Ясная заря да утрення.
Съ лѣва стремени борзой выжлѣць бѣжитъ,
На правѳмъ плечѣ ясѣнъ соколъ сидитъ,
По одной рукѣ ли соловей летитъ,
По другой ли жавролѣночекъ,
Перелѣтываютъ съ руки на руку,
Перенѣшиваютъ свисты съ уха на ухо,
Улещаютъ, спѳтѣшиваютъ добра мѳлодца.
Самъ сидитъ онъ на добрѳмъ конѣ да тѣшитъ,
Шуточки пошучиваетъ молодецкія:
Боевую палицу беретъ одной рукой,
Какъ перѳмъ играетъ лебединнымъ,
Вверхъ кидаетъ палицу подъ облако,
На лету подхватываетъ на бѣлѣи руки,
Не допускиваетъ до сырой земли.
Увидаль Добрыня добра мѳлодца,
Добра мѳлодца окликнулъ звонкимъ голосѳмъ:
„Ай же ты, проѣзжій добрый молодець!
А зачѣмъ ты на заставу не заѣзживаль,
А зачѣмъ ты у богатырей не спрашиваль,
Набольшему Ильѣ Муромцу челѳмъ не билъ,
Грошей подорожныхъ въ казну не клаль
На всю младшую на братію наборную?“
Какъ услышалъ добрый мѳлодець богатыря,
Поворачиваль къ богатырю добра коня,
Напуцался на младѣ Добрынюшку,
Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
Отъ того отъ реву молодецкаго
Всколыбалася сырѣ земля,
Выливалася изъ рѣкъ вода,
Добрый конь Добрынинъ ошарѣшился,

Самъ Добрыня на конѣ устрѣшился,
 Богу Господу возмѣлился,
 Мати пресвятыя Богородицѣ:

„Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!“

Подъ Добрыней конь посправился.
 Скоро ко заставѣ поворотъ держаль.
 Пріѣзжалъ Добрыня ко товарищамъ,
 Говориль товарищамъ, рассказываль:

„Какъ нагналъ я въ полѣ добра мѣлодца,
 Сталь его вывѣдывать, выспрашивать,
 Тутъ коня ко мнѣ онъ поворачиваль,
 Напуцался на меня, Добрынюшку,
 Заревѣлъ самъ, будто лютой звѣрь:
 Всколыбалася сыра земля,
 Выливалася изъ рѣкъ вода,
 Добры конь мой ошарѣшился,
 Самъ я на конѣ устрѣшился,
 Богу Господу возмѣлился:

— „Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!—

Подо мною конь посправился,
 Скоро ко заставѣ поворотъ держаль“.

Говориль Добрыня старый Илья Муромецъ:

„Коли ты уѣхаль отъ богатыря,
 Намъ тебя въ товарищи не надобно!
 Поѣзжай-ка ты назадъ во Кіевъ градъ,
 Къ молодой женѣ, ко старой матери.
 Ай вы, братица мои крестовые!
 Кто изъ васъ изъ всѣхъ удалѣе,
 У кого конь порыскачѣе,
 За невѣдомымъ богатыремъ поѣхати,
 Разспросить его объ имени, объ отчинѣ,
 Если русскій богатырь—то побрататься съ нимъ,
 А невѣрный—поразвѣдаться?“

Говориль Алешенька Поповичъ младъ:

„Я, Алеша, братцы, поудалѣй всѣхъ,
 У меня конь порыскачѣе“.

Скоро сѣлъ Алеша на добра коня,
 Скоро ѣдетъ во чисто поле,
 Догоняетъ въ полѣ добра мѣлодца,
 Окликаваетъ мѣлодца да во всю голову:

„Ты постой, постой, проѣзжая дѣтинушка!

Богатырь ли святорусскій ты,
Али деревенщина засельщина?
Можеть, ты коня укралъ аль мужика убилъ,
А сюда заѣхалъ—хвастаешь,
Чужимъ именемъ, нахвальщикъ, называешься?”

Какъ нахвальщику тутъ за бѣду стало,
За великую досаду показалось.
Поворачивалъ коня онъ, какъ люта звѣря,
На Алешу на Поповича,
Бралъ Алешу за бѣлы руки,
Снялъ Алешу со добра коня,
Вынулъ шелепугу подорожную,
Шелепугою стегалъ его,
На добра коня садилъ опять,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:

„Ай же ты, шишира деревенская!
Ужъ тебѣ ли ѣздить во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ да на добромъ конѣ?
Жилъ бы ты въ деревнѣ, деревенщина,
Пасъ бы ты въ деревнѣ гусей-лебедей,
Сѣрныхъ, пернатыхъ утушекъ“.

Ѣдетъ пьянъ Алешенька, шатается,
Ко лукъ сѣдельной приклоняется.
Увидалъ Алешу Илья Муромецъ:

„Говорилъ тебѣ, Алеша, я, наказывалъ:
Ты не пей, Алеша, зеленà вина,
Ты не кушай сладкихъ кушаньевъ“.

Отвѣчаетъ младъ Алеша Илья Муромцу:
„Радъ бы я не пити зеленà вина,
Радъ бы я не кушать сладкихъ кушаньевъ:
Напоилъ меня нахвальщикъ дѣ-пьяна,
Накормилъ меня онъ дѣ-сыта
Тою шелепугою подорожною“.

Говорить тутъ старый Илья Муромецъ:
„Ужъ ты старость, старость богатырская!
Малое-то большимъ замѣняется,
Большему-то нѣкъмъ замѣнитися.
Видно, кромѣ старика, ужъ ѣхать некому!
Ай вы, братица мои крестовые!
Поѣзжайте-ка раздольцемъ чистымъ полемъ,
Заѣзжайте-ка на гору на высокую,

Посмотрите-ка на драку богатырскую:
 Будеть надо мною безвременнице—
 Поспѣвайте, братица, на выручку“.

И выходитъ старый со бѣла шатра,
 Обряжаетъ бурушку добра коня,
 Обряжаетъ скоро-на-скоро,
 Скоро-на-скоро да крѣпко-на-крѣпко;
 И садится на добра коня,
 Выѣзжаетъ во чисто поле,
 Нагоняетъ добра мѣлодца нахвальщика.
 А нахвальщикъ ѣдетъ на добромъ конѣ,
 Потѣшается утѣхой молодецкою:
 Мечетъ острое копьѣ въ поднѣбесѣ,
 Говоритъ самъ, похваляется:

„Какъ легко вертѣтъ мнѣ острѣмъ копьѣмъ;
 Такъ же будетъ мнѣ вертѣтъ Ильѣю Муромцемъ!“

Подѣвжалъ къ нему Ильюша со бѣла лица,
 Становилъ его да супротѣвъ себя,
 Говоритъ ему да таковы слова:

„Гой еси ты, добрый мѣлодецъ!
 Чтѣ ты рано похваляешься?
 Не улѣва птицы, теребишь ее,
 Не сваривши птицы, Богу молишься? (79)
 Поразѣдемся-ка со чиста поля
 На своихъ на кѣняхъ богатырскихъ,
 Приударимъ-ка во палицы булатныя,
 Силушки другъ у друга отвѣдаемъ“.

Какъ борзаго выжлеца тутъ добрый мѣлодецъ
 Ото стремени отвязывалъ,
 Самъ ли выжлецу наказывалъ:

„Ужѣ ты бѣгай-ка, выжлецъ, да по темнымъ лѣсамъ,
 Самъ корми-ка свою буйну голову:
 Какъ ужѣ мнѣ не до тебя пришло“.

Ясна сокола съ плеча сопускивалъ:
 Самъ ли соколу наказывалъ:

„Ты лети-ка, соколъ, на синѣ море,
 Самъ корми-ка свою буйну голову:
 Какъ ужѣ мнѣ не до тебя пришло“.

Не двѣ грозны тучушки затучились.
 Не двѣ горы вмѣстѣ содвигалися—
 Два могучихъ богатыря сѣвжалися

„Какъ легко вергъть мнѣ острымъ копьемъ,
Такъ же будетъ мнѣ вергъть Ильєю Муромцемъ!“

На своихъ на кѣняхъ богатырскихъ.
 Въ первый разъ они сразилися,
 Приударили во палицы булатныя,
 Били другъ друга да по бѣлымъ грудямъ,
 Били другъ друга да не жалѣючи,
 А со всею силой богатырскою—
 Палицы во кольцахъ попригнулися,
 Отломилися по маковкамъ.
 У богатырей доспѣхи были крѣпкіе,
 Другъ друга они не сшибли со добрыхъ коней,
 Другъ друга не побили, не ранили,
 Ни котораго мѣстечка не кровавили.
 Становили кѣней богатырскихъ,
 Говорили сами промеждѹ собой:

„Какъ намъ силушки другъ ѹ друга отвѣдати?

Поразѣдемся-ка со чиста поля
 На своихъ на кѣняхъ богатырскихъ,
 Приударимъ-ка во копя мурземецкія,
 Тутъ другъ ѹ друга мы силушки отвѣдаемъ“.

Поразѣхалися на добрыхъ коняхъ,
 Во другой съѣзжались, сразилися,
 Приударили во копя мурземецкія,
 Били другъ друга да не жалѣючи,
 Не жалѣючи да по бѣлымъ грудямъ—
 Копя въ чивьяхъ поломалися,
 Другъ друга они не ранили.
 Только оба изъ сѣдѣлъ попадали. (80)
 Становились скоро на рѣзвѣ ноги,
 Говорили сами промеждѹ собой:

„Какъ еще намъ силушки отвѣдати?

Будемъ биться плотнымъ боемъ-рукопашкою,
 Тутъ другъ ѹ друга мы силушки отвѣдаемъ“.

Разошлись, разбѣжались,
 Захватились плотнымъ боемъ-рукопашкою,
 Другъ съ другомъ ломалися, водилися,
 Съ вечера водились до полуночи,
 Со полуночи водились до бѣла свѣта,
 По колѣна въ землю приобмялися.
 У Ильи-то права ножка окатѣлася,
 Лѣва ножка подломилася;

Подхватилъ его нахвальщикъ со коса бедра,
 Опустилъ на матушку-сырѹ землю,
 И ступилъ ему на бѣлу грудь;
 Бралъ тогда рогатину звѣриную,
 Заносилъ да руку правую,
 Заносилъ да выше гѳловы,
 Опустить хотѣлъ да ниже поясу...
 На бою-то смерть Ильѣ не писана,
 Застоялась во плечѣ рука у молодца,
 Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
 Сталъ нахвальщикъ надъ Ильею издѣватися:

„Ай ты, старая базага, ты сѣдатый пѣсь!

Ужь тебѣ ли ѣздить во чистѳмъ полѣ,
 Во чистѳмъ полѣ да на добрѳмъ конѣ!
 Развѣ нѣ кѣмъ старичинѣ замѣнитися?
 Ты поставилъ бы келейку по дороженькѣ,
 Собиралъ бы во келейкѣ по полушечкѣ;
 Тѣмъ бы старичина и животь питаль,
 Тутъ бы старичина и животь кончалъ.“

Какъ лежитъ Ильюша подъ богатыремъ,
 Говорить самъ таковы слова:

„А не ладно же было написано:

—Не бывать Ильѣ въ чистѳмъ полѣ убитому,—

А теперъ лежитъ Ильюша подъ богатыремъ.“

Разгорѣлось сердце богатырское,
 Раскипѣлась кровь да молодецкая,
 Лѣжа силы у Ильюши-второе прибыло;
 Что не сѣрая утица востопорщится—
 На землѣ Ильюша поворотится,
 Замахнется правой ручушкой,
 Да ударить во черны груди ⁽⁸¹⁾ нахвальщика—
 Мечеть мѳлодца подъ вышину небесную,
 Выше дерева стоячаго,
 Ниже облака ходячаго.
 Свѣта бѣлаго не взвидѣлъ мѳлодецъ,
 И летить назадъ онъ ко сырой землѣ.
 На лету его Илья подхватываль
 На свои на руки богатырскія,
 Клалъ на матушку-сырѹ землю,
 Самъ ему садился на черны груди,

Бралъ въ бѣлы руки булатный ножъ,
Заносилъ да ручку правую,
Заносилъ да выше гѣловы,
Опустить хотѣлъ да ниже поясу...
Какъ, по Божьему тутъ по велѣнью,
Застоялась во плечѣ рука Ильюшина,
Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
Сталъ онъ мѣлодца допрашивать,
Сталъ онъ мѣлодца вывѣдывать:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Ты скажись, скажись-ка, не утай себя,
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца, да коей матушки?
Какъ тебя да именемъ зовутъ,
Величаютъ по отчеству?

А нахвальщикъ подъ Ильей лежитъ,—
Хоть мозги въ головкѣ потрясаются,
Видъ со ясныхъ очушекъ теряется,
И рѣчисть языкъ мѣшается,—
Самъ Ильѣ такой отвѣтъ держитъ:

„Ай ты, старая базыга, ты сѣдатый пѣсь!
Какъ сидѣлъ бы у тебя я на бѣлѣй груди,
Какъ держалъ бы во рукѣ булатный ножъ,
Не спросилъ бы у тебя я роду-племени,
Не спросилъ бы у тебя отца и матери,
А пласталъ бы только бѣлу грудь тебѣ,
Доставалъ бы сердце да со печенью“.

Во другой ли разъ его Ильѣ допрашивалъ,
Въ третій разъ его Ильѣ вывѣдывалъ,
Не дождался отъ нахвальщика отвѣта онъ,
Заносилъ опять булатный ножъ,
Заносилъ да выше гѣловы,
Опустить хотѣлъ да ниже поясу.
Видитъ мѣлодецъ—конецъ пришелъ ему,
Не утѣился, сказался Ильѣ Муромцу:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
Святорусскій богатырь да Ильѣ Муромецъ!
Я такой земли, такой орды:
Отъ того отъ славнаго Латырь-моря,
Отъ того отъ камня да отъ латыря,

Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки, (82)
А по имени зовуть Сокольникомъ.“ (83)

Какъ тутъ старый Илья Муромецъ
Скоро сходить со груди его,
Какъ беретъ его за ручки бѣлыя,
Какъ беретъ за перстни золочёные,
Какъ взываетъ со сырой земли,
Какъ становить на рѣзвы ножки,
На рѣзвы ножки да супротивъ себя,
Какъ цѣлуетъ во уста сахарныя,
Называетъ крестничкомъ (84) любимымъ,
Самъ-то плачетъ, старый, гляючи на крестничка:

„Здравствуешь ты, мой любимый крестничекъ!
Ѣздилъ я чистымъ полемъ поляковать,
Повстрѣчался съ поленицею удаюю,
Съ тою бабою великою Латыгоркой,
Да какъ съѣхались на поединочкѣ,
Я побилъ ее на поединочкѣ,
Повинилась мнѣ Латыгорка, возмѣлилась,
Стала звать во кумовья къ себѣ,
И крестилъ я ей тебя, Сокольника.
Какъ поѣдешь ты ко матушкѣ родимой,
Ко моей кумѣ любимой,
Отвези ей отъ Ильи поклоны низкіе.
А теперь намъ полно биться-ратиться,
Послѣ бою-драки богатырскія
Будемъ отдыхъ-опочивъ держать.“

И прилегъ Ильюша во чистомъ полѣ,
На бугрѣ высокѣ, раскатистомъ,
Послѣ бою-драки опочивъ держать.
И заснулъ Ильюша богатырскимъ сномъ,
Богатырскимъ сномъ да на двѣнадцать дѣнь.
А нахвальщикъ, младъ Сокольникъ пораздумался:

„Какъ поѣхалъ я отъ рѣдной матушки,
Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки,
Говорила мнѣ, наказывала рѣдная:
—Ты попомни, чадо милое:
Какъ поѣдешь во чисто поле поляковать,
Бейся во чистомъ полѣ со всякими,
Да не бейся ты со старыми,

Да не бейся со угрюмыми,
 Да не бейся съ невесѣлыми:
 Примешь скорую ты смерть отъ стараго.—
 Ай ты, свѣтъ моя да рѣдна матушка!
 Какъ побилъ тебя старикъ на поединочкѣ,
 Самого за то предамъ я смерти скороей“.

Браль Сокольникъ рогатину звѣриную,
 Билъ Илью рогатиною по бѣлой груди;
 Спитъ Илья, не пробуждается
 Отъ того удара богатырскаго.
 Надъ Ильюшей добрый конь стоитъ,
 Ржетъ надъ нимъ да во всю голову,
 Бьетъ копытомъ во сырѹ землю—
 Спитъ Илья, не пробуждается
 Отъ того отъ ржанья-топота.
 Былъ же у Ильюши крестъ на вѣротѣ,
 Чуденъ крестъ во полтора пуда:
 Погодился чуденъ крестъ Ильѣ,
 Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,
 Вскинулъ вкругъ себя да ясны очушки—
 А надъ нимъ стоитъ Сокольникъ,
 Бьетъ его рогатиной по бѣлой груди.
 Разгорѣлось сердце богатырское,
 Раскипѣлась кровь да молодецкая:
 Воспрянулъ Ильюша на рѣзвѣ ноги,
 За желты кудри схватилъ Сокольникъ,
 Опустилъ на мать-сырѹ землю,
 Наступилъ ему на ножку правую,
 Дернулъ мѣлодца за ножку лѣвую—
 На двое ли мѣлодца порѣзорвалъ,
 Раскидалъ кусочки по чистѹ полю—
 Что одну ли половинку да сѣрѣмъ волкамъ,
 А другую половинку чернымъ вѣронамъ,
 Самъ прогдворилъ да таковы слова:
 „Было чадочко единое—крестное,
 Да самимъ же чадѣ смерти предано!“
 Только-то Сокольникъ славы поютъ,
 А Ильюшѣ слава не минуется,
 Вѣкъ поютъ да по вѣку Ильюшеньку.

Три поѣздки Ильи Муромца.

Намъ не дорого пиво пьяное,
Намъ не дорого зелено вино,
Дорога намъ бесѣдушка смиренная:
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое да про бывалое,
Про стараго Илью про Муромца.

* *

Ѣздилъ старый по чисту полю,
Ото младости Ѣздилъ до старости,
Ото старости до гробовой доски.
Да хорошъ былъ у стараго добрый конь,
Его маленькій бурушка косматенькій:
Хвостъ у батюшки-бурушки былъ трѣхъ сажень,
Грива трѣхъ локтей, а шерсть трѣхъ пядей.
Онъ у рѣкъ перевозу не спрашиваль,
Однимъ скокомъ онъ ихъ перескакиваль,
Широкй раздолья перерыскиваль,
Да отъ смерти стараго унашиваль.

Какъ не пыль дорогой запылилася,
Не туманъ да съ моря подымается,
Не бѣлы снѣжки въ полѣ забѣлѣлися—
Какъ погуливаетъ старый во чистомъ полѣ,
Забѣлѣлася его буйная головушка

Со частой, съдой, мелкой бородушкой,
 Затуманился подь нимъ его добрый конь,
 Запылилась за нимъ сила добрая.
 Подъѣзжаетъ старый къ тремъ дороженькамъ,
 Къ тремъ дороженькамъ да перекрѣсточкамъ,
 И лежитъ на перекрѣсточкахъ горѣчь камень,
 А на камешкѣ подпись подписана:

„Во дорожку ту ѣхать—богату быть,
 Во другую ѣхать—женату быть,
 А во третью ѣхать—убиту быть“.

Дивовался старый, головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Рѹси ни ѣзживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!

Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ богату быть?
 Да на что мнѣ, старому, богатство?

Нѣтъ у стараго семьи любимыя,
 Молодой жены, малыхъ дѣтушекъ,
 Да и нѣкому держать золотой казны,
 А и нѣкому держать платья цвѣтнаго.

Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ женату быть?
 Да на что мнѣ, старому, жениться?

Мнѣ жениться—не нажитися,
 Молодую взять—чужа корысть,
 А старуху взять—на печи лежать,
 На печи лежать, киселѣмъ кормить.
 Ужъ поѣду-ка во дорожку, гдѣ убиту быть,
 Гдѣ убиту быть да замѣчену,
 Со душою тѣлу быть разлѣчену.

Пожилъ добрый молодецъ на сѣмь свѣтѣ,
 Походилъ, погулялъ во чистѣмъ полѣ,
 И застала его старость глубокая,
 Во чистѣмъ полѣ застала чернымъ вѣрономъ,
 Съѣла молодцу на буйну голову,
 А и при смерти головушка шатается.

Только смерть мнѣ на бою-то не написана!“

И поѣхаль онъ въ дорожку, гдѣ убиту быть.
 Какъ отъѣхаль старый за три поприща,
 Какъ заѣхаль старый во темны лѣса,
 Наѣзжаетъ на станицу станичниковъ.

А по-руски назвать такъ разбойниковъ,
Не много, не мало—сорокъ тысячей.
Увидали стараго разбойники,
Кругомъ его, стараго, облѣвили.
Хотятъ его, стараго, ограбити,
Хотятъ его, стараго, съ коня стащить,
Хотятъ добра мѣлодца убить-погубить,
Тѣло бѣлое со душой разлучить.
А старикъ на конѣ головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:
„Ой вы гой еси, братцы станичники,
Гой еси, подорожники-разбойники!
Вамъ убить меня, стараго, нѣ за что,
Да пограбить у стараго нѣчего:
Не случилось у меня съ собой казны;
Есть наличныхъ только три тысячи,
Еще крестъ на груди въ цѣлу тысячу,
Кунья шубонька во пятьсотъ рублей,
Соболиная шапочка во три сотеньки,
Да еще рукавички въ одну сотеньку.
Коню доброму цѣны я не вѣдаю:
На базаръ я его не вываживалъ,
И никто ему цѣнъ не окладывалъ;
Только вотъ узда во пятьсотъ рублей,
Да чаркаское сѣдельце во двѣ тысячи;
Потому сѣдельце дорого,
Что орлено перьемъ орлинымъ—
Не того орла, что по морямъ леталъ,
А того орла, что по горамъ леталъ!
Какъ ударился орелъ о горѣчъ камень,
Обломалъ себѣ перья орлиныя;
Проѣзжали купцы изъ-за синя моря,
Обирали перья орлиныя;
Привозили старому во подарочекъ.
А попона на конѣ семи шелковъ,
Въ три строкѣ ли стрѣчена-тѣчена:
Какъ одна-то строчка злата-сѣребра,
А другая строчка чиста золота,
Еще третья строчка желтой мѣди.
А во гривушку вплѣтанъ скачѣнъ жемчугъ,

Межь ушами камѣнь понасажено,
Драгоценное камѣнь самоцвѣтное,
Да не для-ради красоты молодецкя,
Для-ради осеннихъ темныхъ ноченекъ:
Ходить батюшка-бурушка во чистомъ полѣ,
А отъ батюшки-бурушки лучи текутъ
За три вѣрсты, какъ отъ свѣтла мѣсяца“.

Закричалъ тутъ атаманъ разбойничій,
Кликнулъ кличь громкимъ, зычнымъ голосомъ:

„Какъ ужь, старый чортъ, сѣдатый волкъ,
Еще много сталъ съ нами разговаривать!
Гой, ребятушки, тати-станичники!
Гой, вы, братцы мои, плуты-разбойники!
Принимайтесь-ка за дѣло ратное,
Да срубите-ка вы старому буйну голову!“

Говорить имъ старый Илья Муромцевъ:
„А вы дайте-ка мнѣ, старому, управиться,
Послѣ сами мнѣ будете кланяться“.

Вынималъ изъ налушна онъ тугой лукъ,
Вынималъ изъ колчана калену стрѣлу,
На тугомъ лукѣ тетивку натягивалъ:
Калену стрѣлу накладывалъ:

„Ой вы гой еси, добры молодцы!
Въ васъ стрѣлять ли, аль во сырой дубъ?“

Онъ стрѣляетъ не по станичникамъ,
Онъ стрѣляетъ во сыръ кряковистый дубъ;
А и спѣла тетивка у туга лука,
Угодила стрѣлка въ кряковистый дубъ,
Изломала его въ черенья ножѣвые.
Отъ того ли отъ грому богатырскаго
Всѣ станичники съ коней попадали,
Испужались, врозь разбѣжались,
На ножи-было сами наметались:

„Гой еси ты, старъ матѣрь человѣкъ!
Ты оставь-ка насъ хоть на сѣмена!
Ты бери съ насъ всего, сколько надобно,
Ты бери съ насъ золоту казну,
Ты бери съ насъ платье цвѣтное,
Ты бери и нашихъ добрыхъ коней!“

Усмѣхается старъ матѣрь человѣкъ:

„Кабы братъ вашу золоту казну,
 За мной рыли бы ямы глубокія;
 Кабы братъ мнѣ ваше платье цвѣтное,
 За мной были бы горы высокія;
 Кабы братъ мнѣ вашихъ добрыхъ коней,
 За мной гнали бы табуны великіе“.

Говорятъ ему станичники-разбойники:

„Одно красное солнце на бѣлѣмъ свѣтѣ,
 Одинъ сильный богатырь Илья Муромецъ!
 Ужь поди-ка ты къ намъ во товарищи,
 Будешь намъ ты большимъ атаманушкой“.

„Ой вы, братцы, станичники-разбойники!
 Не пойду я къ вамъ во товарищи.
 Не охота мнѣ съ вами овецъ пасти.
 Расходитесь-ка вы по своимъ мѣстамъ,
 По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ,
 Къ отцамъ-матерямъ, къ молодымъ женамъ,
 Къ молодымъ женамъ, ко глупымъ дѣтушкамъ,
 Будетъ вамъ стоять при дороженькѣ,
 Пролити кровь христіанскую“.

Скоро старшій назадъ тутъ ворочался,
 Приѣзжалъ ко горячему камешку,
 Подпись старую на немъ захѣривалъ,
 Подпись новую на немъ подписывалъ,

„А и ложно была надпись подписана;
 Во дороженьку ѣздилъ — убить не бывалъ“.

Пораздумался старшій, прогдворилъ:

„А побѣду-ка теперь, гдѣ женату быть“.

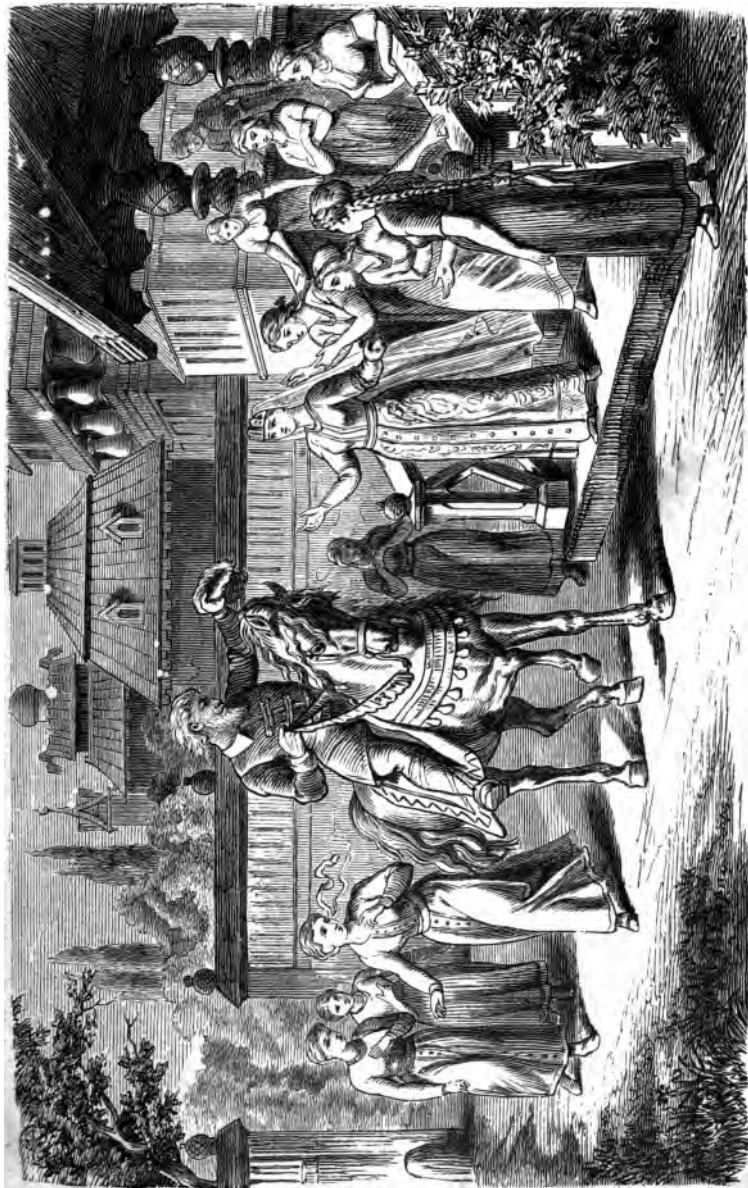
Какъ отѣхалъ старшій за три поприща,
 Наѣзжалъ теремъ златоверхіе.
 Выбѣгали двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ;
 Посреди ихъ королева-душечка;
 На ней платье-то драгоцѣнное,
 Драгоцѣнное платье — самоцвѣтное —
 На полусечку мѣста рублемъ не купить.

Говоритъ королева-душечка:

„Ты удаленькій, дородный храбрый молодецъ!
 Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высѣкъ теремъ,
 Напою-накормлю хлѣбомъ-солю“.

Какъ сходилъ тутъ старшій со добра коня,

Гонорить королевна-душечка:
"Ты, удаленький, дородный храбрый молодецъ!

Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высокъ терѣмъ,
Налою-накормлю хлѣбомъ-солно."

Оставляя коня неприкована,
 Неприкована да непривязана;
 А прекрасная королевна-душечка
 Брала старого за ручки бѣлыя,
 Цѣловала во уста сахарныя,
 Проводила во выскѣ терѣмъ,
 Садила за дубовый столъ,
 Стлала скатерти бранныя, шелковыя,
 Приносила яствушки сахарныя,
 Приносила напитки медовыя,
 И поила-кормила добра мѣлодца,
 Добру мѣлодцу низко кланялася.
 Ъсть и пьеть старикъ, прохлаждается,
 Весь ли дологъ день и до вечера.
 Вышелъ тутъ изъ-за стола дубоваго,
 Говорить самъ таковы слова:

„Ай ты, душечка красная дѣвушка!
 А и гдѣ у васъ ложни теплыя,
 Гдѣ у васъ кровати тесовыя,
 Гдѣ перины мягкія, пуховыя?
 Мнѣ на старость старику бы опочинуться“.

Привела его въ ложни теплыя,
 Ко кровати ко тесовой.
 У кровати старый головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!
 Знать, кроватка-то подложная“.

Какъ возьметъ королеву за бѣлыя ручки,
 Шибанеть ко стѣнкѣ кирпичной,
 Отвернулась кроватка подложная,
 Увалилась королевна во глубокъ погрѣбъ.
 Говорить старикъ таковы слова:

„Гой еси вы слуги безыменные!
 Покажите-ка мнѣ ходъ во глубокъ погрѣбъ“.

Показали ему ходъ во глубокъ погрѣбъ,
 Старику ключей не надобно:
 Онъ перстами замки отдѣргиваль,
 Онъ ногами двери вонъ вышйбываль,
 Выпущаль сорокъ царей-царевичей,

Съ ними сорокъ королей-королевичей,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Говорить самъ таковы слова:

„Ай, глупы же вы, цари-царевичи,
Ай, глупы вы, короли-королевичи,
Ай, глупы вы, могучіе богатыри!
Вы сдаетесь на прелесть на женскую.
Поѣзжайте-ка всѣ по своимъ землямъ,
По своимъ землямъ да по своимъ ордамъ,
Ко своимъ женамъ, ко малымъ дѣтушкамъ“.

Какъ тутъ всѣ они съединилися,
Старику до земли поклонилися:
„А спасибо жъ тебѣ, старъ матѣрь человекъ,
Что насъ выпустилъ съ неволи великія“.

Вышла тутъ и королевна-душечка,
До земли тоже била челомъ ему:
„Ахъ ты, кумъ мой любезный, Илья Муромецъ!
Не узналъ ты меня, видно, Латыгорки?“
Говорить въ отвѣтъ Илья Муромецъ:

„Ай ты, лютая баба-Латыгорка!
А почто же ты кума любезнаго
Безъ вины хотѣла схоронить живьемъ?“

„А почто же ты самъ, мой любезный кумъ,
Смерти предаль младаго Сокольникча,
Мое чадочко милое единое?“

„А почто же онъ, младъ Сокольникчъ,
Нападалъ на крестнаго батюшку,
Нападалъ на соннаго, безоружнаго?
Знать, отъ вашего роду отъ проклятаго
Не видать покою людѣмъ, доколь
Не останется одинъ лишь пепель съ васъ!“
Бралъ тутъ старый ее за бѣлы ручки,
Выводилъ ее старый на широкій дворъ,
Привязалъ къ тремъ жеребчикамъ неѣзжанымъ—
Куда руки, куда ноги раздѣрнули,
Растащили ее по чисту полю.
Раздалъ тутъ все имѣнье-богачество
Добрымъ млодцамъ, могучимъ богатырямъ,
Терема златоверхіе огню предаль,
Самъ ко камешку поворотъ держаль,

Подпись старую на немъ захѣриваль,
 Подпись новую на немъ подписываль:
 „А и ложно была подпись подписана:
 Во дороженьку ѣздилъ—убить не былъ,
 Во другую ѣздилъ—женать не бываль“.

Пораздумался старый, прогдворилъ:

„Ужъ поѣду-ка теперъ, гдѣ богату быть“.

Какъ отѣхаль старый за три поприща,
 Наѣзжаетъ на превеликкъ камень,
 Превеликкъ камень въ тридевяносто пудъ,
 А на камнѣ подпись подписана:
 „Кому камень подъ силу вывалить,
 Да подъ камнемъ плиту чугунную,
 Тотъ найдетъ подъ плитой глубокъ погребъ,
 А во погребъ—богачество несмѣтное“.

Какъ у камня старый головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!

Опускался старый со добра коня,
 Подпадалъ подъ камень могучимъ плечомъ,
 За три поприща камень выкатываль,
 Да плиту чугунную выпинываль—
 Отворился ему глубокъ погребъ,
 А насыпанъ погребъ злата-сѣребра,
 А насыпанъ весь да скатна жемчугу,
 Бралъ тутъ старый мису чиста сѣребра,
 Бралъ другую красна золота,
 Бралъ и третью скатна жемгугу,
 На коня садился, поворотъ держаль,
 Приѣзжалъ во славный во Кіевъ градъ
 И воздвигнулъ три церкви соборныя:
 Перву церковь—Спасу Пречистому,
 Другу церковь—Николѣ Можайскому,
 Третью церковь—Георгію Храброму,
 Заводилъ тутъ пѣнье церковное,
 Устанавливалъ звоны колокольные:

„Чье имѣнье, за того, пускай, идетъ!“
 Остальное злато-сѣребро, скаченъ жемчугъ
 Раздавалъ по нищей по брати,

Раздавалъ по сиротамъ безпріютнымъ;
 Самъ къ горячему камешку ворочался,
 Подпись старую на немъ захѣривалъ,
 Подпись новую на немъ подписывалъ:
 „А и ложно была подпись подписана:
 Во дороженьку ѣздилъ—убить не бывалъ,
 Во другую ѣздилъ—женать не бывалъ,
 И во третью ѣздилъ—богатъ не бывалъ“. (85)
 Тутъ-то старому во вѣкъ слава-честь пошла.
 А и наша старина-то до конца дошла.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ перевелись богатыри на святой Руси. ⁽⁸⁶⁾

Какъ на славной было, братцы, на Сафать-рѣкѣ, ⁽⁸⁷⁾
Не здорово, братцы, учинилося,
Помутилась славная Сафать-рѣка,
Помѣшался славный богатырскій кругъ:
Что не стало бѣльшаго богатыря,
Стараго удала Ильи Муромца!
Ужь вы, братцы, вы, товарищи!
Убирайте-ка вы лѣжки струженьки
Дорогимъ суконцемъ багрецовымъ,
Увивайте-ка весельчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ,
Увивайте-ка укрюченьки
Цареградскимъ крупнымъ жемчугомъ:
Чтобы по ночамъ онѣ не бѣркали,
Чтобъ не подавали ясака
Ко тѣмъ злымъ людѣмъ—татаровьямъ.

* *
* *
* *

На закатѣ было красна солнышка,
Выѣзжали на Сафать-рѣку
Семь удалыхъ русскіихъ богатырей,
Семь могучихъ братицевъ названныхъ:
Выѣзжалъ Горденко Блудовичъ,
Выѣзжалъ Василій Казиміровичъ,

Выѣзжалъ Иванъ Гостинный сынъ, ⁽⁸⁸⁾
 Выѣзжалъ Самсонъ Самойловичъ, ⁽⁸⁹⁾
 Выѣзжалъ Алешенька Поповичъ младъ,
 Выѣзжалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Выѣзжалъ и матерой Илья,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.

Пораскинулось предъ ними поле чистое,
 А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
 Старый дубъ стоитъ, крякѣвистый,
 У того ли дуба три дороги сходятся:
 Ужъ какъ первая дорога къ Нову-городу,
 А вторая-то дорога къ стольну Киеву,
 А что третія дорога ко синю морю,
 Ко синю морю далѣкому;
 Та ли третія дорога прямоѣзжая,
 Прямоѣзжая дорога, прямопутная—
 Залегла дорога ровно тридцать лѣтъ,
 Ровно тридцать лѣтъ и три года.
 Становились на распутии богатыри,
 Разбивали свой бѣлой шатеръ,
 Отпускали коней погулять въ чистомъ полѣ:
 Ходятъ кони по шелковѣй муравѣ-травѣ,
 Да пощипываютъ зелену траву,
 Да побрякиваютъ золотой уздой;
 А въ бѣломъ шатрѣ богатыри
 Долгу ночку сномъ корѣтають.

На восходѣ было красна солнышка,
 Возставалъ всѣхъ раньше Илья Муромецъ,
 Выходилъ да на Сафать-рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,
 Помолился чудну образу;
 Видитъ тутъ: черезъ Сафать-рѣку
 Переходитъ силушка невѣрная!
 Добру молодцу той силы не объѣхати,
 Сѣру волку не обрѣскати,
 Черну ворону не облетѣть.
 И кричить Ильюша зычнымъ голосомъ:
 „Ой, ужъ гдѣ же вы, могучіе богатыри,
 Вы, удалы братьяца названые!“

Какъ сбѣгалися на зовъ его богатыри,
 Какъ сажались на добрыхъ коней,
 Какъ бросались на силушку невѣрную,
 Стали силушку колоть-рубить,
 Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
 Сколько топчуть кѣни добрые:
 Бились съ силой ровно три часа,
 Изрубили силу до единого.

Стали молодцы тутъ похвалятися:

„Какъ у насъ, могучихъ богатырей,
 Плечи молодецкія не намахалися,
 Кони добрые не уходилися,
 И мечи булатные не притупилися!“

И возгворить Алешенька Поповичъ младъ: ⁽⁹⁰⁾

„Подавай намъ силу хоть небесную:
 Мы и съ тою силой, братцы, справимся!“
 Только молвилъ слово неразумное,
 Появились двое супротивниковъ,
 Крикнули имъ громкимъ голосомъ:

„А давайте-ка вы съ нами бой держать!
 Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро“.

Не узнали супротивниковъ богатыри,
 Разгорѣлся на слова ихъ младъ Алешенька,
 Разгонялъ коня ретиваго,
 Налетѣлъ на супротивниковъ,
 Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало четверо—и живы всѣ.

Налетѣлъ на нихъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало восьмеро—и живы всѣ.

Налетаетъ старшій Илья Муромецъ,
 Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.

Бросились на силу всѣ богатыри,
 Стали силушку колоть-рубить—
 А та сила все растеть-растеть,
 На богатырей боѣмъ идетъ.

Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
 Сколько топчуть кѣни добрые—
 А та сила все растеть-растеть,

На богатырей боёмъ и деть.
 Билися три дня и три часа,
 Намахалися ихъ плечи молодецкія,
 Уходилися ихъ ко̀ни добрыя,
 Притупилися ихъ мечи булатные—
 А та сила все растеть-растеть,
 На богатырей боёмъ и деть.
 Испугалися могучіе богатыри,
 Побѣжали къ каменнымъ горамъ,
 Ко пещерушкамъ ко тёмнымъ;
 Первый только побѣжалъ къ горѣ,
 Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
 Другой только побѣжалъ къ горѣ,
 Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
 Третій только побѣжалъ къ горѣ,
 Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ.
 Съ тѣхъ-то поръ могучіе богатыри
 И перевелися на святой Руси!

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Молодость Василя Буслава. (91)

Какъ во славномъ, во Великомъ Новѣ-городѣ
Жилъ Буслай да девяносто лѣтъ,
Девяносто лѣтъ да зуба во рту нѣтъ.
Со Опсковомъ онъ не вздориваль,
Съ Новымъ-городомъ не спариваль,
Съ мужиками со новгородскими (92)
Поперекъ словечка не говариваль: (93)
Живучй Буслай состарился,
А состарившись преставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставалося его житьѣ-бытьѣ,
Все имѣніе-богачество,
Оставалась матеря вдова,
Матеря Мамельфа Тимоеевна,
Оставалось чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молодой Василий сынъ Буслаевичъ.
Будеть Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матеря вдова Мамельфа Тимоеевна,
Обучать его во грамотѣ—
Грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила Васиньку перомъ писать—

И письмо ему въ наукъ пошло;
Отдавала пѣнію учить церковному—
Пѣніе ему въ наукъ пошло.

А и нѣтъ такихъ пѣвцовъ у насъ
Въ цѣломъ славномъ Новѣ-городѣ,
Супротивъ Василя Буслаева!

Какъ пошелъ тутъ Васинька по городу,
Сталъ по улочкамъ съ ребятами побалывать,
Шуточки нелегкія пошучивать:

За руку ли дѣрнетъ—ручку выдернетъ;
За ногу ли хватить—ножку выломить,
Въ голову ударить—голова съ плеча.

Приходили мужики новгородскіе
Къ матерѣ вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
Приносили жалобу великую
На того Василя на Буслаева:

„Ай, честна вдова Мамельфа Тимоѣевна
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молода Васильюшку Буслаева:
Съ нашими со малыми ребятками
Шуточки онъ шутить не хорошія,
Побиваетъ смертію напрасно;
Не наполнить будетъ намъ ребятушекъ.
Не уймешь Васильюшки Буслаева—
Будемъ унимать всѣмъ Новымъ-городомъ,
Сгонимъ Ваську внизъ подъ Волхово,
Сбросимъ Ваську прямо въ Волхово“.

Дождалася чада милаго
Матеря вдова Мамельфа Тимоѣевна,
Стала мѣлодца журить-бранить,
Не журить-бранить—на умъ учить:

„Чадо ты мое, дитя любимое,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
А и что же ты по городу уродствуешь?
Жиль Буслай да девяносто лѣтъ,
А ни съ кѣмъ до смерти не перечился,
Въ твои годы не имѣлъ и ста рублей,
А имѣлъ дружину, добрую, хоробрую;
У тебя же нѣтъ ни братій, ни дружинушки:
Долго ли обидѣть добра мѣлодца?“

Прибралъ бы себѣ дружинишку—
Было бы съ кѣмъ попротивиться“.

За тѣ рѣчи Васька принимается:

„Я тебя-де, матушка, послушаю“.

Самъ садился на ременчатъ стуль,
Ярлыки писалъ да скорописчаты:

„Кому хочется до-сыта ѣсть и пить,
Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
На широкой дворъ да на почѣстенъ пирь“.

Ярлыки привязывалъ ко стрѣлочкамъ,
Стрѣлочки стрѣлялъ по Нову-городу,
Самъ наваривалъ да пива пьянаго,
Самъ накуривалъ да зеленѣ вина.
Разставлялъ чаны середь двора,
Опускалъ въ нихъ чару—полтора ведра,
Чарочкѣ да приговаривалъ:

„Кто подниметъ чару единой рукой,
Выпьетъ чару на единый духъ,
Будетъ тотъ Василью милый другъ,
Будетъ милый другъ, названный братъ.“

Какъ пошли тутъ люди грамотны
Со той церкви со соборныя,
Стали стрѣлочки нахаживать,
Ярлыки на стрѣлочкахъ прочитывать:
„Жалуеть-зоветъ Василій на почѣстенъ пирь“.

Собиралися увалами,
Что увалами да перевалами,
Всѣ идутъ и старыя и малыя,
Всѣ валять къ Василью на широкой дворъ.

Увидалъ Василій изъ окна ребятъ,
Говорить себѣ да таковыя слова:
„Не наполнить будетъ пива пьянаго,
Не насытитъ зеленѣ вина“.

Бралъ червлѣнный вязъ въ двѣнадцать пудъ,
Соходилъ къ ребятамъ со краснѣ крыльца,
Говорилъ ребятамъ таковыя слова:

„Кто подниметъ чару единой рукой,
Выпьетъ чару на единый духъ,
Да истерпитъ мой червлѣнный вязъ,
Мой червлѣнный вязъ во буйну голову,—
Тотъ поклонъ поставитъ да и въ домъ взойдетъ.“

Будеть милый другъ мнѣ и названный братъ“.

Какъ тутъ бѣльшій тѣлится за средняго,
Средній тѣлится за мѣньшаго,
А отъ мѣньшаго-то и отвѣта нѣтъ;
Вонъ идутъ и старые и малые,
Сами говорятъ промежь себя:

„Не упито будетъ, не уѣдено,
А на вѣкъ увѣчье нажито“.

Какъ бѣжить навстрѣчу Костя Новоторжанинъ,
Опрошаетъ на бѣгу ребятъ:

„Были ли у Васьки на честномъ пиру?
Каково у Васьки упили,
Каково у Васьки уѣли?“

„Мы не упили, ни уѣли,
Мы на вѣкъ увѣчье нажили.
Самъ куда бѣжишь, куда спѣшишь?“

Не даетъ отвѣта Костя Новоторжанинъ,
Онъ одно бѣжить, одно спѣшить:
Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкой дворъ,
Размахнулъ на чанѣ зеленѣ вино,
Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
Воздымаетъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Поскорѣхонько и во второй-то разъ,
Воздымаетъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Поскорѣхонько и въ третій разъ...
Только поднялъ чару зеленѣ вина—
Подскочилъ къ нему Василій, сталъ опробовать,
Билъ червлѣнымъ вязомъ въ буйну голову:
Устоялъ дѣтина—не ворѣхнется,
Синь кафтанъ на плѣчахъ не колѣхнется,
Жѣлты кудри на головушкѣ не тряхнутся,
Полна чарочка въ рукахъ не всплещется:

„Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,
Окатилъ мнѣ ретивѣ сердце,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову—
Ужъ ты дашь ли мнѣ опохмѣлится?“

Бралъ его Василій за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста сахарныя,
Проводилъ во горницу столовую:

„Будь же ты мнѣ, Костя, милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названный братъ“:
 И сажилъ его онъ за дубовый столъ,
 За дубовый столъ да во большій уголъ,
 И кормилъ-поилъ его онъ до-сыта.

Въ тѣ поры было, въ то времячко,
 Увидали мужики новгородскіе,
 Что бѣжить навстрѣчу имъ Потаня Хроменькій,
 Говорятъ Потанѣ таковы слова:

„Не ходи, Потаня, на почестень пирь!“

Не даетъ отвѣта имъ Потанюшка,
 Онъ одно бѣжить, одно спѣшить:
 Правой ножкой-то припадываетъ,
 Лѣвой ножкой-то прихрамываетъ,
 Изъ-подъ рученьки присматриваетъ,
 Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкій дворъ,
 Размахнулъ на чанѣ зеленѣ вино,
 Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
 Воздымаетъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ чару на единый духъ;
 Поскорѣхонько и во второй-то разъ,
 Воздымаетъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ чару на единый духъ;
 Поскорѣхонько и въ третій разъ...
 Подскачилъ къ нему Василій, сталъ опробовать,
 Билъ червлѣнымъ вязомъ по хромымъ ногамъ:
 Устоялъ дѣтина—не вордохнется,
 Синь кафтанъ на плечахъ не колѣхнется,
 Жѣлты кудри на головушкѣ не тряхнутся,
 Полна чарочка въ рукахъ не всплещется,
 Говорить дѣтина Васинькѣ Буслаеву:

„Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,
 Взвеселилъ мнѣ буйну голову—
 Дай-ка ты мнѣ хоть опохмѣлитися!“

Бралъ его Василій за праву руку,
 Цѣловалъ въ уста сахарныя,
 Проводилъ во горницу столовую:

„Будь же ты, Потанюшка, мнѣ милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названный братъ!“

Посажилъ его онъ за дубовый столъ,

Учалъ его подчивать да чествовать.

Мало время позамѣшкавши,
 Прибѣгалъ на дворъ Ѡома горбатенькій, (94)
 Размахнулъ на чанѣ зеленѣ вино,
 Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
 Воздымаетъ чару единойъ рукой,
 Выпиваетъ чару на единыйъ духъ.
 Не сошелъ ужъ Васька со красна крыльца,
 Бить не сталъ червлѣнымъ вязомъ Ѡомушку,
 Прямо звалъ во гореньку столовую:

„Будь ты, Ѡомушка, мнѣ милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названный братъ!“
 И прибралъ себѣ онъ тридцать мѣлодцевъ,
 Тридцать мѣлодцевъ да безъ единого,
 Надо всѣми самъ тридцатымъ сталъ,
 Заводилъ на всѣхъ почѣстенъ пиръ,
 Говорилъ имъ таковыя слова:

„Гой, моя дружина добрая, хоробрая!
 Въ Новѣ-городѣ бояться намъ ужъ некого!“

И пошелъ тутъ слухъ по Нову-городу,
 Что прибралъ себѣ Василій тридцать братищевъ,
 Тридцать мѣлодцевъ да безъ единого,
 Что живутъ они съ нимъ всѣ безъ выходу,
 Пьютъ-ѣдятъ съ нимъ съ одного стола,
 Цвѣтно платье носятъ съ одного плеча.
 Взволновались мужики новгородскіе,
 Собирались въ терема тайницкіе,
 Соходились во большой совѣтъ,
 Стали думать думу крѣпкую.
 Какъ возстанетъ съ мѣста чуденъ старецъ тутъ,
 Какъ выходитъ на средину горницы,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Самъ поглаживаетъ сѣду бороду,
 Ударяетъ трижды объ полъ посохомъ,
 Начинаетъ слово мудрое:

„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
 Вѣдомо вамъ неудало дѣтище,
 Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ:
 Отъ его нелегкихъ шуточекъ
 Нашъ Великій-Новгородъ уже порѣже сталъ.

А теперъ прибралъ себѣ онъ тридцать братьицевъ,
 Тридцать мѳлодцевъ да безъ одинаго;
 Не задумалъ бы онъ зло на нашу голову,
 Не замыслилъ бы прибрать подѣ руки крѣикія?
 Гой вы, мужики новгородскіе!
 Созовите, братцы, пиръ на цѣлый мѣръ;
 Хоть не станемъ звать Василія—
 Не утерпѣтъ, самъ на пиръ придетъ.
 Поднесемъ ему тогда братѣну зеленѣ вина:
 Коль не будетъ пить—инѣ мыслитъ зло на насъ;
 Будетъ пить—такъ во хмелю промолвится“.

Поднимались всѣ тутъ съ мѣстъ своихъ,
 Поклонялись старцу всѣ до поясу,
 Говорили во едину рѣчь:

„Какъ придумалъ чуденъ старецъ, такъ и быть тому“.

На зарѣ было на утренней,
 На восходѣ красна солнышка,
 Подымались мужики новгородскіе,
 Насбирали хлѣба да двѣнадцать мѣръ,
 Накурили зеленѣ вина,
 Наварили пива пьянаго;
 Становили тутъ столы дубовые,
 Разстилали скатерти да бранья,
 Разставляли явства да сахарныя,
 Приносили вѣдра зеленѣ вина,
 Зеленѣ вина да пива пьянаго,
 Созывали на почѣстенъ пиръ весь Новгородъ,
 Одного Василія не позвали.

Какъ прослышалъ тутъ Васильюшка
 Про канунъ варѣнъ, про пива ячныя
 У тѣхъ мужиковъ новгородскихъ,—
 Самъ пошелъ на пиръ съ дружиною,
 Проходилъ во мѣсто бѳльшее,
 Пораздвинулъ мужиковъ новгородскихъ,
 И сѣдился во большѳй уголъ
 Со своей дружиною хорѳброю.

Говорятъ тутъ мужики новгородскіе:

„Званому-то гостю хлѣбъ да соль,
 А незваному и мѣста нѣтъ“.

Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:

„Званому-то много мѣста надобно,
 Много мѣста и большая честь,
 А незваному—какъ Богъ пришлетъ“.

И пустились мужики на хитрости:
 Наливаютъ во братины зеленà вина,
 Приговариваютъ сами, усмѣхаючись:

„Кто дружить Велику Нову-городу—
 Пей свою братину дѡ-суха“.

Возстаетъ Василій, поклоняется,
 Принимаетъ онъ братину во бѣлы ручки,
 Выпиваетъ единѣмъ духомъ,
 Единѣмъ духомъ да дѡ-суха.

Заиграла въ немъ хмѣлинушка,
 Закипѣла кровь да молодецкая,
 И возговорилъ Василій таковы рѣчи:

„Глупые вы, неразумные,
 Мужики новгородскіе!
 Быть за мной вѣдь, за Васильемъ, Нову-городу,
 Братъ мнѣ даточныя пошрины со всей земли,
 Съ лову заячья и гоголинаго,
 Братъ съ гостей заѣзжихъ мытныя,
 А вамъ, мужикамъ, лежать у ногъ моихъ!“

Нелюбы такія рѣчи показались
 Мужикамъ новгородскимъ,
 Закричали во единѡ слово:

„Младъ еще ты, неудало дѣтище!
 Не бывать же за тобою Нову-городу,
 Да не честь тебѣ теперь и жить у насъ,
 А и нѣтъ здѣсь про тебя земли.
 На утрѡ иди изъ Нова-города;
 Не пойдешь—инъ выгонимъ не съ честію,
 Потеряешь буйну голову!“

Отъ такого слова пуще прежняго
 Разгоралось сердце молодецкое,
 Распалаялась буйная головушка:

„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
 Бьюсь я съ вами о великъ закладъ:
 Напущаюсь биться-драться на весь Новгородъ
 Со своей дружиною хорѡброю:
 Коль меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ—

Я плачѹ вамъ дани-выходы по смерть свою;
 Буде же я васъ побью и вы мнѣ покоритесь—
 Вамъ платить мнѣ дани до-вѣку“.

Сдѣлали они тутъ рукобѣице,
 Рукобѣице великое,
 Написали записи поручныя:

За утро идти на Волховъ мость,
 Соходиться на побоище на смертное,

Приходилъ Василій къ рѣдной матушкѣ,
 Къ матерѣй вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
 Сталъ разсказывать ей, похвалятися:

„Какъ ударился я не о малъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ и не тысячѣ,
 О своей ударился о буйной гѣловѣ:
 За утро мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ“.

Матерѣ вдова Мамельфа Тимоѣевна

Какъ услышала—заплакала,
 Ухватила сына за бѣлыя руки,
 Отводила въ погребѣ глубокіе,
 Чтобы хмѣль ему-де выпати,¹
 Затворяла самого дверьми желѣзными,
 Позащѣлкнула замками крѣпкими,
 Позадвинула рогатками булатными.
 Спитъ Василій—не прохватится,
 Не прохватится и не пробудится.

За утро братаны: Костя Новоторжанинъ
 Со Потаней Хроменькимъ, Ѡмой Горбатенькимъ
 Ото сна встають ранѣшенько,
 Умываются бѣлѣшенько,
 На востокъ братаны Богу молятся,
 Биться со всѣмъ Новымъ-городомъ сряжаются.

Какъ не пѣлы воды вешнія
 По лугамъ тутъ разливаются—
 Какъ идетъ-валить по улицѣ Рогатицѣ
 Сила та новгородская;
 Какъ не бѣлы гуси-лебеди
 Съ Ильмень-озера да поднимаются—
 Какъ собирается на Волховъ мость
 Супротивъ Висилья цѣлый Новгородъ.
 Не спросясь Василья, не дождавшися,

Бросились братаны въ страшный смертный бой.
 Чась ужъ бьются съ Новымъ городомъ—
 Не подходитъ къ нимъ Василій сынъ Буслаевичъ;
 И другой-то бьются съ Новымъ-городомъ—
 Не видать Василя Буслаева;
 Третій бьются съ Новымъ-городомъ—
 А Василя все въ явѣ нѣтъ (*).

И попятили дружинушку Васильеву
 Мужики новгородскіе,
 Сами говорятъ да таковы слова:

„Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?
 Измѣнилъ онъ вамъ, своей дружинушкѣ,
 Продать за дешево васъ, своихъ товарищей.
 Три часа вы бьетесь за Василя,
 Всѣ головки-то у васъ шалыгами прощѣлканы,
 Руки всѣ платками перевязаны,
 Ноги кушаками переверчены,
 А его, Василя, и въ явѣ нѣтъ.
 Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?“

А была у матушки Васильевой,
 У честной вдовы Мамельфы Тимоеевны,
 Дѣвушка малѣшенька-чернѣшенька,
 Вѣрная служаночка чернавушка,
 Шла она на рѣчку Волховъ по воду,
 Шла съ ведѣрками дубовыми,
 Съ коромысельцемъ кленовымъ;
 Увидала то побоище кровавое,
 Увидала — слезно всплакала.

А и взмолятся къ ней добры мѣлодцы:

„Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка?
 Ты не выдай насъ у дѣла ратнаго,
 У того у часу смертнаго:
 Позови Василя къ намъ на выручку“.

Побѣжала дѣвушка-чернавушка,
 Побѣжала скоро-на-скоро,
 Растеряла и ведѣрки-то дубовыя,
 Побросала коромысельце кленовое, (**)
 Прибѣжала къ погребамъ глубокимъ,
 Индо дѣвка запыхалася,
 Закричала во всю голову:

„Спишь ли ты, Василій, или такъ лежишь?
Знать, не слышишь шума-грома въ Новѣ-городѣ?
У твоей дружины у хоробрѣя
Всѣ головки ужъ шалыгами прощёлканы,
Руки всѣ платками перевязаны,
Ноги кушаками переверчены:
Одолѣли мужики новгородскіе“.

Ото сна Василій пробуждается,
Чоботы надёрнулъ на босѹ ногу,
Шубу ли накинулъ на одно плечо,
А колпакъ надвинулъ на одно ухо;
Поналѣгъ на ободверины укладныя—
Съ одного удара двери высадилъ,
Разметалъ рогатины булатныя,
Выскочилъ самъ на широкій дворъ.
Не попалась Васькѣ палица желѣзная,
Что попалась ему ось телѣжная;
Побѣжалъ съ осищемъ онъ по Нову-городу,
По тѣмъ улицамъ широкіимъ:

„Гой, моя дружинушка хоробрѣя!
Продаль-то не я васъ, добрый мѣлодецъ,
Продала васъ моя матушка родимая.
Вы садитесь-ка теперь на лавочку,
Я за всѣхъ васъ, братцы, поработаю.
Пораздвоньтесь только, пораздвиньтесь,
Чтобы васъ мнѣ не убить замѣсто ново-гѣрожанъ“.

Заходило тутъ осище да телѣжное
По той силѣ по новгородской:
Гдѣ махнетъ—тамъ будетъ улочка,
Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ;
Положило мужиковъ увалами,
Положило перевалами,
Понабило, что погодою.
Видятъ мужики тутъ, что бѣда пришла,
Что бѣда пришла имъ неминучая,—
Побѣжали скоро-на-скоро
Въ монастырь тотъ во Кириловскій,
Насыпали чашу красна золота,
Насыпали и другую чиста сѣребра,
Насыпали третью скатна жемчугу,

Подносили старчищу Ондроницу, (97)
Тому крестному отцу Васильеву:

„Гой еси ты, старчище Ондронище!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молода Василия Буслаева,
Ты оставь насъ хотъ на сѣмена“.

Какъ тутъ старчище Ондронище
Навалилъ на плечи на могучія
Монастырскій мѣднѣй колоколъ,
Не величикъ колоколъ—во девяносто пудъ,
Да идетъ на рѣчку Волховъ, на тотъ Волховъ мостъ,
Колокольнымъ языкомъ самъ подпирается,
Инь калиновъ мостъ да подгибается.
Поровнялся съ сыномъ крестнымъ.
Съ молодымъ Василиемъ Буслаевымъ!
Окликаетъ громкимъ голосомъ:

„Стой-постой, мой милый крестничекъ,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
Смолода, глуздырь ты, не запархивай,
Малолѣтнее дитя ты, не заскакивай,
Прямоѣзжеей дорожки не заваливай.
Съ Волхова воды тебѣ не выпити,
Въ Ново-городѣ людей не выбити;
Будутъ мѣлодцы и супротивъ тебя,
Да стоимъ мы, мѣлодцы, не хвастаемъ“ (98)

Говорилъ въ отвѣтъ Васильюшка Буслаевичъ:

„Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай ты, старчище Ондронище!
Знать, несетъ тебя лиха судьба твоя
На меня, на мила крестничка.
Вѣдь у насъ-то дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся.
Не даль я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,
Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ!“ (99)
Какъ ударить тутъ Василій въ колоколъ
Тѣмъ осищемъ да телѣжнѣмъ—
Загудѣла красна мѣдь, потрескалась,
А могучій старчище Ондронище
Присядаетъ ко сырой землѣ,

«Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай ты старчище Олдришище!»

Знать, несешь тебе лиха судьба твою
На меня, на мила крестнишка.

Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
Уходи-тко свои плечушки могучія,
Украти сердечушко ретивое,
И оставь народу хоть на сѣмена.“

Опускалъ Василій руки ко сырѣй землѣ,
Выпадала ось телѣжная изъ бѣлыхъ рукъ,
Говорилъ Василій таковыя слова:

„Ай ты, свѣтъ мой, государыня да матушка!
Хорошо ты, матушка, удумала,
Что скочила на плечи сзадѣ меня.
Второпяхъ-то да въ озорности,
Не спустиль бы и тебѣ я, рѣдной матушкѣ,
И тебя убиль бы нѣ за что,
Вмѣсто мужика новгородскаго.
А теперъ тебя послушаю:

Слушать рѣдную самъ Богъ велить.“

Взялъ ее онъ тутъ за ручки бѣлыя
И повель домой, въ свои палаты бѣлокаменны.

Такъ-то йабыли отъ смерти отъ напрасныя
Мужики новгородскіе;
Сами со Васильемъ помирились,
Помирились и покорилися.

В. Г. ПЕТРОВЪ

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Смерть Василя Буслаева.

Какъ подь славнымъ, подь Великимъ новымъ-городомъ,
Да по славному по озеру по Ильменю,
Плаваеъ-поплаваеъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярый гоголь да понѣриваетъ—
Плаваеъ-поплаваеъ червлѣнь корабль
Молода Василя Буслаева,
Молода Василя со дружиною,
Со дружиною его хоробрю,
Тридцать да удалыхъ мѡлодцевъ. ⁽¹⁰¹⁾
Костя Новобржанинъ корму держитъ,
Маленькй Потаня на носу стоитъ,
Рядомъ съ нимъ Ома благоуродливый;
Самъ Васильюшка по кораблю похаживаетъ,
Таковѣ слова да поговариваетъ:

„Свѣтъ, моя дружинушка хоробрая,
Тридцать добрыхъ молѡдцевъ да безъ единаго!
Старѣте-ка корабликъ поперѣкъ Ильменѣ,
Приставайте, мѡлодцы, ко Нову-городу.“

А и къ берегу тычками притыкалися,
Пометали сходни на крутой бережокъ;
Приходилъ Василій къ своему двору,
А за нимъ идетъ дружинушка хоробрая;

Только караульщиковъ оставили.

Приходилъ Василій къ своему двору,
Къ государынѣ своей ко матушкѣ,
Къ матерѣй вдовѣ Мамельфѣ Тимошеевнѣ,
Вьюномъ около старушки увивается,
Просить дать родительско благословеніе:

„Свѣтъ, моя ты государыня да матушка,
Матеря вдова Мамельфа Тимошеевна!
Дай ты мнѣ родительское благословеніе:
Молодецко сердце пожадѣлося,
Пожадѣлось сердце, разгорѣлося,
Даль себѣ я заповѣдь великую
Създить со дружиною хоробрюю
На ту матушку Ердань-рѣку,
Ко тому ко граду Ерусѣлиму,
Той святой святынѣ помолитися,
Ко Господню гробу приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ да искупатися,
На Фаворъ-горѣ (102) да осушитися:
Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
Прибилъ много мужиковъ новгородскихъ“!

Отвѣчаетъ матеря вдова,
Матеря вдова Мамельфа Тимошеевна:

„Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ!
Коли ты пойдешь на дѣло доброе—
Дамъ тебѣ родительско благословеніе;
Коли же, дитя, ты на разбой пойдешь—
Нѣтъ тебѣ благословенія,
А и не носи Василю сыра земля!“

Камень отъ огня да разгорается,
И булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И даетъ она Василю въ дальній путь
Много-множество запасовъ хлѣбныхъ,
И даетъ оружье долгомѣрное:

„Береги-де буйну голову свою!“
Скоро молодцы собираются,
Съ матерѣй вдовой прощаются;
Оснастили свой червлень корабль,

Подымали тонки парусà камчатные,
И поѣхали ко граду Ерусòлиму.
И погодѣ не сдержатъ ужь мòлодцовъ:
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летить.

Ѣдутъ день они, другой и третій день,
Ѣдутъ и недѣлю и другую-то;
Въ встрѣчу имъ тутъ гости-корабельщики:
„Здравствуй ты, Василий сынъ Буслаевичъ:
Со дружиною хорòброю!

Погулять, знать, братцы, позволили?“
Отвѣчаетъ имъ Василий сынъ Буслаевичъ:

„Гой еси вы, гости-корабельщики:
Наше ли гулянье неохотное:
Съ молоду-то много бито, граблено,
Такъ подъ старость спасти душу надобно.
А скажите-ка вы, мòлодцы:

Намъ прямымъ путемъ далёко ли
Ко святому граду Ерусòлиму?“

Отвѣчаютъ гости-корабельщики:
„А и гой еси, Василий сынъ Буслаевичъ!
Вамъ прямымъ путемъ во Ерусòлимъ градъ
Будеть ѣхать ровно семь недѣль,
А окольною дорогою полтора года.
Да стоять на славномъ морѣ на Каспійскомь,
На томъ островѣ Куминскомь, (100)
Крѣпкая застава молодецкая,
Стары атаманы все разбойничьи,
Что не много и не мало ихъ—три тысячи:
Грабятъ, топятъ бусы-гàлеры,
Разбиваютъ корабли червлѣные.“

Говорить Василий да сынъ Буслаевичъ:

„А не вѣрую я, Василья, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрую я въ свой червлѣный вязъ:
Ужъ бѣгите-ка, ребята, прямымъ путемъ.
Побѣжали по морю потому,
Набѣжали ту же...“

Стар

Стар

Стар

Стар

Стар

Стар

Стар

Стар

Стар

Стар

Соскочилъ Василій на крутой бережокъ,
 Самъ червлённымъ вязомъ подпирается.
 Караульщики, удалы добры мѣлодцы,
 Испужалися, не дожидалися,
 Побѣжали съ пристани со корабельныя
 Къ атаманамъ тѣмъ разбойничьимъ.
 Атаманы слушаютъ—не надивуются,
 Сами говорятъ да таковы слова:

„Тридцать лѣтъ на острову стоимъ,
 А такого страха вѣкъ не видѣли!
 Это-де идетъ Василій сынъ Буслаевичъ:
 Знать-де по полеткѣ соколиной,
 Видѣтъ по поступкѣ молодецкой!“

Пошагалъ Василій со дружиною
 Къ атаманамъ ко разбойничьимъ;
 Стали съ ними во единый кругъ.
 На всѣ стороны Василій поклоняется,
 Говорить самъ таковы слова:

„Здравствуйте, разбойнички удалые!
 А скажите-ка вы мнѣ прямой-то путь
 Ко святому граду Ерусѣлиму.“

Говорятъ разбойнички удалые:

„Гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ,
 Со своей дружиною хоробрю!
 Милости васъ просимъ за единый столъ,
 За единый столъ хлѣбъ-сѣли кушати!“

Въ тѣ поры Василій не ослушался:
 Къ нимъ садился за единый столъ.
 Наливали ему чару зеленѣ вина,
 Зеленѣ вина во полтора ведра.
 Принималъ Василій единой рукой,
 Выпивалъ чару единымъ духомъ.
 Атаманы смотрятъ да дивуются:
 Сами-то и по полу-ведру не могутъ пить.
 Хлѣбъ-сѣли Василій пооткушавши,
 Собирается на свой червлёнъ корабль;
 Атаманы же несутъ ему свои подарочки:
 Перву мису чиста сѣребра,
 Другу мису красна золота,
 Третью мису скатна жемчугу.

Благодарствовалъ за то Василій, кланялся,
 Самъ просилъ еще съ собою провожатаго,
 Не отказывали тутъ ему и въ томъ,
 Дали провожатаго до Ерусѣлима,
 Сами поклонялися, прощалися.
 Собрался Василій на червлёнъ корабль
 Со своей дружиною хоробрю,
 Подымали тонки паруса камчатные,
 Побѣжали по морю Каспійскому.

Будуть мѣлодцы у матушки Фаворъ-горы,
 Приставали ко крутому берегу.
 Походилъ Василій на Фаворъ-гору,
 А за нимъ летить дружинишка хоробрая.
 Поднялся до полу-горы—
 На пути сухая голова лежитъ,
 Голова сухая, человѣчья кость. ⁽¹⁰⁴⁾

Говорить Василій сынъ Буслаевичъ:

„Ты провѣщись, голова ты человѣческа:

Будешь ли ты кость мошенница,
 Али кость ты подорожница?
 Будешь ли ты кость татарская,
 Али же ты кость христьянская?“

Чоботомъ тутъ кость подхватываль,
 Прочь съ дороги голову попинываль—
 Улетѣла голова въ подоблачье,
 Пала голова да на сырѹ землю,
 Говорить сама, провѣщится:

„Ай же ты, Василій сынъ Буслаевичъ!

Я вѣдь кость-то не мошенница,
 Я вѣдь кость не подорожница,
 Я вѣдь кость и не татарская,
 А была я кость христьянская.
 Не тебѣ меня бы и попинывать,
 Не тебѣ меня побрасывать.
 Самъ я молодець тебя не хуже былъ,
 Да умѣю, молодець, валятися.
 А и гдѣ теперъ сухая голова лежитъ,
 Тамъ же и Василию кататися,
 И Васильевой головущкѣ валятися.“

Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ

Плюнулъ только, да и прочь пошелъ:

„Али врагъ-де говоритъ въ тебѣ,

Али говоритъ нечистый духъ!“

Соходилъ съ Ѡаворъ-горы на поль-пути,

Ѣдетъ со дружиною во Ерусѡлимъ градъ.

Пріѣзжалъ во Ерусѡлимъ градъ,

Заходилъ во церковь во соборную;

Отслужилъ обѣдню тутъ за здравье матушки

И за самого себя, Василия,

Отслужилъ обѣдню съ панихидою

По своему по рѡдномъ батюшкѣ,

По всему по роду-племени;

На другой день отслужилъ обѣдни со молебнами

Про удалыхъ-добрыхъ мѡлодцевъ,

Чтѡ имъ съ молоду-то бито, граблено;

И дарилъ поповъ и дьяконовъ,

Одѣлялъ всѣхъ старцевъ богорадныхъ

Золотой казною, не считаючи.

Походилъ тогда съ дружиною

Во Ердань-рѣкѣ купатися.

Вся-то братія купается въ рубашечкахъ,

А Василій окунается нагимъ тѣломъ.

Проходила женщина да престарѣлая,

Говорила таковыя слова:

„Ай, Василій сынъ Буслаевичъ!

Чтѡ купаешься нагимъ тѣломъ въ Ердань-рѣкѣ?

Вѣдь нагимъ тѣломъ крестился самъ Исусъ Христосъ!

А и потерять вамъ, добры молодцы,

Братца бѡльшаго, Василия Буслаева!“

Говорятъ въ отвѣтъ ей добры мѡлодцы:

„А не вѣруеть Василій нашъ ни въ сонъ, ни въ чохъ“.

Самому Василью стосковалось тутъ;

Говоритъ дружинишкѣ хорѡброей;

„Гой еси, моя дружинишка хорѡбрая!

Были мы намедни на Ѡаворъ-горѣ,

Уходя-то съ костью разбранилися,

Разбранилися съ костью, не простилися.

Ужъ заѣдемъ-ка на матушку Ѡаворъ-гору

Попростится съ костью, помиритися.“

Сѣли на червлѣнъ корабль, поѣхали;

Заѣзжали на Ѡаворъ-гору.
А и гдѣ лежала человѣчья кость,
Увидали камень превеликій тутъ,
Превеликій бѣль-горючъ камень:
Въ долину сажень печатная,
Въ вышину три сажени печатныя,
Поперекъ же только топоромъ подать,
А на самомъ камцѣ подпись да подписана:
„Кто у камня станетъ тѣшиться,
Тѣшится да забавлятися,
Камень вдоль да перескакивать—
Тому буйну голову сломить“.

Разгорѣлось сердце молодецкое,
Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
„Ужъ давайте-ка вы, братцы, тѣшиться,
Тѣшиться да забавлятися:
Вы скачите поперекъ камнѣ,
Поперекъ камнѣ да на передѣ лицомъ,
Самъ я вдоль скачу назадъ лицомъ“.

Какъ тутъ вся дружинушка хоробрая
Стала тѣшиться и забавлятися,
Поперекъ камнѣ скакать со ратовьемъ.
Самъ Василій разбѣжался, вдоль камнѣ скочилъ,
Вдоль камнѣ скочилъ назадъ лицомъ—
И задѣлъ за камень чоботомъ сафьяннымъ,
О сырѣ землю головушкой ударился,
А и тутъ же ли кончатся сталь.
Умирая, братіи наказываль:

„Вы скажите, братцы, рѣдной матушкѣ,
Что сосватался Василій на Ѡаворъ-горѣ,
Что женился на томъ бѣль-горючемъ камешкѣ“.

Только вымолвилъ, да и преставился.
Какъ тутъ братія, дружинушка хоробрая,
Выкопали яму на полу-горѣ,
Опустили мѣлодца во мать сырѣ землю,
Ставили надъ мѣлодцемъ животворящій крестъ,
Сами соходили на червлѣнь корабль,
Подымали тонки парусы камчатныя,
Побѣжали къ Нову-гѣроду,
Къ рѣдной матушкѣ Васильевой.

Какъ встрѣчаетъ ихъ тутъ рѣдна матушка:
 „А и гдѣ же, мѡлодцы, вашъ большій братъ,
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ?“

„А сосватался Василій на Ѡаворъ-горѣ,
 А женился на томъ бѣль-горючемъ камешкѣ“.

Туть-то его матушка расплакалась,
 Собрала свое имѣніе-богачество,
 Роздала все по Божьимъ церквамъ,
 По Божьимъ церквамъ да по монастырямъ.

Съ тѣхъ-то поръ Василю славу поютъ,
 И во вѣкъ та слава не минуется.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Садко дѣлается богатымъ гостемъ.

Какъ во славномъ Новѣ-городѣ
Былъ Садко, веселый молодецъ;
Не имѣлъ онъ золотой казны,
А имѣлъ лишь гуселки яровчаты;
По пирамъ ходилъ-игралъ Садко,
Спотѣшалъ купцовъ, людей посадскихъ. ⁽¹⁰⁵⁾
Какъ тутъ надъ Садкомъ случилось,
Цѣлый день ужъ не зовутъ Садка да на почѣстенъ пиръ,
Не зовутъ другой да на почѣстенъ пиръ,
Не зовутъ и третій на почѣстенъ пиръ.
Какъ потомъ Садку соскучилось,
И пошелъ Садко ко Ильмень-озеру,
И сѣдился да на бѣль-горѣчь камень,
Сталъ играть во гуселки яровчаты,
Да игралъ съ утра до вечера.

Какъ тутъ въ озерѣ волна сходилася,
Какъ вода пескомъ да замутилася,
Одолѣлъ Садка великій страхъ:
Выходилъ со озера Поддонный Царь, ⁽¹⁰⁶⁾
Говорилъ самъ таковыя слова:

„Благодарствую тебя, веселый молодецъ,
Что спотѣшилъ насъ во озерѣ:
У меня вѣдь столованье да почѣстенъ пиръ,
Всѣхъ развеселилъ ты мнѣ гостей любезныхъ.

Чѣмъ тебя, не знаю, жаловать:
 Аль безсчетной золотой казной?
 Ты ступай-ка, молодець, во свой во Новгородъ
 И ударься о великъ закладъ
 Со кушцами со новгородскими:
 Заложь имъ свою буйну голову,
 Съ нихъ же выражай въ ряду Гостиноемъ
 Лавочки товара краснаго:
 Что де рыба есть во Ильмень-озерѣ,
 Рыба чудная да золотѣ перья.
 Какъ ударишь о великъ закладъ,
 Поклонися башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,
 Чтобы дали те три невода
 Съ тѣми со людьми работными,
 Неводы замѣтывай во озерѣ:
 Будеть надъ тобою милость Божія“.
 Какъ пошелъ Садкѣ отъ Ильмень-озера,
 Какъ пришелъ во свой во Новгородъ,
 Позвали Садкѣ тутъ на почѣстенъ пиръ
 Ко богатому купцу новгородскому.
 Стали мѣлодца подпаивать,
 Стали мѣлодцу поднашивать;
 Заигралъ Садкѣ во гуселки яровчаты,
 Самъ передъ гостями порасхвастался:
 „Ай же вы, купцы новгородскіе!
 Знаю чудо-чудное я въ Ильмень-озерѣ,
 Знаю рыбу—золотѣ перья“.
 Позаспорились купцы новгородскіе:
 „А не можетъ быть во Ильмень-озерѣ
 Экой рыбы чуда-чуднаго,
 Чуда-чуднаго да золотѣ перья!“
 „Ай же вы, купцы новгородскіе!
 Будемъ биться о великъ закладъ:
 Заложу я свою буйну голову—
 Болѣ заложить мнѣ нечего“.
 Говорять купцы новгородскіе:
 „Мы заложимъ во ряду гостиноемъ
 Три купца да по три лавочки,
 По три лавочки товара краснаго“.
 Походилъ тутъ скоро мѣлодець

Къ башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,
Приходилъ къ нимъ, низко кланялся,
Говорилъ самъ таково слово:
„Гой еси вы, башлыки новгородскіе!
Дайте-ка вы мнѣ три невода
Съ тѣми со людьми работными,
Рыбы половить въ Ильмень-озерѣ:
Я васъ, мѡлодцы, за то поблагодарствую!“

Не отказывали башлыки Садку,
Сами шли да со людьми работными.
Выѣзжали мѡлодцы во Ильмень-озеро,
Да закинули три невода во озеро:
Первый неводъ къ берегу пришелъ—
Въ немъ была все рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая.
И другой-то неводъ къ берегу пришелъ—
Середь мелкой бѣлой рыбки
Въ немъ была и рыба красная.
А и третій неводъ къ берегу пришелъ—
Въ немъ была одна ужъ рыба красная,
Рыба красная въ три четверти.
И перевозились мѡлодцы
Съ рыбой ловленою на гостинный дворъ,
Клали рыбу во три погреба,
Запирали каждый погребъ на-крѣпко,
Караулы къ каждому приставили.
Благодарствоваль тутъ башлыковъ Садко:
Отдалъ за труды имъ сто рублей.
Самъ пошелъ да по двору гостиному,
Созываль купцовъ новгородскіихъ:
„Ай же вы, купцы новгородскіе!
Вы ступайте-ка да поглядите-ка:
Наловилъ я рыбы чуда-чуднаго,
Чуда-чуднаго да золотѣ перья“.

А и въ первый погребъ какъ заглянетъ онъ,—
Двери-то насилу отперлись:
Гдѣ лежала рыба мелкая,
Все-то стали деньги дробныя.
Во другой-то погребъ какъ заглянетъ онъ:
Гдѣ была, средь мелкой рыбы, рыба красная,

Середь мелкихъ дробныхъ денежекъ
 Очутилися червонцы красные.
 Въ третій погребъ какъ заглянетъ онъ:
 Гдѣ одна была лишь рыба красная,
 Все лежать червонцы красные.

Говорятъ купцы новгородскіе:

„А вѣдь правду говорилъ Садко,
 Наловилъ онъ рыбы чуда-чуднаго,
 Чуда-чуднаго да золоты перья.
 Дѣлать-то намъ, братцы, видно нечего“.

Отдали ему купцы новгородскіе
 По три лавочки товара краснаго.
 Записался тутъ Садко въ купцы новгородскіе,
 Сталъ и самъ теперь купецъ, богатый гость;
 Зачалъ торговать теперечко
 Въ своемъ во Новѣ-городѣ,
 Зачалъ ѣздить, торговать по всѣмъ мѣстамъ,
 По всѣмъ прочимъ городамъ по дальнимъ,
 Получать сталъ барыши великіе.
 А и взялъ себѣ тутъ молодую жену,
 Выстроилъ палаты бѣлокаменны,
 Все въ палатушкахъ устроилъ по-небесному:
 На небѣ ли красно солнышко—
 И въ палатахъ красно солнышко;
 На небѣ ли младъ свѣтѣль мѣсяцъ—
 И въ палатахъ младъ свѣтѣль мѣсяцъ;
 На небѣ ли звѣзды частыя—
 И въ палатахъ звѣзды частыя;
 Всѣмъ Садко свои палатушки
 Изукрасилъ по-небесному.

Заводилъ Садко купецъ, богатый гость,
 Столованье тутъ, почестень пиръ
 На купцовъ на всѣхъ новгородскихъ
 Да на тѣхъ людей посадскихъ,
 Настоятелей новгородскихъ:
 На того Луку Зиновьева,
 На другого—на Ѡому Назарьева. (107)
 Какъ теперь-то на честномъ пиру
 Дѣ-сыта всѣ наѣдалися,
 Дѣ-пьяна всѣ напивалися,

Похвальбами похвалялися:

Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,

Иной—силою-удачею великою,

Иной—славнымъ отечествомъ,

А иной—удалымъ молодечествомъ,

Умный хвастаетъ отцомъ да матушкой,

А безумный—молодой женой.

И Садко съ хмѣлю захвастался:

„А и гои еси вы, молодцы, славнѣ купцы!

Иной хвастаетъ у васъ былицею,

А иной и небылицею;

Чѣмъ-то будетъ мнѣ, Садку, теперь похвастати?

У меня ли золотѣ казна не тѣщится,

У меня ли цвѣтно платьице не держится,

У меня дружинушка хоробра не мѣняется.

Коли будетъ чѣмъ Садку похвастати,

Такъ безсчетной золотой казной:

Припасите мнѣ товаровъ въ Новѣ-городѣ

На три дня и въ три уповода;

И худые-то товары всѣ и добрые

Выкуплю въ три дня и въ три уповода,

Не оставлю вамъ товаровъ ни на денежку,

Ни на малую полушечку;

А коли товаровъ всѣхъ не выкуплю,

Заплачу я вамъ казны сто тысячей.“

Какъ тутъ люди да позадскіе,

Настоятели новгородскіе

За тѣ рѣчи принималися,

Сдѣлали имъ записи великія.

Скоро всѣ тутъ съ пиру разѣзжались,

Со честнаго разбиралися

По своимъ домамъ да по своимъ мѣстамъ.

А Садко купецъ, богатый гость,

На другой день всталъ ранымъ-рано,

Разбудилъ свою дружинушку хоробрую,

Дѣ-люби давалъ имъ золотой казны,

Да спущалъ по улицамъ торговымъ

Всякіе товары въ Новѣ-городѣ

Закупать цѣной повольною;

Самъ шель во гостинный рядъ,

Выкупаль цѣной повольною
 Всѣ товары, и худые-то и добрые,
 Не оставилъ вѣдь товару ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ,
 Что во имя ли Стефана Архидьякона,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашивалъ,
 Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
 Царски двери вызолочивалъ.
 По другой день ходитъ онъ по Нову-городу:
 А товару вдвое противъ прежняго
 Принавезено да принаполнено
 На великую на славу Нова-города.
 Выкупилъ товары онъ и по другой-то день,
 И худые всѣ и добрые,
 Не оставилъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ
 Что во имя Софіи Премудря,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашивалъ,
 Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
 Царски двери вызолочивилъ.
 Ходитъ онъ по Нову-городу на третій день:
 А товару втрое противъ прежняго
 Принавезено да принаполнено:
 Подоспѣли, знать, товары-то заморскіе
 На великую на славу Нова-города. (109)
 Выкупилъ Садкѣ товары въ половину дня,
 И худые-то и добрые,
 Не оставилъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку,
 Много у Садкѣ еще казны осталось;
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ
 Что во имя Николая да Можайскаго,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,

Всѣ честныя иконы изукрашивалъ,
 Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
 Царски двери вызолочивалъ.

А и ходить по четвертый дѣнь Садко
 По всему по Нову-городу,
 Цѣлый дѣнь ходилъ до вечера:
 Не нашель товаровъ въ Новѣ-городѣ
 Ни на денежку, на малую полушечку.
 Заходилъ Садко во тѣмный рядъ:
 Черепаны тутъ стоятъ, гнилы горшки,
 Все гнилы горшки одни да битые.
 Усмѣхается на то Садко,
 Выкупаеть и гнилы горшки,
 Говорить самъ таково слово:

„Пригодятся черепки—дѣтямъ играть,
 Поминать Садка, гостя богатаго!
 Что богатъ не я, Садко, а Новгородъ
 Всякими товарами заморскими:
 Черепанами, горшками битыми!“

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Садко въ поддонномъ царствѣ.

Какъ по мѣрю, морю синему
Тридцать чѣрныхъ (109) кораблей плывуть,
А одинъ корабль-то передѣмъ летить,
Передѣмъ летить, что бѣль кречѣтъ—
Самого Садка, гостя богатаго.
Какъ сходилась тутъ погода сильная.
Всѣ-то кѣрабли что соколѣ летятъ,
А Садковъ корабль-то становится сталь,
Застоялся середѣ моря.
И волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ—
А корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ:
Воскричитъ Садко тутъ громкимъ голосомъ:
„Ай же, дружки-братья, корабельщики! (110)
Вы берите-ка щупы желѣзные,
Щупайте-ка во синѣмъ морѣ:
Нѣтъ ли тамъ людѣ подводныя,
Нѣтъ ли отмели пѣсочныя?“
Они щупали въ синѣмъ морѣ;
Не нашли людѣ подводныя,
Не нашли и отмели пѣсочныя.
Воскричитъ Садко купецъ, богатый гость:
„Эй вы, дружки-братья, корабельщики!
Вы спускайте въ море мѣртвыя якори,
Становитесь всѣ по пѣряди.“
Опускали въ море мѣртвыя якори,

Становились всё по-поряди,
Собирались на одинъ корабль.

И возговорить Садко купецъ:

„Ай вы, дружки-братья, корабельщики!
Я, Садко, теперъ вѣдь знаю-вѣдаю:
Бѣгаемъ мы по морю двѣнадцать лѣтъ,
А тому Царю Поддонному
Не платили дани-пошлины,
Никогда ему вѣдь во синѣ море
Не опускавали хлѣбъ-соли:
Вѣрно,—пошлины съ насъ требуютъ!
Вы возьмите-ка, мечите во синѣ море
Бочку-сороковку чиста сѣребра.“

Брали бочку-сороковку чиста сѣребра
И метали во синѣ море.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ,
Говорить Садко купецъ, богатый гость:

„Видно, мало пошлины Царю Поддонному.
Вы возьмите-ка, мечите во синѣ море
Другу бочку—красна злота.“

Брали и метали во синѣ море
Другу бочку—красна злота.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ.

Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„Знать, и этой дани мало во синѣ море,
Вы берите третью бочку—скатна жемчугу
И кидайте во синѣ море“.

Брали третью бочку—скатна жемчугу
И кидали во синѣ море.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ.

Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„Ай вы, дружки-братья, корабельщики!
Знать, не дани Царь Поддонный требуетъ:
Требуетъ онъ голову да человѣческу.“

Не браниль ли кто изъ васъ отца да матери,
 Да не клялся ли кто родомъ—племенемъ?
 Ужь вы рѣжьте жеребья поволжаны;
 Всякъ пишишь на жеребьѣ пойменно,
 И бросайте во синѣ море:
 Чьи тутъ жеребья да поверху плывутъ,
 Тѣхъ ли душеньки знать правыя;
 А чьи жеребья ко дну пойдутъ,
 Тѣмъ идти къ Царю Поддоному.“ (111)

И забрасывали жеребья поволжаны,
 Самъ Садко закинулъ хмелево перо:
 Всѣ-то жеребья ли по верху плывутъ,
 Какъ бы яры гоголи по заводамъ;
 Одинъ только жеребій ключомъ ко дну—
 Хмѣлево перо Садка богатаго.

Говорить Садко купецъ, богатый гость:
 „Это, братцы, жеребья неправильны!
 Рѣжьте жеребья ветлянные,
 Да которые ко дну пойдутъ,
 То ли душеньки, знать, правыя.“

Самъ закидывалъ булатный жеребій,
 Синяго булату да заморскаго,
 Вѣсомъ жеребій во десять пудъ.
 Всѣ-то жеребья ключомъ ко дну,
 Одинъ только поверху плыветъ—
 Жеребій булатный самогò Садка.

И возгворить Садко, богатый гость:
 „Знать, бѣда пришла мнѣ неминучая:
 Самому Садку идти къ Царю Поддонному!
 Ужь вы, дружки-братья, корабельщики,
 Принесите-ка мнѣ шубу соболиную.“

Скоро тутъ онъ снаряжается:
 И беретъ онъ гуселки яровчаты
 Съ золотыми струнками звончатыми, (112)
 И прощается съ дружиною хоробрю,
 И прощается съ бѣлымъ свѣтомъ,
 Отвезти еще велить поклонъ
 Молодой женѣ во Новѣ-городѣ.
 И спускали сходеньку серебряну,
 Что серебряну подъ краснымъ золотомъ;

Походилъ Садкò, спущался на синё море,
 Самъ садился на дощечку на дубовую.
 Понесло Садкà да по синю морю.
 А его дружиниушка хорòбрая
 Принимала сходеньку серебряну,
 Что серебряну подь краснымъ золотомъ.
 Побъжалъ корабликъ по синю морю;
 Всѣ-то корабли что соколъ летятъ,
 А одинъ корабль-то передомъ бѣжитъ,
 Передомъ бѣжитъ какъ бѣлъ кречётъ—
 Самого Садкà, гостя богатаго.

Въ тѣ поры молитвами великими
 Самого Садкà, гостя богатаго,
 Подымалася погода тихая,
 И заснулъ Садкò глубокимъ сномъ.
 Короткò ли было, долго ли,
 Просыпается Садкò, дивуется:
 Очутился во синёмъ морѣ, на самомъ днѣ;
 Передъ нимъ палаты бѣлокаменны,
 А сквозь воду свѣтитъ красно солнышко.

Заходилъ Садкò въ палаты бѣлокаменны;
 А сидитъ тамъ самъ Поддонный царь
 Со своей царицею Поддонною,
 Межъ собою перетàкиваютъ, споруютъ.

Бьетъ челомъ Садкò царю съ царицею,
 Говорить самъ таковы слова:

„Ай ты, батюшка Поддонный царь!
 А зачѣмъ меня сюда ты требоваль?“

Говорить ему Поддонный царь:

„А затѣмъ тебя сюда я требоваль:
 Ты скажи по правдѣ, не утай себя,
 Чтò у васъ тамъ, на Руси, дороже есть?“

У меня съ царицей разговоръ идетъ:
 Я-то спору, что дороже красно золото,
 А царица, что желѣзо де булатное“.

Говорить Садкò купецъ, богатый гость:

„Ай ты, батюшка Поддонный царь!
 Я скажу по правдѣ вамъ, не утаю себя:
 Красно золото у насъ, на Руси, дорого,
 Да булатное желѣзо не дешевле есть;

Вѣдь безъ красна золота-то сколько можно жить,
 Безъ желѣза же булатнаго жить нѣ можно,
 Нѣ можно жить никакому званію“.

Говорить царица да Поддонная:

„А не даромъ же я спорила,
 Что желѣзо-то булатное дороже есть!“

Не слюбились тѣ слова царю Поддонному;

Какъ вскочилъ онъ на рѣзвы ноги,
 Скоро схватить саблю острую,
 Чуть былѣ — и отсѣчетъ ей буйну голову...

Поскорѣ ли того Садко

Бралъ свои гусѣлышки звончатя,
 Да ударилъ по тѣмъ струнамъ золочѣннымъ —

Опускались руки у царя Поддоннаго,

Выпадала на полъ сабля острая,

А и самъ-то распотѣшился,

Сталъ Поддонный царь скакать-плясать

По палатѣ бѣлокаменной,

Шубой машеть и полами бьетъ,

Бьетъ полами по бѣлымъ стѣнамъ.

Проигралъ Садкѣ да ровно три часа.

Какъ тутъ тронуло въ плечо его во правое,
 Обернулся за себя Садко:

Позади стоять царица да Поддонная, ⁽¹¹⁹⁾

Говорить ему да таковы слова:

„Какъ ужъ полно те играть, Садку,

Рви ты свои струны золочѣнныя

И сломай свои гусѣлышки звончатя:

Тебѣ кажется, что скачетъ по палатамъ царь,

А онъ скачетъ по крутымъ кряжамъ,

По крутымъ кряжамъ, по берегамъ;

Распотѣшился Поддонный царь —

А синѣ море восколебалось,

Быстры рѣки разливались,

Тонуть-гинуть бусы-корабли,

А и многи души безповинныя“.

Изорвалъ Садкѣ тутъ струны золочѣнныя

И сломалъ гусѣлышки звончатя.

Пересталъ Поддонный царь скакать-плясать:

Улеглося море синее,

«Распознала Поддонный Царь—
А спящее море воскресло...»

«Тонуть-гнущь бусы-корабли,
А и многи души безвонныя.»

И утихли рѣки быстрыя.

Говорить Садкѣ Поддонный царь:

„Распотѣшилъ ты мнѣ душу; мѡлодецъ,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову!

Чѣмъ бы мнѣ тебя поблагодарствовать?

Не угодно ли жениться те въ синѣмъ морѣ

Что на душечкѣ на красной дѣвушкѣ?“

Говорить Садкѣ купецъ, богатый гость:

„Надо мною волюшка твоя въ синѣмъ морѣ“.

И пошелъ Поддонный царь по красныхъ дѣвушекъ.

Говорить Садкѣ царица да Поддонная:

„Ай же ты, Садкѣ купецъ, богатый гость!

Какъ начнетъ тебя женить Поддонный царь,

Приведетъ онъ триста красныхъ дѣвушекъ,

Чтобы выбралъ ты княгинюшку по разуму,—

Перво триста стадо пропусти, смотри,

Не бери себѣ княгинюшки;

И другое триста стадо пропусти, смотри,

Не бери себѣ княгинюшки.

А какъ третье триста стадо пропускать зачнешь—

На концѣ идетъ, увидишь, дѣвица,

Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ: ⁽¹¹⁴⁾

Ту проси себѣ въ княгинюшки.

Да смотри, когда поженишься,

Не цѣлуй, не обнимай ее.

Быть тебѣ тогда вѣдь на святой Руси,

Увидать тогда и бѣлый свѣтъ,

Увидать и солнце красное“.

Приводилъ царь триста красныхъ дѣвушекъ,

Приглашалъ Садкѣ, купца богатаго,

Выбирать себѣ княгинюшку по разуму.

Перво триста стадо пропустилъ Садкѣ:

„Нѣтъ де мнѣ княгинюшки по разуму“.

И другое триста стадо пропустилъ Садкѣ:

„Нѣтъ и въ этомъ стадѣ мнѣ княгинюшки“.

Какъ тутъ третье триста стадо пропускать зачалъ—

Увидаль въ концѣ остатномъ дѣвицу,

Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ.

Бралъ ее себѣ въ княгинюшки по разуму:

„Ай ты, батюшка Поддонный царь!

Эта мнѣ дѣвица полюбилася“.

Не отказывалъ ему Поддонный царь,
Отдавалъ ему дѣвицу во княгинюшки;
Заводилъ по нихъ почѣстенъ пиръ,
Столованьице на весь поддонный мѣръ.
Не забылъ Садкѣ наказа строгаго:
Не обнялъ онъ, не поцѣловалъ жены,
А какъ послѣ пиру заспалъ въ крѣпкій сонъ,
Свои рученьки еще къ груди прижалъ...

Поутру проснулся ото сна Садкѣ—
Увидалъ тутъ бѣлый Божій свѣтъ,
Увидалъ и солнце красное.
Самъ лежитъ-то онъ подъ Новымъ-городомъ,
На крутомъ кряжу у Волхъ-рѣки,
Только лѣвою-то ногою во быстрой рѣкѣ,
А жены поддонной и во слыху нѣтъ.

И вскочилъ Садкѣ тутъ, испужался онъ,
Оглянулся на родной свой Новгородъ:
Свою церковь, свой приходъ узналъ,
Николая да Можайскаго,
Осѣнилъ себя крестомъ своимъ.
И глядитъ Садкѣ по Волхъ-рѣкѣ:
Отъ того отъ озера отъ Ильменя
Да по славной матушкѣ по Волхъ-рѣкѣ,
Тридцать черныхъ кораблей бѣгутъ,
А одинъ корабль-то передѣмъ летитъ,
Передѣмъ летитъ, что бѣлъ кречѣтъ—
Самого Садкѣ, гостя богатаго.

Какъ увидѣла дружинюшка хорѣбная,
Что стоитъ Садкѣ да на крутомъ кряжу,
Счудовалася дружина, сдивовалася:

„Поминали мы Садкѣ въ синѣмъ морѣ,
А Садкѣ встрѣчаетъ насъ со Волхъ-рѣки,
Очутился впереди насъ въ Новѣ-городѣ“.

Становили корабли на пристани,
Пометали сходни на крутой берѣгъ,
Выходили на крутой берѣгъ.

И здоровкался Садкѣ съ дружиною:

„Здравствуйте вы, дружки-братья, корабельщики!“
И повелъ въ свои палаты бѣлокаменны.

Взрадовѣлася тутъ молода жена
И брала Садкѣ за ручки бѣлыя,
Цѣловала во уста сахарныя,
Говорила таковыя слова:

„Ай же ты, любимая семеюшка!
Полно тебѣ ѣздить по синю морю,
Тосковать мое ретивое сердечушко
По твоей по буйной по головушкѣ:
Много есть у насъ имѣнница-богачества,
И растеть у насъ вѣдь мало дѣтище“.

А и сталъ Садкѣ тутъ съ кораблей своихъ
Выгружать свое имѣннице,
Сталъ выкатывать несчетну золоту казну—
Во три дни не выгрузилъ, не выкаталъ.
И не сталъ Садкѣ ужъ ѣздить на синю море,
Поживать сталъ въ Новѣ-городѣ.

Да теперъ тому всему славу поють.

БЫЛИНЫ

МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ И ПЕТРОВСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Взятіе Казани Грознымъ царемъ.

Охъ вы, гости, гости званые,
Гости званы, гости браные!
Ужъ сказати ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку—
Про царевъ походъ на славный на Казань-городъ?

* * *

Какъ онъ, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Скоплялъ силушку да ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и трѣ года;
Сокопивши силу, воевать пошелъ
Подъ то славно царство подъ Казанское.
Не дошедши до Казани города,
Становился батюшка нашъ въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ во заповѣдныхъ;
Подводилъ подкопы подъ Булатъ-рѣку,
Подводилъ и подъ Казанку подъ рѣку,
Бочечки дубовыя закатывалъ
Съ лютымъ зельемъ—чернымъ порохомъ,
Затеплялъ на бочкахъ свѣчи воску яраго.

А татарки по стѣнѣ похаживаютъ,
Грознаго царя подразниваютъ:

„Какъ не взять тебѣ Казань-городъ ни во сто лѣтъ,
Какъ ни во сто лѣтъ и не во тысячу!“

Воспалилось сердечко-государево,
Утопилъ онъ очи во сыру землю:

„Подавай мнѣ пушкарей сюда,
 Пушкарей-подкопщиковъ и зажигальщиков!“
 Приздумались пушкарчики, молчать-стоять;
 Только выбрался молоденькій пушкарчикъ:
 „Не вели меня, царь-батюшка, казнить-вѣшать,
 Прикажи мнѣ слово молвити:
 На вѣтру-то свѣчи скоро топятся,
 Во глухомъ же мѣстѣ долго теплятся...“

Не успѣлъ пушкарчикъ слово вымолвить—
 Догорѣли свѣчи воску яраго,
 Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,
 Раскидало-разметало стѣну каменну,
 Побросало въ рѣку всѣхъ татаришекъ.

Привозрадовался тутъ царь-батюшка,
 Приказалъ всѣхъ пушкарей дарить,
 Всѣмъ пушкарчикамъ по пятьдесятъ рублей,
 Одному тому пушкарчику пятьсотъ рублей,
 Одному ему пятьсотъ за слово смѣлое,
 Да за правду его добрую. ⁽¹¹⁵⁾

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Оговоръ царевича передъ Грознымъ. ⁽¹¹⁶⁾.

Прикажи намъ, Боже, старину сказать,
Старину сказать да стародавнюю,
Стародавнюю старинушку, бывалую,
Про того царя про Грознаго,
Про Ивана да Васильевича.

* * *

Когда въ небѣ возсіяло красно солнышко,
Становилася звѣзда восточная,
Когда зачиналась каменная Москва,
Тогда воцарился Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
У того царя Ивана да Васильевича
Во палатушкахъ во бѣлокаменныхъ,
На столахъ на бѣлодубовыхъ
Скатерти раздѣсланы да бранья,
Яствушки поставлены сахарныя.
Во большомъ углу сидитъ самъ Грозный царь,
А вокругъ сидятъ его князья да бояре,
Пьютъ они да хлѣба кушаютъ,
Бѣла лебедя да рушаютъ,
Во полу-пиру да порасхвастались:
Сильный хвалится своею силою,
А богатый—золотой казной.

Государь-царь распотѣшился,
 Выходилъ изъ-за стола съ-за бѣлодубова,
 По палатушкамъ похаживалъ,
 Во краснѣ окно поглядывалъ,
 Черны кудри частымъ гребешкомъ расчѣсывалъ,
 Самъ возгворилъ да таковы слова:

„Ой вы, глупые бояре, неразумные!
 Чѣмъ вы хвалитесь, перехваляетесь?
 Силушка-то къ вамъ отъ Господа,
 А богатство отъ меня пришло.
 Ужъ какъ мнѣ-то можно похвалитися:
 Вынесъ я порфиру изъ Царя-града,
 Взялъ Казань-горѣдъ и славну Астрахань,
 Вывелъ я туманъ изъ-за синя моря,
 Вывелъ я измѣнушку изъ Нова-гѣрода,
 Вывелъ и изд-Пскова, изъ каменнѣи Москвы!“

Говорить Малюта сынъ Скурлатовичъ:
 „Ахъ ты гой еси, нашъ рѣднѣи батюшка,
 Грознѣи царь Иванъ Васильевичъ!
 Вывелъ ты измѣнушку изъ Нова-гѣрода,
 Вывелъ ты измѣну и изд-Пскова,
 Да не вывести тебѣ ея изъ каменнѣи Москвы:
 Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,
 За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
 Ъсть и пьетъ съ тобою съ одногѣ блюда,
 Цвѣтно платье носить съ одногѣ плеча.“

За то слово царь спохватится,
 На царевича ⁽¹¹⁷⁾ самъ злобно озирается:
 „А скажи, скажи-ка, въ чемъ измѣна есть?
 Говорить злодѣи Малюта сынъ Скурлатовичъ:

„Гдѣ съ тобой мы улицею ѣхали,
 Грѣшничковъ все били-вѣшали,
 А гдѣ ѣхалъ улицей измѣнщикъ твой,
 Грѣшныхъ онъ не билъ, а миловалъ.
 Ерлычки давалъ имъ потаенные,
 Да велѣлъ виновнымъ укрыватися.“

Какъ воскликнетъ тутъ, возгаркнетъ Грознѣи царь,
 Грознѣи царь Иванъ Васильевичъ:

„У меня ль не стало грозныхъ палачей моихъ?“
 Всѣ князья-бояре испужалися,
 Изъ палаты разбѣжались.

Соходились палачи десятками,
Соходилися и сотнями.

„Гой еси вы, грозны палачи мои!
Сослужите-ка мнѣ службу вѣрную,
Службу вѣрную и неизмѣнную:
Вы берите-ка царевича да за бѣлыя руки,
Распоясайте-ка съ него шелковѣй поясъ,
Скидывайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте платье черное, опальное,
Отведите самого далече во чисто поле,
За ворота Москворѣцкія,
На то озеро зыбучее,
На ту лужу на Поганую, ⁽¹¹⁸⁾
Ко той плахѣ бѣлодубовой,
Да снесите буйну голову!“

Палачи не знаютъ, какъ отвѣтъ держать:
Большіе за малыми хоронятся,
Малыхъ же за большими и не видать давно.
Выступаетъ тутъ Малюта сынъ Скурлатовичъ,
Говоритъ самъ таковыя слова:

„У меня ли не дрогнѣтъ рука
На родѣ на ваши царскіе!“
Взялъ царевича да за бѣлыя руки,
Распоясалъ съ него шелковѣй поясъ,
Скидываетъ платье цвѣтное,
Надѣваетъ платье черное, опальное,
И ведетъ его на озеро зыбучее,
На ту лужу Поганую, кровавую.

По снѣгъ по новымъ, по косящатымъ,
Какъ не красно солнышко катилось по земли—
Проходила-то царица благовѣрная,
Молода Настасьюшка Романовна,
Къ своему ко братцу ко любезному,
Къ молоду Никитушкѣ Романычу: ⁽¹¹⁹⁾

„А и гой еси ты, милый братецъ мой,
Молодой Никита свѣтъ Романовичъ!
Спишь-лежишь ли, опочивъ держишь?
Аль тебѣ Никитѣ мало можется?
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Упадаетъ звѣзда поднебесная,

Угасаетъ свѣча воску яраго—
 Не становится у насъ млада царевича,
 Твоего любима крестничка!“ (120)

Много тутъ Никита не выпрашивалъ,
 Скоро пометался на широкій дворъ,
 Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:

„Эй вы, конюхи мои, приспѣшники!
 Вы ведите наскорѣ добра коня,
 Что несѣдлана, неѹздана.“

Скоро конюхи металися,
 Подводили наскорѣ добра коня.
 Сѣлъ Никита на добра коня,
 Поскакалъ далече во чисто поле,
 За ворота Москворѣцкія,
 Шанкой машеть, головой трясеть,
 Во всю голову кричить-реветъ:

„Вы раздайтесь, люди добрые,
 Не убейтесь, православные:
 За мной дѣло государево!“

Настигаетъ палача онъ во полу-пути,
 Не дошелъ до озера кроваваго;
 По щекѣ его, злодѣя, бьетъ:

„Охъ, Малюта ты Скурлатовичъ, лютой палачъ!
 Не за свойскій кусъ ты принимаешься:
 Этимъ кусомъ ты подавишься,
 Этимъ пойлицемъ поперхнешься!“ (121)

Взялъ царевича тутъ за бѣлыя руки,
 Посадилъ съ собою на добра коня,
 И увезъ въ свое село боярское,
 Во боярское Романовское.
 По утру было ранымъ-ранѣхонько,
 Ото сна встаетъ царь Грозный—пробуждается,
 Сына милаго хватается,
 Млада-зелена царевича.

Вызнавъ дѣло, рвется-мечется;

„Ой вы, слуги мои вѣрные!
 Вы зачѣмъ меня не уняли,
 Попустили дѣло окаянное?

Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:

„Ой ты, батюшка нашъ, Грозный царь,

Охъ, Малота ты Скурлатовичъ лотой пацать!
Не за свойскій кусъ ты принимаешся:

Этимъ кусомъ ты позавишься,
Этимъ пойницею поперхнешься!

Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
 Не посмѣли мы перечить те,
 Убоялись твою гнѣва скорого!“

Отдаетъ тутъ Грозный царь строгій приказъ
 По церквамъ служить молебны частые,
 Заводить печальны звоны колокольные,
 Надѣвать всѣмъ платье черное,
 Собираться во большой соборъ,
 Служить панихиду по царевичѣ.

Вотъ ударили къ заутренѣ;
 У той церкви у соборныя
 Собиралися попы и дьяконы,
 Всѣ причетники церковные,
 Отпѣвать любимаго царевича.

Вотъ идетъ и батюшка нашъ Грозный царь,
 На немъ платье черное нерадошно,
 Во правдѣ рукъ царскѣй костыль;
 Богу молится и поклоняется,
 Самъ горючими слезами заливаётся.

А Никита свѣтъ Романовичъ
 Нарядился въ платье цвѣтное,
 Взялъ съ собою млада царевича
 И поставилъ позади дверей,
 Позади дверей у права крылоса. (122)
 Какъ на шурина тутъ опалается
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Костылемъ пришилъ его въ праву ногу
 Къ половицѣ ко дубовой:

„Ай же ты, любезный шурина мой!
 Что въ глаза мнѣ насмѣхаешься,
 Надо мною наругаешься?
 Аль не свѣдался про горе царское,
 Про кручинушку несносную,
 Что звѣзда упала поднебесная,
 Что свѣча угасла воску яраго?
 У меня послѣ заутрени
 Всѣмъ боярамъ переборъ поидеть,
 А тебѣ ли, шурина, перва петелька!“

Говоритъ Никита свѣтъ Романовичъ:
 „А я, батюшка-царь, все въ отлучкѣ былъ,

Все въ отлучкѣ за охотою,
Ясна сокола поймалъ тебѣ,
Что ни ести лучшаго и ближняго—
Твоего ли сына рѣднаго“.

Поднебесная звѣзда тутъ высокѣ взошла,
Свѣча воску яраго затѣплилась—
Выходилъ царевичъ изъ-за крылоса,
Подходилъ ко государю-батюшкѣ.
Бралъ царевича тутъ за бѣлыя руки
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Цѣловалъ его въ уста сахарныя,
Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:

„Охъ ты гой еси, любезный шурина мой!
Ужъ и какъ мнѣ тебя назвать теперь?
Али дядюшкой, аль батюшкой?
Али будешь ты мнѣ бѣльшій братъ?
Обратилъ мое ты ретивѣ сердце,
Взвеселилъ мою ты буйну голову,
Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!
Еще чѣмъ тебя пожаловать?
Аль тебѣ за то полцарства дать,
Аль безсчетной золотой казны?“

„Гой еси ты, царь Иванъ Васильевичъ!
Ни полцарства мнѣ не надобно, ни золотой казны;
Ты меня пожалуй грамотой Тарханною:
Кто церкву ограбить, мужика убьетъ,
Кто жену у мужа со двора сведеть,
Да уйдетъ въ село боярское
Къ молодцу Никитѣ ко Романовичу—
Не было бъ ни взыску тамъ, ни выемки“. (123)

И пожаловалъ Никитѣ Грозный царь
По той грамотѣ Тарханной
Новое село боярское,
Что теперь село Преображенское,
Тѣмъ понынѣ ли слыветъ оно и дѣвѣку. (124)

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Ермакъ, покоритель Сибири. ⁽¹²⁷⁾

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собиралися казѣки, люди вольные,
Собиралися они, братцы, во единый кругъ,
Гребенскіе и донскіе, и яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ ⁽¹²⁶⁾ Тимоѳеевичъ,
Есауль у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ; ⁽¹²⁷⁾
Стали думать они думушку единую,
Со крѣпкѣ ума, со полна разума.
И возговорить Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ:
„Ужь какъ лѣто-то проходить, лѣто теплое,
А зима-то настаетъ холодная;
Еще гдѣ-то намъ, казѣкамъ, зимовѣть будетъ?
Некорыстна у насъ шутка вѣдь зашучена:
Какъ гуляли мы по морюшку по синему,
Какъ стояли на протокѣ да на Ахтубѣ,
Мы убили вѣдь посланничка персидскаго ⁽¹²⁸⁾
Со солдатами его да со матросами,
Животомъ его всѣмъ покорыстались:
Какъ-то будетъ намъ на то отвѣтствовать?

Намъ на Волгѣ жить—такъ все ворами слыть,
 На Яикъ идти—такъ переходъ великъ,
 Подъ Казань идти—тамъ Грозенъ царь стоитъ,
 Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ;
 У него тамъ силы много множество.
 Мнѣ ли, Ермаку, тамъ быть повѣшену,
 Вамъ ли, казакѣмъ, быть переловленнымъ
 Да по крѣпкимъ тюрьмамъ поразсоженнымъ.
 Мы уйдемте-ка въ Усолъе, ко тѣмъ Строгоновымъ,
 Ко тому Григорью ко Григорьевичу—
 Возьмемъ много свинцу-пороху, запасу хлѣбнаго.
 А какъ вскроется весна-то красная,
 Мы тогда-то, братцы, во походъ пойдемъ,
 Да вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ“.

И ушли они въ Усолъе, ко тѣмъ Строгоновымъ,
 Взяли много свинцу-пороху, запасу хлѣбнаго
 И пошли по Чусовой рѣкѣ,
 Гдѣ бы зиму-зимовати имъ.
 И нашли они на Чусовой рѣкѣ
 Во крутомъ кряжу пещеру каменну;
 Опускалися въ пещеру, убиралися,
 Что немного и немало—триста молодцевъ.
 Хорошо тутъ было зиму-зимовати имъ.

Какъ прошла зима холодная,
 Наставала весна красная,
 Говорить Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ:
 „Намъ пора ужъ, братцы, убиратися,
 Убиратися да во походъ идти,
 Ужъ вы дѣлайте-ка лодочки-коломенки,
 Забирайте кочетѣ еловые,
 Накладайте вѣсельца сосновыя;
 Мы поѣдемъ, братцы, съ Божьей помощью,
 Мы пригрянемъ, братцы, вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
 Перейдемте, братцы, тѣ крутыя кряжи,
 Доберемся до того до царства басурманскаго,
 Завоюемъ царство то Сибирское,
 А царя Кучума во полонъ возьмемъ—
 Тѣмъ вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ.

Понадѣлали тутъ лодочекъ-коломенокъ,
 Вверхъ пригрянули по Чусовой рѣкѣ,

Во Серебряну вошли, до Жаровля дошли,
До той Баранченской перевѣлки,
Забрали тутъ лодочки-коломенки,
На себѣ тащили, да надсѣлися—
На пути ихъ и покинули.

Мало время позамѣшкавши,
Увидали Баранчѹ-рѣку;
Понадѣлали боты сосновые,
Сколотили лодочки-набойницы,
И поплыли внизъ по Баранчѣ-рѣкѣ,
Выплывали на Тагиль рѣку,
У Медвѣдя-камня становилися;
Жили тутъ съ весны до Троицы,
Промыслами рыбными кормилися.
Въ Троицу ли въ путь опять собиралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ,
Выплывали на Турѹ-рѣку,
По Турѣ-рѣкѣ поплыли въ Епанчу-рѣку,
И тутъ жили до Петрова дня.
Еще тутъ ли управлялися:
Понадѣлали людей соломенныхъ
И, нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было-то у Ермака дружины триста мѡлодцевъ,
А ужъ съ тѣми стало больше тысячи.

И поплыли по Тоболь-рѣкѣ.
И приплыли въ юрты Мяденски;
Полонили тутъ князька татарскаго,
Дабы путь казалъ имъ по Тоболь рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ во Тобольскѣихъ
Собирались во единый кругъ,
Стѣли думать думушку единую:
Какъ бы имъ приплыть къ той горѣ Тобольскойей?
Верхнимъ устьемъ самъ Ермакъ пошелъ,
Нижнимъ устьемъ ли Асташка сынъ Лаврентьевичъ.
Выплывалъ Асташка на Иртышъ-рѣку,
Подъ ту саму гору подъ Тобольскую.
Загорѣлся тутъ у нихъ великій бой
Со татарами со Котовскими.
Бьютъ татары въ нихъ съ той крутой горы,
Стрѣлы какъ бы частый дождь летять,

А казѣкамъ взять ихъ нѣ можно.
 Бились день съ утра до вечера;
 Прѣбили татаръ казѣки не малѣ число,
 А татары смотрятъ да дивуются,
 Каковы-то русски люди крѣпкіе,
 Что убить-то не одинаго не могутъ ихъ:
 Каленѣхъ стрѣль въ нихъ какъ въ снопики⁽¹²⁹⁾ налѣплено,
 А казѣки всѣ живѣ стоятъ.

Въ тѣ поры Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ
 Выходилъ лукою Соуксанскою
 Во рѣкѣ Сибирку, до устьѣ дошелъ,
 Полонилъ Кучумъ-царя татарскаго;
 Перваго князька-то полонѣненаго
 Отпустилъ къ татарамъ Котовскимъ,
 Чтобы въ дракѣ съ казаками помирился:

„Ужъ де вашего царя въ полднѣ взяли
 Атаманомъ Ермакомъ да Тимоѣевымъ“.

То услышавши, татары сократилися,
 И пошли къ нему, ко Ермаку, съ подарками,
 Понесли кунѣицъ и соболей сибирскѣихъ;
 Принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи,
 А на мѣсто ихъ Кучумъ-царя
 Собанѣка утвердилъ татарина.
 А и жилъ тамъ съ Покрова Ермакъ
 До Николина дня зимняго.

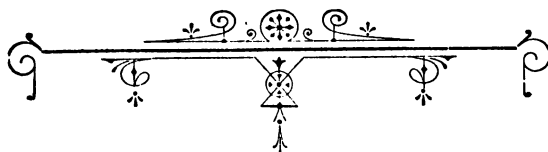
Шилъ тутъ шубы соболинныя,
 Нахтармами вмѣстѣ, теплымъ мѣхомъ вверхъ;
 Шилъ и шапки кунѣи на тотъ же ладъ.

Поубравшись со своими со казѣками,
 Отѣзжалъ Ермакъ во каменнѣ Москву,
 Къ Грозному царю съ повинною.
 Слѣзъ съ коня тутъ и пѣшкомъ идетъ,
 Потихохоньку и почастѣхоньку,
 За собою всю силѣ ведетъ;
 Подходилъ къ палатамъ царскѣимъ,
 Ко тому крылечку красному.
 Было жъ то о самомъ о Христовомъ днѣ,
 Изволилъ царь идти съ заутрени.
 На колѣни палъ Ермакъ тутъ предъ Грознымъ царемъ,
 Говорилъ самъ таковы слова:

„Ой ты гой еси, надёжа православный царь!
 Не вели меня казнити, вели рѣчь держать.
 Я пришелъ къ тебѣ, Ермакъ, съ повинною,
 Мы, казаки, вѣдь шаталися-моталися
 По чисту полю и по синю морю,
 По синю морю Хвалынскому,
 Разбивали бусы-корабли,
 Бусы-корабли все неорлѣные;
 Да годилось на протокѣ томъ на Ахтубѣ
 Мимо насъ идти послу персидскому
 Со солдатами и со матросами,
 И хотѣли отъ казаковъ поживитися,
 И напали на казаковъ своей волею;
 Только имъ казаки спуску не дали.
 И посла персидскаго устукали
 Со солдатами его и со матросами.
 А теперича, надёжа православный царь,
 Приношу тебѣ повинную головушку,
 Съ головой въ гостинець—царство да Сибирское“.

И возгворить надёжа православный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

„Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоеевичъ,
 Ты лихой казацкій атаманушка!
 За твою за службу вѣрную
 Я тебѣ прощаю всѣ вины твои,
 А и жалую тебѣ я славный тихій Донъ“ . (130)

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царевичъ Димитрій и Борисъ Годуновъ.

Что не вихрь крутить по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То орель летить по поднебесью;
Зорко смотритъ онъ на Москву-рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея на зелѣные,
На золотой дворець стольна города.
Не люта змѣя воздывался—
Воздывался собака булатный ножъ;
Упаль ни на воду, ни на землю,
Упаль царевичу на бѣлу грудь,
Тому ли царевичу Димитрію:
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищѣ,
На Углищѣ на игрищѣ!
Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой
Коршунъ свиль гнѣздо съ коршунятами,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царить же, злодѣй, ровно семь годовъ.
Что не вихрь крутить по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То идетъ ли Божій гнѣвъ за святую Русь:
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

Гришна Отрепьевъ и Марина Мнишекъ.

Ты, Боже мой, Боже, Спасъ милостивый,
Владыко царю Вседержителю!
За что на насъ, Господь Богъ, прогнѣвался,
Спустилъ на насъ великъ-тяжкій грѣхъ,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Вора Гришку-Разстрижку Отрепьева?
Назвался воръ-собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
Прельстилъ воръ-собака три земли:
Первѣго прельстилъ—короля въ Литвѣ,
Другаго прельстилъ—землю Польскую,
Третье—сильно царство Московское.
Не успѣлъ воръ-собака воцариться,
Похотѣлъ воръ-собака жениться:
Не у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ на Руси, въ каменной Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятой Литвѣ,
У Юрья панѣ Стредомірскаго,
Меньшую дочь его душеньку,
Душеньку Маринку дочь Юрьевну.
На вешній праздникъ въ Миколинъ день
Въ четвергъ у Разстрижки свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.

Стали бѣговѣстити ко заутренѣ
 У святого Михаила Архангела,
 Гдѣ кладутся цари бѣговѣрные,
 Бѣговѣрные, бѣгочестивые;
 Бояре идутъ ко заутренѣ,
 Ко святому Михайлу Архангелу,
 А Гришка-Разстрижка съ Маринкою
 Заводитъ законъ по-своему:
 Идетъ онъ во мыльню-баенку,
 Маринка—во умываленку;
 Бояре Богу молятся,
 А онъ во мыльнѣ моется,
 Маринка—во умываленкѣ;
 Бояре пошли отъ заутрени,
 А Гришка-Разстрижка со мыльни идетъ,
 Маринка—со чистой умываленки;
 На немъ тулупъ восемьсотъ рублей,
 На ней саянъ въ цѣлу тысячу.

Идетъ у Ивана Великаго,
 Вскричитъ тутъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня звонарики?
 Звоните въ наибольшій колоколь,
 Для-ради гостя дальняго,
 Гостя дальняго, тестя любимаго“.

Выходитъ на крылечко красное,
 Вскричитъ онъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня пушкарики?
 Свезите снарядъ-пушки за городъ,
 За тѣ ли ворота Серпуховскія:
 Завтра у меня пѣръ будетъ
 Для-ради тестя любимаго“.

Вышелъ на крылечко на заднее,
 Вскричитъ, вопитъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня пѣвары,
 Мои батюшковы приспѣшнички?
 Варите ѣству скоромную,
 Варите другую—постную,
 Скоромну ѣству—гуси-лебеди,
 А постну ѣству—рыбу бѣлую:
 Завтра у меня пѣръ будетъ

Для-ради тестя любимаго,
Про Юрья панѣ Стредомірскаго“.
Скромну ѣству самъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ;
Честныя иконы подъ себя стелеть,
А чудны кресты подъ пятѣ кладеть.

Въ тѣ поры бояре домышлялися,
И думные дѣяки догадалися,
Въ Боголюбовъ монастырь пометалися
Ко царицѣ Марѣѣ Матвѣевнѣ: ⁽¹³¹⁾

„Ай же ты, свѣтъ наша матушка,
Царица Марѣя Матвѣевна!
Прямой ли царь на царствѣ сидить,
Твое дитя порожденное,
Царевичъ Димитрій Ивановичъ?
Все-то дѣлаеть не по-царскому:
Скромну ѣству самъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ;
Честныя иконы подъ себя стелеть,
А чудны кресты подъ пятѣ кладеть“.

Царица Марѣя Матвѣевна
Заплакала горючѣмъ слезѣми,
Сама говоритъ таковыя рѣчи:
„Глушы вы бояре, недогадливы!
Вѣстимо Богу и всей землѣ,
Потеряно дитя мое любимое,
Царевичъ Димитрій Ивановичъ
На Угличѣ отъ бояръ Годуновыхихъ.
Его мощи лежать въ каменнѣй Москвѣ

У святого Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрныя,
Благовѣрныя, благочестивыя;
У того ли у Ивана Великаго
Завсегда звонять во царь-колоколь,
Соборны попы собираются,
Панихиды совершаютъ во праздники
За память младого царевича,
Царевича Димитрія Ивановича.
А это—Гришка Отрепьевъ сынъ,
Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,

Заростилъ себѣ крестъ во бѣлѣхъ груди
 И назвался, собака, прямымъ царемъ,
 Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
 Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
 Пріѣзжаетъ ко мнѣ со угрозою,
 Привозитъ нагодѣ саблю острую,
 Велитъ называть своимъ сыномъ,
 Княземъ Димитріемъ царевичемъ Углицкимъ“.

Какъ тутъ бояре догадалися,
 И думные дѣяки домышлялися,
 Выбирали себѣ дѣяка думнаго
 Того ли Петрушку Басманинова,
 Посылаютъ въ палаты во царскія,
 Велятъ говорить не съ упадкою:

„А ты помнишь ли, Гришка, памятуешь ли,
 Въстѣ грамотѣ съ тобой мы училися
 Во томъ монастырѣ во Чудовѣ?
 Ты, Гришка, былъ чернымъ дѣякономъ,
 А я былъ на крылосѣ псаломщикомъ?“

Какъ тутъ Гришка-Разстрижка Отрепьевъ сынъ
 Заглянулъ въ окно косяцато:
 Обступила сила кругомъ вокругъ,
 Несмѣтная сила со копьями.
 Беретъ онъ книжку волшебную,
 Волхвуетъ Гришка Отрепьевъ сынъ,
 Думаетъ умомъ своимъ царскимъ:
 „Подѣлаю крыльица дѣвольски,
 Улечу теперъ я дьяволомъ.“

Не поспѣлъ Гришка сдѣлать крыльицевъ—
 Навалила вся сила несмѣтная,
 Несмѣтная сила со копьями.
 Видитъ Гришка бѣду неминучую,
 Скоро скочить въ окошко косяцато—
 Да о каменя убилъ до смерти.
 Только-то Гришка царемъ бывалъ,
 Только-то Гришка и царствовалъ.
 А та душенька Маринка дочь Юрьевна
 Обернулась изъ окошка сорокою—
 Только-то Маринку и видѣли.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

Смерть Стеньки Разина.

Вы, лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные!
Вы, кусты ль мои, кусточки, кусты частые!
Вы, станы ль мои, станочки, станы теплые!
Какъ и всѣ мои лѣсочки-то порублены,
Какъ и всѣ мои кусточки-то повыжжены,
Какъ и всѣ мои станочки пораздраны,
Какъ и всѣ мои товарищи половлены,
По злодѣйкамъ крѣпкимъ тюрьмамъ поразсожены,
Рѣзвы ноженьки во кандалахъ заклѣпаны,
У воротъ стоять все грозны сторожи,
Грозны сторожи, все бравые солдатушки:
Никуда-то добрымъ мѣлодцамъ нѣтъ выпуску,
Нѣтъ ни выпуску, ни ходу изъ крѣпкой тюрьмы.
Только я ли, добрый мѣлодецъ, не пойманъ былъ,
По прозванью меня звали Стенька Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ вѣдь и не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.

Какъ пошелъ тутъ ко синю морю,
Ко синю морю да по Дунай-рѣкѣ,
У Дунай-рѣки ли перевозъ кричалъ:

„Отвезите-ка меня вы, добра мѣлодца,
На ту сторону, на бѣлый камешекъ!“

Сталъ на бѣломъ камешкѣ кончатися,
При кончинушкѣ ли сталъ наказывать,

Сталь наказывать и выговаривать:

„Ахъ вы, милые да сотоварищи!
 Вы возьмите-ка свой тѹгой лукъ,
 Натяните каленѹ стрѣлу,
 Прострѣлите мою бѣлу грудь!
 Схороните меня промежъ трехъ дорогъ:
 Промежъ Муромской, Владимірской и Кіевской.
 Въ праву руку дайте саблю острую,
 Въ лѣву руку—каленѹ стрѣлу,
 Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
 Во ногахъ поставьте воронѹ коня.
 Кто ни идетъ, ни ѣдетъ мимо мѹлодца,
 Всякъ поклонится кресту, помолится:
 Что не воръ лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
 А лежитъ тутъ Стенька Разинъ сынъ!—“

Приходили сотоварищи,
 Помолились на чуденъ-дивенъ крестъ,
 Тому братцы сдивовѹлись,
 Стенькѣ Разину всѣ поклонялися:
 „Ужъ ты встанъ-ка, сотоварищъ нашъ,
 Ты возьми-ка въ руки саблю острую,
 Въ лѣву руку каленѹ стрѣлу,
 Ты ударь-ка буйной палицей
 По бедрамъ по нашимъ по широкімъ,
 Что не выручили со бѣла камня,
 Со бѣла камня да со Дунай рѣки,
 Со Дунай-рѣки широконой!“

Погрузили Стеньку Разина
 Сотоварищи тутъ во Дунай рѣку;
 Со Дунай рѣки ли на Амуръ пошли;
 У Амуръ рѣки крутѹ гора,
 Что крутѹ гора высокая;
 На горѣ той распрощалися,
 Всѣ другъ другу поклонялися:

„Ужъ мы, братцы, разойдемтесь-ка,
 Разойдемтесь по дикімъ мѣстамъ!“

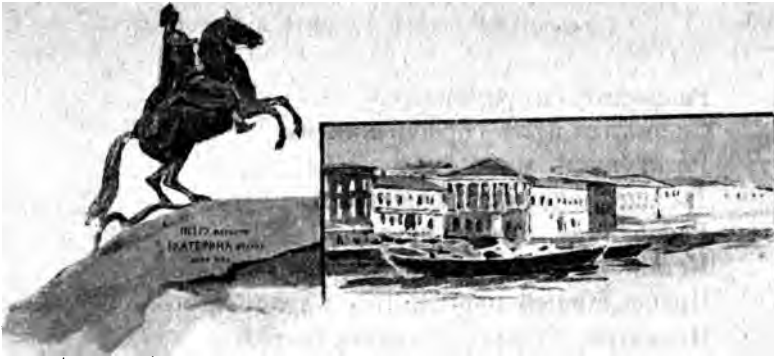
БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

А з о в ъ. ⁽¹³²⁾

О хъ вы, бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Еще съ вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлѣ свѣту солдаты во строю стоятъ,
Во строю стоятъ, да по ружью держатъ.
Какъ не золотая трубонька вострубила,
Не серебряна саповочка возыграла,
Какъ возгворить самъ батюшка нашъ православный царь:
„Ой вы гой еси, князья да бѣяре!
Вы придумайте мнѣ думу-думушку:
Еще какъ-то взяти намъ Азовъ городъ?“
Промолчали князья-бѣяре,
Прослезился самъ нашъ батюшка.
„Ой вы гой еси, мои солдатушки!
Вы придумайте мнѣ думу крѣпкую:
Еще какъ-то взяти намъ Азовъ городъ?“
Какъ не яры пчѣлушки шумять-гудять—
Какъ возговорять въ отвѣтъ солдатушки:
„Взять ли намъ, не взять ли—бѣлой грудію!“
На восходѣ было красна солнышка,
На закатѣ было свѣтла мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ шли

Подъ тотъ славный подь. Азовъ городъ,
 Подъ тѣ стѣны бѣлокаменны,
 Да подъ тѣ раскаты подъ высокіе.
 Не съ крутыхъ горъ камни покатилися—
 Покатилися со стѣнъ татаровья;
 Не бѣлы снѣги и въ полѣ забѣлилися—
 Забѣлилися груди басурманскія:
 Да не съ дождичка ручьи вокругъ разливалися—
 Разливалася кровь поганая.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

Плачь войска по Петрѣ. (133)

Ахъ ты, батюшка свѣтѣль мѣсяць!
Что ты свѣтишь не по-старому,
Не по-старому и не попржнему,
Не во всю землю святорусскую,
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?

Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловекомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ;
Призобилъ онъ рѣзвы ноженъки
Что по самы сапоженъки,
Бѣлы рученьки по самы костыньки.
Стоячй, онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, что рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи шумять,
Самъ штыкомъ-то бьетъ объ мать сырѹ землю:
„Подымитесь, вѣтры буйныя,

Разнесите снѣги бѣлые,
Своротите бѣль-горючъ камены!
Разступися, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнися, золотà парча!
Встань-проснися, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣвичъ!
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
Что на гвардію да на всю армію.
Всѣ полки ужъ во строю стоятъ,
Всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
Капитаны передъ ротами,
Офицеры передъ взводами,
А и прапорщики подъ знамѣнами:
Дожидають они полковничка,
Что полковничка Преображенскаго,
Капитана бомбардирскаго“.

БЫЛИНЫ БЕЗЪИМЯННЫЯ.

О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ. (184)

Отломилася вѣточка
Отъ кудряваго дѣревца,
Откатилося яблочко
Отъ садовой отъ яблоньки:
Отъѣзжалъ добрый молодецъ
Отъ родимой отъ матери
Въ чужедальную сторону
За рѣку за Смородину.

Подъѣзжалъ добрый молодецъ
Ко рѣкѣ ко Смородинѣ,
Понизенько ей кланялся,
Молвилъ ласковымъ голосомъ:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
Быстра рѣчка Смородинка!
Широкимъ то широкая,
Глубокимъ да глубокая!
Ты скажи-ка мнѣ, рѣченька,
Есть ли гдѣ на тебѣ, рѣкѣ,
Переброды конинные,
Переходы да частые?“

И провѣщитъ рѣченька,
Отвѣчаетъ Смородинка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:

„Гой еси, добрый молодецъ!
Есть на мнѣ, на быстрой рѣкѣ,

Переброды конины,
 Переходы да частые;
 Есть на мнѣ, на рѣкѣ, еще
 Два мосточка калиновыхъ,
 Да отсель-то далече,
 Далекѡ во чистѡмъ полѣ“.

И возговорить молодець:

„Гой еси, мать быстра рѣка!
 А и что же ты, рѣченька,
 Съ перевозу возьмешь съ меня?“

Отвѣчаетъ быстра рѣка
 Душой красною дѣвицей:

„Я скажу тебѣ, молодець,
 Чтѡ беру съ перевозу съ васъ:
 Съ переброду конинаго—
 По сѣдельцу черкасскому,
 Съ переходу со чистаго—
 По коню по наступчату,
 Со мосточку со калинова—
 По удалому молодцу.
 Но тебя, добрый молодець,
 За слова твои ласковы,
 За поклоны за низкіе,
 Я и такъ, безъ всего пушу“.

Переѣхавши, молодець
 Сталъ своимъ глупымъ разумомъ
 Предъ рѣкой похвалятися,
 Надъ рѣкой насмѣхатися:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
 Быстра рѣчка Смородинка!
 А и какъ тебя славили,
 Говорили: быстра, грозна,
 Широкимъ-то широкая,
 Глубокимъ-то глубокая;
 Не пройти рѣку пѣшему,
 Не проѣхати конному.
 А теперь рѣка славная
 Хуже всякаго озера—
 Чтѡ болото стоячее,
 Будто лужа дождѣвая“.

И кричитъ въ сугонь молодцу
Быстра рѣчка Смородинка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:

„Воротись, добрый молодець,
За меня, за быстрѹ рѣку,
Позабылъ ты за мной, рѣкой,
Двухъ надѣйныхъ товарищей:
Позабылъ два остра ножа,
Два ножа да булатные—
На чужой сторонѣ тебѣ
Оборона великая“.

Воротился тутъ молодець
За ножами булатными—
За рѣкѹ за Смородину
Ни пройти, ни проѣхати.
Не нашель добрый молодець
Переброду конинаго,
Переходу да частаго,
Ни мосточку калинова,
Заѣзжалъ прямо молодець
Во глубокиѣ омуты.
Какъ на перву ступень ступилъ—
Конь увязнулъ по черево,
На другую ступень ступилъ—
По сѣдельце черкасское,
А на третью ступень ступилъ—
Уже гривы не видѣти...

Утонулъ добрый молодець
Во рѣкѣ въ Смородинѣ,
Выплывалъ его добрый конь
Ко крутому ко берегу,
Прибѣгалъ его добрый конь
Ко родной его матери.
Увидала родимая—
Залилась горячьми слезми,
Шла къ рѣкѣ ко Смородинѣ,
Говорила быстрѹй рѣкѣ:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
Быстра рѣчка Смородинка!

Потопила ты сына мнѣ,
Мила сына, одинаго“.

И провѣщится рѣченька,
Отвѣчаетъ быстра рѣка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:

„Ай же ты, баба старая,
Стара баба, матѣрая!
Потопила не я его—
Похвальба молодецкая“.

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Татарскій полонъ. (135)

У колодеза у холоднаго,
Что у ключика у гремучаго,
Красна дѣвушка воду черпала.
Какъ наѣхали злы татаровья,
Полонили красну дѣвушку,
Полоня, ее замужъ выдѣли
За младого за татарченка.

И прошло тому ровно трѣ года,
Полонили они старую женщину.
Не шумъ шумить, не громъ гремитъ—
Злой татарченокъ полднѣ дѣлится:
Теща зятюшкѣ досталася.

Онъ привезъ ее на дикую степь,
На дикую степь къ молодой женѣ:
„Еще вотъ тебѣ, молодѣ жена,
Вѣковѣчная работница,
Нашимъ дѣткамъ нянька-мамушка.
Ты заставь ее дѣлать трѣ дѣла:
Перво дѣло-то—кудельку прясть,
Друго дѣло-то—гусей пасти,
Третье дѣло-то—дитю качать“.

Стала дѣлать теща трѣ дѣла:
 Руками-то кудельку прясть,
 Глазами-то гусей пасти,
 Ногами-то дитю качать,
 Дитю качать, прибаюкивать:
 „Ты баю-баю, мое дитятко,
 Ты люлю-люлю, мое милое!
 Ужъ какъ бить тебя—мнѣ грѣхъ будетъ,
 Какъ бранить тебя—мнѣ жаль будетъ,
 А родней назвать—той вѣры нѣтъ.
 Ты по батюшкѣ—злой татарченокъ,
 А по матушкѣ—милъ внучёночекъ“ .

Какъ стучить-бренчить, по сѣнямъ бѣжить,
 По сѣнямъ бѣжить дочь родная,
 Къ ней упала во рѣзвѣ ноги:

„Охъ ты, матушка сударыня!
 Чтò давно ты мнѣ не скажешься?
 Брось кудель-то прясть—дай спутаться;
 Брось гусей пасти—дай орламъ таскать;
 Брось дитю качать—дай наплакаться.
 Ты снимай-ка шубу кожурѣную,
 Надѣвай-ка шубу соболиную;
 Ты бери себѣ золотой казны,
 Золотой казны сколько надобно.
 Ты ступай на конюшню мужнюю,
 Выбирай себѣ коня лучшаго,
 Поѣзжай назадъ на святую Русь,
 На святую Русь, на волю вольную“ .

„Ты дитя ли мое, дитя милое!
 Не сниму я шубу кожурѣную,
 Не возьму себѣ золотой казны,
 Не поѣду на святую Русь:
 Какъ связала съ тобой неволюшка—
 И во-вѣкъ я съ тобой не разстануся!“

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

О Горюшкѣ. (138)

Отчего ты, Горе, зародилося?
Зародилося ты, Горе, отъ сырой земли,
Изъ-подъ камешка да изъ-подъ сѣраго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова.
Во лаптишечки ты, Горе, пообулося,
Въ рогозйночки ты, Горе, понадѣлося,
Понадѣлося, лычинкой подпоясалось,—
Приставало Горе къ добру мѡлодцу.

Видитъ молодець: отъ Гора дѣться некуда,—
Молодець отъ Гора во чисто поле,
Во чисто поле да сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ ужъ Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ и тенетѣ несеть,
Тенетѣ несеть шелкѡвыя:

„Ужъ ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодець!“
Видитъ молодець: отъ Гора дѣться некуда,—
Молодець отъ Гора во быстру рѣку,
Во быстру рѣку да рыбой-щукою.
А за нимъ ужъ Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ и неводѣ несеть,
Неводѣ несеть шелкѡвыя:

„Ужъ ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодець!“
Видитъ молодець: отъ Гора дѣться некуда,—

Молодецъ отъ горя во огнёвущку,
 Во огнёвущку да во постелюшку.
 А за нимъ ужъ Горé вслѣдъ идетъ,
 Вслѣдъ идетъ да во ногахъ сидитъ:

„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“

Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуда, —
 Молодецъ отъ Горя въ гробовы доски,
 Въ гробовы доски да во могилушку,
 Во могилушку да во сырѹ землю.
 А за нимъ ужъ Горе вслѣдъ идетъ,
 Вслѣдъ идетъ да со лопаткою,
 Со лопаткою да со тельжкою:

„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“

Только добрый молодецъ и живѹ бывальъ:
 Позарыло Горе во могилушку,
 Во могилушку, во мать сырѹ землю,
 Тутъ ли молодцу вѣдъ и славу поютъ.

Молодецъ отъ Гора въ гробовы доски.
Въ гробовы доски да во могилушку,

Во могилушку да во сыру землю.
А за нимъ ужъ Горе встѣдъ идетъ...

_____

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ

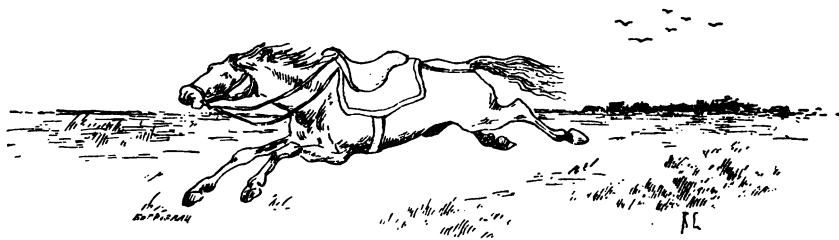
„Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ море...“

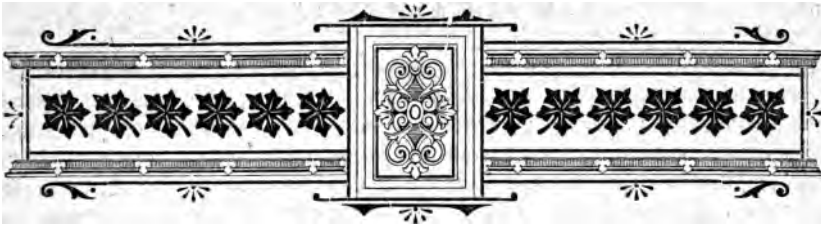
Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ море,
А злодѣй-тоска въ ретивѣ сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Да не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ—
Курятся огонѣчекъ малѣшенекъ.
Посланъ возлѣ огонѣчка шелковѣй коверъ,
А на коврикѣ лежитъ добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь горячую.
Подлѣ молодца стоитъ его добрый конь;
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сырѣ землю,
Будто слово хочетъ вымолвить хозяину:

„Ты вставай, вставай-ка, добрый молодецъ!
Ты садись-ка на меня, своего слугу,
Отвезу я тебя на святую Русь,
Къ отцу-матери, къ роду-племени,
Къ роду племени, къ молодой ‘женѣ!“

Какъ вздохнетъ тутъ добрый молодецъ—
Подымалась у удалаго крѣпка грудь,
Опустились у него руки бѣлыя,
Растворилась его рана смертная,
Пролилась ручьемъ кровь горячая,
И промолвилъ добрый молодецъ своему коню:

„Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты бѣги-ка, мой конь, на святую Русь,
Отцу-матери скажи челобитьице,
Роду-племени скажи по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажи волюшку:
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое:
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать каленà стрѣла.
Да еще ли одинъ скажи поклонъ:
Малымъ дѣтушкамъ благословеньице.
Мнѣ не столько жаль вѣдь роду-племени,
И не столько жаль молодой жены,
Сколько жаль моихъ малыхъ дѣтушекъ:
Остались дѣтушки малѣшеньки,
Малѣшеньки дѣтушки, глупѣшеньки,
Натерпятся холода и голода!“

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ БЫЛИНАМЪ.

1. (Стран. 3). „Леванидовъ чудный крестъ“ есть крестъ, взятый Владиміромъ Святѣмъ изъ Корсуня (греческаго Херсонеса въ Крыму), послѣ принятія тамъ св. крещенія, и водруженный потомъ въ Кіевѣ на лугахъ, получившихъ отъ креста названіе „луговъ Леванидовыхъ“. Самый крестъ названъ Леванидовымъ, вѣроятно, по епископу Левонтію. У креста Леванидова обыкновенно „братаются“ богатыри, и отъ него же начинаются ихъ богатырскія поѣздки. Затѣмъ онъ оказывается вообще повсюду, гдѣ начинается какое-нибудь знаменательное дѣйствіе, какъ въ данномъ случаѣ—у истока Волги.

2. (Стран. 3). „Бѣлый горючій камень Латырь“ (отъ греческаго электронъ), „Латырь-камень“, бѣлый горючій камень или просто „горючій камень“ есть янтарь, который, обладая, по повѣрью народному, большими цѣлебными и вообще чародѣйными свойствами, служить, какъ крестъ Леванидовъ, но еще чаще его, мѣстомъ отправленія богатырей на разнаго рода подвиги, и лежитъ обыкновенно на перекресткахъ трехъ дорогъ. Балтійское море, побережье котораго особенно изобилуетъ янтаремъ, называется по немъ Латырь-моремъ:

„Ахъ, Латырь-море всѣмъ морямъ отецъ,
А Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ“.

(Изъ „Голубиной Книги“.)

Впрочемъ, янтарь, какъ показали недавнія раскопки, встрѣчается и около Кіева, на правомъ берегу Днѣпра, иногда кусками до двухъ фунтовъ вѣсомъ.

3. (Стран. 4). Слово „богатырь“ нѣкоторыми учеными производится отъ слова Богъ, въ виду того, что богатыри, по представленію народному,—существа съ высшими божественными качествами, полубоги. По мнѣнію другихъ, оно выработалось изъ древняго буйтуръ (прозвище, между прочимъ, князя Всеволода Святославича въ „Словѣ о полку Игоревѣ“), составленнаго изъ словъ буй (дикій) и туръ (зубрь, волъ). Полубогами-титанами по преимуще-

Санталъ“ съ царицей „Пантоловной“. Походъ Вольгѣ съ его дружиной въ „индейское“ (или турецкое) царство есть, вѣроятно, набѣгъ Олега на Царь-градъ въ 906 году.

8. (Стран. 13). Ближайшіе приближенные князя Владиміра — „князья-бояре“ не играютъ въ былинахъ почти никакой роли, какъ въ драмѣ „лица безъ рѣчей“. Изъ дѣтей боярскихъ—„боярченковъ“—набирается придворный штатъ князя: „стольники“, „чашники“, „кравчіе“ и т. д., въ число которыхъ поступаютъ, впрочемъ, и богатыри, какъ, напр., Добрыня Никичичъ (по происхожденію своему бояринъ) и Чурила Плёнковичъ. Изъ князей и бояръ въ былинахъ называются поименно только Блудъ (у Нестора подъ 980 годомъ), Часъ, Путята (отецъ Забавы Путятичны, племянницы Владиміра) и Бермята Васильевичъ, иначе Пермята, Перминъ или Пермилъ (происхожденіемъ, вѣроятно, изъ Перми). Послѣдній съ прозвищемъ „старый“, служитъ князю, такъ сказать, ходячимъ архивомъ, дающимъ во всякое время необходимые справки о предметахъ, никому другому неизвѣстныхъ.

9. (Стран. 14). Всѣ чужія страны на востокъ отъ Кіева называются обыкновенно „ордами“, а на западъ „землями“ или „Литвами“. Въ ордахъ царствуютъ „цари“ съ „царевичами“ и „царевнами“, въ земляхъ и Литвахъ „короли“ съ „королевичами“ и „королевнами“ („королевичнами“).

10. (Стран. 14). Былевая Апраксія (Евпраксія) королевична есть, по всему вѣроятію, лѣтописная Рогнѣда, дочь половецкаго князя Рогволода, отказавшаяся сначала отъ замужества съ княземъ Владиміромъ, но вышедшая потомъ за него, по убіеніи отца ея Рогволода.

11. (Стран. 15). Дунай Ивановичъ относится нѣкоторыми къ числу „старшихъ“ богатырей (см. прим. 3), такъ какъ обратившись, умирая, въ старшую рѣку славянъ Дунай, онъ какъ бы возвращаетъ природѣ ея стихійную силу и самъ дѣлается олицетвореніемъ всѣхъ рѣкъ вообще, такъ что съ теченіемъ времени въ устахъ народа обратился даже въ нарицательное имя: „за рѣками за дунаями“. Прозвище „тихий“, принадлежащее рѣкѣ Дунаю у всѣхъ славянъ, присвоено въ былинахъ и богатырю Дунаю Ивановичу.

12. (Стр. 25). Въ нѣкоторыхъ пересказахъ этой былины, вмѣсто „Дуная Ивановича“ и Настасьи королевичны“, поставлены „Донъ Ивановичъ“ и Нѣпра (Днѣпра, Днѣпръ) королевична“.

13. (Стран. 30). Былина объ „Алешѣ Поповичѣ“ въ основныхъ своихъ чертахъ представляетъ много общаго съ былиною объ „Ильѣ Муромцѣ и Идблицѣ“: тамъ и здѣсь русскій богатырь, готовяся на бой съ чудовищемъ-врагомъ, маскируется калікой переохме, чтобы не быть узаннымъ; тамъ и здѣсь роковое столкновение вызывается обжорствомъ чудовища, при чемъ и самое глумленіе русскаго богатыря надъ „обжорищемъ“ выражается въ одномъ и томъ же наивно-остроумномъ сравненіи (съ собакой и коровой, „треснувшими“ отъ обжорства). Съ другой стороны, всѣ мелкія по-

дробности этих былин и все приемы каждого из двух богатырей: лукавого Алеши и прямодушно-грубого Ильи, настолько различны и соответствуют характерам того и другого, что не остаются никакого сомнения в самостоятельности обоих рассказов. Остается принять, что в них описываются два отдѣльных, но весьма схожих события, бессознательно вылитых народным творчеством, по их тождественности, в одну и ту же поэтическую форму. Все мнѣнія наших ученых сходятся на томъ, что в убіеніи Ильею великаго и страшнаго Идолица слѣдуетъ видѣть уничтоженіе при Владимірѣ идолопоклонства на Руси. Сравнивая, съ этой точки зрѣнія, былинку объ „Алешѣ Поповичѣ“ съ былинкою объ „Ильѣ и Идѣлицѣ“, мы не могли не остановиться на мысли, что и въ первой изъ нихъ врагомъ русскаго богатыря является языческій идолъ: первоначальныя попытки введенія въ языческую Русь христіанства весьма естественно должны были исходить отъ христіанскаго духовенства, нашедшаго къ намъ доступъ еще при Св. Ольгѣ, принявшей христіанство; и вотъ миссія изверженія идоловъ возлагается въ былевомъ эпосѣ прежде всего на богатыря изъ „богомольной стороны“—города Ростова, на сына стараго попа соборнаго (вѣроятно епископа) Леонтія—Алешу Поповича. Первый бой его съ идоломъ происходитъ еще по пути къ стольному Кіеву, при чемъ, какъбы для зачуранія себя отъ нечистой силы, онъ заимствуетъ у богомольнаго странника его посохъ и весь каличій нарядъ. Преодоливъ врага посредствомъ уловки и отрубивъ ему голову, богатырь прѣзжаетъ въ Кіевъ. Но здѣсь идолопоклонство еще въ силѣ, и только что пораженнаго идола торжественно воздвигаютъ вновь и чествуютъ обильными жертвами: онъ съѣдаетъ по цѣлой ковригѣ „монастырской“, проглатываетъ за разъ бѣлую лебедь, „охлѣстываетъ“ духомъ чары зеленá вина въ полтора ведра. Алеша Поповичъ, насмѣявшись надъ чудовищемъ, вызываетъ его на новый бой: весь дворъ княжескій, весь народъ и даже зѣзжіе кушцы держатъ поруки за идола; одинъ владыка черниговскій ручается за торжество христіанства. И въ этотъ разъ, благодаря своей хитрости, Алешѣ удается справиться съ сильнымъ врагомъ. Но окончательно уничтожить „Идѣлице“ со всей его „силой невѣрной“ суждено только богатырю-крестьянину Ильѣ Муромцу.

14. (Стран. 30). Алешѣ Поповичу, подобно Добрынь, хотя и нѣсколько рѣже, присваивается прозвище „младъ“. Онъ изъ всѣхъ богатырей наименѣе любимъ народомъ, что высказывается какъ въ изображеніи, съ видимымъ удовольствіемъ и обстоятельностью, комическихъ положеній въ его жизни и къ презрительной кличкѣ „Алешка“, такъ и въ томъ, что единственная былина, которой онъ является героемъ—настоящая былина о борьбѣ его съ Тугариномъ Змѣвичемъ—имѣется вполнѣ лишь въ одномъ переказѣ (у Кырши Данилова); память народная, точно нарочно, утратила воспоминаніе о главномъ подвигѣ этого несимпатичнаго богатыря. Наши современные собиратели успѣли разыскать только три отрывка этой быliny.

15. (Стран. 31). Каликами переходжами, одними изъ древнихъ пѣвцовъ былинъ, внесено въ былины много именъ изъ священнаго писанія. Такъ „Сафать-рѣка“ получила свое названіе отъ ветхозавѣтной долины Иосафата. Въ настоящей былинѣ, воспѣвающей, какъ сказано, первое торжество христіанства надъ язычествомъ, перенесеніе дѣйствія на библейскую почву очень естественно.

16. (Стран. 32). „Калики переходжіе“ по своему названію хотя и близки къ нищимъ-калѣкамъ нашего времени, но общаго съ ними имѣютъ только хожденіе съ мѣста на мѣсто и прошеніе милостыни. Они, въ своемъ родѣ, также богатыри, но, подобно богатырямъ „старшимъ“, богатыри кочевой, до-владимірской эпохи: шуба на нихъ соболиная, лапти семи шелковъ, шитые серебромъ и золотомъ, сумка рытаго бархату; гуня въ тридцать пудъ, шляпа въ девять пудъ, посохъ въ сорокъ пудъ; подъ шагами ихъ мать-земля подгибается; а „зычный“ голосъ ихъ дѣйствуетъ пуще грома небснаго:

„Ставоулиса калики во единый кругъ,
Клюки-посохи въ сырѹ землю потыкали,
Сумочки на посохи навѣсили,
Сумочки-то рыта бархату,
Попросили милостыньки золотой гривны,
Отъ тѣхъ покриковъ отъ богатырскихъ
Да отъ голосовъ отъ молодецкихъ
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Со деревъ охлопья да посыпались,
Съ теремовъ верхи да повалились,
Въ горенкахъ оконницы разсыпались,
Въ погребехъ напитки всколыбались,
Конь подъ княземъ окарачился,
А богатыри съ коней попадали“.

(Не помѣщенная здѣсь былина о „Сорока каликахъ“.)

Это—послѣдніе могиканы былой кочевой жизни, выговорившіе себѣ дальнѣйшее существованіе обѣтомъ странствовать ко святымъ мѣстамъ и распространять въ народѣ духовные стихи, а также поэтическія повѣствованія о сѣдой старинѣ. Силы въ нихъ еще болѣе, чѣмъ въ истыхъ богатыряхъ, которые поэтому зачастую и вооружаются каличьеною клюкою, или шелепугою; но смѣлости въ нихъ нѣтъ уже и „въ поль-богатыря“.

17. (Стран. 32). Имя „Тугаринъ“ дано противнику Алеши Поповича, какъ полагаютъ, по имени половецкаго хана Тугаркана, на внучкѣ котораго былъ женатъ сынъ Владиміра Мономаха Андрей. По тожеству именъ двухъ Владиміровъ, имя позднѣйшаго половецкаго хана, вѣроятно, перенесено народомъ и въ памятное ему царствованіе Владиміра Святого. Отчество „Змѣвичъ“ присвоено Тугарину, какъ потомку нечистой силы, которая всѣми народами олицетворяется чаще всего въ образѣ змѣи или дракона.

18. (Стран. 35). Оживленіе убитаго уже разъ Тугарина объясняется, какъ изложено въ прим. 13-мъ, возстановленіемъ разру-

шеннаго идола. Затѣмъ вообще, какъ отродье змѣиное, Тугаринъ долженъ обладать особенной жизненной силой.

19. (Стран. 40). „Пучай-рѣка“—нынѣшняя Почайна. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ, вмѣсто Пучая, встрѣчается „Израй-рѣка“, отъ библейскаго Израиля.

20. (Стран. 43). Змѣя предлагаетъ Добрынь побратимство—обычное между богатырями братство „крестовое“ или „названое“.

21. (Стран. 43). Племянница Владимірова „Забава“ называется иногда также „Запавой“ или „Любавой“. Имя отца ея „Путяты“ встрѣчается въ лѣтописяхъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую Владиміру Мономаху, и подобно имени Тугарина (см. выше прим. 17), перешло впослѣдствіи въ былевые рассказы о времени Владиміра Святославича.

22. (Стран. 44). Большихъ горъ въ предѣлахъ древней Руси нѣтъ, и потому, вмѣстѣ съ неясностью понятія о горѣ, и самыя названія горъ въ былинахъ какія-то мифическія. Всего чаще упоминаются: 1) „Латырь-гора“ (воображаемый возвышенный берегъ Латырь-моря, т.-е. Балтійскаго моря); 2) гора „Сорочинская“ (сарацинская, арабская), которая, по представленію народному, помѣщается гдѣ-то на берегу Хвалынскаго (Каспійскаго) моря; 3) „Святія горы“, на которыхъ живетъ богатырь Святогоръ, вѣроятно, Карпаты.

23. (Стран. 54). О богатырицѣ Василисѣ Микуличнѣ и мужь ея существуютъ двѣ разныя былины, построенныя на одномъ и томъ же мотивѣ: что мужь ея впадаетъ въ немилость князя Владиміра; но развитіе и развязка дѣйствія въ одной былинѣ комичны, въ другой трагичны. Мы выбрали первую редакцію какъ потому, что послѣдняя, по развязкѣ, весьма схожа съ помѣщаемою здѣсь былинкою о „Дунаѣ Ивановичѣ и Настасѣ королевичнѣ“, такъ и потому, что въ послѣдующихъ былинахъ упоминается о счастливомъ супружествѣ еще здравствующихъ Ставра и Василисы. Въ трагическомъ пересказѣ былины мужь Василисы называется Данилой Ловчаниномъ и посылается княземъ въ „службу дальнюю, невзворотную“, на Буянь-островъ. Съ горя, что онъ сдѣлался „неугоденъ“ князю, Данило, побивъ предварительно враговъ, падаетъ грудью на „вдстро копье“. Василиса, съ тоски, „спарываетъ“ себѣ „бѣлую грудь“ надъ трупомъ мужа.

24. (Стран. 54). Въ лѣтописи (Новгородской) Ставѣрь упоминается въ первый разъ подъ 1118 годомъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ бояръ новгородскихъ, присягавшихъ въ Кіевѣ Владиміру Мономаху, но не угодныхъ ему, онъ былъ отправленъ въ ссылку. Тождественность событія и одинаковость именъ царствующихъ князей послужили слагателямъ былинъ поводомъ къ наименованію Ставромъ одного изъ богатырей Владиміра Святого, при чемъ родию его, вмѣсто Новгорода, называется Черниговъ.

25. (Стран. 54). Торговля въ старину производилась по ббльшей части мѣновая и купцы находились постоянно въ разъѣздахъ,

т.-е. вездѣ были гостями; отсюда названіе ихъ—„гости торговые“.

26. (Стран. 55). Василиса Микулична — старшая дочь Микулы Селяниновича (см. былинѹ о немъ). Въ народныхъ сказкахъ она называется также „Василисою Золотою Косою“, „Василисою Премудрою“ и „Прекрасною“.

27. (Стран. 56). Подъ выраженіемъ „посадить на овесъ и на воду“, очевидно, слѣдуетъ разумѣть „на хлѣбъ (овсяный) и на воду“.

28. (Стран. 56). „Грознымъ“ (страшнымъ) представляется простолюдину всякій посолъ, застающій его врасплохъ съ нежданною, негаданною вѣстью.

29. (Стран. 58). По плохому состоянію дорогъ въ древней Руси по нимъ ставились вѣхи.

30. (Стран. 60). Въ былинахъ „лицами безъ рѣчей“, подобно князьямъ - боярамъ, являются еще такъ называемые „скупченныя“ богатыри, пѣлыя кучи которыхъ, по общему ихъ свойству, носятъ одно общее имя: „братья Притченки“ (отъ пряткій), „Хапиловы“ (отъ хапать, хватать—„хвататы“), „Сбродовичи“ (отъ сбродъ), мужики „Залѣшане“ (отъ залѣсье, лѣсь).

31. (Стран. 68). Молодому заѣзжему венеціанскому купцу, одаренному удивительнымъ искусствомъ пѣнія и игры на гусяхъ (подъ которыми здѣсь слѣдуетъ понимать, конечно, нѣчто въ родѣ итальянской мандолины или гитары), дано имя искуснѣйшей пѣвчей птицы—„Соловья“, точно такъ же, какъ и знаменитому блевому Соловью разбойнику, свистъ котораго если и не умиляетъ, то сражаетъ всякаго съ ногъ. Отечество „Будиміровичъ“, составленное изъ словъ буди и міръ, усиливаетъ еще артистическое значеніе Соловья, который, какъ Орфей, своей чарующей игрой пробуждаетъ весь окружающій міръ.

32. (Стран. 71). „На златѣ-серебрѣ не погнѣваться“—значить: князь не прогнѣвается, что ему не дарятъ золота-серебра: такимъ подаркомъ его не удивишь.

33. (Стран. 71). „Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
Всѣ-то мудрости Ерусалима,
А все замыслы Соловья Будимірова“—

означаетъ: всѣ подробности узоровъ были заморскіе, но соединеніе ихъ въ одно стройное и цѣлое принадлежало самому Соловью.

34. (Стран. 72). Какъ человѣку торговому, князь предлагаетъ Соловью Будиміровичу для застройки „бойкое“ мѣсто; но Соловью, хотя и строящему затѣмъ, кромѣ теремовъ, гостинный дворъ, не того надобно.

35. (Стран. 75). Соловьѣва золота казна „стучить - бречить, щелчить - молчить“, т.-е. только и слышно пересыпаніе денегъ.

36. (Стран. 76). По одному варианту, Соловей Будиміровичъ съ Забавой Путятичной тутъ же мѣняются перстнями; но Соловьѣва

матушка отсрочиваетъ свадьбу до тѣхъ поръ, пока сынъ не расторгнется. Соловей отъѣзжаетъ за синія моря. Между тѣмъ является къ князю Владиміру съ подарками „голый шапъ“ (бѣдный щеголь) „Давидъ Поповъ“, и князь отдаетъ за него племяннику. Во время свадебнаго пира однако возвращается Соловей Будиміровичъ, и Забава изъ-за стола съ радостью бросается къ нему и выходитъ за него. Этотъ эпизодъ явно заимствованъ изъ былины о „Добрынь въ отъѣздѣ“, такъ какъ не только общее содержаніе его, но и многія мелкія подробности и даже цѣлыя фразы схожи съ концомъ послѣдней былины; „голый“ же „шапъ Поповъ“ есть, очевидно, „бабій пересмѣшникъ“ Алеша „Поповичъ“.

37. (Стран. 78). Пока совершаются богатырями кіевскаго князя описываемые въ предыдущихъ былинахъ подвиги,—далеко на сѣверѣ, въ нынѣшней Владимірской губерніи, подъ Муромомъ, въ деревушкѣ Карачаровѣ безвѣстно прозябаетъ растительною жизнью парализованный крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, которому суждено сдѣлаться впоследствии спасителемъ отчизны отъ враговъ внутреннихъ, духовныхъ и внѣшнихъ. Здѣсь предоставленный въ теченіе десятилѣтій самому себѣ, въ дали отъ суеты мірской, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, Илья исподволь набирается того безкорыстнаго, человѣчнаго духа, который необходимъ истинному оберегателю общественныхъ интересовъ, остающемуся вѣкъ безсемейнымъ бобылемъ для вящей пользы общины. На родинѣ его, въ селѣ Карачаровѣ, и въ настоящее время есть крестьяне Ильи юшники, которые съ гордостью производятъ отъ него родъ свой.

38. (Стран. 79). Мать Ильи Муромца, по преданію, называлась Ефросиньей Яковлевой.

39. (Стран. 79). Въ теченіе тридцатилѣтняго „сидѣнія“ Илья Муромца въ немъ какъ бы назрѣваютъ исполинскія силы, необходимыя для предстоящихъ ему подвиговъ, непреодолимыхъ для другихъ смертныхъ. Но вывести его изъ неподвижности можетъ только внѣшняя, сверхъестественная, искупительная сила; такими ангелами - искупителями являются могучіе представители вѣчнаго движенія, былого кочевья—каликки переходящія, —однимъ словомъ своимъ пробуждающіе къ жизни его онѣмѣлые члены, однимъ прикосновеніемъ губъ къ напитку, который онъ испиваетъ послѣ нихъ, дѣлающіе изъ него сильнѣйшаго богатыря.

40. (Стран. 81). Заря, по народному повѣрью, самое дѣйствительное время для совершенія всякихъ чаръ, роса же зарева обладаетъ будто бы особенною цѣлебною силой, и купаніе въ ней подъ Ивановъ день принадлежитъ къ древнѣйшимъ обрядамъ славянъ.

41. (Стран. 82). Какъ самъ Илья Муромецъ, до пробужденія богатырскихъ силъ его поданнымъ каликами питьемъ, находится въ безпомощномъ, парализованномъ состояніи, такъ и богатырскій конь его, до купанія въ чародѣйной утренней росѣ, долженъ быть болѣзненнымъ, шелудивымъ.

42. (Стран. 86). „Въ полпути“ отъ села Карачарова къ Мурому дѣйствительно воздвигнута надъ ключомъ часовня во имя пророка Ильи, который такимъ образомъ является какъ бы ангеломъ муромскаго богатыря.

43. (Стран. 86). Въмѣсто Чернигова, въ разныхъ вариантахъ называются „Бѣжеговъ“, „Бекетовець“. „Кидишъ“, „Кряковъ“, „Смолягинъ“ (Смоленскъ) и „Турговъ“.

44. (Стран. 89). „Заставы“ въ былинахъ бываютъ двоякаго рода: заставы вражьи — преграды, встрѣчаемыя богатырями на своемъ пути со стороны враговъ или вообще враждебныя силы, и, въ противоположность имъ, заставы богатырскія — небольшія крѣпости, болѣею частью по окраинамъ государства, на которыхъ стоитъ богатырская дружина, „братья крестовая“, или „названая“, обороною отчизны отъ внѣшнихъ враговъ.

45. (Стран. 89). Рѣка „Смородина“ или „Самородина“ есть мнѣстическая рѣка, сама рождающаяся и, подобно древнегреческой Летѣ, беспощадно поглощающая въ своихъ волнахъ всѣхъ смертныхъ, переплывающихъ ее. Поэтому она протекаетъ и мимо Соловьинаго гнѣзда, гдѣ всякому прохожему грозитъ неминуемая смерть.

46. (Стран. 89). Соловей разбойникъ, залегающій тридцать лѣтъ дорогу въ стольный Кіевъ, олицетворяетъ собою вообще главныхъ внутреннихъ враговъ возникающаго государства — шайки разбойниковъ, которыя разсѣять суждено первому нашему герою — Ильѣ Муромцу. Кто не испытывалъ невольной дрожи темною ночью въ глухомъ мѣстѣ при неожиданномъ рѣзкомъ свистѣ, служащемъ обыкновенно условнымъ знакомъ для злоумышленниковъ? Неудивительно, что народное воображеніе одарило прототипъ русскихъ разбойниковъ убійственнымъ соловьинымъ свистомъ, отъ котораго онъ и получилъ свое имя. Отчество же его „Рахмановичъ“ производится отъ слова рахманъ или брахманъ, т.-е. браминъ — индѣйскій жрецъ и кудесникъ. Иногда онъ называется и „Птицей Рахманной“, „Алатырцемъ некрещенымъ“ (отъ Латырь - моря), а по батюшкѣ „Одихмантьевичемъ“ (какъ и старшій богатырь Сухманъ) или „Ахматовичемъ“ (отъ татарскаго Ахмата).

47. (Стран. 93). По другимъ пересказамъ, неожиданное нападеніе до того раздражило нашего богатыря, что онъ разорилъ все гнѣздо Соловьиное и „показнилъ“ всю семью, за исключеніемъ самого отца-разбойника, котораго повезъ съ собой въ Кіевъ.

48. (Стран. 102). Какъ Вольга Всеславьевичъ есть полубогъ-охотникъ и воинъ, побѣждающій всю одушевленную природу, такъ Микула Селяниновичъ есть „любимый землею“ полубогъ-крестьянинъ, божественный представитель земледѣлія и первой осѣдлости на Руси, который, избораживая свою чудесною сохою вдоль и поперекъ всю матушку святую Русь, порабощаетъ питательную силу земли. Имя его „Микула“ — Микола, Николай; отчество „Селяниновичъ“ показываетъ, что онъ сынъ

селянина, т.-е. крестьянина; въ видѣ исключенія онъ величается и „Никитичемъ“. Сыновей у него нѣтъ; но, по одинаковости происхождения, изъ „младшихъ“ богатырей всего ближе приходится ему главнѣйшій—Илья Муромецъ. Второй, послѣ Ильи, младшій богатырь—Добрыня Никитичъ, тишь семьянина, женится на одной изъ трехъ поленицъ-дочерей Микулы—Настасьѣ, старшая сестра которой, Василиса, замужемъ за богатыремъ - купцомъ Ставромъ. Такимъ образомъ Микула есть въ нѣкоторомъ родѣ родоначальникъ младшихъ богатырей.

49. (Стран. 106). Тяжесть сохи Микулиной, которой не могла осилить вся дружина Вольгѣ, есть та же самая „земная тяга“, которую затѣмъ тщетно силится одолѣть въ переметной сумкѣ Микулиной великанъ-Святогоръ (см. былинѣ о немъ).

50. (Стран. 107). По лѣтописи, Олегъ подѣ Гурчевцемъ или Вручевцемъ нашель смерть: „Побѣгшю же Ольгу съ вои своими въ градъ, рекомый Вручій, бяше черезъ гроблю мость ко вратамъ граднымъ: тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга съ мосту въ дебрь, падаху людье мнози, и удавиша кони чловѣци. И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и-есть могила его и до сего дня у Вручего“.

51. (Стран. 112). Двухъ главныхъ „старшихъ“ богатырей, о которыхъ имѣются отдѣльныя былины, Вольги Всеславьевича и Микулы Селяниновича, при князѣ-солнышкѣ Владимірѣ нѣтъ уже въ живыхъ. Изъ прочихъ старшихъ богатырей, нѣкоторые также сошли уже со сцены; другіе, не умѣя освоиться съ условіями осѣдлой жизни, доживаютъ кое-какъ свой вѣкъ, не совершая уже никакихъ богатырскихъ подвиговъ. Одинъ изъ нихъ, Святогоръ, удалился отъ свѣта на свои Святыя горы, и единственная попытка его (описываемая въ настоящей былинѣ) приложить свою исполинскую мощь къ новымъ житейскимъ условіямъ—къ земному дѣлу — почти погубила его: онъ по колѣна угрызъ въ землю, и кровь, вмѣсто пота, потекла по лицу его. Онъ — представитель грубой физической силы кочевого періода, которая, какъ самостоятельная стихія, въ строгомъ строѣ одухотворенной нравственнымъ началомъ гражданской жизни не имѣетъ уже мѣста и должна умереть. Изрѣдка Святогору присваивается отчество „Колывановичъ“.

52. (Стран. 121). По одному пересказу, встрѣча Ильи Муромца съ Святогоромъ происходитъ тотчасъ на первомъ выѣздѣ его изъ родительскаго дома. Но конь Святогоровъ возитъ своего хозяина съ Ильєю трое сутокъ; Илья же, простоявъ въ Муромѣ заутреню, къ поздней обѣднѣ того же дня поспѣлъ въ Кіевъ, слѣдовательно по пути, очевидно, не могъ трехъ сутокъ пробыть въ карманѣ Святогора. Затѣмъ, рассказывая въ Кіевѣ князю о помѣхахъ, замедлившихъ его своевременное прибытіе къ обѣду „княженецкому“, онъ ни въ одномъ вариантѣ не упоминаетъ о своей встрѣчѣ съ Святогоромъ. Далѣе, рекомендуясь Святогору, онъ въ нѣсколькихъ пересказахъ называетъ себя богатыремъ изъ

Кіева (значить, ѣдущимъ изъ Кіева, а не впервые въ Кіевъ), и указываетъ даже цѣлы своей поѣздки—повидать Святогора, невиданнаго еще кievскими богатырями. Поэтому не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что поѣздки свою на Святыя Горы Илья совершилъ уже послѣ перваго пріѣзда своего въ Кіевъ съ Соловьемъ разбойникомъ. Рядомъ съ настоящею былиною могла бы быть помѣщена извѣстная побывальщина объ „Аникѣ-воинѣ“, имѣющая также темою гибель представителя грубой богатырской силы, который, судя по встрѣчающимся въ разсказѣ именамъ однихъ старшихъ богатырей (Святогора, Самсона и Колывана), долженъ бы также быть изъ числа ихъ (см. прим. 3). Но не говоря уже о книжномъ и разрушенномъ стихѣ этой побывальщины, дѣлающимъ возстановленіе ея довольно затруднительнымъ, мы не сочли удобнымъ включать ее въ сводъ образцовъ русскаго народнаго эпоса и по ея апокрифическому происхожденію. Какъ подробности основной ея темы—борьбы „храбраго человѣка“ Аники со смертію, такъ и греческое имя ея героя (Аникита, т.-е. „не побѣдимый“) сближаютъ ее съ византійскою поэмою о „Дигенисѣ-Акритѣ“ (также „не побѣдимомъ“), извѣстною и въ русскіихъ пересказахъ. При этомъ, впрочемъ, не можемъ не указать на то, что недалеко отъ Вологды есть мѣсто, обросшее въ настоящее время мелкимъ кустарникомъ и носящее еще названіе Аникина лѣса, по имени жившаго тамъ нѣкогда разбойника Аники, о которомъ разсказывается то же, что и объ Аникѣ-воинѣ, съ тою лишь любопытною разницею, что въ завѣтной котомкѣ (сумѣ) странника, попадающагося Аникѣ, кромѣ земли, оказываются еще частицы антидора и святыя мощи, въ которыхъ такимъ образомъ какъ бы заключается главная сила котомки.

53. (Стран. 126). Вдохнувъ въ себя могучій богатырскій духъ Святогора и получивъ въ наслѣдство его славный мечъ (называемый въ одномъ вариантѣ мечомъ-кладенцомъ), Илья Муромецъ дѣлается прямымъ воспріемникомъ древнихъ русскіихъ титановъ—„старшихъ“ богатырей, и можетъ смѣло выступить въ защиту отечества противъ всѣхъ враговъ духовныхъ (Идолица) и вѣшнихъ (царя Калина), какъ выдержалъ уже убійственный свистъ врага внутренняго (Соловья разбойника).

54. (Стран. 128). Въ „Идолицѣ“ (иначе „Одолице“—отъ одолѣть) представляется метафорически, какъ надо полагать, старшій изъ древнерусскіихъ боговъ Перунъ (отъ глагола переть, бить), соответствующій греческому Зевсу - громовержцу. „Силу поганую“, сопровождающую Идолице, составляютъ прочіе боги: Купало—богъ земледѣлія, Волосъ—богъ скотоводства, Стрибогъ—богъ вѣтровъ, Ладо—богъ семейнаго счастья и любви, Коляда—богъ міра, и другіе. Всѣ боги древней Руси олицетворились кумирами, которымъ, для большей внушительности, придавался обыкновенно возможно грозный видъ огромными размѣрами тѣла, множествомъ головъ и страшными чертами лица, при чемъ каждый кумиръ имѣлъ свои необходимыя, наводящія ужасъ

атрибуты, въ видѣ многоголовыхъ ящеровъ, змѣевъ и т. п. Туловище громаднаго Перуна было искусно вырѣзано изъ дерева и стояло на желѣзныхъ ногахъ; голова его была серебряная съ золотыми усами, а въ рукѣ у него сверкала молнія изъ рубиновъ и карбункуловъ.

55. (Стран. 128). Смѣлый Алеша Поповскій сынъ, первый изъ русскихъ богатырей дерзнувшій свергнуть одиночный идолъ (Тугарина Змѣевича), не нашель въ себѣ однако же достаточно мужества, чтобы выступить противъ всего сонмища языческихъ боговъ.

56. (Стран. 133). По лѣтописнымъ свѣдѣнiямъ, Владимiръ Святославичъ, окрестившись въ Херсонѣ (близъ нынѣшняго Севастополя) въ 988 году, по возвратѣ въ Кiевъ, прежде всего распорядился уничтоженiемъ языческихъ идоловъ. Идолъ Перуна, выпавшiйся на священномъ холмѣ противъ самаго княжескаго терема, былъ привязанъ къ лошадиному хвосту и, подъ палочными ударами, спущенъ подъ гору въ Днѣпръ. Здѣсь бѣдный идолъ будто бы, съ рыданiями и воплями пытался еще выбиться на берегъ; но его схватили, и съ тяжелымъ камнемъ на шеѣ онъ пошелъ ко дну. Послѣ этого, убѣжденный въ безпомощности своихъ старыхъ боговъ, народъ повалилъ толпами къ рѣкѣ, гдѣ, стоя въ водѣ, по примѣру Христа, и былъ окрещенъ iереями. Прочiе кумиры были также или разбиты, или сожжены.

57. (Стран. 135). Былина объ „Ильѣ Муромцѣ въ ссорѣ съ княземъ Владимiромъ“ заслуживаетъ особеннаго вниманiя потому, что въ ней муромскiй герой, „помѣшавъ ученя мѣста“ на пиру у Владимiра и усадивъ затѣмъ рядомъ съ собою бѣдный пролетарiатъ — „голей кабацкихъ“, удовольствовавшись самъ, впрочемъ, мѣстомъ середнимъ, — ратуетъ за равноправность сословiй, которая лишь 9 вѣковъ спустя, въ минувшее царствованiе, по собственной державной волѣ въ Бозѣ почивающаго нынѣ Царя-Освободителя, дарована русскому народу въ столь широкой мѣрѣ — въ крестьянской реформѣ, всесословныхъ земскихъ и городскихъ учрежденiяхъ, гласномъ судѣ съ присяжными и всеобщей воинской повинности.

58. (Стран. 145). Поголовное побiенiе татаръ Ильею Муромцемъ, рассказываемое въ былинѣ о немъ и царѣ Калинѣ, не соответствуетъ никакой исторической битвѣ въ особенности, какъ и въ самомъ царѣ Калинѣ не слѣдуетъ искать какой-нибудь определенной исторической личности: царь Калинъ есть лицо собирательное, вишнiй врагъ по преимуществу, и въ побѣжденiи этого врага съ его несчетной силой должно видѣть вообще побѣдоносныя дѣйствiя оружiя Владимiровыхъ богатырскихъ дружинъ противъ азиатскихъ варваровъ, особенно печенѣговъ, безпрестанно вторгавшихся въ русскiе предѣлы, при чемъ побѣдные лавры, естественно, представляются все тому же любимому былевому герою — Ильѣ Муромцу. Татарское иго однако запечатлѣлось въ памяти народной настолько глубоко, что позднѣйшими распадами, вмѣсто тѣхъ

или другихъ враговъ Владимірской Руси, вездѣ называются одни „татаровья“, а вмѣсто царя Калина нерѣдко выступаетъ „Батый Батыевичъ“ („Батыга“, „Бутеянъ Бутеяновичъ“) или „Мамай“; такъ что въ окончательномъ избіеніи силы царя Калина, описываемомъ съ такимъ торжествомъ, воспѣвается безсознательно и сверженіе татарскаго ига, совершившееся 500 лѣтъ спустя (въ 1480 году).

59. (Стран. 153). Интересно сравнить это описаніе несмѣтныхъ полчищъ царя Калина съ разсказомъ Волынскаго Лѣтописца о нашествіи Батыя въ 1237 году: „Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множествомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарская, и бысть градъ во обдержаніи вельцѣ. И бѣ Батый у города, и отроки его обѣдяху градъ, и не бы слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревѣнія вельблудъ его и ржанія отъ гласа стадъ конь его“.

60. (Стран. 163). Достойно вниманія, что князь Владиміръ добровольно предоставляетъ здѣсь народу ту самую льготу, которою прежде Илья Муромецъ обусловилъ примиреніе свое съ княземъ.

61. (Стран. 164). Ч у р и л а П л ё н к о в и ч ъ есть яркій типъ получившаго свѣтскій лоскъ того времени богатаго купческаго сынка, живущаго въ полное свое удовольствіе, не знающаго удержу своимъ затѣямъ и поставившаго себѣ жизненную цѣлью—своимъ щегольствомъ и удалью разудивить весь міръ. Въ этихъ видахъ онъ поступаетъ и на службу къ князю, при дворѣ котораго есть чѣмъ и предъ кѣмъ блеснуть. Своею удалью онъ возвысился до богатырства; но онъ ограничивается только придворною должностію, а не привыкаетъ къ земской богатырской дружинѣ: ему, бѣлолицему красавцу и щеголеватому волокитѣ, не до защиты отчизны, въ чистомъ полѣ, въ дождѣ и вьюгѣ, или на дальнихъ, безлюдныхъ „заставахъ“, въ дали отъ столичнаго комфорта. Имя „Чурила“ (или „Чурило“) нѣкоторыми языковѣдами производится отъ предполагаемаго родоначальника его Чура, какого-то древняго славянскаго бога, которому вѣроятно воздвигались встрѣчавшіеся въ старину на перекресткахъ идолы—чурки или чуры, и которымъ и донынѣ чураются въ заговорахъ и заклинаніяхъ. Имя же „Чура“ тѣми же лингвистами сближается съ именемъ греческаго бога Гермеса (Меркурія).

62. (Стран. 168). Имя „Плѣнь“ („Плѣнко“, „Плѣнчище“) происходитъ вѣроятно, отъ слова плѣнь, полонъ: плѣнные, полоненные продавались нѣкогда въ рабство, составляя весьма важную статью торговли; одному изъ главныхъ торговцевъ этимъ живымъ товаромъ легко могло быть присвоено соотвѣтственное имя Плѣнь. Происхожденіемъ же этотъ „гость“—„Сурожанинъ“, т.-е. съ Сурожя (Азовскаго моря).

63. (Стран. 173). Ни въ одной другой былинѣ столь свойственный русскому народу простодушный юморъ не достигаетъ такой силы, какъ въ былинѣ о „Дюкѣ Степановичѣ“: не знаешь что

забавиѣ: небывалыя ли чудеса Дюкова „посельца“ и наивное удивленіе „общѣнивающихъ“ ихъ русскихъ богатырей, или же самъ пѣвецъ былины, искренно вѣрующій во всѣ эти чудеса и невинно подтрунивающей, вмѣстѣ съ Дюкомъ, надъ простычками-кѣвлянами. Особенно яркій контрастъ представляетъ самоувѣренно-спокойное хвастовство вылощенного западно-европейской цивилизаціей Дюка съ доморощеннымъ ухарствомъ кѣвскаго фата Чурилы. Хотя Дюкъ и величается въ былинѣ „бояриномъ“, но, судя по имени, онъ едва ли не Дух, герцогъ, который, впрочемъ, какъ усматривается изъ конца былины, не гнушается заниматься и (столь прибыльнымъ) торговымъ дѣломъ; для этого дѣла то онъ въ сущности, можетъ быть, и прибылъ въ Кіевъ, и пущенная имъ въ глаза кѣвлянамъ пыль, которую ослѣплять такъ умѣютъ насъ и современные иностранные „гости“, послужила ему лучшей рекламой, добывшей ему право вѣчнаго безошлиннаго торга. Родина Дюка—родственная намъ Галицкая Русь („Галичь проклятая“), которая однако, какъ лежащая за предѣлами Владиміровыхъ владѣній, по мѣщается неособенно сильными въ географіи рапсодами гдѣ-то тамъ—въ „Индіи богатой“.

64. (Стран. 174). О значеніи купанія въ росѣ см. прим. 40.

65. (Стран. 197). Невѣжа-черный воронъ олицетворяетъ собою цѣлое вражеское полчище.

66. (Стран. 198). „Участь-таланъ“ Ильи Муромца въ томъ, что ему „смерть на бою не писана“.

67. (Стран. 199). Сборы Добрыни въ дорогу описываются здѣсь, нѣкоторыми рапсодами, такъ же обстоятельно и тѣми же словами, какъ и сборы его на гору Сорочинскую противъ змѣя Горыничца, для избавленія Забавы Путятичны (см. былинку о второмъ боѣ его съ змѣемъ). Такъ какъ такое же подробное описаніе сборовъ, съ незначительными отступленіями, должно было быть сохранено нами, по его характеристичности, еще въ двухъ былинахъ, гдѣ героями являются два другіе богатыря (Илья Муромецъ, въ былинѣ о немъ и царь Калинъ, и Дюкъ Степановичъ), то въ настоящей былинѣ мы сочли умѣстнымъ выбрать сокращенную редакцію, незадерживающую дѣйствія.

68. (Стран. 200). Одинъ пѣвецъ (правда, лучший—Рябининъ) поѣвствуетъ здѣсь и о самыхъ подвигахъ Добрыни Никитича, при чемъ Добрыня дается княземъ Владиміромъ въ товарищи другому богатырю—Василію Казиміровичу, отправляющемуся къ королю (царю) Бутеяну Бутеяновичу (Батыю) отвезти дани-выходы за двѣнадцать съ половиною лѣтъ; но, прибывъ къ Бутеяну, отодвигаетъ Василю на второй планъ и выступаетъ самъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Такъ какъ ни въ одномъ изъ прочихъ многочисленныхъ (до тридцати) пересказовъ былины о „Добрынь въ отъѣздѣ“—о походе Добрыни ничего не упоминается, то мы склоняемся къ мнѣнію, что рассказъ объ этихъ походахъ перенесенъ Рябининымъ въ настоящую былинку изъ какой-нибудь другой самостоятельной былины, отрывки которой и передаются также нѣко-

торыми другими рапсодами. Не включая затѣмъ этихъ богатырскихъ приключеній въ нашу сводную былинку, тѣмъ болѣе что они повредили бы цѣльности и занимательности всего разсказа, имѣющаго предметомъ эпизодъ изъ семейной жизни Добрыни, — мы не можемъ, тѣмъ не менѣе не привести здѣсь въ извлеченіи весьма картиннаго описанія Добрыниныхъ подвиговъ:

На вопросъ Бутеяна Бутеяновича:

„—Ай же вы, дородны добры молодцы!
Кто изъ васъ гораздъ играть во шашки-шахматы,
Да во славныя во тѣвлей нѣмецкія? *)

Василій Казиміровичъ отвѣчаетъ:

„—Дома у меня всѣ игроки оставлены,
Только есть у меня надеюшка
Что на Спаса, на Пречисту Богородицу
Да на своего на братца на крестоваго,
На млада Добрынюшку Никитича“.

Кликнули Добрынюшку Никитича. „Со великой со горячности“ просмотрѣлъ Добрыня одинъ „ступень“ шашечный и проигралъ Бутеяну добра коня богатырскаго. Подъ другую игру король ставитъ залогомъ великую безсчетную золоту казну, а русский молодецъ свою буйную головушку. На этотъ разъ однако, — Добрыня обыгрываетъ короля. Тогда король предлагаетъ другого рода состязаніе:

„—Кто изъ васъ гораздъ стрѣляти изъ туга лука,
Пропущати стрѣлочку каленую
По тому по острію ножевому,
Чтобы вѣсомъ ровно шла да на двѣ стороны,
Угодила бы въ колечико серебряно?“

Василій Казиміровичъ посылаетъ вмѣсто себя опять своего братца крестоваго. Побѣжали слуги королевскіе за лукомъ.

„Какъ несутъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый, —
Подъ конецъ несутъ лукъ сто татаровой,
Подъ другой несутъ другое сто,
Подъ середочку еще да третье сто, •
Всѣ идутъ татаровья — покряхтываютъ.
Бралъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,
Сталъ Добрыня стрѣлочку накладывать,
Сталъ шелкѣвую тетивочку потягивать —
Заскрипѣли полосы булатныя,
Заревѣли змѣи у туга лука,
Изломался тугой лукъ, полопался,
Со бедра его Добрыня бросилъ ѓ землю“.

Какъ Добрыня играетъ здѣсь только роль „товарища“ Василя Казиміровича, такъ у него самого взять пажомъ молодой Иванушка

*) „Нѣмецкія“ — явно новѣйшая редакція.

Дубровичъ; этого пажа онъ посылаетъ къ коню богатырскому отстегнуть отъ праваго стремени его собственное „дрянное лучёнышко завозное“.

„Какъ во томъ луку разрывчатомъ, въ тупомъ концѣ,
Были сдѣланы гусельшки яровчаты,
Да не для-ради красы-угожества,
Для-ради потѣхи молодецкія..“
„Какъ беретъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,
Самъ становится да на рѣзвы ножки
Супротивъ колечика серебряна,
Какъ кладетъ онъ тугой лукъ подъ ножку лѣвую,
Съ лѣвой ножки на правое плечо:
Защелкала тутъ тетивочка шелковая,
Натянулся у Добрыни тугой лукъ,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Три раза стрѣлить по острію ножевому,
Три раза попалъ въ колечико серебряно“.

Послѣ него стрѣляетъ Бутеянь:

„Первый разъ стрѣлить—перестрѣлить,
Другой разъ стрѣлить—не дострѣлить,
Третій разъ стрѣлить—попасть не могъ“.

Королю дѣло не слюбилось, и онъ предлагаетъ бороться.

„Какъ на улицѣ-то ходять три борца,
Три борца да три татарина,
Дружка дружку за воротъ похватываютъ,
Дружка дружку наземъ да побрасываютъ“.

Добрыня сходитъ съ крыльца и спрашиваетъ Бутеяна: какъ прикажетъ съ ними драться—со всѣми ли вдругъ или по одиночкѣ? Бутеянь отвѣчаетъ, что можетъ драться, какъ ему угодно. Тогда Добрыня перваго татарина хватаетъ за воротъ, втораго за голову, третьяго за волосы, бросаетъ о сыру землю и зашибаетъ до смерти. „Та борьба была побрана“. Бутеянь, испугавшись, не только отказывается отъ привезенныхъ ему русскими богатырями даней-выходовъ, но даетъ имъ еще „грамоту повинную“ платить съ своей стороны кievскому князю дани-выходы „вѣкъ по вѣку“.

69. (Стран. 209). Какъ указано въ прим. 16, калики переходіе были послѣдними представителями былой кочевой жизни. Богатырь Михайло Пóтыкъ, выступающій въ одной былинѣ (о „Сорока каликахъ“, не помѣщенной здѣсь) во главѣ каликъ, есть по преимуществу богатырь-бродяга, какъ показываетъ самое прозвище его „Пóтыкъ“ (пóтыкаться, словяться по міру) или „Потокъ“ (неудержимо-подвижный какъ потокъ, рѣка). Изъ эпохи кочевья, къ которой онъ принадлежитъ еще своимъ существомъ, богатырь этотъ влечетъ за собою всю языческую обстановку: жену-оборотня, подземныхъ гадовъ, добывающихъ живую воду, и проч. Но христіанское начало въ немъ все-таки пустило уже столь глубокие корни, что еретница-жена тщетно пытается погубить его, и сама, по смерти мужа, несетъ заслуженное наказаніе, будучи обречена живую лечь съ нимъ въ могилу.

70. (Стран. 210). „Бѣлою Лебедь-
енно обращались красавицы женщины-оборотни-
енъ, стали называться впоследствии вообще женщины-красавицы-
Авдотья Лиходѣвна (иначе Лиходѣя Лиходѣвича.
нѣкоторымъ вариантамъ, дочь царя разгуль есть одна изъ харак-
71. (Стран. 212). Безшабашный разгуль есть представитель котораго
теристическихъ чертъ бродяжничества, представителемъ котораго
служить Потыкъ.

72. (Стран. 212). Со стороны доврчиваго Потыка таковой уговоръ
былъ искреннимъ выраженіемъ безграничной супружеской вѣрности,
тогда какъ Бѣлая Лебедь Авдотья Лиходѣвна, какъ показала по-
слѣдствія, имѣла при этомъ свой особый злой умыселъ.

73. (Стран. 213). По нѣкоторымъ пересказамъ, вѣсть о смерти
жены застаётъ Потыка на чужбинѣ, въ ордѣ царя Налета Налес-
товича (иначе царя заморскаго Бухаря), гдѣ онъ, по примѣру До-
брыни (см. прим. 68), обыгрываетъ царя въ шашки-шахматы.

74. (Стран. 214). Покойники въ старину доставлялись въ цер-
ковь не иначе, какъ на саняхъ.

75. (Стран. 216). Уже разъ отпѣтые покойники, въ случаѣ ожи-
вленія, вновь освящаются.

76. (Стран. 217). Въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины рассказы-
ваются еще дальнѣйшія похождения Потыка, вызванныя побѣгомъ
жены его къ королю литовскому: волшебница Лебедь Бѣлая подно-
ситъ погнавшемуся за нею мужу „зелья забудущаго“ и обращаетъ
его въ бѣлый горячій камешекъ (см. прим. 2); но братья назва-
ны его, Илья Муромецъ и Добрыня, при помощи встрѣтившагося
имъ калики перехожа и выпускаетъ на свѣтъ Божій Потыкъ. Несмотря
на уговариванья братцевъ приподнимаютъ грузный камешекъ, кото-
рому раскаливается и выпускаетъ на свѣтъ Божій Потыкъ. Несмотря
рично идетъ въ Литву за женою, которая снова успѣваетъ слабому
до зеленя вина мужу преподнести, подъ видомъ зеленя вина, сое-
наго зелья. Тутъ однако спасаетъ его, посредствомъ уловки, дочь
королевская Настасья, съ которою Потыкъ и „принимаетъ по златъ
вѣнцу“, снявъ предварительно буйну голову чародѣйкѣ-женѣ за
„поступки неумильные“.

77. (Стран. 218). „Васька Долгополистый“, „Дол-
гополищъ“, „Долгополище“, иначе называемый еще „Ва-
лиемъ Казимировичемъ“, „Долгомѣровичемъ“
„Игнатъевичемъ“, а также „Пьяницей“, оба съ Миха-
Потыкомъ—знаменитые пьяницы.

78. (Стран. 220). Смотрѣніе въ даль изъ кулака молодецка
отвѣтствуетъ современному наблюденію въ подзорную трубку
рая, впрочемъ, какъ анахронизмъ, иногда упоминается и разг-

79. (Стран. 224). „Не уловя птицы, тербишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься“—
„Уловя птицы, уже щиплешь ее; не сварив-

80. (Стран. 225). По одному пересказу, послѣ боя на копьяхъ, богатыри еще тягнутся черезъ гривы лошадиныя:

„Тягами желѣзными хваталися,
Черезъ гривы лошадиныя тянулися,
Другъ друга никто не перетягиваль,
Другъ друга богатыри не ранили“.

81. (Стран. 226). У всѣхъ исчадїй тьмы—груди черныя, тогда какъ у людей, хотя бы и враговъ, онѣ бѣлыя.

82. (Стран. 228). „Латыгорка“ (иначе „Латымірка“, „Лысогорка“, „Горынинка“, „Горынчанка“, въ сказкахъ „Баба-Яга“), богатырица царства тьмы, получила свое имя отъ Латырь-горы, которая есть нечто иное, какъ берегъ Латырь-моря (Балтійскаго).

83. (Стран. 228). „Сокольникъ“ (иначе „Соловникъ“, „Борисъ Козловъ“, „Збудъ королевичъ младъ“, „Жидовинъ богатырь“, Татарченкоъ Бусурманченкоъ“) есть представитель темной силы, такъ что бой его съ Ильей Муромцемъ есть какъ бы аллегорическая борьба начала тьмы и зла съ свѣтлымъ, нравственнымъ началомъ.

84. (Стран. 228). Сокольникъ называется также сыномъ Ильи Муромца.

85. (Стран. 238). Нѣкоторые рапсоды заставляютъ „старого“ послѣ этого умереть.

„Какъ прїѣхаль опять во Киевъ градъ,
Ко пещерамъ тѣмъ ко кїевскимъ,
Прилетала сила невидимая,
И взимали стараго со добра коня,
Занесли во пещеры во кїевски;
Туть ли старый и опочивъ держаль,
Туть матѣрь чловѣкъ и окаменѣль,
И понинѣ его мощи нетлѣнныя“.

Въ кїевскихъ пещерахъ, дѣйствительно, до настоящаго времени показываются мощи Ильи.

86. (Стран. 239). Существуетъ мнѣніе, что былина о томъ, „Какъ перевелись богатыри на святой Руси“,—значительно позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ всѣ прочія былины Владимірова круга. Поводомъ къ такому мнѣнію должно было послужить приведенное выше (въ прим. 85) окончаніе былины о „Трехъ поѣздочкахъ Ильи Муромца“, который, по нѣкоторымъ пересказамъ, умеръ своею смертію при возвратѣ съ послѣдней поѣздки, чѣмъ оправдалъ на дѣлѣ предсказаніе каликъ переходжихъ, давшихъ ему богатырскую силу: что смерть ему на бою не написана. Притомъ же былина о гибели богатырей имѣется вполнѣ лишь въ одномъ пересказѣ. Но подобное мнѣніе едва ли основательно. Каждый былевой богатырь есть типъ, живущій вѣка, и продолжительность жизни богатырей соотвѣтствуетъ грандіознымъ размѣрамъ всего ихъ бытія; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если богатыри Влади-

мірова времени дожили до перваго нашествія на Русь Чингисхана въ 1223 году (слишкомъ 200 лѣтъ по смерти Владиміра). До татаръ они имѣли дѣло съ половцами, печенѣгами и другими безпкойными, но, относительно, слабыми сосѣдами (впослѣдствіи въ устахъ народа получившихъ общее прозваніе „татаръ“), и постоянныя побѣды надъ этими врагами должны были вселить въ нихъ самоувѣренность, доходящую до самообольщенія. И первыя полчища новой „невѣдомой“ силы, накатившейся съ востока, наши богатыри не могли не встрѣтить съ тою же самонадѣянностью, выразившеюся въ возгласѣ вѣчнаго хвастуна Алеши Поповича:

„Подавай намъ силу хоть небесную: *)
Мы и съ тою силой, братцы, справимся!“

За это-то самохвальство, по благочестивому воззрѣнію народа, Провидѣніе и ниспосылаетъ имъ двухъ грозныхъ супротивниковъ, которые, разрубаемые пополамъ, удваиваются только числомъ и наконецъ наступаютъ такую несмѣтную силой, что богатыри въ паническомъ страхѣ обращаются въ бѣгство и окаменѣваютъ — окаменѣваютъ въ незабываемыхъ образахъ народнаго богатырскаго эпоса. Въ глазахъ народа эти супротивники — вызванная богохульникомъ Алешей сила небесная; въ дѣйствительности же это — невиданные до толѣ легіоны азіатскихъ варваровъ, по мѣрѣ истребленія, подобно саранчѣ прибывающихъ все большими и большими массами и этими массами окончательно подавляющихъ нашу немногочисленную богатырскую дружину. Поэтому былина о гибели богатырей, созданная, какъ надо полагать, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ татарскаго нашествія, по мнѣнію нашему, достойно заключаетъ древне-кіевскій богатырскій эпосъ, отдѣльныя былины котораго также возникли постепенно въ періодъ времени отъ Владиміра до первыхъ годовъ татарскаго владычества.

87. (Стран. 239). Въ виду божественнаго происхожденія, которое дается народомъ двумъ супротивникамъ русскихъ богатырей, представляется естественнымъ перенесеніе дѣйствія къ библейской Сафать-рѣкѣ.

88. (Стран. 239). О „Горденкѣ“ („Гордей“, „Годинъ“, „Хотенъ“) Блудовичѣ и Иванѣ Гостиномъ сынѣ есть двѣ отдѣльныя былины, мало однако замѣчательныя.

89. (Стран. 240). Въ подлинникѣ единственнаго цѣльнаго варианта былины здѣсь названъ, по очевидному недоразумѣнію, новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ; мы считали себя въ правѣ замѣнить его „старшимъ“ кіевскимъ богатыремъ Самсономъ Самойловичемъ, который одинъ изъ всѣхъ богатырей кочеваго періода ѣздитъ, хотя и неохотно, „поляковать“ съ младшимъ поколѣніемъ богатырей и, конечно, долженъ былъ также погибнуть наравнѣ съ послѣдними въ борьбѣ съ „нездѣшной“ силой.

*) Вариантъ: „нездѣшнюю“.

90. (Стран. 241). Замѣчательно что роковой вызовъ небесамъ, повлекшій за собою гибель всей богатырской брати, влагается въ уста все того-же Алеши Поповича, ядовитый языкъ котораго разсѣиваетъ повсюду разладъ и раздоръ.

91. (Стран. 245). О Василии Буслаевѣ въ Лѣтописи (именно Никоновой) говорится вообще только разъ, какъ о посадникѣ Васкѣ Буславичѣ, скончавшемся въ 1171 году. Уменьшительное Васкѣ въ былинѣ вполне соответствуетъ типу народнаго удалца; при чемъ во второй былинѣ о немъ (о его смерти), когда удалецъ отчасти остепенился, оно уже не повторяется. Имя отца Василя „Буслай“ или „Буславъ“—сокращенное славянское „Богуславъ“.

92. (Стран. 245) Мужики новгородскіе—мужи, горожане.

93. (Стран. 245). Изъ этого надо заключить, что отецъ Василя былъ въ древнемъ Новгородѣ лицомъ именитымъ, чуть ли не посадникомъ, въ пользу чего говоритъ также раннее обученіе Василя грамотѣ, письму и пѣнію церковному.

94. (Стран. 250). вмѣсто Омы Горбатенькаго, называется также Котельная Пригарина.

95. (Стран. 255). Разнорѣчіе: бой дружины Васильевой продолжается трое сутокъ.

96. (Стран. 254). По нѣкоторымъ вариантамъ, дѣвушка-чернавушка (иначе Чернавка, дѣвка поварѣная), прежде чѣмъ бѣжать за Василіемъ, сама еще побиваетъ коромысломъ малую толку „мужиковъ“ новгородскихъ.

97. (Стран. 256). Старчище Ондрищище (Андронище) иначе Игнатьище, Елизарище или пилигримище—странникъ (peregrinus), калика переходжій, имѣвшій главное пристанище въ мѣстномъ Кириллово-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

98. (Стран. 256). Вариантъ:

„Я иду—Василью смерть несу!“

99. (Стран. 256). „Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ“. Стало быть, бой былъ въ Петровки.

100. (Стран. 257). „А у стараго во лбу и глазъ ужъ вѣкнутъ“, т.-е. старецъ и при жизни еще слѣпъ былъ.

101. (Стран. 258). Есть слѣдующее отрывочное начало былины о „Смерти Василя Буслаева“, которое могло бы служить какъ бы сказкой ея:

„По синю морю корабличекъ бѣжить, таки бѣжить;
Къ Нову-городу корабличекъ спѣшить, таки спѣшить;
По кораблику Васильюшка погуливаетъ,
Онъ во звонкія гусельчики понгрываетъ:
„Ахъ, вы гусли, вы гусли, гусельчики мон,
„Заиграйте вы, гусли, при мнѣ, таки при мнѣ,
„При мнѣ, таки при мнѣ, при Васильѣ молодцѣ,
„При Васильѣ молодцѣ, при купеческомъ сынкѣ!“

Хотя однако же умѣніе играть на гусяхъ ни мало не противорѣчило бы общему характеру новгородской вольницы, но нигдѣ, кромѣ приведеннаго отрывка не упоминается о подобномъ искусствѣ Василя Буслаева; почему оно присвоено ему здѣсь едва ли не случайно отъ настоящаго „загусельщика“ Садка купца или же отъ киевскаго заѣзжаго артиста-богатыря Соловья Будиміровича, которые оба также „похаживаютъ“ по своимъ кораблямъ.

102. (Стран. 260). Вмѣсто *Ѡаворъ-горы*, называютъ также *Сіонъ-гора* и *гора Сорочинская* (см. прим. 22).

103. (Стран. 261). Островъ *Куминскій*—въ устьѣ р. *Кумы*, впадающей въ *Каспійское море*.

104. (Стран. 263). Встрѣчаемая *Василіемъ Буслаевымъ* на *Ѡаворъ-горѣ* голова, нѣкоторыми изслѣдователями сравнивается съ древне-греческою головою *Медузы*.

105. (Стран. 267). Въ былинѣ *Садкѣ*, прежде чѣмъ сдѣлаться богатымъ гостемъ, не болѣе какъ веселый молодець, т.-е. гусярь или даже *скоморохъ*, добывающій себѣ хлѣбъ насущный игрою на гусяхъ. Въ *Лѣтописяхъ* же XII вѣка онъ упоминается неоднократно уже какъ *Соткѣ Богатой* или *Съдкѣ Сытиничъ*, построившій въ 1167 году церковь св. мучениковъ *Бериса* и *Глѣба* въ *Новгородѣ*. Такимъ образомъ *Садкѣ* долженъ былъ быть современникомъ *Василя Буслаева*, умершаго, по *Лѣтописи*, въ 1171 году. Производятъ имя *Садкѣ* различно: отъ слова *Садокъ* (уменьшит. слова *садъ*), отъ званія *сотникъ* (*сотскій*) или же, наконецъ, отъ *лѣтописнаго* отчества его *Сытиничъ* (*Сытиничъ*), происходящаго отъ имени *Сытъ* или *Сытой* (нѣм. *Satt*, лат. *Satur*).

106. (Стран. 167). *Поддонный Царь*—также *Царь Морской*, *Царь Водяной*, *Водяникъ*, *Водовикъ*. По одному варианту, *Садко* является въ *Новгородѣ* съ *магушки Волги-рѣки*, поклонъ которой приноситъ братцу ея озеру *Ильмену*; *Ильменъ* же, въ образѣ добраго молодца, даетъ тотъ же совѣтъ, что и *Поддонный Царь*.

107. (Стран. 270). Въ первой былинѣ о *Василии Буслаевѣ*, по нѣкоторымъ пересказамъ, въ числѣ мужей (мужиковъ) новгородскихъ упоминается *Никола Зиновьевичъ* и *Ѡома Родіоновичъ*. Весьма вѣроятно, что это—тѣ же настоятели *Лука Зиновьевъ* и *Ѡома Назарьевъ*, что упоминаются въ первой былинѣ о *Садкѣ*, такъ какъ *Садко* и *Василій Буслаевъ*, какъ выше сказано, должны были быть современниками.

108. (Стран. 272). *Разнорѣчіе*: *Садко* „пораздумался“, что не выкупить ему товаровъ со всего бѣла свѣта: „богатъ я, *Садко*, да богатѣ меня *Новгородъ*“,—и отдаетъ свой проигранный закладъ.

109. (Стран. 274). *Черные корабли*, вмѣсто обычнаго эпитета „червлѣные“, въ противоположность *Садкову* кораблю—бѣлому кречету.

110. (Стран. 276). „*Дружки-братья корабельщики*“—чначе: „*Ярыжки*, люди наемые, наемны люди—подначальные“.

111. (Стран. 276). Извѣстный купеческій девизъ „не надуть— не продать“ въ былое время, когда гости торговые, какъ птицы залетныя, всегда могли уклониться отъ преслѣдованія со стороны обманурыхъ покупателей, безъ сомнѣнн, былъ еще болѣе въ ходу, чѣмъ въ нашъ практическій, но и просвѣщенный вѣкъ. Садко, конечно, не составлялъ исключенія изъ общаго правила, и потому совершенно понятно его желаніе, во что бы то ни стало, по древнему языческому обычаю, откупиться отъ подлежащаго божества— сначала богатымъ даромъ, а затѣмъ и человѣческой жертвою.

112. (Стран. 276). По одному варианту, Садко въ правую руку беретъ образъ „Микола Угодника“, а въ лѣвую гусли.

113. (Стран. 278). Вмѣсто Царицы Поддонной Садку является также Святитель Никола (образъ котораго имъ взятъ былъ съ собой).

114. (Стран. 279). Дѣвушка черная или повареная, играющая извѣстную роль и въ первой былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ,— едва ли не разновидность встрѣчающейся столь часто въ сказкахъ разныхъ народовъ Замарашки (Сандрильоны).

115. (Стран. 280). Въ вариантѣ (другого стихосложенія), который мы находимъ у Кириши Даниловича, Иванъ Васильевичъ, еще великій князь, а не царь московскій, съ прозваніемъ Прозритель, милостиво принимаетъ отъ царицы казанской Елены ковригу съ солью, а саму царицу велитъ крестить и затѣмъ въ монастырь постричь, супругу же ея, царю Симеону, за гордость его, что не встрѣтилъ съ хлѣбомъ-солью, „вынялъ ясны очи косицами“, и, снявъ съ него царскую корону и порфиру, „царской костыль въ руки принялъ“.

„И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ Московское царство;
Что тогда-де Москва основалась,
И съ тѣхъ поръ великая слава“.

116. (Стран. 287). Воспѣваемый въ былинѣ объ „Оговорѣ царевича передъ Грознымъ“ эпизодъ изъ жизни Грознаго включенъ графомъ Ал. Толстымъ въ извѣстную историческую повѣсть его „Князь Серебряный“.

117. (Стран. 288). Здѣсь разумѣется сынъ Грознаго, Ѳеодоръ Ивановичъ, котораго нѣкоторые рапсоды такъ и называютъ по имени.

118. (Стран. 289). И въ настоящее время еще сохранилось названіе Поганыхъ прудовъ.

119. (Стран. 289). Никита Романовичъ—третій и младшій братъ царицы Анастасіи Романовны, отецъ которой Романъ Юрьевичъ былъ царскимъ окольничимъ, изъ рода Андрея Кобылы, вышедшаго изъ Пруссіи въ XVI вѣкѣ.

120. (Стран. 290). Разнорѣчіе: „нерадошну вѣстку“ приносить Никитѣ Романовичу слуга его (такъ и въ „Князь Серебряномъ“).

121. (Стран. 290). Вариантъ: Никита Романовичъ для спасенія царевича, жертвуетъ своимъ любимымъ клюшникомъ (или конюхомъ).

„Ужь ты гой еси Малюта, сынъ Скурлатовичъ!
Не твой кусъ, да не тебѣ и кушати!
Ужь ты на-тко да насытиси
Молодымъ моймъ ли клюшникомъ!“

Малюта, срубивъ клюшнику голову, приноситъ окровавленную саблю царю.

122. (Стран. 291). По разнорѣчю, въ то время, какъ остальной народъ печалится, у Никиты въ селѣ его Романовскомъ пиръ „на веселѣ“, въ трубы трубятъ, въ барабаны бьютъ. Извѣстившись о томъ отъ бояръ Годуновыхъ, разгнѣванный царь велитъ привести Никиту предъ свои ясны очи.

123. (Стран. 292). Или же Никита выпрашиваетъ себѣ самого Малюту.

124. (Стран. 292). Послѣ настоящей былины изъ семейной жизни Грознаго могла бы слѣдовать другая, того же рода былина о „Кострюкѣ“, гдѣ описывается кулачная борьба шурина царскаго Кострюка Темрюковича съ двумя московскими „молодчиками“, осиливающими его въ концѣ концовъ. Описание это однако настолько безцвѣтно, что мы ограничимся здѣсь лишь началомъ былины, служащимъ какъ бы вступленіемъ къ ней и довольно живо передающимъ отношенія къ Грозному его первой супруги Анастасіи:

„Приутихло-приуныло море синее,
Глядучись со тѣхъ со черныхъ кораблей,
Со тѣхъ марсовъ корабельныхъ
И со тѣхъ со трубочекъ подзорныхъ
На тѣ круты-красны бережки
И на тѣ поля зеленя.
Приутихли-приуныли круты-красны бережки,
Приутихли-приуныли и поля зеленя,
Глядучись на государевъ дворъ:
Преставляется царица благовѣрная,
Молода Настасья дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ-то два царевича,
А въ ногахъ сидятъ двѣ молоды княжны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
„Ужь ты слушай, царь, послушай-ка,
Что тебѣ, царица, я повею скажу:
Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
До своихъ до двухъ младыхъ царевичей:
Когда будутъ они во полномъ умѣ,
Во полномя умѣ, во твердомъ разумѣ,
Тогда будутъ обороной отъ иныхъ земель.
Еще слушай, царь, послушай-ка:
Когда будутъ дѣвцы да во полномъ умѣ,
Во полномя умѣ, во твердомъ разумѣ,
Отдавай тогда дѣвицъ замужъ.
Еще слушай, царь, послушай-ка,
Что тебѣ, царица, я повею скажу:

Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
 До своихъ князей и до думныхъ бояръ,
 До того до дядюшки любимаго
 И до своего до крестнаго до батюшки,
 До того Богдана Сирскаго:
 Тутъ вѣдь твоя дума крѣпкая.
 Еще слушай, царь, послушай-ка:
 Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
 До своихъ солдатешекъ служащихъ:
 Тутъ вѣдь твоя сила вѣрная.
 Еще слушай, царь, послушай-ка:
 Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
 До всего народу православнаго.
 Еще слушай, царь, послушай-ка:
 Что тебѣ, царица, я прикажу,
 Что прикажу тебѣ, повыскажу:
 Какъ, царица, я представлюся,
 Не женись ты, царь, во золотой Ордѣ
 На купавѣ той татарской
 На той Марьѣ на Темрюковнѣ,
 Хоша много есть у ней приданаго,
 Много злыхъ, поганныхъ татаровей,
 Хоша есть у ней и брателко родимое,
 Молодой Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,—
 А женись ты, царь, во каменной Москвѣ“.
 Тутъ царица и преставилась,
 Тутъ царицѣ и славу поють“.

Тѣмъ не менѣе, однако спустя три мѣсяца, Грозный отпра-
 вляется за Марьей Темрюковной въ Орду, откуда беретъ съ собой
 и ея „брателку Кострюка-Мострюка“—героя былины.

125. (Стран. 293). Разсказъ о походѣ Ермака въ Сибирь самъ
 по себѣ хотя и прозаиченъ, но заслуживаетъ особеннаго вниманія
 по своимъ подробностямъ, позволяющимъ слѣдить за покорителемъ
 шагъ за шагомъ едва ли не съ болѣею точностью, чѣмъ по
 имѣющимся историческимъ даннымъ.

126. (Стран. 293). Ермакъ, иначе Ермилъ.

127. (Стран. 293). Рядомъ съ Ермакомъ, одна былина называетъ,
 вмѣсто есаула Асташки Лаврентьевича, двухъ другихъ атамановъ:
 Самбура Андреевича и Анофрїя Степановича.

128. (Стран. 293). Посоль персидскій (въ Персію отъ Ивана
 Васильевича Грознаго)—Карамышевъ Семень Константи-
 новичъ, объ убіеніи котораго казаками сложена также особая
 былина, сама по себѣ мало замѣчательная.

129. (Стран. 296). Татары видятъ, что казаки ни дать, ни взять
 снопики, но не догадываются, что это выставленные впередъ
 соломенные чучела.

130. (Стран. 297). Одна былина разсказываетъ далѣе, какъ
 Ермакъ, посланный царемъ къ Котовскимъ татарамъ „братъ дани-
 выходы въ казну государеву“, погибаетъ при возмущеніи татаръ:
 собираясь перескочить на другую ладью, онъ оступается на „пере-
 ходнѣ обманчивой“, которая „съ верхняго конца подымалася и на
 него опускалася, расшибала ему буйну голову и бросила въ ту

Енисей быстру рѣку. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, Ермакъ утонулъ въ Иртышѣ.

131. (Стран. 301). Царица, мать царевича Дмитрія Угличскаго, 7-я супруга Грознаго Марія Федоровна, изъ рода Нагихъ, въ иночествѣ Марѳа, такъ и названа въ былинѣ.

132. (Стран. 305). Изъ разряда былинъ „петровскихъ“ литературное значеніе, по своей цѣльности и поэтическому складу, имѣютъ лишь помѣщаемыя здѣсь былины „Азовъ“ и „Плачь войска о Петрѣ“, а также былины о стрѣleckихъ смутахъ и постриженіи царицы Евдокии, которыя однако, по своему содержанію, не могли войти въ это популярное изданіе. Въ прочихъ былинахъ петровскихъ встрѣчаются только изрѣдка, цѣнными самородками въ грудахъ булыжника, яркіе поэтическіе образы. Не можемъ не привести здѣсь наиболѣе удачныя изъ нихъ.

Сборы русскихъ противъ шведовъ описываются устами самого „батюшки православнаго царя Петра Алексѣевича“ слѣдующимъ образомъ:

„Еще пишетъ король шведскій ко мнѣ грамотку,—
Онъ де будетъ, король шведскій, ко мнѣ кушати.
Ужь мы столики разставимъ ли—Преображенскій полкъ,
Скатерти разстелемъ—полкъ Семеновскій,
У насъ вилки да тарелки—полкъ Измайловскій,
У насъ пойлица медвяны—полкъ драгунушекъ,
У насъ кушанья сахарны—полкъ гусарушекъ,
Подчивать заставимъ—полкъ пѣхотушекъ“.

Въ противоположность такому свѣтлому, ободрительному взгляду виновника похода на предстоящія войску трудности само войско (въ другомъ образцѣ) смотритъ на дѣло съ болѣе будничной стороны:

„Гдѣ намъ день днєвать, ночь корѣтати!
Намъ денекъ днєвать во чистѣмъ полѣ,
Во чистѣмъ полѣ, подъ яснымъ небомъ;
Ночь корѣтати во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу во сырѣмъ бору;
Намъ постелечка—мать сырѣ земля,
Намъ зголовьице—зло кореньице,
Умываньице—чистый мелкій дождь,
Утираньице—шелковѣ трава!“

На гражданскихъ чиновъ одна вѣсть о войнѣ производитъ паническій страхъ. Когда „батюшка первый императоръ“ „докатается до сенату“:

„Изъ каретушки да вылѣзаетъ,
Во присутствіе да самъ заходить—
Сенаторы всѣ да испугались,
Изъ рукъ перья у нихъ повалились,
Изъ очей слезы да покатились“.

Полтавскій бой, вдохновившій и перваго нашего поэта къ его замѣчательной поэмѣ, описывается въ народной пѣснѣ по своему, просто и картинно:

„Подымалась полтавская баталья.
 Запалить шведская сила
 Изъ большого снаряда—изъ пушки;
 Запалить московская сила
 Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
 Не крупень чеснокъ разсыпался:
 Смѣшалася шведская сила.
 Распахана шведская пашня,
 Распахана солдатскою бѣлою грудью;
 Орана шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронена шведская пашня
 Солдатскими руками;
 Посѣяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Поливана новая пашня
 Горячею солдатскою кровью“.

Былина-пѣсня о „Ладожскомъ озерѣ“ начинается такъ:

„Ахъ, далече-далече, въ чистомъ полѣ,
 Распачется травушка зеленая,
 Унимаетъ ее мати земля сырая:
 Не плачь, не плачь, трава-мурава,
 Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько,
 И мнѣ еще того тошнѣе.
 Какъ ѣхалъ государь-царь изъ-подъ Риги,
 Велѣлъ меня, землюшку, копати,
 И рвы, и колодези вырывать,
 Ключевую воду испускати“.

Далѣе пѣсня переходитъ вообще въ жалобу безымяннаго мѣлодца, собирающагося „съ великія печали посхимиться“.

133. (Стран. 307). „Плачь войска о Петрѣ“, подобно былинѣ объ Азовѣ, повторяетъ старѣйшіе мотивы, а именно стародавнюю пѣсню о „Громѣ Гремучемъ“.

134. (Стран. 311). О былевой рѣкѣ Смородинѣ см. прим. 45. Нѣкоторыми „сказителями“ былинъ безымянному мѣлодцу настоящей былины присвоивается имя богатыря Добрыни Никитича или царя Петра Алексѣевича. Мы сочли однако же за лучшее вовсе упустить имя, такъ какъ въ былинѣ о томъ, „Какъ перевелись богатыри святой Руси“, Добрыня погибаетъ въ числѣ прочихъ богатырей; въ вариантѣ же Кирши Данилова тотъ же молодецъ уѣзжаетъ на чужбину съ кручины, что государь-царь (т.-е. царь Петръ Алексѣевичъ) на него „гнѣвъ взложилъ“; стало быть, молодецъ здѣсь, очевидно, не можетъ быть въ то же время и Петромъ Алексѣевичемъ.

135. (Стран. 315). Былина о „татарскомъ полднѣ“, по всему вѣроятію, сложилась уже послѣ татарскаго ига въ періодъ набѣговъ крымскихъ татаръ на южную Русь, въ пользу чего говорить и то, что соотвѣтственная этой былинѣ пѣсня есть и на малороссійскомъ языкѣ.

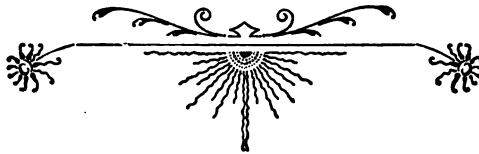
136. (Стран. 317). Хотя нѣкоторые варианты столь разнообразной былины о „Горѣ“ имѣютъ до 300 стиховъ, но выбранный нами

небольшой вариантъ, по своей сжатости и образности, долженъ почитаться образцовымъ. Въ одномъ вариантѣ отъ горя уходитъ не молодецъ, а молодица, которую

„Въ воскресеньице матушка замужъ выдала,
Къ понедѣльничку горе привязалось“.

Бѣдная спасается отъ Гора сперва „во темны лѣса“, потомъ „во чисты поля“, „въ зелены луга“, „въ высокъ теремъ“, „во круты горы“.

„Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
„—Я червѣмъ совьюсь, горы выточу,
Горы выточу, тебя доступлю.—
„—Ахъ, ты матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ Гора дѣваться?
Я пойду съ Гора во сыру землю.—
„Горе вслѣдъ идетъ со острымъ заступомъ,
Устоялося, засмѣялося:
„—Ужъ ты, дочь ли моя рѣдная!
Ты успѣла Горюшко повыгоревать!“

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТРЕБУЮЩИХЪ ОБЪЯСНЕНІЯ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И НЕОБЫЧНЫХЪ СЛОВЪ,
ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ БЫЛИНАХЪ.

А.

- А звяковна (царица)—жена индѣй-
скаго царя Салтыка Ставрुльевича
(см. прим. 7).
А леша Поповичъ—см. прим. 13
и 14.
А праксія—стольная княгиня кiev-
ская (см. прим. 10).
А фимья Александровна—мать
Добрыни Никитича.

В.

- Б азыга—хрычь.
Б аса—краса.
Б ашлыкъ (отъ восточнаго *башъ*—
голова, атаманъ, преимущественно
рыболовный).
Б езвременье—невзгода.
Б ермята Васильевичъ — см.
прим. 8.
Б есъда—скамья.
Б ласловить—благословить.
Б ога тырь—герой (см. прим. 3).
Б ога чество—богатство.
Б огородные старцы — богадѣ-
ленные въ церковномъ странно-
примномъ домѣ.
Б ольшой уголъ—главный уголъ,
гдѣ стоятъ образа.
Б раный—узорчатый, вышивной.
Б ратовство—братство.
Б уде—если.
Б улатъ — сталь; *булатный* —
стальной.
Б уркѣ—бурый конь.
Б урнастый—бурый.
Б усы-галеры — извѣстный родъ
судна.
Б ѣгецъ—бѣгунъ.

Б ѣдо ярова пшена — пшеница-
кукуруза.

В.

- В альякъ—рѣзба; *валящый*—
рѣзной.
В асилиса Микулчна — стар-
шая дочь Микулы Селяниновича (см.
прим. 23 и 26).
В асильіи Буславъ — см. прим.
91.
В аська Долгополюстый или
Долгополюй—см. прим. 77.
В дво емъ — вдвое; «*вдвоемъ те-
бя*»—вдвое противъ тебя.
В до вить—лишать жену мужа.
В е д е н е цъ—Венеція; *веденецкій*—
венеціанскій.
В е рѣ хъ—верхъ.
В з и м а т ь—братъ.
В л и в а т ь—выливать.
В о всю голову—во все горло.
В олжанка—клюка изъ дерева та-
волги.
В олокнистый — волочащійся съ
мѣста на мѣсто.
В олхъ-рѣка—Волховъ.
В ольга Всеславъевичъ — см.
прим. 6.
В ольгота — свобода, вольный
шагъ.
В о-п о т а й (впотаѣ)—тайно.
В осп ро г ѣ в о р и т ь—выговорить.
В осп ро к у р и т ь с я — подняться,
ударить въ голову (въ переносномъ
смыслѣ).
В р а н ь—воронъ.
В ы ж л е цъ борзой—ловчій песъ.
В ы г р ы ш ь—содержаніе пѣсни.
В ы р у к а—выручка.

Выступка—поступь, осанка; *выступкою шапнуть*—щеголять поступью, осанкою.

Выть—1) ѣда, кормъ («медвѣжья выть»); 2) количество ѣды за разъ.

Выщипливать—щеголять.

Выщербить—выломать часть цѣлаго.

Вѣжество—вѣжливость.

Вѣковѣчный—начинающійся съ начала вѣка или продолжающійся до конца вѣка.

Г.

Главище (глава)—голова.

Глуздырь—птенець.

Голь кабацкая—народъ обѣднѣвшій, бездомный.

Горденко Блудовичъ—см. прим. 88.

Гостебище—пирушка, гости.

Гость торговый—купецъ; гость корабельный—мореходный купецъ (см. прим. 25).

Граять—каркать.

Гридня—столовая комната.

Грудью пойти—поскакать.

Грядка—шесть для вѣшанья одежды.

Гуня—верхнее платье.

Гурчевецъ (Вручевецъ, Вручій)—вѣроятно, Овручъ (Волинской губ.) (см. прим. 50).

Гусѣлышки, гусельцы—гусли.

Д.

Державушка (держава)—владыка.

Держать—носить, тратить; держаться—издерживаться.

Дивоваться—удивляться.

Добрыня Никитичъ—см. прим. 5.

Довлѣеть—подобаетъ, прилично.

Догадка—догадливость.

Долиня—длина, вышина.

Домовище—гробъ.

Дунай Ивановичъ—см. прим. 11.

Надымъ пустить—пожечь.

Дѣянье—дѣйствіе.

Дѣяться—дѣлаться.

Дюкъ Степановичъ—см. прим. 63.

Ю.

Еврейскій стихъ—духовный.

Епанѣчка (епанча)—плащъ.

Ерусалимъ—Иерусалимъ.

Ж.

Жаровой лѣсъ—рослый, выросшій на припекѣ, на *жару*.

Жалкій—жалобный.

Живность—жизнь.

З.

Забава Путятична—племянница князя Владиміра (см. прим. 21).

Завидливый, завидуцій—завистливый.

Заводъ—заливъ, защищенный отъ вѣтра.

Завозный—взятый на дорогу, привезенный для дороги.

Заворачивать—забирать.

Завѣсистая шапка—съ завѣсами, которые можно опускать и приподнимать.

Завѣтъ—обѣтъ.

Загусельщикъ—гусларь.

Задаться—поступить въ обученіе или на службу.

Задѣрнуть—приготовить.

Зазыватель—позовщикъ.

Займище—топкое мѣсто, иногда поросшее тростникомъ или лѣсомъ.

Закататься—закатываться.

Заколodить—покрыться володьемъ.

Заолѣшанинъ (имя нарицательное) — дѣсной житель, дикарь; отъ того же корня: мужики **Заолѣшане** (см. прим. 30) и **Никита Заолѣшанинъ**, подъ именемъ котораго скрывается **Илья Муромецъ** (см. кievскую был. XVI).

Замуравѣть — покрыться муравою.

Заносливый — заносчивый.

Заповѣдь — см. завѣтъ.

Заржучись — отъ *заржастъ*.

Застава — преграда (см. прим. 44).

Застолье — мѣсто за столомъ.

Застояться — остановиться.

Затохоль — затхлый запахъ.

Затыхаться — слѣлаться затхлымъ.

Затюремщикъ — заключенникъ.

Захвастливый — хвастливый.

Захлыщевый — забубешный, отчаянно-смѣлый.

Захошь — см. хошь.

Зачинъ — начало.

Звеселять — взвеселять.

Земь — земля.

Златоверховатый — съ золотымъ верхомъ.

Златъ — золотой.

Зобать — ѣсть что-нибудь мелкое, рассыпчатое.

Зычный — звучный.

И.

Иванъ Гостиный сынъ — см. прим. 88.

Идѣлице — см. прим. 13 и 54.

Избыть — избавиться.

Изотчество, изотчина — отцовское имя.

Илья Муромецъ — см. прим. 37.

Индѣйское царство — см. прим. 7.

Индія богатая — см. прим. 63.

Ископытъ — комъ грязи или земли изъ-подъ копыта.

Исполѣшаться — всполошиться.

Источенька — разноцвѣтный струйчатый поясъ.

К.

Кавурка (каурка) — каурый (желторыжий) конь.

Калика переходящая — нищій калѣка (см. прим. 16).

Калинъ царь — см. прим. 58.

Камень бѣлый горючій, или, просто, горючій — янтарь (см. прим. 2).

Камочка — камка (см. саянъ).

Кирпичать полъ — кирпичный.

Клюшничать — быть блушникомъ.

Княгиня — молодая въ бракѣ.

Кожанъ, кожанецъ — 1) не выдѣланный овчинный тулупъ; 2) кожаный мѣшокъ.

Кой — который.

Кокровка — загнутый верхній конецъ палки (клюки).

Коло — около.

Колпакъ — см. шляпа.

Колыбаться — колебаться.

Конникъ — залавокъ сейчасъ при входѣ въ дверь, послѣдній уголь.

Конюхать — быть конюхомъ.

Корба — чаша мелкаго лѣса.

Косица — високъ.

Кочетъ — см. укрючины.

Красовитый — красивый.

Крестьянствовать — заниматься крестьянскимъ дѣломъ.

Крылецъ — крыльцо.

Крылось — клирось.

Кряжъ крутой — каменистый берегъ.

Кряковистый — съ коравымъ пнемъ, суковатый.

Кудельба — см. курево.

Купавъ — красивый; **купава** — красавица.

Курево — пылъ столбомъ.

Л.

- Ладить — готовить, готовить-
ваться; ладиться — 1) соби-
раться; 2) быть вѣру.
Ластинье — тонкая дрань.
Латыгорка — мать Сокольника (см.
прим. 82).
Латырь — камень — янтарь (см.
прим. 2).
Латырь — море — Балтійское (см.
прим. 2).
Леванидовъ крестъ — корсун-
скій (см. прим. 1).
Леванидовы луга — см. прим. 1.
Литва — всякая земля на западъ
отъ Кіева (см. прим. 9).
Ложня — спальная комната.
Луда — подводный камень.
Лукоморье — излучина морского
побережья.
Луна небесная — твердь.
Люби — отъ *любовь*; *до-люби* —
сколько угодно; *по-люби* — по
душѣ.
Въ любовь придти — по сердцу
придти, понравиться.

М.

- Маломожный (маломочный) — ма-
лосильный.
Мамельфа Тимоѳеевна — мать
Дюка Степановича и Василя Бу-
слаева.
Марѳа Всеславьевна — мать
Вольги Всеславьевича.
Марѳа Матвѣевна — мать царе-
вича Дмитрія Угличскаго (см. прим.
131).
Матѣрый, матерой — престарѣ-
лый и сильный.
Матѣрть — расти, становится
большимъ и сильнымъ.
Меженный — отъ *межень*, жаркая
лѣтняя пора.
Микула Селяниновичъ — см.
прим. 48.

Михайло Пóтыкъ Ивано-
вичъ — см. прим. 69.

- Младъ — молодой.
Моготъ — мощь.
Молитвиться — молиться.
Мосты — насланные переходы на-
ружныхъ сѣней.
Мудрости искать надъ вѣмъ —
стараться перехитрить, опутать ча-
рами.
Муравлены — муравою, развода-
ми расписной, пестрый.
Мурашь — муравей.
Мурзаецкій — отъ *мурза* (эпи-
тетъ копыя).
Мурманка — шапка, имѣющая съ
обѣихъ сторонъ завѣсы, кото-
рые можно опускать и приподни-
мать.

Н.

- Набольшій — наибольшій.
По надобью — сколько надобно.
Надейный — надёжный.
Наигрышь — содержаніе пѣсни.
Наконъ — разъ.
Накрутиться — накутаться, наря-
диться.
Налучникъ, налушно — чехолъ
на дугъ.
Намѣтывать (служебку) — нала-
гать.
Напускъ — сильное нападеніе.
Напустить — напуститься.
Нарядить — справиться.
Науличье — площадь на улицѣ.
Нахтарма — непущистая сторона
мѣха.
Невѣжа — черныи воронъ — см.
прим. 65.
Немудрый — простой.
Неорлёный — безъ царскаго
орла.
Неуёмчивый — неукротимый.
Неумильный — невѣжливый.

О.

- Обзариться — заглядѣться, по-
лѣститься.
Обкольчужиться — надѣть коль-
чугу.
Облатиться — надѣть латы.
Ободверина — притолка и косяки
у дверей.
Обоймень — что можно обнять дву-
мя руками.
Оболоко — облако.
Обцѣнщикъ — оцѣнщикъ.
Объумѣться — придти въ себя.
Огнёвушка — горячка.
Одинцовый — темно-зеленый.
Одноличный — одинаковаго лица.
Одномѣдный — изъ одной мѣди.
Озадориться — раззадориться.
Окаракою, окарачь — на четве-
ренькахъ.
Окатиться — раскатиться.
Околенька — оконница.
Окольный — идущій *около* чего-
нибудь.
Омѣшикъ — рало у сохи.
Опережь — прежде.
Опознать — узнать.
Опочивъ держать — опочивать.
Опочинуться — уснуть.
Опсковъ — Псковъ.
Оратай — землепашецъ.
Оратъ — пахать.
Орда — земля, сторона (см. прим. 9).
Ордынскій — отъ *орда* (эпитетъ
телѣги.)
Орѣховець — вѣроятно, вымыш-
ленный городъ.
Въ особину — особенно.
Отвѣдать — попробовать.
Отчина — см. изотчина.
Ошарашиться — стать дыбомъ.

П.

- Палатный брусъ — грядя, откуда
и *кредня*, или *кридья* (столовая).
Палица (палка) — дубинка.

- Палъ — обгорѣлый лѣсъ.
Паробокъ — слуга.
Пенье — пни.
Перелестникъ (судейскій) — об-
манщикъ (эпитетъ Алеши Попо-
вича).
Перёное крыдечко — съ *перё-*
нами, или *перилами*.
Перепасться — перепугаться.
Перещипать — перещеголять.
Писчикъ — писарь.
Платёный — платяной.
Плень (Пленко, Пленчище)
Сурожанинъ — отецъ Чурилы
Пленковича (см. прим. 62).
Повалешное — подать съ валька,
съ портомоини.
Поверткій — поворотливый, про-
ворный.
Проволжанный — изъ дерева та-
волги.
Поволька — воля.
Поворотъ держать — вернуться
Повѣчное — подать съ брака.
Повѣтеръ — попутный вѣтеръ.
Погода — непогода.
Погодиться — пригодиться.
Погрязывать, угрязывать —
погружаться въ грязь, въ землю.
Подвигаться — подвизаться, со-
вершать подвиги, полевать.
Поддонный царь — см. прим.
106.
Подираться — драться.
Подковыренные лапти — про-
плетенные вторично.
Подколѣнный — младшій (отъ
кольно, старшій въ семьѣ или въ
родѣ).
Подкрутиться — приодѣться.
Подорожникъ — попадающійся на
дорогѣ («разбойнички - подорож-
нички».)
Подорожный — 1) взятый на до-
рогѣ или на дорогу; 2) платимый
за дорогу.
Подсолнечникъ — зонтикъ, опа-
хало.

Подстолье—мѣсто подъ столомъ.
 Пожадѣться—исполниться, жажды, изныть.
 Позариться—польститься.
 Показаться—понравиться.
 Поляпый—наклоненный въ одну сторону.
 Полевать—рыскать по чисту полю, отыскивая приключеній.
 Поленица—женщина-богатырица (см. прим. 4); также и иноземные богатыри.
 Полонд—взятое въ плѣнъ.
 Полонъ—1) плѣнъ; 2) плѣнникъ.
 Полтеи—половинки тѣлъ убитыхъ.
 Получка—дань.
 Поляковать—см. полевать.
 Помядушко (помело)—метла для выметанія печи.
 По поряди—рядкомъ.
 Попротивиться—вступить въ бой.
 Поразстроиться—посторожиться.
 Пороша—молодой снѣгъ.
 Порученьки—перила.
 Порыскучій—см. рыскучій.
 Поселица (поселье)—мѣсто посѣленія, постоянного жительства.
 Поскакучій—отъ *поскакивать* (эпитетъ зайца.)
 Поскочить—поскакать.
 Пословаться—вести посольское дѣло.
 Поступка—поступь.
 Посыльный—посольскій.
 Потникъ—подстилка подъ сѣдло, чтобы не тереть спины лошади.
 Поучёный—знающій.
 Почестка—почесть.
 Прикакуивать—ликковать.
 Приниматься къ рѣчамъ—обращать вниманіе.
 Присошекъ—лопатообразная часть сохи, накладываемая попеременно то на одинъ, то на другой омѣ-

шекъ, для откидыванія вспаханной земли.
 Пристилаться—разстилаться.
 Притченки—см. прим. 30.
 Прихватка—ухватка.
 Причетъ—причитанія.
 Приогрушиться—погрузиться.
 Приужахнуться—ужаснуться.
 Провизгъ—визгливый тонъ рѣчи.
 Провѣшиться—заговорить.
 Пропитомство—пропитаніе; *пропитомствовать*—пропитать.
 Просто—легко.
 Путины—пути.
 Пучай рѣка—Почайна (см. прим. 19).
 Пѣхотю—пѣшкомъ.
 На пята отворить дверь—настежь.

Р.

Разболакивать—разоблачаться, скидывать.
 Развалить—расчистить.
 Разгорчивый—легко разгорающийся.
 Разрывчатый—отъ *разрывать* (эпитетъ лука.)
 Ратиться—сражаться.
 Ратовье—жердь.
 Рогачъ—рукоятка у сохи.
 Родитель, родителекъ—родной, родная.
 Розстанъ—перекрестокъ.
 Рудожелтый—красно-желтый.
 Рукобитье—обрядъ сговора.
 Рыбій зубъ—моржовая кость.
 Рыкущій—издающій рыкъ.
 Рыскучій—рыскающій.

С.

Садко купецъ—см. прим. 105.
 Салтыкъ Ставрुльевичъ—см. прим. 7.
 Самсонъ Самойловичъ—см. прим. 3.
 Саповочка—дудочка.
 Сафатъ рѣка—см. прим. 15.

- Сахарный — сахарный (эпитетъ яствъ и уствъ.)
- Саянъ (итал. Саа) — то же, что «камка хрустатая», полушелковая, протканная золотомъ ткань, а затѣмъ и одежда изъ этой ткани.
- Сбродовичи — см. прим. 30.
- Сверстаться — поровняться.
- Сверстный — равный, подходящий.
- Сворохнуть — пошевелиться.
- Святогоръ — см. прим. 51.
- Святныя Горы — см. прим. 22.
- Сдивоваться — удавляться.
- Семья, семейшка — общее названіе супруговъ въ отношеніи другъ друга.
- Середа — поль.
- Сила — войско.
- Сиротать — лишать родителей.
- Скорбить — доводить до скорби.
- Скурлатъ — шерстяная ткань разнаго цвѣта.
- Слава идетъ — молва; *славу тѣтъ* кому-нибудь — пѣть въ честь умершаго.
- Слезить — вводить въ слезы.
- Смѣртущка — смерть.
- Смородина (рѣвка) — см. прим. 45.
- Смѣта — счетъ.
- Снарядный — нарядный.
- Сокольникъ — см. прим. 83.
- Сокротиться — укротиться, смиряться.
- Сокрушиться — одѣться.
- Соловей Будимировичъ — см. прим. 31.
- Соловей разбойникъ — см. прим. 46.
- Соловый — блѣдно-желтый.
- Сорочинскій — сарацинскій, арабскій; *гора Сорочинская* — см. прим. 22.
- Спроговорить — проговорить.
- Спустить — отпустить.
- Спѣть — глаголъ, выражающій *тѣнѣ* спускаемой тетивы или стрѣлы.
- Ставѣръ Годиновичъ — см. прим. 24.
- Стаметь (аксамитъ) — бархатъ.
- Становитый — статный.
- Старина, старинка, старинущка — пѣсня про *старину*, былина.
- Статья — 1) свойство характера, качество, выпавшее кому-нибудь на долю; 2) самая часть, судьба.
- Столованье — пированье.
- Стольничать — быть стольникомъ.
- Сторожокъ — спускная дверь.
- Стоялый — 1) давно стоявшій (эпитетъ меда); 2) гдѣ есть стойло (эпитетъ конюшни).
- Стредомірскій (панъ) — Сендомірскій (воевода Юрій Мнишекъ).
- Стрѣта — встрѣча.
- Ступа, ступокъ — тихій шагъ.
- Ступень — ходъ (въ игрѣ).
- Сумляться — сомнѣваться.
- Супротивиться — драться, вступать въ бой.
- Супротивникъ (супротивница) — равный по силѣ или по другому свойству противникъ, а также вообще ровня.
- Супротивъ — 1) напротивъ; 2) *супротивъ* кого силой, красотой — ровня.
- Суханъ Домантьевичъ — см. прим. 3.
- Сходня, сходенька — лѣстница.
- Сцапина — царапина.
- Счудиться — сотвориться (о чудѣ).
- Счудоваться — быть пораженнымъ чудомъ.
- Съ-подъ — изъ-подъ.
- Сыгрышъ — музыка, напѣвъ.
- Сыта (медвяная) — жидкій пчелиный медъ.
- Сыть — то, чѣмъ бываютъ *сыты* («волчья сыть».)
- Сѣдаты — сѣдой.

Т.

Тавлен (tabula) — шашки, шахматы.
 Тайницкйй—потайной.
 Тать—ворь.
 Толкучйй—сталкивающййся.
 Тоневья—тони, рыболовныя сѣти.
 Торoki—дорожный мѣшокъ, сума за сѣдломъ.
 Тощитъся—истощаться.
 Тугаринъ Змѣевичъ—см. прим. 13 и 17.
 Түляться—прятаться; *тулица*—тулящййся, прятающййся.
 Турь—зубрь, волъ.

У.

Увалитъся—провалиться.
 Углище—Угличъ.
 Угодить—попасть.
 Угожество—красота.
 Уграживать—угрожать.
 Угрязывать—см. погрязывать.
 Укладный—изъ закаленного жельза.
 Укрючины — уключины, въ которыхъ ходять весла.
 Укрѣпа—крѣпость.
 Улещать—ластиться.
 Уливатьъся—заливаться.
 Уловный—гдѣ кто уловленъ, найдень.
 Умильный — умѣлый, вѣжливый, любезный.
 Уныльный—унылый.
 Упадка — упадокъ духа; *не съ упадкою*—безъ боязни.
 Уповодъ—пріемъ.
 Управа—посадка.
 Уродствовать — проказить, чудить.
 Утопить (очи)—установить.
 Утріе—утро.
 Утѣшенъе (утишье)—тишина; «си-

нему морю на утѣшенъе»—чтобъ было тихо.

Уѣда—кушанье.

Х.

Хайлице—пасть.
 Хамкать—лаять по-собачьи.
 Хапиловы—см. прим. 30.
 Хвалынское море—Каспійское.
 Хоробрый—храбрый.
 Хошь, захошь — хочешь, захочешь.
 Христовъ день — Свѣтлое воскресенье.
 Хрущатый (хрустящйй, шелестящйй)—жесткйй, плотный.

Ц.

Царѣвъ—постоянный эпитетъ кабака.
 Цѣловальникъ — цѣловавшйй въ знакъ вѣрности крестъ кому-нибудь.

Ч.

Чашничать—быть чашникомъ.
 Чебурацкйй (?) — эпитетъ свинца.
 Челомъ-битчикъ—челобитчикъ.
 Червлѣный — багряный, пурпуровый.
 Червчатый—красноватый.
 Черनावушка — см. прим. 96 и 114.
 Чернедь—чернь.
 Чернизна—черное пальто.
 Черный дьяконъ—іеродиаконъ.
 Чивье—рукоятка.
 Чингалище—кинжалъ.
 Чоботъ—полусапожекъ, сапогъ.
 Чурила Пленковичъ—см. прим. 61.

III.

Шалыга, шелепуга — плеть съ
обязанной пудей, кистень.

Шеломъ—шлемъ.

Ширинка—полотенце.

Шишира—праздношатающійся.

Шляпа (колпакъ) земли гре-
ческой—дорожная съ широкими
полями.

Шопоткомъ—шопотомъ.

Шепекъ—пряжечная шпилька.

III.

Щапитъ—щеголять.

Щапъ—щеголь.

Щелейка—горное

Щепливый (щепел-
гольской).

Щепомъ щепить—

Я.

Ярлыки скорописчаты — гра-
моты.

Яровчатый—яворчатый, изъ де-
рева явора.

Ясакъ—вѣсть, голосъ, зовъ.

